

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевья* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Соответствие систем релевантностей в коммуникативном пространстве культуры воинской службы <i>Панасенко Ю.А.</i>	451	Congruence of relevance systems in the communicative space of the military service culture <i>Yuriy A. Panasenko</i>
Феноменолого-психологическое исследование творческого сознания в эстетических координатах <i>Мазаненко О.М.</i>	460	Phenomenological and psychological study of creative consciousness in aesthetic coordinates <i>Oksana M. Mazanenko</i>
«Русская модель управления» и проблема производительности труда: философский анализ <i>Внутских А.Ю., Комаров С.В.</i>	473	Russian management model and the problem of labor productivity: philosophical analysis <i>Alexander Yu. Vnutskikh, Sergey V. Komarov</i>
Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья первая. Теоретическое наследие Маркса и некоторые актуальные проблемы современного обществознания <i>Мусаелян Л.А.</i>	483	Marx's theoretical heritage and modernity. Part 1. Marx's theoretical heritage and some actual issues of contemporary social sciences <i>Lyeva A. Musayelyan</i>
Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ <i>Устинов О.А.</i>	492	Formation of philosophical anthropology in the USSR: a historical and philosophical analysis <i>Oleg A. Ustinov</i>
Доверие как основание отношения «врач – пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация <i>Камалиева И.Р., Невелева В.С.</i>	504	Trust as the basis of the «doctor – patient» relationship in modern medicine: philosophical and anthropological interpretation <i>Irina R. Kamalieva, Vera S. Neveleva</i>
Гибридные социальные технологии <i>Коровин А.Л.</i>	515	Hybrid social technologies <i>Alexander L. Korovin</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психометрические характеристики «Короткого опросника Темной триады» <i>Корниенко Д.С., Дершиш Ф.В.</i>	525	Psychometric properties of the Short Dark Triad measure <i>Dmitriy S. Kornienko, Fedor V. Derish</i>
Стили делового общения: пространство деятельности и профессиональная реализация личности. Часть 1 <i>Сизова Л.А., Рютина О.В., Вильчес-Ногерол В.В.</i>	539	Styles of business communication: space of activity and individual professional realization. Part 1 <i>Larisa A. Sizova, Olga V. Ryutina, Veronika V. Vilches-Nogero</i>

Взаимосвязь перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности <i>Васюра С.А., Бегоян М.С.</i>	551	The correlation between perfectionist self-presentation and communicative activity <i>Svetlana A. Vasyura, Mariam S. Begoyan</i>
Возрастно-половые и семейные факторы страхов и тревожности у старших дошкольников <i>Сергуничева Н.А.</i>	561	Age, gender and family factors of fears and anxiety in older preschoolers <i>Nadezhda A. Sergunicheva</i>
Распознавание детьми 3–5 лет эмоциональной лицевой экспрессии людей разного возраста <i>Лебедева Е.И.</i>	575	Recognition by children of 3–5 years of emotional face expression of people of different age <i>Evgeniya I. Lebedeva</i>
Модель психического и символические функции в разных видах деятельности: возрастная специфика <i>Королева Н.А., Уланова А.Ю.</i>	586	Theory of mind and symbolic functions in different activities of preschoolers: age specificity <i>Natalya A. Koroleva, Anna Yu. Ulanova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Жилищное неравенство населения как отражение социальной стратификации (на примере трех городов Кировской области) <i>Старикова М.М., Бушкова-Шиклина Э.В.</i>	594	Housing inequality of the population as a reflection of social stratification (a case study of three cities in the Kirov region) <i>Maria M. Starikova, Elvira V. Bushkova-Shiklina</i>
Бренд территории как результат реализации социокультурного проекта <i>Балезина Е.А., Форостян В.В.</i>	610	Territory brand as a result of a sociocultural project implementation <i>Ekaterina A. Balezina, Veronika V. Forostyan</i>
Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города <i>Могильчак Е.Л.</i>	620	Religiousness of migrants from Central Asia in a large city <i>Elena L. Mogilchak</i>

СОБЫТИЯ

К юбилею Бронислава Александровича Вяткина <i>Попова Т.А., Жданова С.Ю., Внутских А.Ю.</i>	632	To Jubilee of Bronislav Aleksandrovich Vyatkin <i>Tatiana A. Popova, Svetlana Yu. Zhdanova, Alexander Yu. Vnutskikh</i>
Наши рецензенты	636	Our reviewers
Информация для авторов	638	Guidelines for English-speaking authors

---

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.121+159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-451-459

**СООТВЕТСТВИЕ СИСТЕМ РЕЛЕВАНТНОСТЕЙ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
КУЛЬТУРЫ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ*****Панасенко Юрий Александрович****Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске*

В статье рассматривается проблема установления соответствия систем релевантностей в коммуникативном пространстве культуры воинской службы. Дается обоснование такого понятия, как честь, которое релевантно достоинству. При этом высокая личная воинская культура обуславливает авторитет военного специалиста, побуждая окружающих высоко ценить его и считаться с его мнением. Сформированные на этом основании личностные ценности воина имеют социальный и общественный характер, так как проявляются во взаимодействии и общении с другими людьми. В работе акцентируется внимание на том, что ценности индивидуальны, так как возникают в процессе внутренней работы субъекта, творящего свою систему релевантностей. В ней находят проявление как жизненный опыт, так и специфические черты характера. В исследовании указывается, что установление соответствия систем релевантностей направлено также на поиск путей повышения боеспособности армии, при этом система релевантностей является для военнослужащего своеобразной шкалой оценочных маркеров, позволяющих отделить ложь от правды, добро от зла, законное от незаконного. В работе установлено, что, принимая ответственные решения, военнослужащий действует сообразно тем индивидуальным ценностям, которые сформировались у него в процессе воинской инкультурации. Системы релевантностей в коммуникативном пространстве воинской службы оказывают влияние на мировоззренческую позицию индивида, выполняют консолидирующую функцию, так как объединяют национальные и исторические ценности, ожидания представителей различных социальных слоев. Благодаря этим системам в воинской среде формируется естественная установка, провозглашающая возрождение утраченных или преданных некогда забвению традиций воинского сообщества, что закрепляет в сознании военнослужащих представление об особой важности воинского труда.

Ключевые слова: офицер, боеспособность, релевантность, честь, достоинство, инкультурация, традиции, ценности, культура, воинский труд, воинский коллектив, долг, феномен.

**CONGRUENCE OF RELEVANCE SYSTEMS IN THE COMMUNICATIVE
SPACE OF THE MILITARY SERVICE CULTURE*****Yuriy A. Panasenko****Branch of Military Training Scientific Center of Military Air Forces «Military Air Academy
named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Chelyabinsk*

The article examines the problem of establishing the congruence of relevance systems in the communicative space of the military service culture. The rationale for the concept «honor», which is relevant to dig-

nity, is given. A high personal military culture determines the authority of the military specialist, encouraging others to appreciate and take into account his opinion. The personal values of the warrior formed on this basis are of the social and public nature, as they manifest themselves in interaction and communication with other people. This paper emphasizes that values are individual, as they arise in the process of internal work of a person creating his own system of relevance. Both life experience and specific personality traits find their manifestation in this system. The study demonstrates that establishing the congruence of relevance systems is also aimed at finding ways to improve the combat capability of the army. For a soldier, the system of relevance serves as a kind of scale with assessment markers which help separate lies from truth, good from evil, legal from illegal. The work establishes that when making responsible decisions, a soldier acts in accordance with the individual values that have been developed in the process of his military enculturation. Relevance systems in the communicative space of military service influence the ideological position of an individual and perform a consolidating function, as they combine national and historical values, expectations of different social strata representatives. Due to these systems, in the military environment there is formed a natural mental pattern proclaiming the rebirth of the military community traditions that have been lost or once forgotten. Consequently, that reinforces the idea of the special importance of military work in the minds of military personnel.

Keywords: officer, combat capability, relevance, honor, dignity, enculturation, traditions, values, culture, military work, military team, duty, phenomenon.

Многовековая практика формирования соответствия систем релевантностей показывает, что культура воинской службы — это сплав знаний, умений и навыков, раскрывающий личностные характеристики военнослужащего. Профессионализм, безупречное выполнение служебных обязанностей, высококвалифицированное использование вооружения, военной и специальной техники, решительность, мужество — весь этот набор характеристик при определенных условиях может быть релевантен понятию офицерской чести. Ответственное выполнение воинского долга, грамотные и продуманные решения способствуют повышению престижа военнослужащего в обществе и являются следствием высокого уровня профессиональной культуры. Понятие чести становится устойчивым фактором поведения личности, проявляя себя как трепетное чувство, побуждающее военнослужащего заботиться о репутации и добром имени. При этом высокий уровень профессиональной культуры офицера релевантен чести, достоинству, вызывает восхищение, однако недальновидные, безответственные поступки и действия бесчестят офицерский корпус, а следовательно, разрывают релевантные связи. В этом отношении бесчестие трактуется как отсутствие профессиональной пригодности военного руководителя, так как оно наносит прямой или косвенный, но всегда непоправимый ущерб боевой готовности воинской части, а в реальном бою — является причиной чрезмерных потерь и как ре-

зультат — приводит к поражению. В «Наставлении к самодисциплине и самовоспитанию» дается характерное метафорическое определение чести: «Истинная честь есть добрая слава, которой мы пользуемся, общее доверие к нашей правдивости и справедливости, к нашей чистосердечной любви к людям...» [Российский архив..., 1996, с. 96–98]. Военный публицист Д.А. Волкогонов в работе «Честь офицера» отмечает в этой связи: «Честь офицера — это выражения сознания им своего достоинства и готовности к выполнению воинского долга перед обществом» [Волкогонов Д.А., 1982, с. 62].

Д.Е. Казаков в статье «Социально-культурные аспекты формирования у военнослужащих ценностей военной службы» утверждает, что кодекс воинской чести формируется на основе достоинства, доблести, благородства, чистоты совести. Следование этим высшим ценностям требует от воина честности, развитой общей и нравственной культуры, добросовестности, исполнительности, усердия в службе [Казаков Д.Е., 2007].

Высокая культура воинской службы способствует повышению значимости военного специалиста в среде военного сообщества, позволяет учитывать его предложения по различным вопросам повседневной деятельности, считаться с мнением такого офицера. Она придает уверенность в своих действиях и поступках, дает возможность принимать конкретные решения без колебаний, подходить к ним от-

ветственно. Как правило, современный офицер является мастером своего дела, неординарным и беспокойным человеком, ищущим новые способы деятельности, идущим на риск ради великой идеи защиты Отечества. В военной истории есть множество примеров такого творческого отношения к ратному делу. В августе 1913 г. знаменитый военный летчик П.Н. Нестеров первым в мире на самолете выполнил «мертвую петлю». На первый взгляд это проявление «отчаянной храбрости» Нестерова, достойное изумления, поэтому для людей, далеких от воинской службы, это не более, чем «безрассудный» или честолюбивый поступок. Однако если установить верное соответствие систем релевантностей, характерных для воинской службы, напрашивается вывод о том, что данная фигура пилотажа явилась экспериментальным подтверждением теоретически доказанной Нестеровым способности выполнения такой фигуры. Он был твердо убежден в правильности выполненных расчетов и в успехе экспериментального полета. Хотя он и нарушил существующую инструкцию по производству полетов, но провел этот эксперимент в интересах целого, воинской службы как таковой. В.Ф. Ковалевский в работе «Профессиональная культура офицера» приводит слова П.Н. Нестерова: «Я не фокусник, моя “мертвая петля” — доказательство моей теории: в воздухе везде опора» [Ковалевский В.Ф., 1990, с. 42].

Установление соответствия систем релевантностей в коммуникативном пространстве культуры воинской службы направлено также на поиск способов повышения боевой готовности вооруженных сил, так как основной показатель эффективности армии — это защита государства с минимальными потерями, силами, средствами и в кратчайший промежуток времени. Понятие боеспособности релевантно вере в правоту и исключительность миссии, которую государство возлагает на армию. И.А. Ильин в исследовании «Путь духовного обновления» утверждал, что воину необходимо духовное самоутверждение, т.е. он должен верить в духовную правоту своей Родины, своего государства и своего жизненного дела и черпать свой мотив и свою решимость в государственной цели и воле к ней. Воин вне духовного самоутверждения есть реальная опас-

ность для своей Родины и своего государства, а армия вне достоинства и чести эфемерна как воинская сила, но подлинна как источник государственного разрушения и гибели [Ильин И.А., 2001].

Специфика воинской службы, в основе которой лежит максимальная самоотдача и самопожертвование, придает огромное значение духовной составляющей армии. Этот факт ставит духовный фактор в один ряд с уровнем боевой готовности армии. Важнейшей духовной ценностью, вписанной в систему релевантностей в коммуникативном пространстве воинской службы, является патриотизм. От установления релевантности этой ценности зависит интенсивность и характер военно-профессиональной и социальной активности, выбор моделей поведения. Только сильная личность, настоящий патриот может встать на защиту Отечества. В условиях воинской инкультурации понятие «патриотизм» релевантно отношению военнослужащего к служебному долгу, товарищам и самому себе. Это характерно и для отношения общества к военнослужащим, определения их социального статуса, общественного положения и престижа воинской деятельности. Обретение Родины или причастность к своему культурному сообществу переживается каждым военнослужащим самостоятельно и самобытно. Патриотизм как духовное состояние человека развивается через духовный опыт, свободу и личное осознание значимости для самого человека данного качества, реализуемого в активной деятельности, поступках. Официальный, принудительный и предписанный патриотизм не может пробудить и воспитать искренние чувства долга, любви, ответственности, желания беззаветно служить целому. Не случайно, «обобщенный другой» в лице офицера-наставника, как правило, является олицетворением образа настоящего патриота, способного пробудить в молодых военнослужащих созвучные чувства. И.С. Якунина в работе «Динамика структуры ценностных ориентаций студенчества среднего российского города» указывает: «...решающую роль образ “обобщенного другого” играет в ситуациях, которые требуют принятия ответственных решений и которые при этом влекут за собой значимые последствия и могут повлиять на дальнейшую судьбу человека. Образ

“обобщенного другого” помогает личности сохранить ее целостность и устойчивость, он контролирует мотивационную сферу, а также ориентацию на конкретные объекты, виды деятельности» [Якунина И.С., 2007, с. 12].

Ценности воинской службы благодаря установлению соответствия систем релевантностей, отображаясь в сознании личности военнослужащего, способствуют устойчивости личности, формируют положительную направленность и преэмптильность поведения, потребностей и интересов. Таким образом, ценности — это важнейший фактор, позволяющий детерминировать мотивацию профессионально-должностной деятельности воина. Системы релевантностей, укорененные в воинской среде, выражают функциональные отношения базовых ценностей воинского коллектива. К ним относятся формы социальной организации, механизмы культурной трансляции и знаково-символические системы, которые означают воинские сообщества, традиции, ритуалы и обряды, язык. Военнослужащие представляют собой социально-профессиональную группу, для которой ценности воинской службы выступают постоянно действующими мотиваторами поведения не только во время самой службы, но и в повседневной жизни. При этом воинский коллектив — это среда, где наиболее ярко проявляются эти ценности. Важно отметить, что ценности воинского коллектива — это не только совокупность личностных ценностей отдельных воинов, но и целостная система релевантностей.

М.И. Драгомиров в «Избранных трудах» отмечал, что в военном деле все основано на единодушии, товариществе, воинской дружбе и взаимопомощи [Драгомиров М.И., 1956]. Дружба и войсковое товарищество в воинской среде релевантно патриотизму, преданности Отечеству. Товарищество характеризуется ответственностью, взаимопомощью и добросовестностью. Это значит, что товарищи всегда готовы выполнить труд коллеги ради общего успеха. Повседневная армейская деятельность способствует возникновению и развитию дружбы и товарищества. Передовое вооружение и военная техника, средства доставки и обеспечения сегодня представляют собой сложнейшие автоматизированные комплексы, предусматривающие коллективную эксплуата-

цию и техническое обслуживание. Только слаженная коллективная работа может привести к победе. Успешное выполнение поставленной задачи зависит от каждого военнослужащего, являющегося членом команды, экипажа, от расчета, а также от умело налаженного взаимодействия в коллективе, психологического настроя, релевантности человеческих и духовных ценностей каждого воина и воинского подразделения в целом. Здесь важно тесное взаимодействие между старшим поколением военнослужащих и молодыми офицерами, в результате которого ветераны передают молодым военнослужащим свой опыт, нормы поведения, взгляды, свои чувства, свою систему таких ценностей, как взаимовыручка в бою, верность боевому знамени, поддержание воинской чести, товарищеская взаимопомощь в боевой учебе, патриотизм, жертвенное служение Родине и т.д. Личностные ценности военнослужащего, сформированные на основе вышеуказанных представлений, имеют социальный характер, так как проявляются в интересубъективном взаимодействии с другими участниками воинского сообщества благодаря присвоению социальных и культурных ценностей сообщества. С другой стороны, ценности индивидуальны, так как возникают в процессе работы над собой субъекта, открывающего, порождающего, творящего свою систему релевантностей. В этой системе релевантностей находят проявление жизненный опыт, своеобразие потребностей и переживаний, специфические черты личности и т.д. Войсковое товарищество, укрепление и сохранение воинских традиций, честь воинского коллектива — эти характеристики, несмотря на ярко выраженный эмоционально-нравственный оттенок, релевантны вполне прагматическим задачам, связанным с повышением организованности и сплоченности воинского коллектива, которые обеспечивают его боеспособность. Философское осмысление традиций воинского коллектива в контексте систем релевантностей позволяет выявить ряд его особых качеств, исторически сложившихся правил и обычаев. Наиболее важными являются непрерывность и преэмптильность, позволяющие им эффективно функционировать за счет сохранения многовекового военного опыта, а также перфекционизма, исключительности, что обеспечивает

им устойчивость и стабильность в военном обществе.

Д.А. Леонтьев в научном труде «Очерк психологии личности» утверждает, что личностные ценности и потребности личности как источник устойчивых побуждений функционально идентичны структурам жизненного мира воинского сообщества и взаимозаменяемы. Различия, существующие между ними, связаны с тем, что человек как субъект потребностей взаимодействует с сообществом один на один, а как субъект ценностей — как часть единого целого. Релевантное соотношение потребностей и личностных ценностей в регуляции жизни и деятельности является существенной индивидуальной характеристикой личности [Леонтьев Д.А., 1993].

В среде военнослужащих профессионально важные качества обладают нравственными свойствами и релевантны единоначалию, а для офицеров — верности Боевому знамени воинской части, Военной присяге, боевым традициям и ритуалам, чести военнослужащего, гордости за принадлежность к защитникам Отечества, к войсковому товариществу, сочетанию разумной инициативы и твердости в принятии ответственных решений, способности к определению главного направления в служебной деятельности, стремлению к самообразованию и повышению уровня знаний, умений и навыков, сочетанию высокой требовательности, строгости, нетерпимости к нарушениям воинской дисциплины и правопорядка с заботой о подчиненных. Справедливо утверждение О.Г. Дробницкого, высказанное в работе «Понятие морали», о том, что ценности военнослужащего во многом обусловлены специфическим проявлением эмоционально-трансцендентных актов в условиях воинской службы, а потому тесно связаны с эмоциями, субъективными предпочтениями человека [Дробницкий О.Г., 1974].

Д.В. Каширский в своем исследовании «Психология личностных ценностей» указывает, что личностные ценности включают в себя систему релевантностей, в соответствии с которой субъект оценивает события «внешнего» и «внутреннего» мира в рамках таких понятий, как истина, добро, справедливость, порядочность, честность и др. Данные понятия в условиях воинской службы нельзя рассматривать с

позиции всеобщих ценностных категорий, присущих той или иной культуре. Их присвоение, смысловое и эмоциональное наполнение имеет специфическое значение в коммуникативной среде воинского сообщества, обусловлено особым жизненным опытом индивида [Каширский Д.В., 2014].

Система релевантностей является для военнослужащего своеобразной шкалой оценочных маркеров, позволяющих отделить ложь от правды, добро от зла, законное от незаконного. Установление релевантностей сопряжено с волевыми усилиями военнослужащего, необходимыми в ситуации выбора, что предстает как одна из скрытых побудительных сил, мотив для совершения поступка. Принимая те или иные решения, военнослужащий действует лично, сообразно тем индивидуальным ценностям, которые сформировались у него в процессе воинской инкультурации. Особую роль в коммуникативном пространстве воинской службы играет естественная установка, связанная с исключительной миссией армии, обеспечивающей вооруженную защиту страны и ее населения. Данная установка является главным условием существования армий как элемента социальной структуры и военной службы, как специфического социального института, выполняющего эту особую миссию. Установка исключительности является базисной для системы релевантностей, состоящей из следующих положений:

– духовно-нравственные нормы воинского сообщества рассматриваются как «естественные» общечеловеческие ценности;

– корпоративные и военно-профессиональные ценности рассматриваются как проявление личностных качеств военнослужащего;

– индивидуально-личностные ценности в условиях «закрытой» системы воинского сообщества могут быть востребованы и реализованы только в аналогичных «закрытых» системах.

Все элементы данной системы взаимообусловлены и тесно связаны между собой: духовно-нравственные нормы воинского сообщества усваиваются личностью как общественные идеалы, как «должное». Они побуждают личность к активности, в процессе которой корпоративные и военно-профессиональные ценностные установки не только нахо-

дят свое предметное воплощение, но и постепенно, становясь регулятором деятельности и поведения, приобретают личностный характер. Конкретные виды воинской деятельности, индивидуальное поведение и поступки человека оцениваются с позиции развития его нравственности, жизненного и служебного опыта, морали. В.А. Ядов в работе «Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен» отмечает, что вершину «пирамиды» ценностей личности «составляет “жизненный идеал” — социально-политический и нравственный образ желаемого будущего. Личностные ценности согласуются с идеалом, формируя собственную иерархию жизненных целей». Он приходит к выводу, что «ценности-цели более стабильны, чем ценности-средства». «На самом деле, — пишет он, — имеет место диалектика перехода целей в средства и наоборот» [Ядов В.А., 1994].

Системы релевантностей в коммуникативном пространстве воинской службы тесно переплетаются с мировоззренческой позицией индивида. Данная позиция и определяет саму способность к ответственному поступку, а также меру «экзистенциальной вины» и ответственности, которую индивид на себя возлагает. В работе «Нравственная культура и этика поведения военнослужащих» в образно-художественной форме это состояние передают слова А. де Сент-Экзюпери, который утверждал, что величие человека состоит в сознании им своей ответственности. Он в ответе за самого себя, за дело, доверенное ему, за товарищей, которые надеются на него. Их горе или радость у него в руках. Он в ответе за все новое, что создается, он должен участвовать в созидании. Он в ответе за судьбы человечества — ведь они зависят и от его труда. Быть человеком — это и значит чувствовать, что ты за все в ответе. Стгорать от стыда за нищету, хоть она и существует не по твоей вине. Гордиться победой, которую одержали товарищи. И знать, что, укладывая камень, помогаешь строить мир [Нравственная..., 2005].

Осознанная вера и глубокая убежденность в справедливости и необходимости ратного труда, его непреходящей ценности и гуманности — источники нравственного самоудовлетворения, которые формируются в процессе инкультурации военнослужащего. При этом

системы релевантностей в воинском сообществе в ходе инкультурации принимают вид мировоззренческих составляющих личности, влияющих на состояние и развитие межличностных отношений в подразделениях с учетом всех особенностей таких отношений: национальных, земляческих, призывных и возрастных. Это связано с тем, что военная служба не относится к производственной деятельности, она не производит материальных благ, а осуществляет защиту целостности государства. При этом она имеет особую духовную основу, побуждающую военнослужащего выполнять свои профессиональные обязанности, воинский долг в любой точке планеты с риском для собственной жизни.

Долгу как феномену уделял большое внимание Иммануил Кант. Он считал, что долг есть не что иное, как чистота нравственного мотива и твердость нравственных убеждений. Необходимо отметить, что через долг (чувство долга) утверждается нравственная ценность, присущая каждому человеку как разумному и нравственному существу. Поэтому этику Канта в контексте всеобщей культуры можно также назвать этикой личностной автономии, индивидуальной свободы и ответственности. Кант утверждает, что долг — это практически безусловная необходимость поступка. Это действие не ради пользы и не из симпатии. Его оправдание находится исключительно в разуме. Поэтому требование долга оказывается значимым «для всех разумных существ». И. Кант утверждает: «Чистое представление о долге имеет на человеческое сердце гораздо более сильное влияние, чем все другие мотивы» [Асмус В.Ф., 2005]. Для И. Канта нравственное начало сводится к субъективному сознанию долга. Долг есть чистый долг, исполнять его следует «просто» из уважения к нему. Обосновывая это требование, Кант апеллирует к совести. Действительно, совесть человека является наилучшим судьей в вопросах морали, высшей способностью нахождения моральной истины и выработки правильного решения и подлинно нравственной точкой зрения.

Исключительно важно адекватное представление о требовании долга и о совести для военнослужащих. Так в ходе повседневной деятельности многие воины выполняют определенные действия, приводящие к искомому ре-

зультату, однако противоречащие долгу и не отвечающие нравственному критерию. Это могут быть направляемые эгоизмом действия, когда военнослужащий пытается выслужиться перед начальником, показать особое рвение для получения определенных преференций, таких как повышение по службе, повышение в воинском звании, получение материальных и других льгот и т.д. Несмотря на чувство долга, такие военнослужащие ставят свои интересы выше интересов коллектива и другого человека. Эти поступки не заслуживают общественного и нравственного одобрения. Только совершение таких поступков из чувства воинского долженствования придает им нравственное достоинство. Таким образом, И. Кант приходит к следующему выводу: «Долг есть необходимость поступка из уважения к закону» [Кант И., 1965, с. 236]. Закон — единственный фактор, определяющий волю извне. Изнутри же воля определяется чистым уважением к закону. Это значит, что его исполнение всегда предпочитается следованию каким-либо склонностям. Моральная ценность поступка определяется стремлением к исполнению закона, а не предполагаемым или полученным результатом.

Еще одним источником нравственного самодовольствия военнослужащих являются конечные результаты воинского труда, которые релевантны обеспечению национальной безопасности страны, что гарантирует мирную жизнь граждан. Данную естественную установку можно обосновать словами генерал-лейтенанта русской армии А.Н. Апухтина, который утверждал: чтобы быть на должной высоте современных требований, офицер должен постоянно заботиться о поддержании и укреплении своих физических сил, своих умственных и нравственных способностей. Корпус офицеров, воспитываемый в этом направлении, распространяет не только в военной среде, но и в окружающем его населении воинский дух, уважение к армии, доверие, чувство силы [Формирование..., 2005].

Системы релевантностей в коммуникативном пространстве воинской службы выполняют консолидирующую функцию, так как в своем содержании объединяют не только национальные и исторические ценности, но и желания представителей различных социаль-

ных слоев в контексте преемственности. Благодаря этим системам в воинской среде формируется естественная установка, провозглашающая восстановление утраченных или забытых традиций воинского сообщества, что способствует осознанию каждым военнослужащим особой важности воинского труда. Системы релевантностей в коммуникативном пространстве воинской службы эффективны и просты для усвоения, при этом они могут распространяться и укрепляться в сознании военнослужащих. Эти системы в силу известной простоты исходных тезисов обладают огромной силой внушения и поэтому становятся родными военнослужащему независимо от его социального статуса, имущественного положения, национальной принадлежности или религиозного вероисповедания.

Список литературы

- Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Высш. школа, 2005. 439 с.
- Волгогонов Д.А. Честь офицера // Военная мысль. 1982. № 11. С. 58–68.
- Драгомиров М.И. Избр. труды. М.: Воениздат, 1956. 688 с.
- Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. 388 с.
- Ильин И.А. Путь духовного обновления. Харьков: Фолио, 2001. 211 с.
- Казаков Д.Е. Социально-культурные аспекты формирования у военнослужащих ценностей военной службы // Вестник военного университета. 2007. № 1(9). С. 59–66.
- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6 т. М. Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 220–310.
- Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2014. 58 с.
- Ковалевский В.Ф. Профессиональная культура офицера // Военная мысль. 1990. № 6. С. 36–43.
- Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
- Нравственная культура и этика поведения военнослужащих // Ориентир. 2005. № 7. URL: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/ogp/nravstvennaya-kultura-i-etika-povedeniya-voennoslujaschih (дата обращения: 12.03.2017).
- Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Рос. Архив, 1996. Т. VII. 656 с.

Формирование духовно-нравственных ценностей у офицерского состава на основе традиций Русской армии // Ориентир. 2005. № 3. URL: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/ogp/formirovanie-duhovno-nravstvennyih-tsennostey-u-ofitserского-sostava-na-osnove-traditsiy-russkoy-armii (дата обращения: 12.03.2017).

Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН, 1994. Кн. 2. С. 264–287.

Якунина И.С. Динамика структуры ценностных ориентаций студенчества среднего российского города: дис. ... кан. социол. наук. Новочеркасск, 2007. 155 с.

Получено 22.08.2019

References

Asmus, V.F. (2005). *Immanuel Kant* [Immanuel Kant]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 439 p.

Dragomirov, M.I. (1956). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Voenizdat Publ., 688 p.

Drobnitskiy, O.G. (1974). *Ponyatie morali* [The concept of morality]. Moscow: Nauka Publ., 388 p.

Formirovanie dukhovno-nravstvennykh tsennostey u ofitserского sostava na osnove traditsiy Russkoy armii (2005) [Formation of spiritual and moral values of officers on the basis of the traditions of the Russian army]. *Orientir* [Landmark]. No. 3. Available at: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/ogp/formirovanie-duhovno-nravstvennyih-tsennostey-u-ofitserского-sostava-na-osnove-traditsiy-russkoy-armii (accessed 12.03.2017).

Il'in, I.A. (2001). *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Kharkov: Folio Publ., 221 p.

Kant, I. (1965). *Osnovy metafiziki nravstvennosti. Sochineniya: v 6 t.* [Fundamental principles of the metaphysics of morals. Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pt. 1, pp. 220–310.

Kashirsky, D.V. (2014). *Psikhologiya lichnostnykh tsennostey: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk* [Psychology of personal values: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 58 p.

Kazakov, D.E. (2007). *Sotsial'no-kul'turnyye aspekty formirovaniya u voennosluzhaschikh tsennostey voennoy sluzhby* [Socio-cultural aspects of the formation of military values of military service]. *Vestnik voyennogo universiteta* [Military University Bulletin]. No. 1(9), pp. 59–66.

Kovalevskiy, V.F. (1990). *Professional'naya kul'tura ofitsera* [Officer's professional culture]. *Voennaya mysl'* [Military Thought]. No. 6, pp. 36–43.

Leont'ev, D.A. (1993). *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay about the personality's psychology]. Moscow: Smysl Publ., 43 p.

Nravstvennaya kul'tura i etika povedeniya voennosluzhaschikh (2005) [Moral culture and behavior ethics of military personnel]. *Orientir* [Landmark]. No. 7. Available at: http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/ogp/nravstvennaya-kultura-i-etika-povedeniyavoennosluzhaschikh (accessed 12.03.2017).

Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dok. XVIII–XX vv.: al'manakh [Russian archive: history of the native land in witnesses and doc. 17th–20th centuries: almanac]. Moscow: Rossiyskiy Arkhiv Publ., Vol. VII. 656 p.

Volkogonov, D.A. (1982). *Chest' ofitsera* [Honor of an officer]. *Voennaya mysl'* [Military Thought]. No. 11, pp. 58–68.

Yadov, V.A. (1994). *Sotsial'nye identifikatsii lichnosti v usloviyakh bystrykh sotsial'nykh peremen* [Social identification of a person in conditions of rapid social changes]. *Sotsial'naya identifikatsiya lichnosti. Kniga 2* [Social person's identification. Book 2]. Moscow: IS RAS Publ., pp. 264–287.

Yakunina, I.S. (2007). *Dinamika struktury tsennostnykh oriyentatsiy studenchestva srednego rossiyskogo goroda: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [The structure dynamics of value orientations of students in average Russian city: dissertation]. Novocherкасск, 155 p.

Received 22.08.2019

Об авторе

Панасенко Юрий Александрович

кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника филиала по учебной
и научной работе

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-
воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
в г. Челябинске,
454015, Челябинск, Городок 11-й, 1;
e-mail: panasenko-ep@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

About the author

Yuriy A. Panasenko

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Docent,
Deputy Head in Training and Science

Branch of Military Training Scientific Center
of Military Air Forces «Military Air Academy
named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin»
in Chelyabinsk,
1, Gorodok-11, Chelyabinsk, 454015, Russia;
e-mail: panasenko-ep@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панасенко Ю.А. Соответствие систем релевантностей в коммуникативном пространстве культуры воинской службы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 451–459. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-451-459

For citation:

Panasenko Yu.A. [Congruence of relevance systems in the communicative space of the military service culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 451–459 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-451-459

УДК 111.7:130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-460-472

ФЕНОМЕНОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭСТЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ

Мазаненко Оксана Михайловна

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского

Данная научная работа затрагивает актуальную проблему современной философии — творческое сознание как эстетический феномен. При этом выносятся на обсуждение необходимость в современных реалиях дифференцирования этого феномена как особой формы сознания, которая занимает промежуточное положение между индивидуальным и общественным, в частности, эстетическим сознанием. Главная идея данной работы обозначена автором как поиск возможностей приблизиться ко всему душевному, что сопровождает процесс создания творцом художественного произведения. Риторика автора по поводу творческого сознания выстраивается в ракурсе общепринятой философской парадигмы о творческой природе сознания как таковой. Отмечается важность репродуктивистских теорий для понимания феномена сознания. Цель статьи автор определяет как обоснование стройного, упорядоченного концепта исследования творческого сознания в эстетическом поле с феноменолого-психологической позиции. В качестве концептуальных теоретических конструктов, определяющих вектор исследовательской позиции автора, выступают философские взгляды Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, А. Джорджи, М. Мамардашвили, П. Рикера, Р. Мэя. Особое внимание уделяется тем идеям, которые содержат практический опыт соединения феноменологического метода и практической психологии. Анализ взглядов философов позволил обозначить методологию процедуры понимания заявленного феномена, поставить цель, определить основные шаги, содержание и этапы качественного феноменолого-психологического исследования творческого сознания как эстетического феномена. Основными качествами исследовательской позиции могут выступать эмпатия, вчувствование и рефлексивность. Дальнейшую перспективу обоснования заявленной проблематики автор видит в анализе философских концепций, относящихся к феноменолого-эстетическому полю.

Ключевые слова: творческое сознание, методология, эстетический феномен, феноменология, переживание, опыт, психологическая эмпирика, понимание, интерпретация, рефлексия.

PHENOMENOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL STUDY OF CREATIVE CONSCIOUSNESS IN AESTHETIC COORDINATES

Oksana M. Mazanenko

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky

This scientific paper deals with the topical problem of contemporary philosophy — creative consciousness as an aesthetic phenomenon. It also discusses the necessity of identifying this phenomenon in modern realities as a special form of consciousness which occupies an intermediate position between the individual and the public, in particular, aesthetic consciousness. The main idea of this article is indicated by the author as a search for opportunities to approach all the psychic that accompanies the process of creating a work of art by its creator. The author's rhetoric about creative consciousness is built in the perspective of the generally accepted philosophical paradigm about the creative nature of consciousness as such. Reproductivity theories are shown to be important for understanding the phenomenon of consciousness. The paper aims to justify an orderly, streamlined concept of studying creative consciousness in the aesthetic field from the perspective of the phenomenological and psychological position. Philosophical views

of E. Husserl, M. Heidegger, M. Merlot-Ponty, J.-P. Sartre, A. Georgi, M. Mamardashvili, P. Riker, R. May are the conceptual theoretical constructs which determine the vector of the author's research position. Particular attention is paid to the ideas that contain practical experience of combining the phenomenological method and practical psychology. Analysis of the philosophers' views allows the author to define the methodology for the procedure of understanding the phenomenon under study, to define the objective, main steps, content and stages of the qualitative phenomenological and psychological research on creative consciousness as an aesthetic phenomenon. The main qualities of the research position can be empathy and reflexivity. The author sees a further perspective for substantiation of the stated problems in the analysis of philosophical concepts related to the phenomenological and aesthetic field.

Keywords: creative consciousness, methodology, aesthetic phenomenon, phenomenology, experience, psychological empirics, understanding, interpretation, reflection.

Современная парадигма сознания позиционирует его как совокупность идеальных интерсубъективных феноменов, представленных умственными и чувственными образами, которые позволяют регулировать поведение и деятельность человека [Boden M.A., 2003, p. 18]. В научных трудах, нацеленных на изучение природы и сущности сознания, ученые дифференцируют индивидуальную и общественную формы сознания. Общественное сознание, связанное с различными способами интеллектуального и духовного освоения социальной действительности, принимает различные частные формы: моральную, политическую, правовую, эстетическую, религиозную, научную, художественную, экономическую, экологическую, философскую [Бычков В.В., 2012, с. 372–374].

Любопытно, что в философских концепциях нам не удалось обнаружить описания такой формы сознания, как творческое сознание, хотя ученые и практики достаточно часто рассуждают о различиях между человеком творческим и нетворческим, противопоставляя понятия творчества и адаптации, творчества и потребления.

Совершенно очевидно, что творческое сознание, также как и другие формы сознания, может быть дифференцировано и заслуживает пристального внимания ученых. Творческое сознание может выступать как составляющая любой другой формы сознания, связанной с различными сферами жизнедеятельности человека. Но главной отличительной его особенностью является направленность на процесс созидания, проявление в деятельности «Я», благодаря которому творческий продукт приобретает неповторимые, уникальные свойства [Locher P. et al., 2019, p. 23].

Творческое сознание как эстетический феномен, проявляясь в индивидуальной сонастроен-

ности с природой, обществом, вселенскими процессами, занимает специфическую промежуточную позицию между индивидуальным и общественным сознанием, выполняя трансцендентную функцию. Вместе с тем в современной эстетике практическое изучение творческого сознания как эстетического феномена с точки зрения научного обоснования представлено довольно слабо. В основном это теоретические эссе, размышления по поводу значимости искусства в жизни субъекта, его вкусов и разрозненные описания его собственного творческого процесса. Такие труды мало чем обогащают эстетическую науку [Тумieniecka А.-Т., 1991, p. 30].

В связи с вышеизложенным в данной статье мы не ставим своей целью выяснение сущности творческого сознания. Мы попытаемся найти фундирующие позиции теоретико-методологического обоснования исследования предмета нашего научного интереса — творческого сознания как эстетического феномена и как особой формы сознания.

Все свои рассуждения по поводу творческого сознания мы, безусловно, будем выстраивать в ракурсе общепринятой философской парадигмы о творческой природе сознания как таковой. Эта идея отчетливо прослеживается в концепциях сознания Аристотеля, А. Августина, Р. Декарта, Б. Спинозы, И. Канта и в общем виде может быть описана следующим образом: творческая природа сознания может трактоваться как универсальная творческая активная способность человека свободно ориентироваться и действовать в ситуациях неопределенности сообразно логике будущего. Творческая природа сознания есть его сущностная характеристика, подлинность [Молодкина Л.В., 2017].

Постепенно эта традиция сменяется репродуктивистскими теориями сознания (ассоциа-

низм, бихевиоризм, когнитивизм и др.). Понимание сознания как свойства мозга, звена рефлекса, отражения действительности, удвоение себя привело к потере изначальных представлений об априорной творческой природе сознания [Шиян А.А., 2017, с. 18]. Вместе с тем, на наш взгляд, такое развитие научной мысли нельзя считать негативной тенденцией. Это также важный шаг, повлекший за собой обоснование того, как осуществляются сознание, его функции, структура, референции и т.д. Были введены понятия, которые ясно и системно указывают на основные особенности сознания, позволяющие дифференцировать его от других феноменов. Особое внимание было уделено сознанию как отражению действительности с помощью органов чувств, а также сознанию как когнитивному доступу к информации.

Мы ни в коем случае не умаляем значимость когнитивных функций в понимании сознания в целом и творческого сознания как эстетического феномена в частности. Напротив, мы считаем, что некоторые особенности чувственного отражения и когнитивного познания мира, приобретая ряд качественных характеристик в связи с их включенностью в художественно-эстетическую деятельность, выступают непременно условием творческого сознания. К примеру, феномен синестезии, свойство чувствительности, творческое воображение в отличие от воссоздающего, образная память и др. [Мазаненко О.М., 2019]. Однако именно описание и понимание интерсубъективного динамичного чувственного мира художника — вот та перспектива, которую мы усматриваем в качестве научного вклада эстетической философии в понимание творческого сознания как эстетического феномена. А потому интерес для нас представляет не сознание как сфера когниций и сенсорики, а субъективные переживания как содержание сознания, феноменологическая сущность сознания.

Мы будем отталкиваться от понимания феноменального сознания как динамичного чувственного мира, разворачивающегося в эстетическом поле, в центре которого находится художник. Это его существование, при котором он посредством переживания, квалиа в творческой создающей и созидающей деятельности ощущает себя субъектом с собственной психологической реальностью.

Не обращаясь здесь к раскрытию сущности творческого сознания как эстетического феномена, сосредоточим внимание на методологических основаниях, которые позволят найти и обозначить эту сущность. Мы постараемся определить те концептуальные теоретические конструкты, которые в дальнейшем будут отделять нашу собственную исследовательскую позицию. Для этого выделим лишь некоторые фундаментальные философские идеи, определившие вектор осознания предмета нашего научного интереса.

Отправной точкой наших размышлений в контексте заявленной проблематики станут концептуальные положения феноменологии Э. Гуссерля. Сознание в его концепции уже не обладает отражательно-созерцательной функцией, а наделяется активными конституирующими характеристиками. Это некий мысленный, чувственный, ассоциативный «поток», в котором объединены внутреннее и внешнее [Гуссерль Э., 1999, с. 64]. Феноменологические идеи сосредоточены на экзистенциальном сознании как проявлении индивидуального жизненного опыта. Э. Гуссерль предлагает особый подход к изучению сознания — феноменологический, сущность которого до сих пор понимается как редукция сознания через отказ от суждений о том, в чем могут быть сомнения. Речь идет о вынесении за скобки всего пространственно-временного, социально-исторического, физиолого-психологического мира, что позволяет выявить «чистый» смысл феноменов сознания.

Изначально Гуссерль называет чистое сознание пустой фикцией, но позже понимает, что такое видение было заблуждением. Позже «Я» он обозначает как субъект, наделенный не только хабитуальностями, но и апперцепциями. Апперцепция есть осмысленное восприятие, зависящее от общего содержания психической жизни человека [Капичина Е.А., 2016]. Благодаря апперцепции, каждый новый трансцендентальный акт, несущий новое смысловое значение, выводит субъект на новый уровень в связи с приобретенными свойствами, которые не исчезают даже после завершения этого акта. [Шолохова С., Ямпольская А., 2017, с. 74]. С этой позиции каждый новый творческий акт можно рассматривать как совершенно уникальный. Ни один акт творчества не может быть повторен ни другими, ни самим творцом, так как

те свойства и смыслы, которыми его наделяет творческое сознание, окрашены апперцептивными свойствами психики. Творческое сознание в каждый акт творчества вплетает особый, аутентичный опыт художника, а также вводит каждый творческий акт в жизнь и творчество художника. Таким образом, понимание апперцептивности сознания творца и его творческий и жизненный опыт являются взаимосвязанными и взаимообуславливающими.

С точки зрения феноменологии, творческий опыт помогает понять интересующий мир творца, его сознание. А потому каждый творческий акт — это открывшееся окно как свершившееся переживание, как уникальный феномен, как шаг к осознанности, обретению нового смысла [Молчанов В.И., 2009].

Важнейшей категорией в концепции Э. Гуссерля для объяснения сущности сознания служит феномен переживания, интерес к которому возник как раз в связи с идеей смещения акцента риторики с категорий истины, знания на категорию опыта. Важность феномена переживания понятна из гуссерлевской трактовки: сознание есть ценностно-смысловой опыт, данный человеку в переживаниях, это феномен переживания чистого трансцендентального *эго*. Примечательно, что опыт принято понимать как процесс. Но если задаться целью описать этот процесс как деятельность сознающего субъекта, то мы приходим собственно к описанию переживаний. Л.С. Выготский характеризует переживания как особую чувственно окрашенную интегральную единицу сознания [Выготский Л.С., 1987, с. 217]. Вместе с тем при описании переживаний сознания мы сталкиваемся с некоторыми сложностями. В первую очередь нужно достаточно четко дифференцировать понятия «переживания», «ощущения», «аффекты (эмоции)», которые в описаниях опыта часто путают. Ощущения и аффекты — это рефлексы и впечатления, которые не включены в ценностно-смысловую сферу личности. Они быстротечны, динамичны и относительно поверхностны. В определенной степени то, что человек получает от ощущений и аффектов, он как бы не присваивает себе, это оказывается не в фокусе осознания, а в ракурсном поле бокового зрения. А вот стремление что-либо познать, обнаружить, достичь определенной гармонии возможно через переживания.

Данное положение имеет особую методологическую значимость для осмысления категории творческого сознания в эстетическом поле. Иначе говоря, методологический путь познания творческого сознания художника может быть осуществлен через изучение и понимание его переживаний.

Переживания предполагают определенные усилия по их «замедлению». М. Кундера называет это неспешностью, подлинностью. Это такая «впечатленность» от того, что я здесь и сейчас наблюдаю внутри себя и вокруг, которая переносит в более полную, объемную реальность [Кундера М., 2003]. Отметим, что все вышеназванные тезисы в полной мере будут нами применены при характеристике творческого сознания. Так, интенциональность творческого сознания для нас приобрела вид устремления к некоторому созидательному опыту здесь и сейчас через замедление своей впечатленности и ее субъективное переживание, окрашенное индивидуальными смыслами.

Творческое сознание трансформирует впечатления и переживания таким образом, что явления, интересующие творца в окружающем мире, перерождаются в интерес к себе. Этот интерес открывает поиски смысла себя творческого в этом мире. Здесь уже речь идет о феноменологической установке, которая переключает сознание на исследование собственного творчества как опыта созидательной деятельности по продуцированию новых, уникальных материальных и духовных ценностей. П. Гудман называет такую установку «внутренней структурой переживания». Творец становится своего рода зеркалом, транслятором своих переживаний тем, кто будет соприкасаться с продуктами его творчества. И тогда переживания, возникающие у автора, появятся и в сознании реципиентов, став уже их феноменом. Вот почему зритель, слушатель безошибочно понимает иронию в трагическом сюжете или видит красоту в том, что лишено на первый взгляд гармонии [Гудман П., Перлз Ф., 2000, с. 62–68].

Переживание собственной субъективности не может быть дано в виде рациональных, логических рассуждений, оно представлено в виде переживаний на уровне «что-то затрагивает меня» или «что-то меня волнует», а потому приобретает для субъекта особый смысл. Переживания встраиваются в опыт сознания толь-

ко тогда, когда собственная субъективность представляется как зеркало и при этом субъект рефлексивно свое участие в этом процессе.

Рефлексия позволяет перейти к сосредоточению на психических актах, в которых даются объекты. И теперь на первый план выходит субъективный опыт, сами смыслы переживания сознания. Такой переход к сосредоточению на переживаниях, по Гуссерлю, «выключает» реальный мир, данный в естественной установке. «Сфера собственно моего» может быть обозначена как первая область феноменов творческого сознания, за пределами которой остаются все остальные феномены. Ее ядром, включающим те феномены, которые в нее, безусловно, входят, является эмпирическое его художника, взятое как феномен [Гуссерль Э., 1999, с. 87].

До сих пор мы делали акцент на творческом сознании как особом качестве индивидуального сознания художника. Однако мы должны помнить, что творческое сознание как эстетический феномен имеет смысл рассматривать как особое проявление не только индивидуального, но и общественного. И Э. Гуссерль вслед за первой областью феноменов творческого сознания выделяет и вторую, определяя ее как «сфера Другого», где происходит как бы «удвоение» первой области феноменов. Любопытно, что свою психофизическую структуру (психику, тело) человеку свойственно воспринимать непосредственно и как бы «изнутри», а любую другую психофизическую структуру он может воспринимать «снаружи». Причем субъекту дана только ее телесная сторона, психическая же может быть воспринята лишь посредством определенных ее действий (к примеру, поступков, слов, реакций, оценок, признания по отношению к творчеству автора со стороны реципиентов).

Таким образом, собственное «Я» как некое конкретное трансцендентальное его оказывается уже не в единственном числе, а в сообществе других конкретных и своеобразных трансцендентальных его. Возникает, по выражению Гуссерля, сообщество монад, членом которого является сам субъект в качестве центральной монады. Гуссерлевские монады образуют «подлинное сообщество», т.е. они могут общаться друг с другом при помощи слов и различных других средств, могут сообщать друг другу, что происходит в их трансцендентальных мирах. В результате из взаимной коммуникации возникает

то, что Гуссерль называет их интерсубъективным миром. Фактически интерсубъективный мир — это, прежде всего мир людей, воспринимаемых собственным «я» человека, как ценностно-смысловой мир, это мир феноменов чистых сознаний и объектов их коммуникации. В связи с обозначенными положениями концептуально важной позицией выступает определение для сознания художника как для центральной монады таинства творчества того круга монад, людей, которые его сознание воспринимает в качестве объектов коммуникации. В этот круг могут быть включены его ближайшее окружение, учителя и наставники, критики, соратники и оппоненты, реципиенты и т.д. Главное, что будет объединять всех входящих в сообщество монад, — это мир творчества, по поводу которого они могут что-то сказать друг другу [Гуссерль Э., 1999, с. 112].

М. Хайдеггер, ученик и последователь Э. Гуссерля, оставаясь верным принципу феноменологии, уходит от предложенной его наставником трансцендентальной редукции и подчеркивает важность повседневного практического опыта человека и его взаимодействия с миром через социальную среду. Тем самым на первый план феноменологии сознания он выводит общественные знания. Опыт человека он обуславливает не информацией, поступающей извне, а прозрением, которое он связывает с интуитивными процессами и субъективным смыслонаполнением содержания окружающего мира. Точно так же и само творчество художника, с трудом поддаваясь умозрительным описаниям, тесно связано с инсайтами, прорывами, чувственным опытом, ценностно-смысловым содержанием творческой деятельности и художественных произведений [Хайдеггер М., 2003, с. 208].

Итак, с одной стороны, феноменология открывает для нас некое пространство, в котором есть место для человека как для сущностной персоны, а в рамках нашего исследования — для творца со всем его опытом, переживаниями, смыслами, свободой, мировоззрением, ценностями, убеждениями. С другой стороны, феноменологическое понимание творческого сознания, безусловно, есть высшая мера психологического субъекта, проявляющего и рефлексивного Мир через собственное творчество. Данные умозаключения убеждают нас в целе-

сообразности обращения к феноменолого-психологической исследовательской позиции.

Несмотря на то, что феноменолого-психологический подход имеет достаточную теоретико-методологическую обоснованность, он вместе с тем достаточно нов. Нами было изучено значительное количество работ, связанных с феноменом творчества, но обнаружить результаты, которые бы базировались на таком подходе к пониманию творческого сознания как эстетического феномена, нам не удалось.

Вместе с тем разрабатывая феноменологическую концепцию, Э. Гуссерль держит в своем поле зрения психологические представления о духе, сознании, субъектности познания. Он подчеркивает, что загадка субъективности находится в центре как феноменологических, так и психологических исследований в связи с тем, что доступ к феноменам человеческого сознания возможен только благодаря способности субъекта сознания быть свидетелем собственной жизни. В психологии философ усматривает «поле решений» трансцендентальной философии. Подчеркивая особую взаимосвязь философии и психологии с феноменологической психологией, он связывает путь от догм к критическому исследованию [Козырева А.С., 2010].

Более того, он говорит об опасности разрыва отношений между психологией и феноменологией. В этом случае феноменология приобретет оторванность от жизни, запросов общества, а психология сможет измерять в человеке только заранее определенное, опредмеченное, что на поверку чаще всего оказывается несущественным [Гуссерль Э., 1994, с. 12–18].

Практический опыт соединения феноменологического метода и практической психологии мы находим в трудах французского философа, профессора психологии М. Мерло-Понти. Изучая отношения между сознанием и миром природы, он трактует сознание не столько как форму чисто субъективного контекста, сколько как форму поведения. Поведение — это тот феномен, который в представлении ученого может примирить раздвоенность души и тела. Любое поведенческое проявление нужно рассматривать как часть контекста, которая представлена как диалектический процесс. Так, эмоции радости, грусти, удивления, восхищения, отвращения и т.д. никогда не бывают одним и тем же дважды. Они имеют некоторые признаки, свойства,

выраженность, которые сохраняются вне зависимости от контекста проявления, а потому их можно интерпретировать, обозначить и осмыслить. Однако здесь становится понятно, насколько важно каждое эмоциональное проявление рассматривать в связи с их включенностью в конкретный опыт жизнедеятельности, причем в первую очередь в нерациональный опыт. Эти положения целиком и полностью справедливы и для художественной творческой деятельности, а творчество в данном ракурсе предстает в виде особого нерационального, неутилитарного, создающего опыта и поведения, которые являются проявлением творческого сознания [Мерло-Понти М., 1999, с. 64–67].

Ценными для нашего исследования выступают также идеи Ж.-П. Сартра. Речь идет о его философском обосновании многих проблем, в частности, выбора, свободы, ответственности, вне контекста которых рассмотрение большинства вопросов, связанных с творческим сознанием, приведет к отдалению от его экзистенциальной сущности [Сартр Ж.-П., 2002, с. 186].

Следует отметить, что феноменологические основания были достаточно широко применены в области научной эстетики в трудах Р. Ингардена, В. Конрада, М. Гайгера, Н. Гартмана, М. Дюффенна, Р. Одербрехта и др. Далее обозначим ряд концептуальных положений, которые, на наш взгляд приобретают особую значимость в связи с предметом нашего научного интереса.

Так, Р. Ингардену с помощью феноменологической эстетики удается исследовать многослойную структуру произведения искусства в горизонтальном и вертикальном измерении. Он дает развернутую характеристику многослойности и многофазовости художественных произведений различных видов искусств. Особое внимание он уделяет анализу темпоральности и эстетических категорий, идеям художественных произведений, а также характеристикам схематичности и конкретизации, которые относит к важным качествам эстетических форм.

Р. Ингарден анализирует художественное произведение как такое, которое может конституироваться только сознанием, оно интенциональный конструкт, что отражает феноменологический концепт. При этом он особо выделяет значимость интуитивной сферы работы созна-

ния, которую невозможно «схватить» рационально [Ингарден Р., 1962, с. 78].

Любопытными в области эстетики являются взгляды Н. Гартмана. Его концепция строится на концептуальных положениях феноменологии, постулатах Р. Ингардена о многослойности структуры художественного произведения, а также на понимании детерминированности искусства ирреальными эстетическими идеями и ценностями в духе Платона.

Внимание Н. Гартмана в эстетическом исследовании главным образом сосредоточено на феноменологическом анализе художественного произведения, которое видится ему как сфера духовного бытия, включающая общественный (объективный) и индивидуальный (субъективный) дух. Эти два основных плана накладываются друг на друга промежуточными слоями. К примеру, в портретной живописи первый слой, реальный — это слой красок на холсте, второй и третий — форма и мимика лица, четвертый — характер и внутренний мир человека, пятый слой знаменует собой «прозрение и выявление идеальности...», а в шестом слое возникает идея и нечто заднеплановое, неуловимое, которое каждый наблюдатель воспринимает как свое собственное.

Характеризуя каждый слой, Н. Гартман пытается установить иерархию между слоями, соотношение между каждым слоем и общей формой произведения, степень сотрудничества между объективным и субъективным духом. Гартман, достаточно развернуто описывая каждый слой, при этом отмечает, что сама художественная форма анализу принципиально недоступна, «она есть и остается тайной искусства». Не отбрасывая участие рефлексии, разума и восприятия, единственной возможностью постижения этой тайны он видит путь интуитивный, который, как и Гуссерль, понимает как высший род созерцания [Гартман Н., 2004, с. 21].

Философ, оставляя в центре эстетического сознания категорию прекрасного, видит единственно возможный путь его постижения через состояния мечтательности и экстаза. Познавательный акт рассудочной деятельности, напротив, лишь отдаляет от сферы прекрасного.

В феноменологической эстетике М. Дюфренна наблюдается смещение акцента с анализа художественных произведений на эстетический

опыт. Эстетический опыт, связанный с искусством, он ставит превыше иных видов человеческой деятельности, приписывая ему статус первичности, «как начало всех дорог, которые проходит человечество». Этот опыт может проявляться в форме творческого процесса художника и эстетического восприятия зрителя.

Главным элементом эстетического предмета он называет экспрессию, которая особым способом доносит до человека обращенный к нему «голос природы». Именно экспрессию он связывает со смысловым наполнением эстетического, которое может быть схвачено только интуитивно.

Сущность художественного творчества он видит в экзистенциальной позиции и аффективной сфере творца, которые есть одновременно и природная данность, и замысел, реализуемый в произведениях искусства.

Эстетическое восприятие совмещает в себе, по мнению Дюфренна, три последовательных уровня. Первый связан с непосредственным контактом с эстетическим объектом посредством «телесного разума» как особого свойства человеческого тела. Здесь нет интеллектуальной составляющей, а есть лишь Эстетическое Наслаждение, которое субъективно переживается как легкость и удобство в контакте с эстетическим объектом.

Второй уровень Дюфренн называет репрезентацией, или представлением. Здесь устанавливается связь между телом и духом через трансцендентальные и эмпирические акты. Особую роль здесь играет воображение, благодаря которому происходит отделение объекта от субъекта путем перевода воспринимаемого в поле зримого «спектакля», включая при этом данное в зрелище когнитивную сферу реципиента. В результате воспринимаемое на когнитивном уровне может получить новое значение, а на эстетическом завершается чувством, которое либо включается в рефлексию, либо саму рефлексию вытесняет.

Включенность нового чувства в рефлексию выводит реципиента на третий уровень восприятия, который Дюфренн обозначил как рефлексию. Рефлексия может возникнуть по поводу структуры и смысла эстетического предмета. Рефлексия структуры предполагает объяснение в сочетании с восприятием, а рефлексия смысла

сопоставима с эстетическим чувствованием [Dufrenne M., 1953, p. 56–78].

Помимо обозначенных концепций, в феноменологической эстетике обнаруживается целый пласт исследований, где анализируется исключительно художественное произведение (текст), которое трактуется как структурная организация образов, символов, мифов. С помощью такой особой организации осуществляется познание действительности. Следование описанной неокритической концепции «поэзии как знания» находим в трудах Дж.К. Рэнсома («Новая критика», 1941), А. Тейта («Реакционные очерки», 1936), К. Брукса и Р.П. Уоррена («Понимание поэзии», 1938; «Понимание прозы», 1943).

В целом в феноменологической эстетике в большей мере разработано обоснование эстетического предмета (художественное произведение) и эстетического объекта (воспринимающий реципиент). Проблема эстетического субъекта творчества (художника создающего) представлена в меньшей мере, хотя философы-эстетики часто подчеркивают значимость этой проблематики в своих трудах. Это еще раз доказывает перспективность и актуальность изучения вопросов творческого сознания как эстетического феномена.

Безусловно, в нашем исследовании будет полезным обращение к опыту А. Джорджи, в работах которого есть феноменологическое описание контекстуализированного и ситуативного опытно-поведенческого отношения человека с самим собой, миром и другими. Ученый подчеркивает, что сначала важно определить, что испытывает человек, а уже потом заниматься поиском объяснений его переживаниям и поведению. Причем позиции переживаний и мыслей могут быть поняты только при условии их рефлексии и выражения самим человеком, их продуцирующим, и ни в коем случае не теми, которые появляются в оценках и объяснениях интерпретатора [Улановский А.М., 2012, с. 224].

Мы выделяем в качестве методологической основы нашего исследования также ряд концептуальных положений М. Мамардашвили, одного из крупнейших мыслителей XX в., считавшего проблему понимания человеческого сознания центральной задачей философской науки. Важнейшей функцией сознания М. Мамардашвили считает достижение человеком свободы в про-

цессе познания многообразия природного и социального мира и созданием многофункциональных средств труда, позволяющих ему творить «по законам красоты». Это творческая функция сознания, выделение которой намечает для нас еще один вектор исследования интересующей нас проблематики, а именно свобода творчества как актуальная проблема эстетической науки, и отсылает к концептуальным положениям экзистенциализма [Мамардашвили М., 1997, с. 112].

Философ считает принципиально значимым положение о том, что исследователь должен не объяснять, а понимать сознание. Единственную возможность понимания сознания он видит в особой процедуре интерпретации, в которой описание совпадает с тем, что описывается, где «что» является также и «как». На первый план выходит признак перформативности сознания как совпадения предмета и способа его описания, которые и составляют опыт сознания. Другими словами, М. Мамардашвили предлагает говорить о сознании без использования наиболее известных на сегодняшний день редукций — к телу, языку или культурному опыту. Тем самым ученый предостерегает от того, чтобы, объясняя сознание, описывать лишь нечто ему сопутствующее. При понимании сознания отправной точкой он считает наблюдение и описание, а не объяснение [Мамардашвили М., 1997, с. 312]. Отметим, что такая позиция является основополагающей для феноменологического метода.

Опираясь на концепцию Мамардашвили, мы можем заключить, что если мы ставим перед собой задачу понять творческое сознание, то мы можем это сделать путем наблюдения, описания, интерпретации этого феномена. То есть мы устремляем свое собственное сознание, исследующее, познающее, ищущее, продуцирующее новое, а значит, творческое, на тот уровень проявления сознания, который раскрывает в нем новые качества, обеспечивая творческую деятельность. То есть когда мы говорим о творческом сознании, мы продуцируем собственное творческое сознание, утверждаем его в деятельности, объединяя позиции «что» и «как». Следовательно, если мы решаем понять творческое сознание как эстетический феномен, то мы можем его описать и интерпретировать, используя тот язык, на котором говорит

сознание художника, апеллируя при этом прежде всего к категориям прекрасного, безобразного, трагического, комического и т.д. Если мы говорим о художественно-эстетическом творчестве, то исследуем его, утверждая творчество в эстетическом поле.

Для изучения творческого сознания как эстетического феномена ценными представляются также взгляды философа-экзистенциалиста Р. Мэя, который придерживается феноменологической концепции. Рассуждая об осознании свободы выбора, которая является неотъемлемым коррелятом художественного творчества, он считает важной способность принимать страх, боль, вину как данность жизни, так как они неизбежно связаны со свободой, волеизъявлением, принятием самостоятельного решения. То есть творчество наряду с ощущением свободы имманентно содержит в себе нозис некоторых состояний, которые приводят к дискомфорту, напряжению, тревожности. Без этих состояний творчество наполнялось бы иными смыслами, обладало бы иной сущностью [Мэй Р., 2001, с. 7–12].

Важные процессуальные и сущностные моменты феноменолого-психологического описания сознания, которые приближают нас к пониманию предмета нашего научного интереса, находим в работах К. Ясперса, Е. Минковского, Э. Страуса, А. Кронфельда, Г. Элленбергера, Р. Лэйнга, Ф. Перлза, К. Роджерса, Дж. Бьюдженталя, М. Босса, Ф. Базалья, Ю. Джендлина, А. Лэнгле, Э. Спинелли.

Итак, феноменологическая идея представляет собой основу эмпирических исследований априорной психологической науки. Причем феноменология предполагает качественные методы, разработка которых активно ведется в последние десятилетия и в психологии. Несмотря на дискуссии в отношении валидности и надежности этих методов, именно качественные методы признаются перспективными при эмпирическом исследовании различных аспектов творчества [Герентьева Т.А., 2018].

Под качественным исследованием в психологии понимают особый способ сбора, обработки, анализа и представления данных, при котором полученная информация анализируется не математически, а путем применения различных техник аналитической интерпретации определенного феномена сознания, размышле-

ния о нем или теоретизирования в его отношении. На наш взгляд, способ рассуждения и интерпретации в ходе качественного исследования неразрывно связан с феноменологическими концептуальными идеями. В связи с этим положением считаем уместным использование термина «качественное феноменолого-психологическое исследование».

Целью такого исследования является получение ясных, точных и систематичных описаний тех или иных аспектов переживания человека. Феноменолого-психологическое исследование творческого сознания ориентировано на раскрытие структуры того или иного переживания, связанного с некоторым предметом, ситуацией, событием или каким-то аспектом творчества [Улановский А.М., 2012, с. 64].

Важными положениями качественных феноменолого-психологических исследований выступают понимание и интерпретация, в основе которых лежат эмпатия, вчувствование и рефлексивность. Данные дефиниции являются референциями герменевтической философской мысли. Феноменолого-герменевтический проект базируется на понимании сознания как рефлектирующего эмпирического Я. Понимание, интерпретация в данной концепции представляют собой, прежде всего, совокупность психологических приемов «проникновения» во внутренний мир автора.

Одним из ярких представителей данной философской концепции является П. Рикер. Обратимся к его обоснованию процедуры интерпретации, которую он понимает как механизм рефлексии сознания. Интерпретация включает процессы понимания и объяснения, которые проявляются как проникновение в другое сознание. Реципиент овладевает смыслами, заключенными в знаках, что позволяет преодолеть временное, пространственное и культурное расстояние. А творец проникает в другое сознание через выражение. Причем основа понимания имеет интуитивную природу, оно основано на родстве интерпретатора и смыслов, заложенных в знаках [Рикер П., 2008].

Понимание представляет собой нередуцируемую основу интерпретации, которая предваряет объяснение. И наоборот, объяснение способствует пониманию. Взаимосвязанность двухстороннего движения от понимания к объяснению и обратно возможна через интерпретирование.

Для нашей работы эти положения являются исключительно важными. Они проясняют специфику понимания тех аспектов творческого сознания, которые представляют собой самую сложную область понимания, не поддающуюся полной рационализации.

Таким образом мы обнаружили ряд положений, которые могут послужить методологическими основаниями исследования предмета наших научных поисков — творческого сознания как эстетического феномена. Эта форма сознания занимает промежуточную позицию, объединяя индивидуальное и общественное сознание. Она может быть представлена как совокупность идеальных интерсубъективных феноменов в виде чувственных и умственных образов, регулирующих творческое поведение и определяющих уникальность художественной деятельности человека.

Основу методологического основания исследования творческого сознания как эстетического феномена мы видим в синтезе феноменологических размышлений и психологической эмпирики. В связи с последним тезисом мы предложим термин «качественное феноменолого-психологическое исследование». Целью качественного феноменолого-психологического исследования является получение ясных, точных и систематичных описаний тех или иных аспектов переживания творца. Феноменолого-психологическое исследование ориентировано на раскрытие структуры того или иного переживания, связанного с некоторым предметом, ситуацией, событием или каким-то аспектом художественного творчества как специфического вида человеческой деятельности.

Основное содержание феноменолого-психологического исследования творческого сознания как эстетического феномена может включать следующие этапы:

1. Изучение профессионального и жизненного опыта творческого субъекта как направленности на объект со своим значением, смыслом и содержанием.

2. Определение интерсубъективного ценностно-смыслового мира, где в центре находятся конкретная фигура (монада) художника, специфика его коммуникации с объектами этого мира.

3. Понимание структуры творчества художника «от первого лица».

4. Анализ субъектных качеств, которые, находясь в определенном сочетании и на определенном уровне сформированности, позволяют говорить не просто о сущности творческой личности, а о существовании, экзистенции субъекта-художника как носителя творческого сознания.

5. Интерпретация переживаний субъекта творчества с учетом предыдущих этапов феноменолого-психологического исследования.

В качестве базовой процедуры изучения творческого сознания в феноменолого-психологическом исследовании выступает понимание, включающее такие шаги, как наблюдение, описание (причем с использованием художественно-эстетических категорий и понятий), интерпретация. В основе феноменолого-психологического подхода лежит эмпатия, вчувствование и рефлексивность. По сути, обратившись к феноменолого-психологическому исследованию, мы получаем возможность приблизиться ко всему душевному, что сопровождает процесс создания творцом художественного произведения, понять то, каким образом в специфическом смысле в сознании творца дается реальность.

Список литературы

- Бычков В.В. Эстетика. М.: Кнорус, 2012. 528 с.
- Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 345 с.
- Гартман Н. Эстетика / пер. с нем. Т.С. Батищевой, А.В. Дерюгиной, Е.В. Касьяновой, М.К. Мамардашвили. Киев: Ника-центр, 2004. 640 с.
- Гудман П., Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. М.: Ин-т общегуманит. иссл., 2000. 384 с.
- Гуссерль Э. Амстердамский доклад. Феноменологическая психология. Ч. II // Логос. 1994. № 5. С. 7–48.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999. Т. 1. 227 с.
- Ингарден Р. Исследования по эстетике / пер. с польск. А. Ермилова, Б. Федорова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 572 с.
- Капичина Е.А. Феноменология восприятия: философско-эстетический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2(20). С. 89–96.
- Козырева А.С. Эдмунд Гуссерль: «Психология как поле решений» // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 2. С. 8–12.

Кундера М. Неспешность. Подлинность. М.: Азбука-классика, 2003. 280 с.

Мазаненко О.М. От творческой деятельности личности к творческому сознанию субъекта: перспективы осмысления эстетического. // Философско-культурологические исследования. 2019. № 5. URL: <http://fki.lgaki.info/2019/05/06/от-творческой-деятельности-личности/> (дата обращения: 12.01.2019).

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский христианский гуманист. ин-т., 1997. 426 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 606 с.

Молодкина Л.В. К вопросу о феноменологии творчества в архитектуре // Философия творчества: Ежегодник. Вып. 3: Творчество и жизненный мир человека. М.: ИИнтелЛ, 2017. С. 362–377.

Молчанов В.И. О пространстве и времени внутреннего опыта // Сущность и слово: сб. науч. ст. к юбилею проф. Н.В. Мотрошиловой. М.: Феноменология и герменевтика, 2009. С. 437–456.

Мэй Р. Мужество творить: очерк психологии творчества. Львов: Инициатива, 2001. 128 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академ. проект, 2008. 695 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр.; предис., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2002. 640 с.

Терентьева Т.А. Размышления о феноменологической психологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(87). С. 88–93. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.19>

Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 264 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 509 с.

Шиян А.А. Когнитивно-семантическая интерпретация трансцендентализма Канта и феноменология Эдмунда Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 4. С. 18–30. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-2>

Шолохова С., Ямпольская А.

(Пост)феноменология: новая феноменология во Франции за ее пределами. М.: Академ. проект, 2017. 288 с.

Boden M.A. The Creative Mind: Myths and Mechanisms. 2nd ed. London; N.Y.: Routledge, 2003. 360 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203508527>

Dufrenne M. Phénoménologie de l'expérience esthétique. Paris: Presses universitaires de France, 1953. Vol. 1. 413 p.

Locher P., Martindale C., Dorfman L. New Directions in Aesthetics, Creativity and the Arts. N.Y.: Routledge, 2019. 288 p.

Tymieniecka A.-T. New Queries in Aesthetics and Metaphysics: Time, History, Art, Culture, Metaphysics, the Transnatural. Book 4: Phenomenology in the World Fifty Years after the Death of Edmund Husserl. Dordrecht, NL: Springer Science & Business Media, 1991, 457 p.

Получено 21.01.2019

References

Boden, M.A. (2003). *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. 2nd ed. London, New York: Routledge Publ., 360 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203508527>

Bychkov, V.V. (2012). *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Knorus Publ., 528 p.

Dufrenne, M. (1953). *Phénoménologie de l'expérience esthétique* [The phenomenology of aesthetic experience]. Paris: Presses universitaires de France Publ., vol. 1, 413 p.

Gartman, N. (2004). *Estetika* [Aesthetics]. Kiev: Nika-tsentr Publ., 640 p.

Goodman, P. and Perls, F. (2000). *Teoriya geshtal't-terapii* [Gestalt therapy]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 384 p.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya*, per. s nem. [Being and time, trans. from Germ.]. Kharkov: Folio Publ., 509 p.

Husserl, E. (1994). *Amsterdamskiy doklad. Fenomenologicheskaya psikhologiya. Ch. II*. [Amsterdam reports: Phenomenological psychology. Pt. II]. Logos [Logos]. No. 5, pp. 7–48.

Husserl, E. (1999). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for a pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow: DIK Publ., vol. 1, 227 p.

Ingarden, R. (1962). *Issledovaniya po estetike*, per s pol'sk. [Studies in aesthetics, trans. from Pol.] Moscow: IIL Publ., 572 p.

Kapichina, E.A. (2016). *Fenomenologiya vospriyatiya: filosofsko-esteticheskiy aspekt* [Phenomenology of perception: philosophical and aesthetic as-

pect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. No. 2(20), pp. 89–96.

Kozyreva, A.S. (2010). *Edmund Husserl: «Psikhologiya kak pole resheniy»* [Edmund Husserl: «Psychology as a field of decisions»]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 6: Philosophy. Culture Studies. Political Science. Law. International relations.]. No. 2, pp. 8–12.

Kundera, M. (2003). *Nespeshnost'. Podlinnost'* [Slowness. Identity]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 280 p.

Locher, P., Martindale, C. and Dorfman, L. (2019). *New directions in aesthetics, creativity and the arts*. New York: Routledge Publ., 288 p.

Mamardashvili, M.K. (1997). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of the path]. Saint-Petersburg: RChHI Publ., 426 p.

May, R. (2001). *Muzhestvo tvorit': ocherk psikhologii tvorchestva* [The courage to create: an essay on the psychology of creativity]. Lvov: Initsiativa Publ., 128 p.

Mazanenko, O.M. (2019). *Ot tvorcheskoy deyatelnosti lichnosti k tvorcheskomu soznaniyu sub'ekta: perspektivy osmysleniya esteticheskogo* [From the creative activity of the individual to the creative consciousness of the subject: prospects for understanding the aesthetic]. *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya* [Philosophical and Cultural Studies]. No. 5. Available at: <http://fki.lgaki.info/2019/05/06/ot-tvorcheskoy-deyatelnosti-lichnosti/> (accessed 12.01.2019).

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya*, per. s fr. [Phenomenology of perception, trans. from Fr.]. Saint-Petersburg: Yuventa Publ., Nauka Publ., 606 p.

Molchanov, V.I. (2009). *O prostranstve i vremeni vnutrennego opyta* [About the space and time of inner experience]. *Suschnost' i slovo* [Essence and Word]. Moscow: Fenomenologiya–Germenevtika Publ., pp. 437–456.

Molodkina, L.V. (2017). *K voprosu o fenomenologii tvorchestva v arkhitekture* [Concerning the question of phenomenology of creativity in architecture]. *Filosofiya tvorchestva: Ezhegodnik. Vyp. 3: Tvorchestvo i zhiznenny mir cheloveka* [Philosophy of Creativity: Yearbook. Iss. 3: Human Creativity and Life]. Moscow: IInteLL Publ., pp. 362–377.

Ricoeur, P. (2008). *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [The conflict of interpretations. Essays in hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ., 695 p.

Sartre, J.-P. (2002). *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii*, per. s fr. [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology, trans. from Fr.]. Moscow: Respublika Publ., 640 p.

Shiyan, A.A. (2017). *Kognitivno-semanticheskaya interpretatsiya transtsendentalizma Kanta i fenomenologiya Edmunda Gusserlya* [Edmund Husserl's phenomenology and a cognitive-semantic interpretation of Kant's transcendentalism]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian Journal]. Vol. 36, no. 4, pp. 18–30. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-2>

Sholokhova, S. and Yampol'skaya, A. (2017). *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 288 p.

Terent'eva, T.A. (2018). *Razmyshleniya o fenomenologicheskoy psikhologii* [Reflections on phenomenological psychology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 1(87), pp. 88–93. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.19>

Tymieniecka, A.-T. (ed.) (1991). *New Queries in Aesthetics and Metaphysics: Time, History, Art, Culture, Metaphysics, the Transnatural. Book 4: Phenomenology in the World Fifty Years after the Death of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer Publ., 457 p.

Ulanovskiy, A.M. (2012). *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow: Smysl Publ., 264 p.

Vygotskiy, L.S. (1987). *Psikhologiya iskusstva* [The psychology of art]. Moscow: Pedagogika Publ., 345 p.

Received 21.01.2019

Об авторе

Мазаненко Оксана Михайловна

кандидат психологических наук,
докторант кафедры Теории искусств и эстетики,
доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин

Луганская государственная академия культуры
и искусств им. М. Матусовского,
Украина, 91000, Луганск, ул. Красная площадь, 7;
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-8535>

About the author

Oksana M. Mazanenko

Ph.D. in Psychology, Doctoral Student
of the Department of Art Theory and Aesthetics,
Associate Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities

Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after M. Matusovsky,
7, Krasnaya ploshchad st., Lugansk, 91000, Ukraine;
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-8535>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мазаненко О.М. Феноменолого-психологическое исследование творческого сознания в эстетических координатах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 460–472.
DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-460-472](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-460-472)

For citation:

Mazanenko O.M. [Phenomenological and psychological study of creative consciousness in aesthetic coordinates]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 460–472 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-460-472](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-460-472)

УДК 111.7:331.108.26

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482

«РУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ» И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

Внутских Александр Юрьевич, Комаров Сергей Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На основании разработок экономиста А. Прохорова сформулированы эмпирические закономерности, характеризующие особенности «русской модели управления»: закономерность кластерно-го/кланового характера типичной российской организации, слабо управляемой на низовом уровне и закономерность цикла сменяющих друг друга «застойной» и «мобилизационной» фаз развития. Показано, что эти закономерности, с одной стороны, не способствуют повышению производительности труда на российских предприятиях, однако, с другой стороны, позволяют функционировать экономике в целом как достаточно результативной. Далее этот эмпирический материал подвергается Dasein-анализу путем исследования специфики русского бытия и времени. Выявляются основные структуры русского здесь-бытия: «авось»-бытие и беззаботность. Русское бытие оказывается бытием по ту сторону традиционной для европейского сознания оппозиции существования и не-существования, мышления и безумия, страха и бесстрашия, смерти и бессмертия. Показано, что русское бытие онтологически амбивалентно. Отмечено также различие в понимании природы времени в европейском и русском мышлении, выражающееся в фигурах линии и круга соответственно. Основным модусом мышления для европейца является будущее, что определяет его активную деятельность по изменению действительности, а для русского — прошлое, «застрявшее» в настоящем и не дающее осуществиться будущему. С точки зрения феноменологической модели именно это определяет циклический характер времени русского бытия. Проинтерпретирован феномен «русского чуда», соответствующий «мобилизационной фазе» Прохорова как онтологически непоследовательная и потому всегда кратковременная попытка «высвободить» время и выйти за пределы повседневности путем принятия на себя ответственности за собственное бытие. Анализируются возможности трансформации традиционной «русской модели управления» для повышения ее производительности.

Ключевые слова: Россия, управление, производительность труда, факторы, феноменология, бытие, время, история, «русское чудо».

RUSSIAN MANAGEMENT MODEL AND THE PROBLEM OF LABOR PRODUCTIVITY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Alexander Yu. Vnutskikh, Sergey V. Komarov

Perm State University

Basing on the theory of economist A. Prokhorov, the authors formulate empirical regularities that characterize the features of the «Russian management model»: the cluster/clan character of a typical Russian organization, poorly managed at the grass-roots level, and the cyclic pattern of the alternating «stagnant» and «mobilization» phases of development. These regularities appear to impede the increase in labor productivity at Russian enterprises. On the other hand, they allow the economy as a whole to function in a

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590009 «Комплексное исследование психологических и социокультурных факторов производительности труда на предприятиях Пермского края».

fairly effective way. The empirical material was studied by means of Dasein-analysis: specific features of Russian being and time were analyzed. The basic structures of Russian being, namely «maybe»-being and carelessness were revealed. The authors suggest that Russian being is being on the other side of the oppositions of existence and non-existence, thinking and madness, fear and fearlessness, death and immortality, traditional for the European consciousness. Russian being is ontologically ambivalent. European and Russian thinking also differ in understanding of the nature of time, expressed in the figures of a line and a circle, accordingly. For a European, the main mode of thinking is the future, which determines Europeans' active efforts to change reality. For a Russian, the main mode of thinking is the past, «stuck» in the present and not allowing future to be realized. From the point of view of the phenomenological model, these features determine the cyclical nature of time of Russian being. The phenomenon of the «Russian miracle» corresponds to the Prokhorov's «mobilization phase», which is an ontologically inconsistent and therefore always short-term attempt to «free up» time and go beyond the limits of everyday life by assuming responsibility for one's own being. The authors analyze the possibilities of transforming of the traditional «Russian management model» to increase its productivity.

Keywords: Russia, management, labor productivity, factors, phenomenology, being, time, history, «Russian miracle».

Постановка проблемы

Известный российский экономист А.П. Прохоров в своей работе «Русская модель управления» [Прохоров А.П., 2002] выделяет некоторые эмпирические закономерности, действие которых «автоматически» приводит к неудаче внедрения на большинстве российских предприятий отлично зарекомендовавших себя за рубежом управленческих методик, направленных на повышение производительности труда. Речь идет о «хронической» для России проблеме низкой эффективности экономических систем и низкой производительности труда [Внутских А.Ю. и др., 2015; Пищальников Д.В. и др., 2018, с. 563–564]. А.П. Прохоров видит основания этой проблемы в следующих особенностях, свойственных «русской модели управления»:

1. Типичная организация в России — это *организация кластерного типа*, структура которой может быть визуализирована в виде «виноградной грозди», в которой жесткая «вертикаль власти» простирается только до уровня отдела, бригады, цеха, внутри которых царят круговая порука, клановость и «полнейшая автономия» [Прохоров А.П., 2002, с. 68]. По мнению некоторых экспертов, «в отличие от западной team, у нас работа в группе плохо структурирована, плохо расписаны обязанности и функции... В России в группу бросили задание, а они там начинают между собой разбираться» [цит. по: Прохоров А.П., 2002, с. 102].

2. Взаимодействие руководства и кластеров реализуется как «маятниковое движение», цикл периодически сменяющих друг друга двух фаз:

«застойной» (в условиях стабильности цели кластеров не соответствуют цели всей системы управления, кластеры имитируют деятельность, уходя от заданий и ответственности, возлагаемых на них руководством, а высшее руководство попустительствует этому) и «аварийно-мобилизационной» (в условиях внешней угрозы все ресурсы мобилизуются на одном направлении, и высшее руководство развязывает «конкуренцию администраторов», понуждая их к скорейшему решению проблемы репрессиями, — возглавляемые же этими администраторами кластеры получают полную свободу действий для получения необходимого результата «любой ценой» — их цели начинают соответствовать целям всей системы управления) [Прохоров А.П., 2002, с. 84–106].

3. Аварийно-мобилизационная фаза всегда кратковременна, поскольку оказывается весьма затратной в отношении ресурсов; кроме того, кластеры быстро находят возможности эффективно обходить требования «сверху». Эта фаза заканчивается — и вновь начинается фаза «застоя» [Прохоров А.П., 2002, с. 134–159, 198–217].

Отсюда — все особенности организационного поведения российских руководителей и исполнителей: низкий уровень исполнительской дисциплины, ограниченность конкуренции, смена длительных периодов застойного бездействия и кратковременного аварийного перенапряжения («штормовщина»), привычка делать все в последний момент — и в целом облик экономики как «экономики результата», но не «экономики эффективности».

Каковы же фундаментальные причины проявления этих эмпирических закономерностей и «системных эффектов»? Думается, что рассматривая проблемы управления российским производством важно понимать не только собственно управленческий, экономический, политический контекст этой проблемы. Представляется, что особое значение здесь может иметь глубинно-психологический и философский анализ проблемы. Речь идет о ценностных установках и психологических формациях, определяющих повседневную эмпирическую практику управления и производства. Обычно в этом случае вспоминают о пресловутом русском менталитете, чертах национального сознания, иногда вспоминают о религиозных установках [см. напр.: Ануфриева Е.В., Полежаев Д.В., 2010; Синякина Е.Г., 2017].

Тот же А.П. Прохоров в качестве непосредственной объясняющей категории использует именно «менталитет». Однако встает вопрос: чем определяется сам этот менталитет, его установки и ценности? Прохоров говорит о следующих типичных для России «наиболее заметных “материализуемых” факторах» его формирования: «крепостное право, община... отсутствие индивидуальной крестьянской собственности на землю» [Прохоров А.П., 2002, с. 27]; упоминается им и географический фактор: ни в одной другой стране мира не пашут столь далеко на севере, а это в условиях крестьянского уклада было сопряжено с продолжительным бездействием в зимний период и авральной работой в течение короткого весенне-летне-осеннего периода [Александр Прохоров..., 2018].

Все это правда. Однако, как известно, Россия перестала быть преимущественно крестьянской страной еще в советский период, и уже почти 30 лет развивается по капиталистическому пути — а проблемы низкой производительности и неэффективного управления остаются актуальными на протяжении всего этого времени. Чтобы не попадать здесь в «круг в доказательстве», когда «русский менталитет» объясняется из русской истории, географии и политики, а русская политика, география и история оказываются воплощением «русского менталитета», можно предположить, что за всеми этими феноменами национального исторического сознания могут крыться некоторые фундаментальные особенности русского существования — русского бытия

и русского времени. Эти особенности определяют экзистенциальные, смысложизненные установки, определяющие практику повседневного существования русского человека. Поэтому нам представляется, что для понимания особенностей русского менталитета, в том числе — имеющих прямое отношение к труду, производительности, эффективности, управлению — продуктивным может оказаться феноменологический анализ самого бытия.

Экзистенциальный анализ русского бытия

Говоря о русском и западном бытии, мы имеем в виду экзистенциальную структуру существования, а говоря о русском или западном человеке мы имеем в виду «идеальные типы», чье существование определяется такой структурой бытия, а не конкретных людей или конкретные народы. Речь идет о том, чтобы понять, каким образом бытие «открывается» западному и русскому мышлению.

Как известно, для М. Хайдеггера фундаментальной характеристикой присутствия сущего *Dasein* является его конечность. Эта конечность выявляется из самого отношения конечного сущего к своему бытию, а именно из их не тождественности: сущее *Dasein* стремится к своему бытию, оно просто желает быть. Само *Da* («вот») рассматривается Хайдеггером как *наличное* «здесь», смысловым горизонтом которого является само бытие. Это его стремление к бытию (отношение *Da* к *Sein*) и выступает как экзистенция, или «присутствие-размерная» характеристика самого сущего *Dasein*.

Однако — и в этом все дело — такое истолкование *Dasein* осуществляется Хайдеггером не иначе как понимание существования «западного» (европейского) субъекта [Heidegger M., 2003, s. 308–319]. Дело в том, что феноменологически *Sein* и *da* не даны нам по отдельности, а потому бытие раскрывает себя различно, в зависимости от того, с каким собственно *da* («местом») оно имеет дело. Поэтому само экзистирование (существование) конечного сущего может по-разному раскрываться в зависимости от само модуса отношения *da* к своему *Sein*. Иначе говоря, *сущее Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом*, а, следовательно, и само бытие как феномен способно открываться в разных смысловых горизонтах. Это значит, что существование русского *Dasein* (в отличие от западного) может быть иным, поскольку

иным будет отношение к самому бытию. Каким же? Нам представляется, что *русское da есть не конечное здесь-бытие западного типа, а безграничное и безмерное чистое присутствие*, поскольку само бытие (Sein) оказывается безграничным и беспредельным существованием. Это фундаментальное отличие будет определять все остальные онтологические, экзистенциальные, «ментальные» особенности русского существования, которые находят свое отражение в мышлении, дискурсе и повседневных практиках русского человека (в том числе — в практике управления, в методах повышения производительности труда¹).

Если для западного субъекта его бытие изначально конечно, то для русского оно есть безграничное здесь-бытие. Русское da («вот») открывается непосредственно в опыте восприятия и языке не только «здесь», в непосредственной наличности (конечное da), но и «там». Оно близко, всегда здесь, присутствует в *бытие*; но и «там» такой же быт, пребывание *обыденности*. Поэтому русское бытие не находится, фигурально выражаясь, «на расстоянии», а отношения между da и Sein не может быть как такового. В отличие от европейца, русский обнаруживает себя погруженным в мир.

Но такое бытие не может быть *помыслено*: оно должно быть «мерным», «граничным», чтобы быть схвачено мыслью. Это просто стихия безбрежного существования, которой лишь в малой степени коснулся логос мышления. Западное da изначально основано на тождестве мышления и бытия [Комаров С.В., 2007, с. 606–608]. Но для русского бытие безгранично, следовательно, для русского быть — значит быть вне мышления. Русское бытие не упорядочено мышлением — в том числе и мышлением управленческим; *русский не делает свою жизнь мыслительной задачей*.

Если у такого бытия нет границы, то, следовательно, нет и отношения с Ничто, с которым западное Dasein в своем стремлении быть неразрывно связан. Получается, что бытие для русских не начинается с рождением индивида, и не заканчивается с ним: оно есть воссоединение ча-

сти с целым. Русское Dasein изначально открывается как «не мое», а такое же, как у других, у которого границ нет, и которое одно на всех. Определяющим для русского существования является *народ*. Эта не расчлененность, не отделенность от других, доминирование родового, общинного, соборного, коллективного и особое понимание личности (не как индивидуального лица, но как общего лика), определяет все существование русских в истории.

Еще одна особенность русского бытия состоит в том, что, в отличие от западного, оно раскрывается как не требующее «отваги быть»: русский уже в бытии, а следовательно, все, что необходимо для бытия, у него уже имеется. Именно несовпадение, нехватка бытия в наличном здесь-бытии, стремление осуществиться, и лежит в основе волевого усилия быть западного человека. Это волевое усилие раскрывается не просто как витальный порыв, каким оно стало у Ницше; изначально оно выступало как задача отождествления здесь-бытия и бытия, следовательно, как тождество мышления и бытия, как бы конкретно оно не понималось. Для западного человека тождество мышления и наличного бытия, или тождество мышления и Бытия с большой буквы выступали как разные фазы осуществления конечного Dasein. Но для русского человека мышление никогда не тождественно бытию, причем — ни в каком смысле слова. Скорее, это стремление охватить мыслью неохватываемое и беспредельное выступает как гордыня конечного существования. Но именно поэтому такое отношение не мотивирует волю: направленность к бытию не является волевым усилием. Задача жизненного существования для русского человека не есть мыслительное и рациональное предприятие; она есть результат не волевого усилия, но постоянного жизненного совпадения с наличным бытием. Хорошо прожить — это значит получать удовольствие от самого факта жизни в каждый ее момент. В этом ключе и нравственное существование для русского человека не представляет собой интеллектуальной задачи, а является задачей практической нравственности, определенной традицией. Заметим дополнительно, что этим определяется и непонятное для западного человека «равнодушное» отношение русских к смерти и их особенная жертвенность. С одной стороны, смерть не вызывает страха, поскольку само бытие безгранично, с другой стороны, смерть не требует

¹ Русская онтология управления еще не написана, хотя первое осмысление западной онтологии управления уже имеется [Васильев Г.Е., 2008]. Мы рассматриваем эту статью в качестве одной из первых в этом перспективном направлении философских исследований.

специального к себе отношения и не вызывает какого-то сожаления, поскольку она рассматривается как необходимое дополнение самой жизни (пресловутое «Ничто» в представлениях русских как бы интегрировано в само бытие, является его стороной). Оценка смысла прожитой жизни определяется по отношению к другим, но не к себе: жизнь осмысленна, если человек жил не для себя, но для других.

Поэтому место решимости (воли к бытию) в русском здесь-бытии занимает ожидание (надежда), а место возможности — *упование на удачу, не вполне подготовленную рационально организованными усилиями*. Проанализируем в связи с этим старое русское слово «авось», которое, по мнению ряда экспертов, является маркером весьма характерных для нашего типичного соотечественника «короткой памяти», разрывов в восприятии истории, отсутствия рационального планирования (особенно долгосрочного), место которого занимает наивная надежда на то, что в будущем все как-то само собой образуется [Никитин А., 2015]. В.И. Даль трактует «авось» как «может быть станется, сбудется с выражением желания или надежды»; «а» по Далю есть «выражение противоположности», а «во» — есть указатель места/времени [Даль В.И., 1978, с. 3, 217]. Иначе говоря, *русское «авось»* — это экзистенциал решимости русского Dasein, который открывает возможность как простое доверие к бытию. Мы существуем на «авось», выражая согласие со всем, что может с нами случиться, при малой надежде на желательный исход.

Что же эти особенности означают для западной и русской *концепций труда*? Европейский человек в своем присутствии обращен к нарастающему дефициту бытия, к его убыванию, к собственному концу. Отсюда экзистенциалы Ужаса (die Angst), Смерти (der Tod) и Совести (das Gewissen), конституирующие Заботу в изначально заданной конечности существования. «Именно *озабоченность своим бытием является онтологическим истоком труда* (выделено нами. — А.В., С.К.) как фундаментальной характеристики западного тут-бытия» [Комаров С.В., 2014, с. 54].

Напротив, в устройстве «беззаботного» русского Dasein мы не обнаруживаем соответствующих экзистенциалов. Бытие уже есть, русский человек изначально в нем — поэтому дефицит его русского не заботит. Ничто, небытие изна-

чально находится внутри русского бытия — а феноменологически это переживается как «ничтожение» ужаса в русском человеке. Поэтому, наши соотечественники «страх потеряли» [Никитин А., 2015]; точнее, никогда его и не имели, поскольку, как уже говорилось, «ничто» интегрировано в само их бытие.

Русское бытие беззаботно. Но отсутствие озабоченности порождает безволие и бездеятельность при одновременном бесстрашии и безразличии к собственной личности, «неинтеллектуальный» характер нравственного сознания русского человека. *Все эти особенности негативно сказываются на применимости западных практик повышения эффективности управления и производительности труда на русской почве.*

Разумеется, русские могут быть в повседневности не менее экономичными и практичными, нежели европейцы, — успех отдельных российских предприятий, достигнутый на пути повышения производительности, это доказывает [Пищальников Д.В. и др., 2018]. Однако и в этом случае сохраняется *отсутствие* отношения повседневных дел (наличного здесь-бытия) и жизни в целом (бытия как такового). В отличие от европейского человека, у русского они друг к другу *не относятся*, русское здесь-бытие не имеет границы и к своему бытию не экзистирует.

Хорошим примером здесь может служить амбивалентное отношение русского человека к собственному здоровью, которое — в отличие от человека западного — даже не рассматривается как зона своей личной повседневной ответственности. Вот как, например, об отсутствии этой ответственности пишет очевидец: «отец регулярно пил две недели с утра до вечера, доводил себя буквально до прозрачного состояния, а потом внезапно прекращал, и с понедельника, с раннего утра, выходил во двор и начинал бегать, приседать и обтираться снегом. Это продолжалось тоже две недели, а потом цикл начинался заново» [Карпов М., 2019]. Нечто подобное происходит и в повседневной производственной жизни: свое профессиональное каждодневное дело не рассматривается как дело Жизни. Это отношение (точнее — «не-отношение») производства и повседневной жизни за пределами проходной успешных российских предприятий должно стать предметом специального исследования.

В этом не-отношении русского здесь-бытия к бытию коренятся и особенности его временных структур. Отсутствие отношения между повседневной жизнью и жизнью в целом выражается не просто в беззаботности повседневного существования, но связана именно с отсутствием конца времени. И это тоже особым образом определяет деятельность человека, его отношение к своему труду, эффективность или неэффективность производства жизни и простого производства (в экономическом смысле).

Экзистенциальный анализ времени существования

«Западное» отношение ко времени связано с последовательностью, связано с переходом — в своей основе оно линейно, причем настоящее есть граница, отделяющая прошлое от будущего, которые выступают как потенциальные; только момент «теперь» и есть в строгом смысле слова. В моменте «теперь» для западного присутствия собрано *все* бытие. Но, как мы отмечали, здесь-бытие всегда конечно, а конечность «теперь» означает для западного сознания катастрофу — фундаментальную, неразрешимую временность. Дефицит бытия гонит Dasein к тому, чтобы быть; так формируется доминирующий у западного человека модус *устремленности к будущему*: прошлое уже прошло, а настоящее есть предтеча будущего. Фигурами такого времени являются линия и счет. Этот бег в будущее сопровождается сокращением присутствия в настоящем, т.е. фактическим не-существованием западного человека [Люббе Г., 2016].

В противоположность этому западному «времени-бегу в будущее», русское время — это «время-колесо», в котором прошлое, настоящее и будущее не сменяют друг друга, а соприсутствуют, существуя только по отношению друг к другу, и «перетекая» друг в друга. Показательна этимология русского слова «время». Оно происходит от церковно-славянского «веремя» [Полный церковно-славянский словарь..., 2015], восходящего к праиндоевропейскому корню «wer» — «поворачивать» [Online Etymology Dictionary...]. Русское Dasein безгранично, и русское время не способно уйти — оно постоянно возвращается. Соответственно, момент «теперь» как выделенный, очищенный от прошлого и будущего не существует: он есть одновременно при-бывание и у-бывание. Фигурой такого

времени является круг: всякое новое есть приходящее на смену старому, «его иное», а не вообще другое. Поэтому время для русского *не уходит* — оно подобно бытию просто *есть*, причем есть не в количественном, а в качественном смысле, т.к. его при-бывание и у-бывание есть изменение степени выраженности *того же самого* [Комаров С.В., 2016, с. 37].

Но это означает *доминирование модуса прошлого*: будущее воспринимается как «переделка» того же самого, уже существующего. Русское время «стоит», поскольку каждый его момент столь же полон бытия, как был им полон каждый предыдущий момент и будет полон следующий. Соответственно, для «русского кейса» характерно «не законченное, не свершившееся до конца, застрявшее в настоящем прошлое» [Комаров С.В., 2015, с. 9]. Причем прошлое совершенно реально присутствующее в настоящем: оно может болеть, с ним (с его «пережитками») можно бороться, затрачивая на эту борьбу немалые ресурсы. Аналогичным образом и будущее во времени русского бытия есть «будущее навсегда» — оно содержит и то, что никогда не сможет наступить и осуществиться, поскольку его место занято прошлым.

Но действительное осуществление истории возможно только в том случае, если момент настоящего есть со-бытие и превращение всех трех моментов времени: с одной стороны, прошедшее должно обретать действительный смысл прошлого за счет превращения в прошлое настоящего; с другой стороны, будущее должно обретать действительный смысл будущего за счет его становления настоящим. Если такого превращения не случается — становится невозможным отношение к своему бытию, осознание его смысла и смысла истории, происходит выпадение из истории, замыкание в горизонте повседневности. Это и наблюдается в русской истории, которая разворачивается как постоянное «доделывание недоделанного», как отрицание того, что было. Сама история начинается для народа каждый раз заново. Это тотальное отрицание своего прошлого, его не осмысление оказывается в действительности его повторением. Каждое поколение как будто начинает историю с «чистого листа», но в действительности живет повторением прошлого, которое никак не может завершиться.

Однако, если все это так, то возникает серьезный вопрос. Как понимать с этих позиций

наличие «аварийно-мобилизационных» фаз русской истории, которые, тем не менее, нередко завершаются уникальными, значимыми для всего мира результатами? Как понимать парадокс русского управления, который заключается в том, что неэффективное в каждом конкретном моменте управление оказывается продуктивным в конечном итоге [Прохоров А.П., 2002, с. 11]? Почему не эффективное в каждом конкретном случае управление оказывается чрезвычайно продуктивным в «большом времени» истории (по крайней мере — иногда)? Совершенно очевидно, что при некоторых условиях русские осуществляют «прорыв в историю». Но почему эти «прорывы»/«высвобождения» каждый раз оказывались кратковременными и никогда (по крайней мере, до сих пор) не меняли общей картины русского времени как «вечного повторения»?

Возможно, все дело как раз в специфике русской экзистенции к собственному бытию, заключающейся в амбивалентном отношении к своей конечности. С одной стороны, с точки зрения феноменологического анализа ответственный личностный поступок, изменяющий действительность и «завязывающий» историю, всегда выступает следствием осознания субъектом своей *конечности* благодаря «зову Бытия»: это осознание мотивирует волю, а воля определяет поступок. Такой поступок всегда представляет собой объективацию моего «Я», «автоматически» связанную с осознанием собственной конечности.

Однако, русское восприятие этого «зова» есть как раз *отрицание своей конечности* в желании слиться с безграничным бытием, отрицание собственной воли и собственного «Я». А это плохо совместимо с ответственной активностью, направленной на переустройство реальности. В том числе — и на решение «хронических» российских проблем, например, проблемы низкой производительности труда, о которой писал еще Л.Н. Толстой в «Анне Карениной»: «...рабочие и земля... в большинстве случаев, производят мало... это противодействие не случайное, а постоянное, имеющее основание в духе народа». И именно в силу этого фундаментального отрицания рано или поздно доверие к безграничному бытию оказывается для русского человека сильнее, нежели принятие на себя ответственности за собственное бытие. Экзистенция «обрушивается» в повседневность существования. Так

происходит очередное выпадение из истории. Русским очень сложно систематически доводить поступки до их полной реализации, подлинной историчности и событийности. С позиций феноменологической исследовательской программы указанная амбивалентность русского бытия и «запускает» круги русской истории, являясь феноменологическим эквивалентом рассмотренных А.П. Прохоровым закономерностей «русской модели управления».

Заключение

Проведенный анализ выявил некоторые фундаментальные онтологические различия русского и западного существования, которые, возможно, определяют особенности менталитета. При этом — и это необходимо специально подчеркнуть — наш анализ не является оценочным. Выявленные особенности русского Dasein или русской истории не являются ни «хорошими», ни «плохими»; точно так же, как особенности западного Dasein не обладают никаким преимуществом. Речь идет о структуре онтологии. Однако возникает вопрос: если таково русское бытие, как мы должны к этому относиться *практически*? Речь ведь идет об управлении и развитии огромной страны. Может ли быть извлечено из такой структуры существования ядро, которое обеспечит устойчивое развитие, в том числе в области производства, повышения производительности труда и эффективности экономики? Эти вопросы пока остаются без ответов.

Однако предпосылкой для этих ответов может стать понимание структуры русского бытия. Обобщая сказанное выше об этой структуре, мы можем прийти к следующим предварительным выводам. Поскольку русское бытие не осмысленно — недостаточно осмысляются и повседневные производственные практики, а бездумное отношение к производственному процессу не способствует повышению производительности труда путем его рационализации. Не осмысленно и прошлое времени русского бытия, а следствие этого — способность начинать с «чистого листа» — обеспечивает как готовность к технологическим прорывам, умение добиваться результата нетривиальным способом, так и то, что новое оказывается в каком-то смысле повторением прошлого, что препятствует успешному внедрению новаций на отечественной почве. Доминирование родового в русском бытии и его «беззаботность» приводят к тому, что индивиду-

альная ответственность за свое дело и забота о росте эффективности производства остаются, скорее, исключением.

Возможно, определенные надежды следует возлагать на молодое поколение, проживающее в крупных городах. Это более озабоченное своей жизнью и своей судьбой поколение, причем их отношение к миру не определяется только индивидуальными интересами. Это новое поколение в большей степени демонстрирует ответственное поведение и, похоже, меньше готово к переделке истории «с чистого листа» [Александр Прохоров..., 2018]. В частности, предварительные результаты комплексного исследования проблемы производительности труда на промышленных предприятиях российских регионов демонстрируют, что среди предприятий, эффективно решающих проблему производительности, выделяется группа предприятий, возникших относительно недавно. Это предприятия, уходящие от кланового («кластерного») типа организационной культуры, со сравнительно молодыми коллективами управленцев, представители которых демонстрируют большую самостоятельность, более высокую способность к саморегуляции, высокий уровень гибкости в поведении и коммуникациях. На таких предприятиях управление добирается «до рук» каждого исполнителя [Vnutsikh A. et al., 2019].

Конечно, необходимо помнить, что отчуждение наемного работника и собственника или топ-менеджера имеет экономические основы, а рационализация деятельности может производить не только эффективность, но и раздор: попытки подчинить работу и управление бюрократическому контролю подрывают сотрудничество рабочих между собой, сотрудничество рабочих и администрации, парадоксальным образом снижая производительность, причем не только на российских предприятиях [Кузнецов А.Е., 2018]. Однако в любом случае разрешение этих проблем должно опираться на понимание оснований национальной психологии, которая имеет, в том числе, и рассмотренное нами онтологическое измерение.

Список литературы

Александр Прохоров о русском менеджменте. От застоя к росту / YouTube. 2018. 17 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7H2bU-o69kw> (дата обращения: 01.10.2019).

Ануфриева Е.В., Полежаев Д.В. Менталитет и национальное сознание: личностное измерение // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 6(55). С. 23–26.

Васильев Г.Е. Философия Базилевса. М.: Прогресс–Традиция, 2008. 376 с.

Внутских А.Ю., Сокрута Л.В., Пищальников Д.В. Повышение производительности труда как междисциплинарная проблема: историческая ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2015. Вып. 4(24). С. 132–142. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-132-142

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.

Карнов М. Две недели — ЗОЖ, две недели — запой // Лента.Ру. 2019. 30 ноя. URL: https://lenta.ru/articles/2019/11/30/zog_ussr/ (дата обращения 30.11.2019).

Комаров С.В. Время русского бытия (часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 4. С. 30–39.

Комаров С.В. Время русского бытия (часть II) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 5–16.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 731 с.

Комаров С.В. «Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 2(18). С. 49–59.

Кузнецов А.Е. Производя раздор: Браверман, Буравой и Кларк // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. Вып. 1(2). С. 379–391.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2016. 456 с.

Никитин А. Авось-анализ. Как короткая память мешает гражданам богатеть. // Коммерсант. 2015. № 45 от 16 ноя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2850128> (дата обращения: 01.10.2019).

Пищальников Д.В., Ныrkова Ю.Л., Руднова Н.А и др. Комплексный подход в изучении производительности труда: актуальное состояние и перспективы исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Со-

циология. 2018. Вып. 4. С. 562–572. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

Полный церковно-славянский словарь. 2012–2015. URL: <http://www.orthodic.org/word/3539> (дата обращения: 01.10.2019).

Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал “Эксперт”», 2002. 376 с.

Синякина Е.Г. Религиозность и народное благочестие русского крестьянства дореволюционного периода как основа его духовно-нравственного развития // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1, № 2. С. 18–47.

Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. 521 s.

Vnutskikh A., Pishchalnikov D., Tolochek V. Professional Destructions of Employees at Enterprises Against the Background of the Problem of Labour Productivity Growth // Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019). Arkhangel'sk: Atlantis Press, 2019. Vol. 321. P. 222–226. DOI: <https://doi.org/10.2991/ispcpep-19.2019.54>

Wer- / Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/*wer-?ref=etymonline_crossreference (дата обращения: 01.10.2019).

Получено 01.11.2019

References

Aleksandr Prokhorov o russkom menedzhmente (2018). May 17. [Alexandr Prokhorov about Russian management]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7H2bU-o69kw> (accessed 01.10.2019).

Anufrieva, E.V. and Polezhaev, D.V. (2010). *Mentalitet i natsional'noye soznaniye: lichnostnoye izmereniye* [Mentality and national consciousness: the personal dimension]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences]. No. 6(55), pp. 23–26.

Dal', V.I. (1978). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., vol. 1, 699 p.

Heidegger, M. (2003). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Contributions to philosophy (from Enowning)]. *Heidegger M. Gesamtausgabe* [Heidegger M. Complete edition]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., vol. 65, 521 p.

Karpov, M. (2019). *Dve nedeli — ZOZh, dve nedeli — zapoy* [Two weeks — Health Promotion, two weeks — Zapoy]. *Lenta.Ru*. Nov. 30. Available

at: https://lenta.ru/articles/2019/11/30/zog_ussr/ (accessed 30.11.2019).

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti. Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to fundamental ontology of consciousness]. Saint-Petersburg: Aleteyya Publ., 731 p.

Komarov, S.V. (2014). «*Patologiya» russkogo bytiya, ili russkaya glupost'*. *Malen'koye esse o gluposti* (2) [Casus of a fool. Small essay on stupidity (2)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2(18), pp. 49–59.

Komarov, S.V. (2015). *Vremya russkogo bytiya (chast' I)* [The time of Russian being (part one)]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. Iss. 4, pp. 30–39.

Komarov, S.V. (2016). *Vremya russkogo bytiya (chast' II)* [The time of Russian being (part two)]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. Iss. 1, pp. 5–16.

Kuznetsov, A.E. (2018). *Proizvodya razdor: Braverman, Buravoy i Klark* [Manufacturing dissent: Braverman, Burawoy and Clarke]. *Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. Iss. 1(2), pp. 379–391.

Lübbe, G. (2016). *V nogu so vremenem. Sokrashchennoye prebyvaniye v nastoyashchem* [In the course of time: shortened stay in the present]. Moscow: NRU HSE Publ., 456 p.

Nikitin, A. (2015). *Avos'-analiz. Kak korotkaya pamyat' meshaet grazhdanam bogatet'* [«Perhaps-based analysis». How a short memory prevents citizens from getting rich]. *Kommersant* [Kommersant]. Iss. 45, Nov. 16. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2850128> (accessed 01.10.2019).

Wer-. *Online Etymology Dictionary (2001–2019)*. Available at: https://www.etymonline.com/word/*wer-?ref=etymonline_crossreference (accessed 01.10.2019).

Pishchalnikov, D.V., Nyrkova, Yu.L., Rudnova, N.A. et al. (2018). *Kompleksnyy podkhod v izuchenii proizvoditel'nosti truda: aktual'noe sostoyaniye i perspektivy issledovaniya* [An integrated approach to examine of labour productivity: actual state and perspectives of research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy.

Psychology. Sociology». Iss. 4, pp. 562–572. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (2012–2015) [A full church-Slavonic language's dictionary. Available at: <http://www.orthodic.org/word/3539> (accessed 01.10.2019).

Prokhorov, A.P. (2002). *Russkaya model' upravleniya* [The Russian model of management]. Moscow: ZAO «Zhurnal “Ekspert”» Publ., 376 p.

Sinyakina, E.G. (2017). *Religioznost' i narodnoye bla-gochestiye russkogo krest'yanstva dorevol'yutsionnogo perioda kak osnova yego dukhovno-nravstvennogo razvitiya* [Religiosity and popular piety the Russian of pre-revolutionary period as the basis of its spiritual and moral development]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Chelovek i mir* [Institute of Psychology of RAS. Human and the world]. Vol. 1, no. 2, pp. 18–47.

Vasiliev, G.E. (2008). *Filosofiya Bazilevsa* [The Philosophy of Basileus]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 376 p.

Vnutskikh, A.Yu., Sokruta, L.V. and Pishchalnikov, D.V. (2015). *Povyshenie proizvoditel'nosti truda kak mezhdistsiplinarnaya problema: istoricheskaya retrospektiva* [Increasing of labour productivity as an interdisciplinary problem: historical retrospective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 4(24), pp. 132–142. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-132-142

Vnutskikh, A., Pishchalnikov, D. and Tolochek, V. (2019). Professional destructions of employees at enterprises against the background of the problem of labour productivity growth. *Proc. of the 2nd International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019)*. Arkhangelsk: Atlantis Press, vol. 321, pp. 222–226. DOI: <https://doi.org/10.2991/ispcpep-19.2019.54>

Received 01.11.2019

Об авторах

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Комаров Сергей Владимирович
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: komarov@rnc.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

About the authors

Alexander Yu. Vnutskikh
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Sergey V. Komarov
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: komarov@rnc.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Внутских А.Ю., Комаров С.В. «Русская модель управления» и проблема производительности труда: философский анализ // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2019. Вып. 4. С. 473–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482

For citation:

Vnutskikh A. Yu., Komarov S.V. [Russian management model and the problem of labor productivity: philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 473–482 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482

УДК 141.821/822

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-483-491

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА
И НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ**

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Череда следующих друг за другом кризисов глобального капитализма свидетельствует о глубоком системном недуге современной буржуазной цивилизации. Это и определяет повышенный интерес к Марксу, творчество которого, как и сто лет назад, вызывает бурные споры. Неугасающий интерес к Марксу и продолжающаяся полемика вокруг его учения объясняется еще и тем, что это, пожалуй, единственный мыслитель, чьи идеи в области социальной и политической философии были реализованы на практике, что и изменило ход истории человечества в XX в. Предлагаемая вниманию читателя статья «Теоретическое наследие Маркса и современность» состоит из двух частей. В первой дается краткий анализ творческого наследия немецкого мыслителя и показывается, что сильной стороной учения Маркса является методология исследования общества. Но эта методология демонстрирует свои эвристические возможности только тогда, когда теорию Маркса рассматривают не как застывшую догму, а как творческое учение, которое должно развиваться с изменением общества. В работе показывается, какие идеи и наработки экономического учения Маркса сегодня востребованы и требуют своего дальнейшего развития в связи с переходом капитализма в свою постиндустриальную стадию и формированием монополярного глобального миропорядка. В настоящее время политическая экономия Маркса не вызывает столько споров, сколько философия и политическая теория и их соотношение. В статье анализируются существующие в научной литературе точки зрения и показывается ошибочность отрыва политической теории Маркса от его философии и тем более их противопоставления. В работе рассматривается также проблема авторства политической теории.

Ключевые слова: теоретическое наследие Маркса, Советский Союз, политическая экономия, «Капитал», глобализация, философия, политическая философия, революция, «национализация марксизма», тоталитаризм.

**MARX'S THEORETICAL HERITAGE AND MODERNITY.
PART 1. MARX'S THEORETICAL HERITAGE AND SOME ACTUAL
ISSUES OF CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCES**

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University

The challenges facing global capitalism testify to the systemic crisis of the bourgeois civilization. This determines the increased interest in Marx, whose works are causing heated debate, as it was a hundred years ago. Such interest is also explained by practical implementation of his ideas, which changed the history in the 21st century. The article Marx's Theoretical Heritage and Modernity consists of two parts. The first part contains a brief analysis of Marx's heritage and shows Marx's methodology of researching society as a strong point of his teaching. However, this methodology demonstrates its heuristic possibilities

only when Marx's theory is seen not as a fixed dogma but as a creative doctrine that is supposed to evolve with the change of society. The article shows what ideas of Marx's economic teaching are in demand today and require further development in connection with the transition of capitalism to its post-industrial stage and the formation of a monopolistic global world order. At the present time, Marx's political economy does not cause so much controversy as philosophy, political theory and their relationship do. The article analyzes the points of view existing in scientific literature and shows the fallacy of separating Marx's political theory from his philosophy and especially opposing the former to the latter. The article also considers the problem of authorship of political theory.

Keywords: Marx's theoretical heritage, Soviet Union, political economy, *Capital*, globalization, philosophy, political philosophy, revolution, «nationalization», totalitarianism.

Введение

Методология научного исследования вообще и исследования общества в особенности — важнейшее достижение марксистской философии. Но ее применение требует умения, формируемого знанием и пониманием буквы и духа учения Маркса. К примеру, известное положение материалистического понимания истории гласит: «...Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде, чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д., что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей, из которой они поэтому должны быть объяснены...» [Энгельс Ф., 1961, с. 350–351]. Если эту мысль Ф. Энгельса вырвать из общего контекста марксистского учения и понять ее буквально, что чаще всего и практикуется оппонентами учения Маркса, то можно прийти к нелепому выводу, что ценность художественного произведения и его основные идеи следует объяснять состоянием желудка писателя и что уровень развития философии в стране зависит исключительно от степени развития ее экономики. Критиковать оппонента легче всего, когда его точка зрения упрощена, доведена до абсурда. Подобные приемы опровержения учения Маркса используются в настоящее время довольно часто. Это практиковалось и во времена Маркса. Известно, что основоположники марксизма категорически возражали против сведения их учения к экономическому детерминизму. По свидетельству Ф. Энгельса, подобная вульгари-

зация учения Маркса давала основание его автору отрицать свою принадлежность к марксизму. «Материалистический метод, — отмечал Энгельс, — превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты» [Энгельс Ф., 1965b, с. 351]. Характеризуя позицию некоторых адептов Маркса, трактующих его учение в духе экономического детерминизма, Энгельс писал: «Чего не хватает всем этим господам, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там следствие» [Энгельс Ф., 1965a, с. 420]. Другими словами, базовые положения учения Маркса могут быть поняты, адекватно интерпретированы и продуктивно применены в научном исследовании, если есть системное знание и понимание этой теории.

Марксизм, как известно, представляет целостное учение, состоящее из политической экономии, философии и политической теории (по Энгельсу, теории «научного социализма»). Все эти разделы связаны друг с другом. В нижеследующем дискурсе о современном значении теоретического наследия Маркса автор затронет некоторые аспекты составных частей учения немецкого мыслителя.

Экономическая теория Маркса и современность

Марксизм, как известно, представляет собой целостное учение, состоящее из политической экономии, философии и политической теории (по Энгельсу, теории «научного социализма»). Из этой триады относительное единодушие исследователи проявляют в высокой оценке экономической теории. Представляется необходимым кратко остановиться на двух моментах этой стороны творческого наследия Маркса.

Согласно экспертным данным, в период кризисов конца XX – начала XXI вв. «Капитал» был в числе наиболее продаваемых книг на Западе. Интерес к этой работе объясняется не только тем, что в ней дан непревзойденный научный анализ буржуазного способа производства, раскрыты закономерности его функционирования, причины возникающих кризисов, но и тем, что в ней предсказаны существенные тенденции эволюционирующего капитализма. Многие из этих прогнозов (тенденции развития производительных сил, техники, труда, совокупной рабочей силы, возрастающей роли науки в общественном производстве, изживании стоимостных отношений и т.д.) получили подтверждение в исследованиях постиндустриалистов (Д. Белл, А. Турен и др.), что дает основание сделать вывод о диалогичности многих идей Маркса и современных учений.

Постиндустриальное общество, ставшее во второй половине XX в. предметом изучения многих ученых, по мнению некоторых из них, есть новая историческая эпоха, которая приходит на смену капитализму [Яковец Ю.В., 1999]. Однако если руководствоваться методологией Маркса, эту социальную реальность следует определять не как посткапиталистическую цивилизацию, а как трансформирующийся кризисный капитализм на поздней стадии его развития. Наиболее важной исторически значимой тенденцией этого общества является формирование научного (по Марксу, «всеобщего») труда, вызывающего вырождение стоимостных отношений. Абстрактный труд как субстанция стоимости, как ключевой инструмент определения эквивалентных экономических отношений постепенно элиминируется из общественного производства. Но поскольку продолжает существовать производство, экономическая деятельность, вопрос о стоимости нового типа труда и его изменениях становится актуальной проблемой современной науки. «Анализ философского, политико-экономического, правового, нравственного, антропологического содержания новой формы собственности, — отмечают В.В. Орлов и Т.С. Васильева, — важнейшая задача философии экономики, политической экономии и других общественных наук» [Васильева Т.С., Орлов В.В., 2005, с. 234]. Ученые полагают, что в настоящее время наиболее характерной формой всеобщего труда является

компьютерный труд как производство абстрактных материальных структур. Соответственно, информация, будучи продуктом подобного труда, выступает субстанцией стоимости [Васильева Т.С., Орлов В.В., 2005, с. 240].

Оставляя в стороне спорную, на наш взгляд, идею авторов о компьютерном труде как современной форме всеобщего труда, мы считаем важным вывод авторов о том, что изучение субстанции стоимости формирующегося всеобщего труда является ключевой теоретической проблемой современного общественнознания. Словом, возврат к Марксу видится исследователям в том, чтобы разработать новую трудовую теорию стоимости, «укладывающуюся в трудовую парадигму марксизма».

Еще одна дискуссионная проблема, исследование которой предполагает возврат к Марксу, его идеям и методологии, — это глобализация. Публикаций по этой теме за последнюю четверть века вышло множество. И без преувеличения можно сказать: сколько авторов, столько и мнений по поводу понимания этого феномена, его природы, сущности, форм проявления. Между тем на многие эти вопросы можно найти ответы в исследованиях Маркса. «Нынешние ученые мужи и политики, — пишет Ф. Уин, — склонны считать себя мыслителями современности, любят к месту и не к месту произносить модное словечко “глобализация”, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что Маркс занимался этим вопросом еще в 1848 году. По меньшей мере, его нисколько не удивило бы глобальное господство “Макдоналдс” и MTV. Перемещение центра финансовой активности с Атлантики в Тихоокеанский регион — благодаря экономике “азиатских тигров” и силиконовому буму в городах западного побережья Америки — было предсказано Марксом более чем за сто лет до рождения Билла Гейтса» [Уин Ф., 2003, с. 9–10].

В самом деле, осмысление марксовского анализа логики развития капитала позволяет найти ответы на многие дискуссионные вопросы о природе, сущности, формах глобализации [Мусаелян Л.А., 2016]. Развитие капитала, как показал Маркс, сопровождается международным разделением труда, интернационализацией общественного производства, превращением исторического процесса во всемирно-исторический. Указанные тенденции в обще-

ственном производстве обуславливают возникновение глобализации, т.е. формирование взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира с ускоряющимися темпами развития. Однако глобализация в той форме, в какой она происходила в конце XX в., превратилась в новую глобальную проблему человечества. В результате глобализации возник глобальный жестко иерархизированный американизированный капитализм с единым центром во главе. Обладая самыми мощными в мире вооруженными силами и самыми многочисленными военными базами, разбросанными по всему земному шару, доминируя в глобальной экономике, финансах, технологиях, США выстраивают внутреннюю и внешнюю политику других государств в соответствии с интересами собственных финансовых и финансово-промышленных групп, отождествляя их с интересами всего человечества. Определяя политику мировых СМИ, США организуют пропагандистские кампании по дезинформации мирового сообщества с целью оправдания собственных неправых действий (объявление экономических санкций, организация государственных переворотов, военная агрессия против стран, власти которых отказываются подчиниться американскому диктату). Политическая элита США практически воплотила в жизнь оруэлловское «министерство правды». Но и это не все. Занимая лидирующие позиции в современных коммуникационных технологиях, Америка по существу взяла на себя функции «Большого Брата», осуществляющего тотальный контроль сотен миллионов людей не только в собственной стране, но и по всей планете. Под прикрытием лозунгов защиты прав человека, свободы, демократии США насаждают по всему миру собственные смысложизненные ценности, идеологию, модели политического управления, лишая народы выбора пути исторического развития. Словом, глобализация фактически привела к возникновению новой *глобальной формы тоталитаризма*, которая в отличие от прежних национальных форм совершенно не изучена. Без глубокого теоретического осмысления этой новой глобальной проблемы невозможно ее разрешение. Заметим, что прежние национальные формы тоталитаризма были исторически преодолены в результате Второй мировой войны. Как преодолеть глобальную форму тотали-

таризма, сохранив при этом мир на Земле, — это актуальная теоретическая и политическая проблема современности. Возникновение глобальной формы тоталитаризма — это симптом глубокого системного кризиса капитализма. Отсюда и интерес к «Капиталу» Маркса, который являет собой шедевр экономической теории, где анализируются закономерности функционирования и развития буржуазного способа производства и обосновывается вывод о неизбежности его трансформации.

Из изложенного следует, что повышенный интерес к «Капиталу» в мире сохранится до тех пор, пока существует капитализм. Здесь в оценке экономической теории Маркса у экспертного сообщества есть определенный консенсус, чего нельзя сказать относительно его философии и политической теории.

Философия и политическая теория Маркса

Известный российский философ В.Н. Шевченко выделяет три подхода к оценке этой части теоретического наследия немецкого мыслителя [Шевченко В.Н., 2018, с. 8]. Сторонники первого подхода считают, что подлинный Маркс представлен в его философии. Поэтому своей задачей они считают изучение и интерпретацию исключительно философских текстов Маркса. Большая часть этих марксологов придерживается либеральных воззрений и категорически не разделяет конечную цель революционного учения немецкого философа. В связи с этим политическая теория Маркса находится вне их научного интереса. При таком подходе, как справедливо замечает В.Н. Шевченко, можно изучать и интерпретировать работы Маркса, не являясь последователем его дела, «сделать Маркса гегельянцем, фейербахианцем или анархистом» [Шевченко В.Н., 2018, с. 9]. Чаще всего как за рубежом, так и в России Маркс объявляется гегельянцем. Но признавать Маркса гегельянцем, как остроумно заметил Р. Арон, означает превратить Гегеля в марксиста [Арон Р., 1993, с. 178].

Ранее отмечалось, что Маркс разработал целостное учение, где все разделы взаимосвязаны. Поэтому отрывать его философию от политической теории означает исказить сущность учения Маркса, лишая его философию собственно марксистского духа, ее предназначения. О практической (социально-политической)

ориентированности философии Маркса свидетельствуют не только «Тезисы о Фейербахе», но и «Экономическо-философские рукописи 1844 года», другие работы, в том числе «Капитал». Та роль, которую отводит Маркс в своем учении деятельности человека по преобразованию и развитию общества, давала основание А. Грамши называть философию марксизма философией практики [Грамши А., 1991, с. 509]. По мнению Т. Рокмора, кульминацией философского подхода Маркса является теория, не только объясняющая существующую социальную реальность, но и изменяющая ее на практике [Рокмор Т., 2016, с. 33]. Уместно отметить, что Маркс в своих работах обосновывает идею не просто изменения современного мира, а необходимости создания социальной системы, которая давала бы возможность целостного развития человека. «...Марксова теория современного индустриального общества, — пишет в этой связи Т. Рокмор, — имеет целью вызвать переход от капитализма к коммунизму как необходимую предпосылку развития конечных человеческих существ до подлинных личностей» [Рокмор Т., 2016, с. 34].

Второй подход к Марксу, о котором пишет В.Н. Шевченко, учитывает эту идею мыслителя, но исходит из того, что политическая теория Маркса вовсе не предполагает осуществление революции, ибо рабочий класс может завоевать политическую власть мирным путем, посредством демократически проведенных выборов. Идея мирного вращения капитализма в социализм имеет давнюю историю. Ее в различных вариантах и в разное время отстаивали Э. Бернштейн, К. Каутский и некоторые другие видные представители II Интернационала. Современные сторонники подобных взглядов, как и их предшественники, оценивают политику В.И. Ленина и других российских революционеров как отступление от учения Маркса [Межуев В.М., 2007].

Идея мирного завоевания трудящимися политической власти является безупречной в теории, но, как свидетельствует история, она трудно реализуема на практике. Это дает основание С. Жижке характеризовать ее как «чистейшую иллюзию» [Жижек С., 2003, с. 12]. Уместно в связи с этим вспомнить трагическую судьбу Президента Чили, социалиста Сальвадоре Альенде, пришедшего к власти в резуль-

тате мирных выборов в 1970 г. Глобальный капитализм никогда не отдает мирно ни пяди своего социально-политического пространства вне зависимости от того, насколько демократично происходили выборы, обеспечившие победу идеологическому и политическому оппоненту. Экономическая и политическая элита глобального капитализма терпит левые партии до тех пор, пока они реально не угрожают их экономическим и политическим интересам. Показательно, что за последние полвека многие социал-демократические и социалистические партии Запада сильно «поправили», окончательно отойдя от своей исходной теоретической платформы. Придя к власти, они нередко проводят более правую политику, нежели их официальные оппоненты с противоположного идеологического фланга.

Наконец, третий вариант ответа на вопрос о том, как осуществить возврат к подлинному Марксу, с которым солидаризируется В.Н. Шевченко, включает философское учение Маркса и политическую теорию марксизма. Как известно, основоположники марксизма не разработали содержательной политической теории, которая служила бы руководством для строительства нового общества. По мнению Т.И. Ойзермана, «они даже считали невозможным ее создать, полагая (в отличие от утопических социалистов), что только опыт социалистического переустройства капиталистического общества станет реальной эмпирической основой научной теории нового посткапиталистического общества. То, что обычно именуется научным социализмом, представляет собой в основном исследование генезиса, функционирования, развития капиталистического способа производства, анализ присущих ему противоречий, который привел Маркса и Энгельса к выводу о неизбежности его экономического и политического краха...» [Ойзерман Т.И., 2002, с. 3]. Сегодня нет веских оснований оспаривать эту мысль известного российского марксолога.

Согласно В.Н. Шевченко, синтез философского учения и политической теории, выражающий сущность марксизма, осуществил В.И. Ленин в XX в. «При Ленине, — отмечает ученый, — происходит “национализация марксизма” и появление русского марксизма в том смысле, что политическая теория марксизма создается с учетом всего исторического своеобра-

зия российской действительности и российской истории» [Шевченко В.Н., 2018, с. 13]. Другими словами, Ленин не только создал политическую теорию марксизма (теорию научного социализма), но и впервые применил марксистское учение в революционном преобразовании социальной действительности. Заметим, что именно эта революционная практика и особенно ее результаты явились причиной резко негативного отношения к политической деятельности Ленина многих исследователей, в том числе сторонников марксизма как на Западе, так и у нас в стране. С их точки зрения, Ленин олицетворял собой «полный провал осуществления марксизма на практике, колоссальную катастрофу, которой в двадцатом столетии была отмечена вся мировая политика, эксперимент с реальным социализмом, достигший своей кульминации в экономически неэффективной диктатуре» [Жижек С., 2003, с. 5]. С. Жижек достаточно точно выразил консенсус, сложившийся между современными оппонентами марксизма, для которых развал СССР не только означал завершение антигуманного социального проекта, ведущего Россию в тупик, но и свидетельствовал об утопичности учения Маркса, в особенности его политического проекта. Однако, с точки зрения В.Н. Шевченко, самой общей причиной бесславного конца Советского Союза было то, что не произошло возвращения и развития ленинской политической теории, более того, она под влиянием идеологии, переродилась [Шевченко В.Н., 2018, с. 21–23].

Ничуть не ставя под сомнение весомый творческий вклад В.И. Ленина в развитие марксизма, мы считаем спорной идею о том, что у основателя Советского государства была цельная содержательная политическая теория строительства социализма. По мнению В.Н. Шевченко, «Государство и революция» является ленинской политической теорией созидания нового общества. Между тем, по признанию самого автора, при написании этой работы преследовались менее амбициозные и более конкретные цели, а именно защита марксизма от оппортунизма и восстановление истинного учения Маркса о государстве. По мысли Ленина, без решения этой проблемы была немислима «борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще и империалистической буржуазии в особенности...» [Ле-

нин В.И., 1969, с. 4]. Решая конкретные задачи, В.И. Ленин в то же время формулирует в этом произведении ряд важных теоретических положений относительно задач пролетариата в грядущей революции, понимания сущности нового государства, его функций и т.д., имеющих, по оценке автора, «практически-политическое значение» [Ленин В.И., 1969, с. 4]. Но все же «Государство и революция», как и множество других менее крупных полемических работ, было написано в связи с необходимостью решения ситуативно возникающих в разных сферах общественной жизни злободневных проблем. В совокупности эти различные по своей теоретической глубине и практической значимости работы, написанные в разное время с разной целью, дают основание для вывода о том, что у В.И. Ленина было лишь общее видение будущего общества (социального идеала) и способов его реализации. В работе «Государство и революция», как и в других произведениях, рассматривающих перспективы строительства социализма, имеются основательно фундированные теоретические положения, но есть немало с точки зрения современного исторического опыта ошибочных выводов и необоснованных ожиданий, касающихся грядущего общества, международной пролетарской революции, тенденций мировой истории. И те и другие выводы основателя советского государства так или иначе опирались на учение К. Маркса, у которого, как уже отмечалось, социальный идеал представлен в самых общих чертах. Уместно здесь привести хотя бы два примера из работы «Государство и революция». «При социализме, — писал В.И. Ленин, — многое из “примитивной” демократии неизбежно отживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» [Ленин В.И., 1969, с. 116]. Эта идея была реализована сразу после революции в разных формах и в разных сферах общественной жизни, но, как правило, с одним неизменным результатом. Показательной в этом плане является организация на производстве Комитетов рабочего контроля. По мнению В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, они давали тысячам простых рабочих опыт контроля и управле-

ния. Но с точки зрения идеологически и политически менее ангажированных современников Ленина передача власти на предприятиях быстро сменяющимся и ни за что не отвечающим рабочим комитетам, состоящим из активных, но малограмотных рабочих, негативно сказывалось на трудовой дисциплине дезорганизованного производства, вела к гибели национализированных предприятий.

Далее, Ленин предлагал выборность и сменяемость в любое время чиновников и размер их зарплаты, которая должна быть не выше зарплаты хорошего рабочего. Мотивы основателя первого социалистического государства вполне понятны. Новое общество должно быть социально справедливым, а его государственный аппарат — дешевым и эффективным. Но способствовали ли предложенные методы успешному строительству социализма в России? Вот как отреагировал на эту практику известный политический деятель, философ, ученый и писатель А. Богданов: «Выборы строевого начальства — агитаторов в стратеги и в организаторы сложнейшего ротного и полкового хозяйства. Сознательный рабочий вряд ли требовал бы выборности инженеров...» [Богданов А.А., 1990b, с. 353]. Он же по поводу одинаковой зарплаты чиновника и рабочего говорил следующее: «Если комиссар-министр, выполняя работу, которая изнушает мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200–300 руб. что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? <...> Получается нечто вроде донаучного, ребяческого коммунизма “Всем поровну”» [Богданов А.А., 1990а, с. 348]. «Разве Ленин и Троцкий, — вопрошает А. Богданов в письме к А. Луначарскому, — не читали Маркса, не знают, что стоимость рабочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма» [Богданов А.А., 1990b, с. 353]. Уместно отметить то, что, видимо, этот отход Ленина-политика от теории Маркса дал основание С. Жижек упрекнуть вождя российского пролетариата в непонимании политэкономии Маркса. По мысли словенского философа, благодаря этому непониманию Ленин «смог организовать Октябрьскую революцию, первую вполне марксистскую революцию»

[Жижек С., 2003, с. 36]. И «если определенное незнание теории Маркса, — продолжает С. Жижек, — было положительным условием совершения марксистской революции, то сама революционная теория Маркса, воспринимаемая в качестве теоретической составляющей глобальной революционной практики, должна была содержать разрыв по отношению к революционной практике, то есть она должна была неверно осознавать условия для революционной практики» [Жижек С., 2003, с. 36].

Но оставим в стороне выводы автора о незнании Лениным теории Маркса. представляется уместным обратить внимание на его утверждение о том, что революция продемонстрировала разрыв политической практики и теории марксизма. Ленин, конечно, опирался на Маркса. Политика большевиков, которая вызывала крайне негативную реакцию даже марксиста А. Богданова, была навеяна идеями Маркса. Руководствуясь учением Маркса, Ленин тем не менее в конкретной ситуации действовал как политик — в соответствии с обстоятельствами, а не теорией, которая не могла предусмотреть все.

Таким образом, вопрос о соотношении марксистской теории и социального идеала, сформулированного на основе этой теории и политической практики, является важнейшей социально-философской проблемой в марксизме. В конечном счете указанная проблема сводится к вопросу о соотношении марксистской социально-философской теории и политической практики. По существу, идущая не один десяток лет политическая полемика относительно характеристики советского и других вариантов социализма касается именно этой проблемы. Заметим также, что в зависимости от характеристики того или иного варианта социализма дается оценка учения Маркса как теоретической апологии тоталитаризма, диктатуры, насилия или, напротив, — свободы, демократии, гуманизма, о чем говорилось в начале статьи. Понятно, что эта оценка зависит от мировоззренческих, политических позиций аналитика. Об этих дискуссионных проблемах более подробно будет сказано в следующей статье.

Список литературы

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Политика, 1993. 608 с.

Богданов А.А. Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.

Богданов А.А. Письмо Луначарскому. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 352–355.

Васильева Т.С., Орлов В.В. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 264 с.

Грамиши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 560 с.

Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. 256 с.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.

Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Ойзерман Т.И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 3–13.

Рокмор Т. Пикетти, марксистская политическая экономия и закон тенденции нормы прибыли к понижению // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 29–37.

Уин Ф. Карл Маркс. М.: АСТ, 2003. 429 с.

Шевченко В.Н. Маркс и марксизм: взгляд из XXI века // Философские науки. 2018. № 1. С. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-7-26>

Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 27 окт. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 414–422.

Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 350–353.

Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 350–354.

Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

Получено 03.10.2019

References

Aron, R. (1993). *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [The stages of sociological thought]. Moscow: Progress–Politika Publ., 608 p.

Bogdanov, A.A. (1990). *Pis'mo Lunacharskomu. 19 noyabrya (2 dekabrya) 1917 g.* [Letter to Lunacharsky. November 19 (December 2), 1917]. *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 352–355.

Bogdanov, A.A. (1990). *Voprosy sotsializma* [Socialism issues]. *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 295–351.

Engels, F. (1965). *Pis'mo K. Shmidtu, 27 okt. 1890 g.* [A letter to Conrad Schmidt, October 27, 1890]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 414–422.

Engels, F. (1965). *Pis'mo P. Ernstu, 5 iyunya. 1890 g.* [A letter to Paul Ernst, June 5, 1890]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 350–353.

Engels, F. (1961). *Pokhorony Karla Marksa* [Karl Marx's Funeral]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 19, pp. 350–354.

Gramsci, A. (1961). *Tyuremnye tetradi. Ch. 1* [Prison notebooks. Notebook 1]. Moscow: Politizdat Publ., 560 p.

Lenin, V.I. (1969). *Gosudarstvo i revolyutsiya* [The state and revolution]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy* [Lenin V.I. Collected works]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 33, pp. 1–120.

Mezhuev, V.M. (2007). *Marx protiv marksizma. Stat'i na nepopulyarnuyu temu* [Marx against Marxism: Articles on an unpopular theme]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 176 p.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.

Oizerman, T.I. (2002). *Marksiistskaya kontseptsiya sotsializma i real'nyy sotsializm* [The Marxist idea of socialism and real socialism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 2, pp. 3–13.

Rockmore, T. (2016). *Piketti, marksistskaya politicheskaya ekonomiya i zakon tendentsii normy pribyli k ponizheniyu* [Piketty, Marxian political economy and the law of the falling rate of profit]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 6, pp. 29–37.

Shevchenko, V.N. (2018). *Marks i marksizm: vzglyad iz XXI veka* [Marx and Marxism: a view from the 21st century]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 1, pp. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-7-26>

Yakovets, Yu.V. (1999). *Tsykly, krizisy, prognozy* [Cycles, crises, forecasts]. Moscow: Nauka Publ., 448 p.

Vasil'eva, T.S. and Orlov, V.V. (2005). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 264 p.

Wheen F. (2003). *Karl Marks* [Karl Marx]. Moscow: AST Publ., 429 p.

Žižek, S. (2003). *13 opytov o Lenine* [13 experiments about Lenin]. Moscow: Ad Marginem Publ., 256 p.

Received 03.10.2019

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья первая. Теоретическое наследие Маркса и некоторые актуальные проблемы современного обществознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 483–491. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-483-491

For citation:

Musayelyan L.A. [Marx's theoretical heritage and modernity. Part 1. Marx's theoretical heritage and some actual issues of contemporary social sciences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 483–491 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-483-491

УДК 141.333

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-492-503

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СССР: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Устинов Олег Александрович

Культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня (Сергиев Посад)

Предметом рассмотрения в настоящей статье является процесс становления философской антропологии в рамках советской философской науки в 1950–1980-е гг. Именно в этот период целый ряд исследователей, впервые получивших возможность реконструировать марксову антропологию с опорой на первоисточники, поставили своей задачей гуманизировать марксизм. Результатом этих исканий стало осознание проблемы человека как центрального пункта философии К. Маркса и философии вообще, а также обоснование необходимости разработки комплексной философской дисциплины, которая получила название «человековедение». В статье реконструируются и исследуются базовые концепты философско-антропологической мысли 1950–1980-х гг.: проект «нового человека», проблема отчуждения, соотношения социального и биологического, свободы и необходимости, личности и общества, проблема смысла и назначения жизни. Делается вывод о том, что философы-новаторы («антропологисты») еще не смогли полностью освободиться от привнесенных в философию идеологией догматических паттернов, но сумели выполнить анализ феномена человека в его индивидуальном, а не только коллективном бытии, сопровождая его выводами о самооценности личности и ее праве на автодетерминацию. Позднее, в середине 1980-х – 1990-е гг., после отмены идеологического контроля данный комплекс идей будет использован отечественными учеными как парадигмальный для формирования и институционализации философской антропологии как отдельной философской дисциплины в конструктивном диалоге с немарксистскими концепциями человека.

Ключевые слова: философская антропология, советский марксизм, человек, биологическое и социальное, субъективный фактор в истории, смысл жизни, личность и общество.

FORMATION OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN THE USSR: A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Oleg A. Ustinov

Cultural and educational center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men (Sergiev Posad)

The article deals with the formation of philosophical anthropology in the framework of Soviet philosophical science in the 1950–1980s. It was during this period that a number of researchers set a task to humanize Marxism after they had received the opportunity to reconstruct Marx's anthropology referring to primary sources. The result of these searches was the recognition of the problem of man as the central point of K. Marx's philosophy and philosophy in general, as well as the justification of the need to develop a comprehensive philosophical discipline which was called «human science». The article reconstructs and explores the basic concepts of philosophical and anthropological thought of the 1950–1980s: the «new man» project, the problem of alienation, the relationship between the social and the biological, freedom and necessity, personality and society, the problem of the meaning and purpose of life. It is concluded that innovative philosophers («anthropologists») of that period could not completely get rid of the ideological dogmatic patterns introduced into philosophy, but they managed to analyze the phenomenon of man in his not only collective but individual being; the analysis was accompanied with conclusions about the self-worth of a person and their right to auto-determination. Later, in the mid-1980s and 1990s, after

the abolition of ideological control, this set of ideas was used by Russian scientists as paradigmatic for the formation and institutionalization of philosophical anthropology as a separate philosophical discipline in a constructive dialogue with non-Marxist concepts of man.

Keywords: philosophical anthropology, Soviet Marxism, man, biological and social, subjective factor in history, meaning of life, personality and society.

1950–1980-е гг. — особый период в истории отечественной философской науки, характеризующийся появлением серии концептуальных исследований философско-антропологического характера («поворот к человеку»).

Решения XX и XXII съездов КПСС, осудившие «культ личности» И.В. Сталина, закрепили в качестве социального приоритета идеологему «Все для блага человека, все во имя человека». Объективный запрос на разработку гуманистической проблематики совпал, кроме того, с двумя важными обстоятельствами. В 1956 г. были впервые опубликованы ранние работы К. Маркса, знакомство с которыми позволило вывести в легальное поле анализ проблем сознания, личности, отчуждения, самореализации, смысла жизни, подлинной и мнимой коллективности. А в философию пришли исследователи нового типа («дети XX съезда»), получившие возможность работать в относительно свободных условиях.

Интенсивная актуализация философско-антропологической проблематики повлекла за собой идентификацию проблемы человека как центральной в марксистской философии и претензию на комплексное исследование феномена человека в рамках отдельной научной дисциплины — «человековедения». Термин «философская антропология» не принимался как дискредитированный идеалистической философией, которая закрепила за ним представление о человеке как о метафизическом существе.

Основными участниками данного процесса были т.н. «антропологисты» — философы, поставившие своей целью «очеловечивание» марксизма (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, М.С. Каган, И.Т. Фролов, Б.Т. Григорьян, И.С. Кон и др.). Однако существенную роль в разработке аутентичных К. Марксу философско-антропологических решений сыграли философы, который специально проблемой человека не занимались (Т.И. Ойзерман, Н.И. Лапин, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, и др.).

Процесс становления философской антропологии как важнейший этап развития совет-

ской философии не только является сегодня общепризнанным фактом [Мысливченко А.Г., 2001], но и становится предметом самостоятельного историко-философского исследования [Горбачев В.Г., 2012]. Настоящая статья посвящена изучению данного процесса посредством историко-генетического, историко-типологического и логико-семантического анализа конкретных концептов, составляющих его содержание. За хронологические рамки статьи выведены работы, написанные после 1985 г., как принадлежащие качественно другому периоду в истории советской философии, в условиях которого философская антропология получила возможность развиваться в конструктивном диалоге с немарксистскими концепциями.

Рассмотрим основные концепты философско-научной антропологической мысли в СССР в 1950–1980-е гг.

Первый концепт. В описании марксистского антропологического идеала в партийно-государственных текстах не произошло кардинальных изменений. Конечной целью строительства социализма по-прежнему оставался «активный строитель коммунизма» [Отчет Центрального Комитета..., 1962, с. 98], наделенный такими качествами, как «духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство» [Программа Коммунистической партии..., 1961, с. 120–121], в качестве констант его универсальной развитости. Живым олицетворением этого «нового человека» в 1960-е гг. стал первый космонавт планеты Ю.А. Гагарин [Марков Г., 1961].

«Антропологисты», основываясь на «Экономическо-философских рукописях 1844 года», осуществили реконструкцию антропологического идеала К. Маркса, значительно расширив традиционное представление об идеальном человеке с помощью образа «целостного человека», максимально реализующего свои таланты и способности в самых разных формах деятельности (преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной), которые входят в структуру личности

и суммарно образуют ее уникальную самость [Каган М.С., 1974, с. 306–312].

«Антропологистами» было установлено, что К. Маркс в течение всей жизни придерживался глубоко гуманистических взглядов, в соответствии с которыми рассматривал человека как высшую ценность в развитии общества. Однако он поставил себе цель разработать такую систему, которая на практике гарантировала бы всем людям без исключения безусловную защиту их прав и свобод. Исследуя современное ему общество, Маркс обнаружил, что человек, обладая изначально позитивной природой, проявляющейся в его базовой потребности в гармонии с другими людьми и всем миром, на каком-то этапе испытал «отчуждение» от самого себя и превратился в свое суррогатное подобие: «подлинную человечность» вытеснила «человеческая животность». Исходное отчуждение повлекло за собой и отчуждение человека от труда, морали, культуры, науки и техники, социальных и политических институтов, природы.

Согласно «антропологистам», К. Маркс определял, что причиной общечеловеческой катастрофы является развитие частной собственности, разделение труда и образование классов, приведших к эксплуатации и угнетению людей людьми. Выход человека из квазичеловеческого состояния и его возвращение к целостности во всей его деятельности на новом, обогащенном уровне возможны только в результате ликвидации исторически сложившейся экономической структуры общества. В связи с этим К. Маркс приступил к подробному исследованию капитализма, уточняя и заменяя философскую терминологию на экономическую как более точную с точки зрения создания научной теории об освобождении человечества. Финальным итогом этого исследования явилось учение о социальной революции, осуществляемой рабочим классом, которому и предстоит организовать над обществом свою диктатуру именно как систему мер защиты прав и свобод всех угнетенных и обездоленных [Лапин Н.И., 1986; Ойзерман Т.И., 1962].

Таким образом, детально проработав философско-антропологическую основу классического марксизма, «антропологисты» подготовили условия для дальнейшей гуманизации философского знания в СССР: «...человек... есть для человека высший и самый интересный

предмет в универсуме» [Ильенков Э.В., 1991b, с. 107]. Традиционное для советского марксизма утилитарное сведение человека до социальной функции — «общественно полезного работника» — было отвергнуто как редукция Марксовой антропологии. Изыскания новаторов приобрели большую популярность и затронули творчество некоторых советских писателей. Так, пафос противопоставления подлинной человечности и человеческой животности нашел оригинальное преломление в серии научно-фантастических романов и повестей А.Н. и Б.Н. Стругацких о коммунистической цивилизации будущего [Любутин К.Н., Коряковцев А.А., 2010, с. 750]. Но еще более важным было то, что «антропологисты» приступили к собственно научному анализу человека как многомерного феномена без жесткой привязки к идеологическим догмам.

Второй концепт. При решении проблемы соотношения биологического и социального в человеке советские философы отстаивали понимание человеческой сущности как биопсихосоциальной, образуемой синтезом всех ее компонентов при определяющей роли социальных факторов.

Отталкиваясь от марксовой трактовки человека как совокупности общественных отношений, они ретроспективно проследили исторический генезис сознания и самосознания людей через формирование в условиях их коллективной предметно-практической деятельности языковых конвенциональных символов и далее на их основе — всей человеческой культуры как суммы материальных и интеллектуальных практик, социально наследуемых и развивающихся от поколения к поколению. Физиология является, по их мнению, лишь необходимой предпосылкой развития сознания, но отнюдь не определяет и не исчерпывает его содержания. Так, А.Н. Леонтьев констатировал: «Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития ... многообразно меняются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность. Личность есть специальное человеческое образование... (Маркс го-

ворит: производство сознания, производство потребностей), личность человека тоже “производится” — создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности» [Леонтьев А.Н., 2004, с. 14, 135].

Отметим, что именно советские психологи (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.М. Теплов и др.) внесли существенный вклад в познание феномена человеческого сознания, проанализировав при помощи деятельностного подхода к психическому развитию его структуру, функции, особенности и закономерности как результат процессов интериоризации (формирование умственных представлений и знаний в ходе практики, их переход из внешнего состояния во внутреннее) и экстериоризации (опредмечивание представлений и знаний, их переход из внутреннего во внешнее состояние).

Вариантом анализа экстериоризации и интериоризации в деятельности человека в философии был анализ т.н. идеального как процесса и результата субъективного психического отражения объективной материальной реальности в мозге человека вследствие его социокультурной практики по освоению и преобразованию природы и общества. Под содержанием идеального имелась в виду, таким образом, вся интеллектуальная деятельность человека, опредмеченная в продуктах культуры. В официальном дискурсе расширенное толкование данного термина относительно онтологической укорененности «идеального» в бытии пресекалось как отход от материализма, поскольку вызывало ассоциацию с гегелевским образом человека как духа, «конечного сознания», единосущного с Абсолютом.

Однако, отрицая ошибочные, по их мнению, представления о растворении биологического и социального друг в друге или их дуальном сосуществовании («двойной детерминации личности»), советские философы допускали абсолютизацию социального начала. В качестве триумфального доказательства марксистского тезиса о том, что «труд превратил обезьяну в человека» ими был приведен «Загорский эксперимент» — опыт И.А. Соколянского и А.И. Мещерякова (1970-е гг.), в ходе которого группа детей с полной или почти полной потерей зрения и слуха сумела овладеть предметами, речью, а также освоить школьную программу в объеме, достаточном для поступления в МГУ

им. М.В. Ломоносова, посредством специальной научной методики, включившей их в активную общественно-практическую деятельность. Некоторые из участников «Загорского эксперимента» впоследствии стали научными работниками [Ильенков Э.В., 1977; Мещеряков А.И., 1974]. Тем не менее его релевантность вызывала некоторое сомнение у части ученых, критиковавших опыт И.А. Соколянского и А.И. Мещерякова по причине того, что их воспитанники потеряли слух и зрение в раннем возрасте, а следовательно, уже имели опыт социокультурной деятельности и не находились на стадии «психического нуля», как утверждала идеологическая печать [Дубровский Д.И., 2018].

Так, Д.И. Дубровский осознавал научную несостоятельность социологизаторства и выступал с предложением о пересмотре сложившегося понимания соотношения биологического и социального. Признавая приоритет социально-деятельностных механизмов над физиологическими параметрами, он отказывал им в факте безусловного доминирования в формировании личности и напоминал о необходимости серьезного анализа природных особенностей и предрасположенностей человека, определяемых генетически уникальной нейронной структурой его мозга, в том числе в период школьного обучения [Дубровский Д.И., 1971]. Но так как неизбежным следствием данной позиции должно было стать признание неустранимой дифференциации общества по наличию и отсутствию у людей тех или иных талантов и способностей, а значит и пересмотр советского антропологического проекта с его идеей развития всех членов общества до состояния «универсального человека», все ее сторонники критиковались за выражение не вполне марксистских взглядов такими крупными авторитетами, как П.Н. Федосеев и Б.Г. Ананьев [Грэхэм Л., 1991, с. 232]. Среди творческих марксистов ярким противником теории врожденного интеллекта был Э.В. Ильенков [Ильенков Э.В., 1968].

Таким образом, в теориях советских философов определилась тенденция вытеснения социальным началом биологического, фактически не оставляя за ним самостоятельного значения, что неизбежно обуславливало неадекватное понимание биосоциальной сущности человека во всей сложности и многофакторности этого фе-

номена. Однако выполненный ими анализ формирования и развития сознания как социокультурного процесса остается до настоящего времени базовым для отечественной и мировой философской науки.

Третий концепт. Соотношение свободы и необходимости анализировалось советскими философами в соответствии с формулой К. Маркса о свободе как познанной и преодоленной необходимости с акцентом на ведущую роль в процессе практики субъективного фактора, персонализируемого в пролетариате и — шире — в социалистическом обществе — «коллективном человеке».

Обличая фантомность неких метафизических субъектов истории, защищаемых идеалистической антропологией, и рассматривая человека как единственного «хозяина времени и пространства», они демонстрировали гносеологический оптимизм, приводя в качестве примера достижения советской и мировой науки и прежде всего — в области физики и техники. Так, Э.В. Ильенков полагал неизбежным освоение человеком сначала околоземного, а далее и всего космического пространства, терраформирование планет и как итог — познание тайны рождения материи, овладение которой позволит человеческому роду стать подлинным Демиургом Вселенной в статусе бесконечно воспроизводящего себя самого Абсолюта. Познание и преобразование природы в ее бесконечности с целью ее спасения (поскольку через миллионы и миллионы лет метагалактика, погибающая в «тепловой смерти», будет перезапущена людьми, приносящими себя в жертву во имя спасения разумной жизни), Э.В. Ильенков полагал смыслом человеческого существования, перед которым меркнут любые религиозные представления о цели и назначении пребывания человека на земле [Ильенков Э.В., 1991а].

Традиционно не менее грандиозные перспективы грезилась советским философам и в области генетики, молекулярной биологии и биотехнологии, прогресс в которых позволил бы, с их точки зрения, надеяться на создание лекарства против старости посредством изучения фактического бессмертия ряда биологических организмов и выяснения органики их удивительных свойств. Отдавая себе отчет в неустранимости смерти как таковой, советские ученые говорили о бессмертии в кавычках, по-

нимая под ним максимально возможное продление человеческой жизни [Урланис Б.Ц., 1978; Фролькис В.В., 1975].

Однако пафос радикального переустройства мира, свойственный раннему советскому марксизму, был существенно смягчен. В комментариях философов по поводу развития естественных наук требование учета объективных факторов соблюдалось строго, а претензии на победу над материей либо отодвигались на перспективу миллионов и миллионов лет, синтезируясь с научной фантастикой как формой художественного вымысла, либо рассматривались с точки зрения их гуманности и этичности [Белкина Г.Л., Корсаков С.Н., 2008].

В сфере общественного развития трактовка соотношения свободы и необходимости также выдерживалась в категориях строгой научности. Так, разоблачая как очевидное искажение классического марксизма эклектичную смесь детерминизма и волюнтаризма в таких ее версиях, как эмпириомонизм в России [Ильенков Э.В., 1980] и маоизм в Китае [Алтайский М.Л., Ильенков Э.В., 1973], Э.В. Ильенков показывал, что преобразование реальности, по К. Марксу и В.И. Ленину, реализуется в строгой подчиненности ее диалектико-материалистическому познанию, при котором реальность раскрывается в восхождении от абстрактного к конкретному и наоборот во всех ее взаимосвязях, противоречиях и особенностях. Так понятая методология марксизма была эквивалентна в представлении Э.В. Ильенкова мышлению, в то время как волюнтаристские суждения олицетворяли для него сознание; между марксистскими и волюнтаристскими суждениями простирается пропасть как между научным и антинаучным способами познания природы, общества и человека.

Э.В. Ильенков предупреждал, что только построенная на диалектической логике практика способна вывести общество к новым ступеням его свободы, а игнорирование объективной необходимости или неумение ею пользоваться является дорогой к социальной катастрофе. Фактически в своих работах философ дал фундаментальный критический анализ сталинизма как практической версии богдановского эмпириомонизма.

Проблему субъекта истории Э.В. Ильенков специально не поднимал и не детализировал, но,

констатируя, что субъектом преобразований является рабочий класс и само общество, отмечал, что внутри него значение и ценность имеет каждая личность. Следует учитывать, что в партийной печати, несомненно влияющей на философию, после осуждения теории и практики «культы личности» исчез образ вождя, гениального тактика и стратега, «сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству», самовольно и единовластно указывающего обществу путь развития и физически истребляющего несогласных [Хрущев Н.С., 1959, с. 3, 10–12]. Но все его патерналистские интеллектуальные функции были переданы коллективу лидеров, сохранявших за собой статус субъекта, использующего массы как социальный инструмент. Все указания на то, что лидеры партии лишь выражают интересы людей, в чем и состоит их «величие» [Диалектический и исторический материализм..., 1973, с. 361], но не определяют эти интересы, концептуального значения не имели.

Э.В. Ильенков каких-либо явных выпадов против партийной монополии на субъектность себе не позволял. О роли отдельной личности в механизме коллективной социальной субъектности писал его последователь Г.С. Батищев («...чтобы, несколько не сводя человека к вещи, научно понять его как обладающего всеми атрибутами субъекта — свободой, самостоятельностью, способностью к творчеству — и потому своим личностным я, надо в самом объективном бытии увидеть его бытие в качестве субъекта деятельности...» [Батищев Г.С., 2015, с. 125]), но и он нигде не выступал прямо против общего понимания партии как вершительницы судеб общества.

В еще меньшей степени тема конкретного субъекта истории и экстраполяций выводов исследования на реалии советского общества диалектическая логика изучалась другими советскими философами, позиционировавшими К. Маркса и В.И. Ленина как первооткрывателей универсального научного метода, который должен сделать общество свободным во всех отношениях [Розенталь М.М., 1974].

Положение о «коллективном человеке» как субъекте истории не подвергалось изменениям, хотя и было расширено за счет признания значения в его деятельности воли и стремлений каждого отдельно взятого человека.

Таким образом, при сохранении устоявшейся в марксизме ориентации на познание как на бесконечный и ведущий к победе путь развития общества в этот период методологически закрепилось понимание антропологического влияния на материю во всех ее формах только как строго научного процесса.

Четвертый концепт. Изучение проблемы смысла жизни была впервые включена советскими философами в перечень актуальных, причем решаемых современной наукой проблемой. Понимая под смыслом жизни цель и назначение человека в мире, делающее его существование аксиологически оправданным и социально полным, советские ученые выдвинули на первый план идею творческой самореализации личности как необходимую для обретения ею внешней и внутренней гармонии.

Отправной точкой исследования стало положение К. Маркса о тождественности смысла жизни и счастья, а также о зависимости счастья человека от блага всего человечества. Этот тезис интерпретировался на первом этапе как борьба за эмансипацию и гуманизацию социума, а по достижении данной — как цели раскрытие человеком его талантов и способностей, востребованных другими людьми и потому приносящих максимально возможное психологическое удовлетворение.

Подтверждение марксова определения счастья было дано психологами в контексте исследования структуры и особенностей человеческой психики. Так, А.Н. Леонтьев показывал, что заикленность человека на эгоистическом удовлетворении физических и материальных потребностей неумолимо ведет к разрушению его личности. Гораздо большее значение должны иметь духовные ценности, аккумулируемые в стремлении к самореализации на благо общества: «...чем более открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир» [Леонтьев А.Н., 2004, с. 150–151, 163].

Данный подход во многом совпадал с решением проблемы счастья у А. Маслоу, автора теории иерархии потребностей, но имел свою специфику. Вся самостоятельность и самореализация личности замыкалась у советских философов в рамках социальной деятельности в виде служения человечеству, а конкретно — в строительстве коммунизма. В соответствии с идеоло-

гическими предписаниями, некритически перенесенными в философию, советский человек, как «достойный строитель коммунизма», должен был выполнять различные производственные задачи, становясь «героем в повседневной жизни, героем в труде, в борьбе с косностью, эгоизмом» и вдохновляясь при этом образами патриотов — героев войны (Н.Ф. Гастелло, В.В. Талалихин, А.М. Матросов, З.А. Космодемьянская и др.) [Филонович П.Э., 1963, с. 184, 183] и партийных лидеров — «людей большого ума, смелого сердца, твердой воли» (Ф.Э. Дзержинский, Я.М. Свердлов, С.М. Киров, Г. Димитров, М. Торез) [Диалектический и исторический материализм..., 1973, с. 363–364].

Принятый в 1961 г. на XXII съезде КПСС «Моральный кодекс строителя коммунизма» обязывал советского гражданина считать своими базовыми ценностями «преданность делу коммунизма», «любовь к социалистической родине», «коммунистическое отношение к труду», «высокое сознание общественного долга» и «нетерпимость к нарушениям общественных интересов», патриотизм и интернационализм. Теоретической экспликации эксплуатации в капитализме «человек человеку волк» противопоставлялся принцип социалистического гуманизма «человек человеку — друг, товарищ и брат». В реализации свод принципов коммунистической нравственности должен был дать наиболее гармоничную и, следовательно, счастливую организацию общественной жизни [Программа Коммунистической партии..., 1961, с. 119–120].

Таким образом, советские философы не смогли отказаться от акцента на обязательном для человека функциональном служении обществу, что в реалиях того времени означало выполнение задач партии и правительства и существенно искажало взгляды основоположника марксизма. Развитию советской философской антропологии в русле персонализма мешала традиция подчинения научного поиска идеологическим задачам. Но сама попытка аутентичной реконструкции идеи К. Маркса о творческой самореализации личности как решения проблемы смысла жизни свидетельствовала о набирающей силу тенденции к изучению человека через его действительные потребности.

Пятый концепт. Проблема соотношения личности и общества рассматривалась совет-

скими философами сквозь призму усложненного социотризма, преобразованного с учетом ошибок его вульгарной интерпретации. Будучи идентифицированной как «единичное воплощение» ансамбля общественных отношений, личность была признана уникальным и неповторимым социальным феноменом, демонстрирующим посредством своего отношения к миру, обществу и самому себе самосознание и самостоятельное поведение.

Осуждение «культы личности» И.В. Сталина как уродливого нарушения «социалистической законности» не только с политических, но и с моральных позиций [Пуцаев Ю.В., 2014, с. 414] имело в качестве своего следствия идеологический запрос на признание ценности каждой отдельно взятой личности, ее прав и свобод и даже выдвинутое к ней требование о самостоятельности в оценках и суждениях, которое было артикулировано философами («Нет картины более нелепой, чем слепо верующий марксист или поклоняющийся кумиру коммунист» [Диалектический и исторический материализм..., 1973, с. 362], «Тот не коммунист, кто самостоятельность и суверенность своего нравственного разума (т.е. мыслящей, рефлектирующей и критичной совести) отчуждает от себя вовне, надевая тем самым бесконтрольную самостоятельностью и суверенностью институциональные формы вместо самого себя...» [Батищев Г.С., 1969, с. 141]) и широко растиражировано в художественной литературе: «Я уяснил, / Что значит быть свободным... Всеми и всем я помогать обязан / Освободиться!» (Л.Н. Мартынов [цит. по: Кон И.С., 1967, с. 318]).

«Антропологи́сты» ратовали за разработку философской теории личности в рамках марксизма и косвенно признавали известную автономность личности в отношении общества, размышляя о самостоятельности личности как о ее конститутивном качестве, без которого личность перестает быть личностью в собственном смысле. Неслучайно Э.В. Ильенков подчеркивал, что личность возникает лишь тогда, «когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему... культурой», оставаясь до этого момента социальным объектом, индивидуальность которого не может быть названа человеческой индивидуальностью [Ильенков Э.В., 1991с, с. 398].

И.С. Кон, разбирая специфику становления личности, цитировал высказывание Г.С. Батищева о том, что человек не может быть «вылеплен» или «произведен» неким односторонним механическим способом. Его личностная трансформация возможна только в процессе самостоятельной социокультурной деятельности, в которую его можно только «включить» [Кон И.С., 1967, с. 122].

Некоторыми психологами обосновывалось представление о личности как о субъекте поступка вообще и нравственного поступка в частности. Так, А.Н. Леонтьев высказал в своих рассуждениях о специфике личности мысль о необходимости «на каждом повороте жизненного пути... что-то утверждать в себе...», а не только «подвергаться влияниям среды» [Леонтьев А.Н., 2004, с. 164], обосновывая тем самым осторожно, на дистанции научной абстракции, положение об известной самодетерминации личности. Отдельными учеными была предпринята попытка проанализировать феномен внутренней свободы личности как квинтэссенции ее самостоятельности и независимости внутри своего духовного мира. Характерно следующее размышление С.Л. Рубинштейна, имплицитно содержащее явную смысловую отсылку к анализу проблемы личности в тоталитарном обществе: «...человеку нужно отстаивать свою свободу не от истин научного познания, утверждающего детерминированность всего существующего в мире, а от тех слепых и грубых сил, которые всегда готовы наложить оковы запрета и принуждения не только на волю, но и на мысль человека, поскольку мысль и воля неразрывны. ... Существо конечное, ограниченное, страдающее, зависимое от объективных обстоятельств и вместе с тем активное, изменяющее эти обстоятельства, преобразующее мир, — человек, подчиняясь необходимости, вместе с тем свободен. Он в принципе может и, значит, должен принять на себя ответственность за все им содеянное и все им упущенное» [Рубинштейн С.Л., 2003а, с. 253].

Правы, на наш взгляд, исследователи, полагающие, что именно переход к изучению феномена человека не только в его коллективном, но и в индивидуальном бытии и стал фундаментом становления философской антропологии в СССР [Горбачев В.Г., 2012, с. 9].

Большинство «антропологов» строило защиту положения о самостоятельности личности в контексте критики «казарменного коммунизма», при котором общество подавляет личность, деперсонализирует ее до состояния пассивной и взаимозаменяемой социальной функции [Батищев Г.С., 1969, с. 138]. Подлинным коллективом назывался только тот коллектив, который гарантирует равенство возможностей для всех его членов как целостно развитых личностей: «“Что важнее — коллектив или личность?” ... коллектив..., но лишь в том случае, если он состоит из личностей. Ибо сумма единиц есть число, всегда большее единицы, а сумма нулей всегда равняется нулю» [Кон И.С., 1967, с. 344], «Социалистический гуманизм... рассматривает свободное развитие каждого как условие свободного развития всех» [Константинов Ф.В. и др., 1979, с. 381]. Четкое указание на характерные черты негативной коллективности со ссылкой на К. Маркса было очевидным шагом вперед, к восстановлению изначального для классического марксизма гуманистического отношения к человеку.

Таким образом, понимание человека как социального продукта и сведение его до элемента общественных сил, безликой социальной функции было определено как противоречащее марксизму.

Однако отказаться от примата общества над личностью как такового советские философы готовы не были. Стремление к индивидуализму они рассматривали как искажение социальной (коллективной) сущности человека, связанной с неадекватными условиями его развития, которые вынуждают его замещать свою неполноценность разного рода эскападами, и называли лучшей формой проявления индивидуальности личности раскрытие ей своих талантов и способностей, направленных на улучшение жизни общества и одобренных остальными его членами. Непререкаемым долгом каждого считался производительный труд на благо общества, критерием оценки которого являлась ответственность не перед собой, а перед трудовым коллективом, пролетариатом и его партией: «Когда с конвейерной ленты сходит автомобиль, то не найдется никого, кто мог бы сказать: “Этот автомобиль сделал я”... в сферах высшей духовной деятельности иногда подстерегает опасность выпячивания своего “я”... преувеличения личной роли» [Константи-

нов Ф.В. и др., 1979, с. 380]. Идеологическая риторика о «подлинной коллективности», в которой все ее члены равны друг перед другом, периодически все равно срывалась в привычное растворение «я» в «мы». Инверсию понятий «личность» и «общество» осмелился произвести только С.Л. Рубинштейн, утверждавший, что не человек существует для счастья общества, а общество для счастья человека [Рубинштейн С.Л., 2003b, с. 375].

В результате, с одной стороны, «антропологистами» была сформулирована с определенными оговорками идея автодерминации личности, но с другой — имплицитно содержащийся в ней переход к мысли о возможности и праве личности встать над коллективом и даже вступить с ним в конфликт выполнен ими не был. Однако дальнейшее развитие этой идеи было лишь делом времени.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. в советской философии начался процесс становления и формирования философской антропологии, базовым основанием которой стало осознание новым поколением ученых проблемы человека как центрального пункта не только марксистской философии, но и философии как таковой, требующей для своего решения аккумуляции и одновременно гуманизации знаний из различных отраслей наук. Как подчеркивал Б.Т. Григорьян, «...вопрос “Что такое человек?” пронизывает собой и определяет способ постановки всех без исключения существенных собственно философских проблем. ...если философия стремится быть поистине философией человека (а не его забвения), то она не имеет права не укоренить своего гуманизма в последовательном осмыслении всех своих существенных проблем» [Григорьян Б.Т., 1969, с. 76]. «Поворот к человеку» был произведен советскими философами основательно и необратимо, и значимость этого события трудно переоценить. С середины 1980-х и в 1990-е гг. именно философско-антропологические разработки данного периода стали востребованы в контексте формирования и институционализации отечественной философской антропологии как имеющие парадигмальный характер.

Список литературы

Алтайский М.Л., Ильенков Э.В. Фальсификация марксистской диалектики в угоду маоистской политике // Коммунист. 1973. № 18. С. 93–105.

Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / под ред.

И.Ф. Балакиной, Б.Т. Григорьяна, С.Ф. Одуева, Л.А. Шершенко. М.: Наука, 1969. С. 73–144.

Батищев Г.С. Общественно-историческая, деятельная сущность человека // Батищев Г.С. Философско-педагогические произведения. Собр. соч.: в 2 т. / Алтайская гос. акад. образования им. В.М. Шукшина. Бийск, 2015. Т. 1. С. 121–138.

Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М.: Ин-т философии РАН, 2008. Вып. 2. С. 18–54.

Горбачев В.Г. Антропологический поворот в советской философии (1960–70-е годы) // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3(24). С. 7–14.

Григорьян Б.Т. На путях философского познания человека // Проблема человека в современной философии / под ред. И.Ф. Балакиной, Б.Т. Григорьяна, С.Ф. Одуева, Л.А. Шершенко. М.: Наука, 1969. С. 5–70.

Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.

Диалектический и исторический материализм. Для системы партийной учебы / под общ. ред. С.М. Ковалева. 4-е изд. М.: Политиздат, 1973. 367 с.

Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 386 с.

Дубровский Д.И. Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об актуализации проблемы) // Философские науки. 2018. № 1. С. 89–117.

Ильенков Э.В. Космология духа. Попытка установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415–437.

Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980. 175 с.

Ильенков Э.В. Опередивший свое время // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 102–108.

Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.

Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 387–414.

Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) М.: Политиздат, 1974. 328 с.

Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.

Константинов Ф.В. и др. Основы марксистско-ленинской философии: учебник. 4-е изд., перераб. М.: Политиздат, 1979. 464 с.

Лавин Н.И. Молодой Маркс. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 479 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл: Академия, 2004. 352 с.

Любутин К.Н., Коряковцев А.А. Рукописи К. Маркса // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. С. 741–772.

Марков Г. Вот оно, чудо! // Известия. 1961. № 88. 12 апр. С. 4. URL: <https://www.oldgazette.ru/izvestie/12041961/index.html> (дата обращения: 18.06.2019).

Мецзяков А.И. Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974. 328 с.

Мысливченко А.Г. Новые тенденции и направления в философских исследованиях (60–90-е гг.) // История русской философии: учеб. для вузов / под ред. М.А. Маслина и др. М.: Республика, 2001. С. 598–617.

Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1962. 550 с.

Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС: доклад Первого секретаря ЦК товарища Н.С. Хрущева // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года: стеногр. отчет: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 15–132.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.

Пуцаев Ю.В. Проблема морали в философии советского времени // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Ин-т философии РАН; под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 414–434.

Розенталь М.М. Ленинская диалектика сегодня. М.: Знание, 1974. 65 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 43–280.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 282–426.

Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 310 с.

Филонович П.Э. О коммунистической морали: популярный очерк. М.: Политиздат, 1963. 255 с.

Фролькис В.В. Старение и биологические возможности организма. М.: Наука, 1975. 272 с.

Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствия». М.: Госполитиздат, 1959. 80 с.

Получено 13.09.2019

References

Altayskiy, M. and Il'yenkov, E. (1973).

Fal'sifikatsiya marksistskoy dialektiki v ugodu maovistskoy politike [Falsification of Marxist dialectics in favor of Maoist politics]. *Kommunist* [Communist]. No. 18, pp. 93–105.

Batischev, G.S. (1969). *Deyatel'naya suschnost' cheloveka kak filosofskiy printsip* [The active essence of man as a philosophical principle]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii*, pod red.

I.F. Balakina, B.T. Grigor'yan, S.F. Oduyeva, L.A. Shershenko [The problem of man in modern philosophy, ed. by I.F. Balakin, B.T. Grigorian, S.F. Oduyev, L.A. Shershenko]. Moscow: Nauka Publ., pp. 73–144.

Batischev, G.S. (2015). *Obschestvenno-istoricheskaya, deyatel'naya suschnost' cheloveka* [Socio-historical, active essence of man]. *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya: Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Philosophical and pedagogical works: Complete works: in 2 vols]. Biysk, vol. 1, pp. 121–138.

Belkina, G.L. and Korsakov, S.N. (2009).

I.T. Frolov i stanovlenie otechestvennoy bioetiki [I.T. Frolov and the formation of the national bioethics]. *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza* [Bioethics and Humanitarian Expertise]. Moscow: IPh RAS Publ., iss. 2, pp. 18–54.

Dubrovskiy, D.I. (2018). *Fenomen slepoglukhoty. Esche raz o Zagorskom eksperimente (o faktakh fal'sifikatsii, ee zaschitnikakh i ob aktualizatsii problema)* [The phenomenon of deafblindness. Once again about the Zagorsk experiment (on the Facts of falsification, its defenders and on the actualization of

the problem)]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 1, pp. 89–117. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-89-117>

Dubrovskiy, D.I. (1971). *Psikhicheskie yavleniya i mozg. Filosofskiy analiz problemy v svyazi s nekotorymi aktual'nymi zadachami neyrofiziologii, psikhologii i kibernetiki* [Psychic phenomena and the brain. Philosophical analysis of problems in connection with some actual tasks of neurophysiology, psychology and cybernetics]. Moscow: Nauka Publ., 386 p.

Filonovich, P.E. (1963). *O kommunisticheskoy morali: populyarnyy ocherk* [About Communist morality: a popular essay]. Moscow: Politizdat Publ., 255 p.

Frolkis, V.V. (1975). *Starenie i biologicheskie vozmozhnosti organizma* [Aging and biological capabilities of the organism]. Moscow: Nauka Publ., 272 p.

Gorbachev, V.G. (2012). *Antropologicheskiy povorot v sovetskoy filosofii (1960–70-e gody)* [Anthropological turn in soviet philosophy (1960–70s)]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. No. 3(24), pp. 7–14.

Graham, L.R. (1991). *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze*, per. s angl. [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union, trans. from Eng.]. Moscow: Politizdat Publ., 480 p.

Grigor'yan, B.T. (1969). *Na putyakh filosofskogo poznaniya cheloveka* [On the ways of philosophical knowledge of man]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii*, pod red. I.F. Balakina, B.T. Grigorian, S.F. Oduyeva, L.A. Shershenko [The problem of man in modern philosophy, ed. by I.F. Balakin, B.T. Grigorian, S.F. Oduyev, L.A. Shershenko]. Moscow: Nauka Publ., pp. 5–70.

Ilyenkov, E.V. (1991). *Kosmologiya dukha. Popytka ustanovit' v obschikh chertakh ob'ektivnuyu rol' myslyashey materii v sisteme mirovogo vzaimodeystviya* [A cosmology of the spirit: an attempt to establish in general the objective role of thinking matter in the system of universal interaction]. *Ilyenkov E.V. Filosofiya i kul'tura* [Ilyenkov E.V. Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 415–437.

Ilyenkov, E.V. (1980). *Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma* [Leninist dialectics and the metaphysics of positivism]. Moscow: Politizdat Publ., 175 p.

Ilyenkov, E.V. (1991). *Operedivshiy svoe vremya* [Ahead of his time]. *Ilyenkov E.V. Filosofiya i*

kul'tura [Ilyenkov E.V. Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 102–108.

Ilyenkov, E.V. (1968). *Psikhika i mozg (Otvét D.I. Dubrovskomu)* [The mind and the brain (Response to D.I. Dubrovsky)]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 11, pp. 145–155.

Ilyenkov, E.V. (1977). *Stanovlenie lichnosti: k itogam nauchnogo eksperimenta* [Formation of personality: to the results of scientific experiment]. *Kommunist* [Communist]. No. 2, pp. 68–79.

Ilyenkov, E.V. (1991). *Chto zhe takoe lichnost'?* [What is personality?]. *Ilyenkov E.V. Filosofiya i kul'tura* [Ilyenkov E.V. Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 387–414.

Kagan, M.S. (1974). *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity (experience of systemic analysis)]. Moscow: Politizdat Publ., 328 p.

Khrushchev, N.S. (1959). *Doklad na zakrytom zasedanii XX s'ezda KPSS «O kul'te lichnosti i ego posledstviyakh»* [Report at a closed session of the 20th Congress of the CPSU «On the cult of personality and its consequences»]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 80 p.

Khrushchev, N.S. (1962). *Otchet Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza XXII s'ezdu KPSS* [Report of the Central committee of the CPSU to the 22nd Congress of the Communist party of the Soviet Union]. *XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskiy otchet: v 3 t.* [Twenty-second Congress of the Communist party of the Soviet Union. Verbatim record: in 3 vols.]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 1, pp. 15–132.

Kon, I.S. (1967). *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat Publ., 383 p.

Konstantinov, F.V. et al. (1979). *Osnovy marksistsko-leninskoy filosofii* [Fundamentals of Marxist-Leninist philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 4th ed., 464 p.

Kovalev, S.M. (ed.) (1971). *Dialekticheskiy i istoricheskiy materializm. Dlya sistemy partiynoy ucheby* [Dialectical and historical materialism. For the party study system]. Moscow: Politizdat Publ., 4th ed., 367 p.

Lapin, N.I. (1986). *Molodoy Marks* [Young Marx.]. Moscow: Politizdat Publ., 3rd ed., 479 p.

Leont'ev, A.N. (2004). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity, consciousness, and personality]. Moscow: Smysl Publ., Academia Publ., 352 p.

Lyubutin, K.N. and Koryakovtsev, A.A. (2010). *Rukopisi K. Marksa* [Manuscripts of K. Marx]. *Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844*

goda i drugie rannie filosofskie raboty [Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ., pp. 741–773.

Markov, G. (1961). *Vot ono, chudo!* [Here it is a miracle!]. *Izvestiya* [News]. No. 88, Apr. 12. P. 4. Available at: <https://www.oldgazette.ru/izvestie/12041961/index.html> (accessed 18.06.2019).

Mescheryakov, A.I. (1974). *Slepoglukhonemye deti* [Deaf-blind children]. Moscow: Pedagogika Publ., 328 p.

Myslivchenko, A.G. (2001). *Novye tendentsii i napravleniya v filosofskikh issledovaniyakh (60–90-e gg.)* [New trends and directions in philosophical studies (60–90 years)]. *Istoriya russkoy filosofii*, pod. red. M.A. Maslina [History of Russian philosophy, ed. by M.A. Maslin]. Moscow: Respublika Publ., pp. 598–617.

Oizerman, T.I. (1962). *Formirovaniye filosofii marksizma* [The formation of the philosophy of Marxism]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 550 p.

Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (1961) [Program of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 144 p.

Puschayev, Yu.V. (2014). *Problema morali v filosofii sovetskogo vremeni* [The problem of morality in the philosophy of the Soviet time]. *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremenniy vzglyad*, pod red. V.A. Lektorskogo [Problems and discussions in Russian philosophy of the second half of the 20th century: modern view, ed. by V.A. Lektorskiy]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 414–434.

Rosenthal, M.M. (1974). *Leninskaya dialektika segodnya* [Leninist dialectics today]. Moscow: Znanie Publ., 65 p.

Rubinstein, S.L. (2003). *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. A man and the world]. Saint-Petersburg: Piter Publ., pp. 43–280.

Rubinstein, S.L. (2003). *Chelovek i mir* [A man and the world]. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. A man and the world]. Saint-Petersburg: Piter Publ., pp. 282–426.

Urlanis, B.Ts. (1978). *Evolyutsiya prodolzhitel'nosti zhizni* [Evolution of life expectancy]. Moscow: Statistika Publ., 310 p.

Received 13.09.2019

Об авторе

Устинов Олег Александрович

кандидат философских наук,
заведующий научно-просветительским отделом

Культурно-просветительский центр «Дубрава»
им. протоиерея Александра Меня,
141308, Московская обл., Сергиев Посад,
ул. Парковая, 16;
e-mail: olustinov@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

About the author

Oleg A. Ustinov

Ph.D. in Philosophy, Head of the Scientific
and Educational Department

Cultural and educational center «Dubrava»
named after Archpriest Alexander Men,
16, Parkovaya st., Sergiev Posad, Moscow Region,
141308, Russia;
e-mail: olustinov@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Устинов О.А. Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 492–503.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-492-503

For citation:

Ustinov O.A. [Formation of philosophical anthropology in the USSR: a historical and philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 492–503 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-492-503

УДК 140.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-504-514

**ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ
«ВРАЧ – ПАЦИЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Камалиева Ирина Ринатовна

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)

Невелева Вера Сергеевна

Челябинский государственный институт культуры

Принцип доверия, являющийся непосредственным основанием конструктивных неформальных отношений людей, в условиях формализации социальных отношений перестает быть их самостоятельным и достаточным основанием. В ходе институализации социальных процессов основанием формальных отношений между людьми становятся нормативные принципы правового регулирования. Феномен доверия рассматривается как основание непосредственной связи между людьми и как элемент, опосредованный нормами правовых (или контрактных) отношений. В процессе воспроизводства формальных (опосредованных) отношений возникает ситуация дефицита доверия между людьми, а вместо культуры доверия порождается культура недоверия. Обозначенная проблема в полной мере развернулась в одной из наиболее значимых сфер деятельности человека — медицине. В статье осуществлена философско-антропологическая интерпретация статуса и роли доверия в отношениях врача и пациента в современной медицине, определен его онтологический статус и формы существования в современной социокультурной ситуации. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в настоящее время в условиях смены этической парадигмы в медицине происходит трансформация феномена доверия в модели отношения «врач – пациент», где иррациональное доверие замещается рациональным. Проблема доверия актуализируется в ситуации, когда человек ждет медицинской помощи, а получает услугу в рамках действующего института здравоохранения. В современной медицине основанием доверия к врачу следует признать иррациональное доверие, связанное со стремлением пациента к безопасности. Для сохранения иррационального доверия в условиях деперсонализации медицины необходимо философское осмысление «смещения» оснований и смыслов в модели отношения «врач – пациент». *Ключевые слова:* отношение «врач – пациент», феномен доверия, современная медицина, онтологические основания доверия, рациональное доверие, иррациональное доверие.

**TRUST AS THE BASIS OF THE «DOCTOR – PATIENT» RELATIONSHIP
IN MODERN MEDICINE: PHILOSOPHICAL
AND ANTHROPOLOGICAL INTERPRETATION**

Irina R. Kamalievna

South Ural State University (National Research University)

Vera S. Neveleva

Chelyabinsk State Institute of Culture

The principle of trust, being a direct basis of productive informal relationships between people, ceases to be the independent and sufficient foundation when social relations are formalized. Under institutionalization of social processes, they are normative principles of legal regulation that become the basis for formal relation-

ships. The phenomenon of trust is considered as the basis of direct relationships between people and as mediated by the norms of legal (or contract) relationships. In the process of reproduction of formal (mediated) relationships, there arises lack of trust between people, and the culture of trust is replaced with the culture of distrust. The indicated problem is obvious in one of the most significant spheres of human life — medicine. The article provides philosophical and anthropological interpretation of the status and role of trust in relationship between a doctor and a patient in modern medicine, defines the ontological status of trust and forms of its existence in the current sociocultural situation. The study concludes that nowadays, under the conditions of the changing ethical paradigm in medicine, there takes place transformation of the phenomenon of trust in the «doctor – patient» relationship, where irrational trust is substituted for rational. The problem of trust is actualized in a situation when a person is waiting for medical care but receives a service within the framework of the current public health institute. Irrational trust, associated with the patient's desire for safety, should be recognized as the basis of trust in a doctor in modern medicine. To retain irrational trust under the conditions of depersonalization in medicine, it is necessary to provide philosophical comprehension of the «shift» in the bases and meanings of the «doctor – patient» relationship.

Keywords: «doctor – patient» relationship, phenomenon of trust, modern medicine, ontological bases of trust, rational trust, irrational trust.

Введение

Современная цивилизация продолжает настойчиво расширять и количественно приумножать области взаимодействия между людьми, человека с общественными структурами и социальных институтов между собой. И, как следствие, характер связи между субъектами социальных взаимодействий, в значительной степени детерминированный развитием науки, техники и технологий, претерпевает качественные изменения и требует новых подходов к изучению особенностей этих взаимодействий для обеспечения согласованного существования людей в условиях прогрессирующей институционализации общественной жизни.

Экономическое и правовое регулирование межинституциональных и межличностных процессов коммуникации оправдывает себя сегодня лишь отчасти: — к человеку приходит осознание того, что сам он (как первоначально этих процессов) «выпадает» из отлаженной самовоспроизводящейся системы общественных связей. Принцип доверия, являющийся непосредственной базой конструктивных неформальных отношений людей, в условиях формализации социальных отношений перестает быть их самостоятельным и достаточным основанием: доверие опосредуется нормами правовых (или контрактных) отношений, являющихся следствием характеристик легальности, надежности и стабильности субъектов взаимодействия.

Данная тенденция кажется вполне оправданной для предупреждения институционально

обусловленных рисков [Giddens A., 1990]. Однако современная цивилизация, ориентированная именно на выявление рисков и методы их предотвращения, вместо культуры доверия порождает культуру недоверия [Ардашкин И.Б., 2013] — сциентизация всех сфер деятельности человека внесла и продиктованный научным подходом скептицизм во все процессы социального взаимодействия. Следствием этого стал дефицит доверия на уровне формальных общественных отношений, который распространился и на неформальное межличностное взаимодействие людей.

Таким образом, в условиях институционализации социальной жизни в рамках научно-рационалистической мировоззренческой парадигмы происходит формализация феномена доверия, ведущая к его дефициту в неформальных отношениях между людьми. Обозначенная проблема в полной мере разворачивается в одной из наиболее значимых сфер деятельности человека — медицине, где «качество» взаимодействия между субъектами отношений оказывает непосредственное влияние на здоровье пациента.

Философские аспекты проблемы недоверия к современной медицине и врачу

Медицина в сегодняшней ситуации прогрессирующей институционализации стремительно теряет свою индивидуально-личностную ориентированность на пациента: медицинская помощь начинает оказываться строго согласно утвержденным государственным стандартам, при этом ее моральное регулирование стремительно замещается правовым. К сожалению, как пока-

зывает практика, доверие к институту медицины в целом как к сфере обеспечения, поддержания здоровья и жизни человека и к конкретному лечебному учреждению в частности, закрепленное в экономической и правовой формах отношений, лишь в некоторой мере служит для пациента гарантией благополучного исхода обращения за медицинской помощью. Скептическое отношение к деперсонализированным социальным институтам, способствующее возникновению недоверия, распространяется и на официальную государственную медицину и чревато фатальными последствиями для больного. В процессе лечения в формализованные отношения неизбежно вплетается экзистенциальная составляющая, нехватка которой порождает скепсис как сомнение в возможности получить поддержку и участие врача в качестве опоры на пути лечения.

Снижение уровня доверия к официальной медицине в глазах ряда пациентов и вытекающее из этого обесценивание экспертного мнения врача, как утверждает П.Я. Аронсон, опираясь на результаты социологического исследования, служит причиной отказа от профессиональной медицинской помощи (кроме экстренных случаев) и становится одной из основных практик самосохранительного поведения [Аронсон П.Я., 2006, с. 5]. Кроме того, у Аронсона вызывают настороженность и существующие нарративы о клинической медицине, тематизирующиеся в бинарной оппозиции «живой – мертвый», выявленные автором в процессе интервьюирования с целью выяснения причин обращения к альтернативной медицине (знахарство, целительство и пр.) взамен научной: «Пока жива, к врачам не хожу», «Иду к врачам, только если помираю» и т.д. [Аронсон П.Я., 2006, с. 6]. Данная тенденция, безусловно, вызывает опасения.

Необходимость доверия со стороны пациента к врачу на межиндивидуальном уровне как неперемного условия успешного исцеления больного человека отмечал находившийся в западной эмиграции И.А. Ильин, разместивший «Письмо старого врача» в книге «Путь к очевидности. О призвании врача», подтверждающее еще в середине прошлого века актуальность проблемы доверия к врачу именно в западной медицине. Признавая исцеление больного человека совместным делом врача и пациента, автор письма отмечает возможность достижения результата только при «взаимной симпатии», т.е. при сочувствии со стороны вра-

ча в ответ на доверие пациента: «...мне необходимо с его стороны откровенный рассказ и в описании болезни, и в анамнезе, мне нужна его откровенность; я ищу его доверия — и не только в том, что я “знаю”, “понимаю”, “помогу”, но особенно в том, что я чувствую его болезнь и его душу» [Ильин И.А., 1994, с. 12].

Проблема недоверия к врачу, а также страх перед ним рассмотрены Г.Г. Хубулавой в исследовании философско-антропологических проблем коммуникации врача и пациента, в которой врач всегда выступает в роли власти имущего, в результате чего «проблема “отданности” и одновременно недоверия врачу со стороны больного, перекладывающего на знающего врача заботу о своем здоровье, но испытывающего страх перед врачебным знанием и той властью, которой врач обладает не столько над болезнью, сколько над личностью беззащитного больного» [Хубулава Г.Г., 2016, с. 8]. Хубулава отмечает экзистенциальный корень власти, которую врач имеет над пациентом и которая является источником «страха и трепета», ссылаясь на слова из Библии: «Бог говорит Моисею: “Число дней твоих сделаю полным”. Пациент воспринимает врача как человека, которому известно число дней. Врач в силах, по мнению пациента, это число продлить или сократить» [Хубулава Г.Г., 2016, с. 5].

То есть, по мнению Г.Г. Хубулавы, недоверие к врачу как к человеку, имеющему недоступные для пациента знания, власть над его жизнью и здоровьем, и даже страх перед ними, уже изначально содержатся в модели отношения «врач – пациент». В современных условиях деперсонализации медицины оно усиливается цивилизационно детерминированным недоверием к врачу как к представителю социального института медицины.

Возможное прогрессирование недоверия в современной медицине обуславливает необходимость философского осмысления феномена доверия в модели отношения «врач – пациент». Это предполагает определение его онтологического статуса и форм существования в современной социокультурной ситуации, а также статуса и роли доверия в отношениях врача и пациента, если их отношения интерпретируются с точки зрения философской антропологии.

Доверие как фундаментальное отношение человека к себе и миру

Что же следует понимать под доверием? Толковые словари русского языка трактуют доверие как «отношение между людьми, основанное на понятиях правды и лжи» [Галкин В.П., 1997], «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь» [Ожегов С.И., 2012], «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности» [Ушаков Д.Н., 2014]. В словаре Д.Н. Ушакова появляется трактовка, отражающая цивилизационную тенденцию трансформации толкования термина от доверия по отношению к человеку к доверию по отношению к информации и институтам безотносительно к межличностным отношениям: «...уверенность в наличии каких-нибудь положительных качеств; иметь доверие к полученным сведениям; питать доверие к чьим-нибудь способностям» [Ушаков Д.Н., 2014].

В качестве противоположности доверия авторами, как правило, указываются «недоверие, подозрительность, сомнение в верности общему делу и общим интересам, искренности мотивов его действий» [Кон И.С., 1981, с. 77]. Обман доверия (вероломство), в свою очередь, считается тяжким моральным проступком.

Таким образом, понятия лжи, неискренности, недобросовестности можно было бы противопоставить доверию. Однако медицина (лат. *medicina* — искусство исцеления), во-первых, изначально представляет собой деятельность, направленную на оказание помощи человеку, и ее принципы не могут быть связаны с тем, что создает угрозу жизни и здоровью пациента; во-вторых, больной человек веряет врачу собственное тело и личность в состоянии переживания болезни, страдания. Потому в модели отношения «врач – пациент» правильнее будет рассмотреть доверие при переживаемом пациентом страхе, возникшем в результате ситуации угрожающей неизвестности перед болезнью и необходимостью верить чужому человеку — врачу — самое дорогое и близкое — свои тело и жизнь. В данном случае страх перед угрозой для жизни может быть основанием как абсолютизации доверия к врачу, когда врач становится спасителем в глазах пациента, так и крайней степени сомнения, подозрительности, недоверия, и здесь этот страх — условие для настороженности, опасения и в этом смысле — недоверия. Со-

ответственно, сам феномен доверия к врачу необходимо рассматривать в связи с личной безопасностью.

Обозначим, в первую очередь, онтологические аспекты феномена. По мнению И.Б. Ардашкина, «доверие является фундаментальной установкой человека по отношению к миру, к другому, к себе, без которой существование человека сегодня ставится под серьезный вопрос» [Ардашкин И.Б., 2013, с. 56].

Рассматривая феномен доверия как отношение человека к миру и к самому себе, Т.П. Скрипкина характеризует доверие как фундаментальное основание взаимодействия человека с объектами окружающего мира и для понимания его сущности как «базового отношения к миру» считает необходимым изучать его относительно собственной безопасности человека как его базовой потребности, «которая генетически, собственно, и лежит в основе возникновения доверия» [Скрипкина Т.П., 2011, с. 119]. Обозначив его как «универсалию всех типов человеческих отношений» [Скрипкина Т.П., 2011, с. 111], пронизывающую все стороны жизни человека, исследователь подчеркивает необходимость изучения этого феномена в контексте его целостного взаимодействия с миром, что позволит интерпретировать доверие «как двухполюсную установку, одновременно обращенную в мир и в себя» [Скрипкина Т.П., 2011, с. 111]. По мнению Скрипкиной, «доверие к себе и доверие к миру есть относительно самостоятельные явления, которые никогда не существуют отдельно друг от друга. Потеря доверия к себе ведет к потере доверия к миру и наоборот. Данное явление называется “кризисом доверия”» [Скрипкина Т.П., 2011, с. 111].

Социальный аспект доверия рассматривается исследователями с учетом его амбивалентной природы и с точки зрения проявления доверия «в единстве и противодействии с недоверием» [Glushko I. et al., 2018, p. 93]. Данное противодействие, по мнению авторов, влияет на трансформацию социальных систем и «объясняет, как в обществе формируется система формализованных (в том числе институционализированных) и неформализованных барьеров и границ доверия и недоверия: чем сложнее общество, тем сложнее его формы и институты, которые, с одной стороны, выполняют защитную функцию и укрепляют доверие, с другой — разводят грани-

цы доверия и играют роль своих противников» [Glushko I. et al., 2018, p. 94].

Социально-психологические аспекты феномена, отмеченные в исследованиях целого ряда специалистов в области философии, социологии и психологии, рассматривающих доверие как условие межличностного взаимодействия, можно в целом обозначить как позитивные ожидания относительно поведения Другого. В то же время психология, несмотря на признание доверия «категорией повышенной сложности», предпочитает изучение эмпирических аспектов феномена [Леонова И.Ю., 2015].

Этический аспект доверия обозначен Ф. Фукуямой, анализирующим феномен в контексте общественных отношений и характеризующим его «как возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что его члены будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями» [Fucuyama F., 1995, p. 10]. А.Е. Зимбули, утверждая, что «всю нашу культуру в самых разных ее проявлениях цементирует доверие» [Зимбули А.Е., 2016, с. 125], приходит к выводу, о том, что «нравственная предсказуемость» является одним из условий формирования доверия между субъектами социальных отношений [Зимбули А.Е., 2016, с. 126].

В философско-антропологическом аспекте доверие осмысливается в основном в рамках экзистенциального и феноменологического подходов. Например, экзистенциально-антропологический аспект доверия отражен в исследованиях Э. Гидденса, рассматривающего доверие в связи с безопасностью и в качестве основополагающего фактора для построения жизненного пространства. В контексте собственной концепции «онтологической безопасности» он противопоставляет доверие не недоверию, а «экзистенциальной тревоге и ужасу», тем самым признавая «кокон доверия» ядром и ключевым понятием для построения конструкта «онтологическая безопасность» [Giddens A., 1991], поскольку этот конструкт «преграждает путь экзистенциальным беспокойствам, которые могут стать источником продолжающегося эмоционального поведенческого страдания на протяжении жизни» [Giddens A., 1990, с. 129].

Анализируя механизм акта доверия в рамках феноменологического подхода Э. Гуссерля,

В.В. Емельяненко утверждает, что «проблема доверия изначально обнаруживает себя как интерактивная» в связи с «интенциональностью сознания»; следовательно, «предмет обсуждения сводится к установлению корреляции между актом доверия и направленностью сознания» [Емельяненко В.В., 2012, с. 23]. Опираясь на концепцию М. Бубера, автор приходит к выводу, что доверие есть до-полагание веры, то есть если вера проявляет себя через формулу «верю, что», то доверие — «верю, потому что». Таким образом, вера выступает основой доверия. В то же время «предикат доверия никогда не мыслится по-настоящему истинным и требует подтверждения своей истинности в основаниях» [Емельяненко В.В., 2012, с. 24]. Автор делает вывод, что «доверие есть акт предположения предиката истинным, или, другими словами — акт допозагаания как истинного» [Емельяненко В.В., 2012, с. 24], и в этом смысле до-верие есть то, что предшествует вере. Следовательно, «акт веры заключается в полагании объекта действительно априорным» и распространяется на трансцендентное и трансцендентальное, а к «объектам направленности второго порядка субъект осуществляет акт доверия» [Емельяненко В.В., 2012, с. 24].

В свою очередь, Э. Фромм определяет два вида веры: иррациональную и рациональную. Иррациональная вера определяется им как «вера в человека, идею или символ, берущая начало не в собственном опыте мышления и чувств человека, а основанная на эмоциональном подчинении иррациональному авторитету» [Фромм Э., 2010, с. 202]. Рациональная вера, наоборот, представлена как «твердая убежденность, основанная на плодотворной интеллектуальной и эмоциональной деятельности» [Фромм Э., 2010, с. 254]. То есть рациональная вера исходит из опыта человека и основывается на его мыслительной деятельности, а истинность и основание иррациональной веры определяются эмоциональным признанием объекта веры авторитетом.

Интерпретация веры Э. Фроммом и анализ механизма акта доверия В.В. Емельяненко дают основания для утверждения, что доверие также возможно рассматривать как рациональное и иррациональное. Рациональным можно признать доверие, основанием которого является положительный интерактивный собственный или чужой опыт, а также экспертное заключение, позволяющие полагать объект доверия

надежным. Иррациональным — доверие, связанное с полаганием объекта доверия авторитетным и основанное исключительно на эмоциональном убеждении человека в том, что этому объекту можно доверять.

Доверие в модели отношения «врач – пациент» в современной медицине

При рассмотрении проблемы доверия в модели отношения «врач – пациент» следует признать, что доверие как явление складывается, во-первых, из доверия к медицине как к социальному институту, и в этом случае к его изучению применимы социально-философский, социально-психологический, этический подходы; во-вторых — из персонифицированного доверия со стороны пациента к врачу (как рационального, так и иррационального), которое может быть осмыслено с применением экзистенциально-антропологического и феноменологического подходов.

Несмотря на прогрессирующую институционализацию и технологизацию, для медицины характерно непреходящее стремление к обеспечению исторически сложившейся в ней, сформировавшейся в истории культуры модели отношения людей на основе необходимого доверия со стороны пациента и ожидаемого им сострадания со стороны врача. Однако в современных условиях сталкиваются между собой ожидание гуманности и милосердия в ответ на доверие со стороны больного человека и предоставление врачом взамен этого объективного научного знания и беспристрастной информации. Так неизбежно формируется «напряжение, рассогласование между естественнонаучной и гуманистической составляющей в медицинском опыте» [Кириленко Е.И., 2009, с. 3]. Данное рассогласование формирует социальное противостояние «врач – пациент» — своеобразный конфликт, возникший на межличностном уровне, но вышедший по содержанию за рамки изначально определенной, специальной сферы отношений. К тому же огромная значимость современной медицины для общества порой стирает границы между личным и социальным относительно доверия к медицине и врачу — трагедия одного пациента способна повлиять на уровень доверия людей ко всему институту медицины. В связи с этим изучение доверия в модели отношения «врач – пациент» именно в контексте их межличностного взаимодействия (от человека — к

человеку) в условиях современной медицины видится наиболее целесообразным. Учитывая амбивалентную природу феномена, в ситуации цивилизационно обусловленного расширения границ формализованных барьеров доверия и недоверия актуализируется проблема восполнения прогрессирующего дефицита доверия в неформальных отношениях. То есть проблема доверия возникает в ситуации, когда человек ждет от врача поддержки и участия, а получает только медицинскую услугу в рамках действующего института здравоохранения.

В основе доверия пациента по отношению к врачу лежит, во-первых, доверие как фундаментальная установка по отношению к миру, присутствующая природе человека изначально; во-вторых, доверие как базовая потребность, связанная с его онтологической безопасностью. Доверие как фундаментальная установка, позволяющая взаимодействовать с окружающим миром, в безопасных ситуациях является нейтральной характеристикой в связи с «рутинизацией телесной безопасности в обстановке повседневной жизни», когда «элементарное доверие выражается как “вынесение за скобки” возможных событий или проблем, которые при определенных обстоятельствах могут стать причиной для беспокойства» [Giddens A., 1991, с. 123]. Другими словами, в рутинных ситуациях доверие не осознается специально как значимое.

Но у пациента при болезни, которая неразрывно связана с нарушением его телесного здоровья и угрозой его жизни, доверие как фундаментальная установка трансформируется в интенцию, то есть «направленность сознания». Пациент во время переживания болезни находится в ситуации «кризиса доверия» ввиду одновременно возникшего недоверия к себе и к миру. Это связано с тем, что человек перестает доверять собственному телу, которое из близкого и знакомого становится неподвластным источником тревоги и страдания, препятствующим доверительному взаимодействию с миром, наполненным далекими, отныне чуждыми смыслами здоровых людей. В отличие от здорового, у больного человека доверие как фундаментальная установка, подвергаясь угрозе разрушения «кокона доверия», обеспечивающего «онтологическую безопасность», трансформируется в базовую потребность. Чем значительнее угроза фундаментальной установке, тем значительнее у человека базовая потребность в дове-

рии для обеспечения его онтологической безопасности. И в данном случае врач — единственный человек, который в состоянии удовлетворить эту потребность.

Значимость медицины и врача для современного человека наиболее отчетливо обозначена в исследованиях Э. Гидденса. Рассуждая о том, что «судьба человека как направление, в котором должна протекать его жизнь, — предопределена его роком, который уготован будущим», он приходит к следующему выводу: «...хотя вокруг понятий судьбы и рока можно сгруппировать огромное множество верований, в большинстве из них связующим звеном между судьбой и роком выступает смерть» [Giddens A., 1991, с. 109]. Одним из судьбоносных моментов — «особым обстоятельством», на взгляд Гидденса, — является обращение к врачу за «роковым решением» — выставлением медицинского диагноза. То есть научная медицина ввиду ее непосредственного влияния на продолжительность жизни человека способствовала смещению акцента с веры в предопределенность судьбы на доверие к институту медицины и персонифицированное доверие к врачу. Таким образом, отодвигая наступление смерти, медицина в целом и врач в частности принимают на себя ответственность за риски, ожидающие тело и сознание человека в случае болезни или по мере его старения, которое в современной культуре равнозначно заболеванию. То есть спасителем, который теперь ответственен «за число дней» потенциального пациента, должен стать вместо бога врач.

Однако в современном мире врач как эксперт в области естественнонаучной институциональной медицины, вынужденный оценивать риски, которые несут в себе заболевания, с позиции критического научного анализа (подвергающего сомнению субъективные ощущения пациента), вносит скептицизм в процесс взаимодействия людей. В современной медицине, в которой имеет принципиальное (регулируемое в том числе правом) значение исполнение социальной роли врачом, модель отношения меняется с «человек (врач) — человек (пациент)» на «врач (человек) — пациент (человек)». То есть человеческое заменяется на социально-ролевым. И поэтому врачом в гораздо меньшей степени признаются «истинными» субъективные переживания и жалобы пациента, нежели объективные результаты проведенных лабораторных иссле-

дований. Но для переживающего болезнь человека наиболее значимы именно его страдания и желание избавиться от них, а результаты медицинских исследований являются часто лишь научной, не всегда доступной для понимания информацией. Больной человек ждет *человеческого* отношения, а врач относится к нему как к пациенту, выполняя свои врачебные, институционально закрепленные обязанности. И возникает коллизия: врач, вступая в контакт с пациентом, сразу встает по отношению к нему в позицию именно врача, представителя медицинской науки и практики, а пациент (как больной, страдающий человек) ждет от него сопереживания, сочувствия, доверия к собственным субъективным переживаниям. В данной ситуации врач из милосердного спасителя превращается в хладнокровного функционера деперсонализированного социального института медицины, внушающего страх в связи с имеющимися у него и отсутствующими у больного (пациента) знаниями и властью над жизнью пациента.

Исследуя феномен доверия, Т.П. Скрипкина утверждает, что «человек, как правило, переживания доверия к себе и к миру чаще всего не рефлексирует в виде чувства доверия/недоверия; он осознает это в виде эмоциональных сигналов — страха, опасности, неуверенности и т.п.» [Скрипкина Т.П., 2011, с. 128]. То есть в модели отношения «врач – пациент» страх пациента мы можем интерпретировать как недоверие к врачу, не оправдавшему ожидания, возлагавшиеся на него как на спасителя, поскольку эта миссия была частично утеряна в процессе трансформации в секуляризирующемся обществе медицины в биомедицину.

Изучая причины современных проблем взаимодействия врача и пациента, И.В. Силуянова констатирует существование нравственного парадигмального кризиса, возникшего в процессе сциентизации медицины, находящейся в состоянии перехода от «традиционной нравственной парадигмы» (которую возможно сохранить, ограничив применение биотехнологий) к «новой нравственной парадигме, оправдывающей и приветствующей все, чего достигла и чем владеет медицина» [Силуянова И.В., 2008, с. 160]. Ценностями традиционной парадигмы автор признает «милосердие, спасение жизни, сострадание, бескорыстную помощь страждущему», ценностями новой парадигмы, опирающейся на естественнонаучное знание и био-

технологические достижения, — «качество жизни», здоровье, прибыль и доход» [Силуянова И.В., 2008, с. 161].

Сегодня в медицине существуют две модели взаимодействия врача и пациента, соответствующие отмеченным И.В. Силуяновой нравственным парадигмам, традиционной и биоэтической — патерналистская и контрактная. Если при уходящей в историю патерналистской модели коммуникации отношения между врачом и пациентом были основаны на безусловном авторитете врача и мнение врача было решающим и не подвергалось сомнению, то в условиях контрактной модели ситуация совершенно иная. Контрактная модель в идеале предполагает и ответственность за исход лечения пациента, информированного о течении своей болезни. И если доверие со стороны пациента к врачу в патерналистской модели взаимодействия имело в преобладающей степени иррациональный характер, так как пациент видел во враче милосердного сострадательного спасителя, то при контрактной модели доверие по существу должно приобрести характер рациональный, то есть стать доверием к врачу как к обладателю экспертного научного знания.

Однако Э. Гидденс, изучив проблему доверия в контексте существования современного человека в медиализирующейся культуре и выдлив, с одной стороны, доверие к врачу-эксперту, обладающему знанием, как к «оператору абстрактных систем в точке доступа» и персонифицированное доверие, с другой стороны, пришел к выводу, что доверие к абстрактным системам не приносит человеку морального удовлетворения по сравнению с персонифицированным [Giddens A., 1991]. Состояние болезни, в котором находится пациент, сопряжено с физическим, душевным и экзистенциальным страданием — состоянием «экзистенциальной тревоги и ужаса», которое Гидденс противопоставляет доверию [Giddens A., 1991, с. 109]. То есть необходимым условием создания «кокона доверия», обеспечивающего «онтологическую безопасность» и «преграждающего путь экзистенциальным беспокойствам», является моральное удовлетворение, которого можно достичь только при наличии иррационального доверия к врачу со стороны пациента. Таким образом, в условиях смены нравственной парадигмы в медицине, повлекшей за собой и коммуникативный парадигмальный сдвиг, иррациональное доверие к врачу

не может быть полностью заменено рациональным, потому что страх как сущностное проявление страдающего пациента имеет экзистенциальное основание.

Результатом рационализации медицинской практики стало проявление противодействия со стороны пациентов как реакции на невнимательное отношение врача к личности болеющего человека. Например, Д.В. Михель, изучив антропологическую проблему «пациентского опыта и различных примеров естественной истории в ее социокультурном контексте», приходит к выводу о том, что «во многих случаях оказание помощи тем, кто страдает, связано с насилием над личностью», что «касается, в первую очередь, тех способов лечения, которые призваны спасти жизнь пациентов, но не устранять их страдания» [Михель Д.В., 2016, с. 105]. Анализируя истоки возникновения пациентских движений против оперативных способов лечения рака груди и методов терапии психиатрических заболеваний во второй половине прошлого века в США, автор определяет указанные способы лечения как «репрессивные культурные механизмы». Данную социокультурную тенденцию, направленную на массовое оздоровление общества, мы обозначим как «тоталитаризацию научной медицины». Она, в совокупности с обозначенными Михелем «медиализацией явлений болезни» в XX в. и биологизацией медицины (в которой в силу ее технологических достижений, стало господствовать биомедицинское мышление), также способствовала снижению уровня доверия к врачу на межличностном уровне взаимодействия как к исполнителю «репрессивных культурных механизмов».

Заключение

Таким образом, исключительно рациональный подход при принятии решений в роковых жизненных ситуациях, связанных с болезнью, не всегда оправдан. Для современного человека, тяготеющего к абсолютизации рационалистической установки и стремящегося следовать ей и в неформальных отношениях, данные убеждения могут иметь фатальные последствия. Возможно, понимание миссии врача как человека, имеющего исключительно гуманные цели, но вынужденного действовать в рамках институциональных требований, поможет сохранить доверие к врачу, к медицине и институту современного здравоохранения со стороны пациента и, соот-

ветственно, сохранить собственное здоровье и благополучное существование.

В условиях смены этической парадигмы в медицине происходит трансформация феномена доверия в модели отношения «врач – пациент» из иррационального в рациональное. Можно с уверенностью предположить, что контрактная модель коммуникации в современной медицине, призванная оценивать риски для здоровья и жизни пациента и содержащая в основе научный скептицизм, будет способствовать дальнейшему усилению кризиса доверия в модели отношения «врач – пациент». Ряд специалистов в области философии науки и техники, считающих панацеей от проблем человеческих отношений в современном здравоохранении идеологию 4П-медицины (направленную на предупреждение болезней на геномном уровне и предполагающую персонализированный подход в соответствии с данным генома человека), к сожалению, не учитывают, что болеющее население в основной своей массе — это люди старшего возраста. Сформировавшееся традиционное мировоззрение, отвергающее радикальные вмешательства в организм на геномном уровне, не позволит пациентам в полной мере участвовать в принятии конкретных решений относительно своего здоровья, основываясь лишь на доверии к науке. Учитывая, что инновационные концепции здравоохранения внедряются благодаря открытиям в сфере биоинформатики, транскриптомики, генетики и других технических и естественных наук, его идеология только усиливает биологизаторский подход к проблемам страдающего человека, актуализируя интерес к изучению его экзистенциальных состояний.

Феномен доверия к врачу, несмотря на достижения биомедицины, сегодня формируется из рационального доверия к институциональной медицине и к экспертному знанию врача, а также иррационального доверия к врачу как к гуманному человеку, проявляющему участие и наделенному властью над телом и личностью пациента, ожидающего помощи в разрешении своей ситуации. И причем именно последнее не редко порождает первое и второе. Встретив именно внимательно относящегося к его проблемам врача, пациент не испытывает недоверия и к медицине вообще, и к профессионализму врачей в целом. То есть именно экзистенциальные факторы могут быть решающими. В связи с этим иррациональное доверие как без-

условное стремление пациента к безопасности жизненного мира, который, согласно идее Э. Гуссерля, всегда стоит за любой научной картиной [Гуссерль Э., 2000], следует признать основанием феномена доверия к врачу и предпринять попытки поиска способов его сохранения в современной ситуации смены нравственных парадигм в медицине. Но для полного осознания ситуации, связанной со взаимоотношениями врача и пациента, не следует ограничиваться только уровнем конкретно-научных ее оценок, мониторинга состояния, выработкой управленческих решений, а необходимо начать с наиболее общего и основополагающего — с философского осмысления того «смещения» оснований и смыслов, которое происходит в этих отношениях.

Список литературы

- Ардашкин И.Б.* Доверие в науке и религии: к вопросу о становлении культуры доверия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 56–60.
- Аронсон П.Я.* Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 3, № 20. С. 5–9.
- Галкин В.П.* Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы — толкователь слов и идиоматических выражений: учеб. пособие: в 3 ч. Ч. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1997. 220 с.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления / пер. Э.А. Бернштейн. М.: АСТ, 2000. 452 с.
- Емельяненко В.В.* Феномен доверия как предел интенции в воззрениях Эдмунда Гуссерля // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 12(18). С. 22–26.
- Зимбули А.Е.* Доверие: нравственно-ценностные аспекты // Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 8–2(96). С. 125–140.
- Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Путь к очевидности. О призвании врача. М.: Русская книга, 1994. 592 с.
- Кириленко Е.И.* Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2009. 339 с.
- Кон И.С.* Словарь по этике. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 430 с.

Леонова И.Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25, № 2. С. 34–41.

Михель Д.В. История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2(20). С. 88–109.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1376 с.

Сидянова И.В. Избранные. О профессии врача. М.: Форма Т, 2008. 256 с.

Скрипкина Т.П. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики / пер. Э.М. Спировой. М.: АСТ, 2010. 362 с.

Хубулава Г.Г. Философско-антропологический анализ коммуникации врача и пациента: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2016. 309 с.

Fucuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. N.Y.: Free Press, 1995. 457 p.

Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.

Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 188 p.

Glushko I., Lavrukhina I., Polomoshnov A. Trust/distrust as factor of constructing social reality // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2018. Vol. 21, no. 1. P. 92–98.

Получено 16.09.2019

References

Ardashkin, I.B. (2013). *Doverie v nauke i religii: k voprosu o stanovlenii kul'tury doveriya* [Trust in science and religion: on formation of culture of trust]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 370, pp. 56–60.

Aronson, P.Ya. (2006). *Otkaz ot professional'noy meditsinskoj potomochi kak sledstvie utraty doveriya ekspertnomu znaniyu vracha i institucional'noy srede zdravookhraneniya* [Refusal of professional medical care as a result of loss of trust in the expert knowledge of the doctor and the institutional

healthcare environment]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. Vol. 3, no. 20, pp. 5–9.

Emel'yanenko, V.V. (2012). *Fenomen doveriya kak predel intentsii v vozzreniyakh Edmunda Gusserlya* [Phenomenon of trust as the limit of intention in Edmund Husserl's views]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Ways of Development]. No. 12(18), pp. 22–26.

Fromm, E. (2010). *Chelovek dlya samogo sebya. Issledovanie psihologicheskikh problem etiki*, per. s angl. E.M. Spirovoy [Man for himself: an inquiry into the psychology of ethics, trans. by E.M. Spirova]. Moscow: AST Publ., 362 p.

Fukuyama, F. (1995). *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. New York: Free Press Publ., 457 p.

Galkin, V.P. (1997). *Problemy sovremennosti: teoreticheskie aspekty i osnovy ekologicheskoy problem — tolkovatel' slov i idiomaticheskikh vyrazheniy: v 3 ch.* [Problems of the modernity: theoretical aspects and foundations of environmental problems — interpreter of words and idiomatic expressions: in 3 parts]. Cheboksary: ChSU Publ., pt. 2, 220 p.

Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press Publ., 264 p.

Giddens, A. (1990). *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press Publ., 188 p.

Glushko, I., Lavrukhina, I. and Polomoshnov, A. (2018). Trust/distrust as factor of constructing social reality. *Journal of legal, ethical and regulatory issues*. Vol. 21, no. 1, pp. 92–98.

Husserl, E. (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya*, per. s angl. E.A. Bernstein [Logical investigations. Cartesian meditations. trans. by E.A. Bernstein]. Moscow: AST Publ., 452 p.

Il'in, I.A. (1994). *Put' k ochevidnosti. O prizvanii vracha* [The path to the obvious. About the profession of a doctor]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 592 p.

Khubulava, G.G. (2016). *Filosofsko-antropologicheskii analiz kommunikatsii vracha i patsienta: dis. ... dokt. filos. nauk* [Philosophical-anthropological analysis of the communication doctor and patient: dissertation]. Saint-Petersburg, 309 p.

Kirilenko, E.I. (2009). *Meditsina kak fenomen kul'tury: opyt gumanitarnogo issledovaniya: dis. ... dokt. filos. nauk* [Medicine as a cultural phenomenon: the experience of humanitarian research: dissertation]. Tomsk, 339 p.

Kon, I.S. (2011). *Slovar' po etike* [Dictionary of ethics]. Moscow: Politizdat Publ., 4th ed., 430 p.

Leonova, I.Yu. (2015). *Doverie: ponyatie, vidy i funktsii* [Trust: definition, types and functions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 25, no. 2, pp. 34–41.

Mikhel, D.V. (2016). *Istoriya bolezni v sotsiokul'turnom kontekste: filosofskoe osmyslenie mediko-antropologicheskikh issledovaniy patsientskogo opyta* [The history of the illness in the socio-cultural context: a philosophical understanding of medico-anthropological studies of patient experience]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya»* [Bulletin Samara Humanitarian Academy. Series «Philosophy. Philology»]. No. 2(20), pp. 88–109.

Ozhegov, S.I. (2012). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, pod red. L.I. Svortsova [Explanatory dictionary of the Russian language, ed. by L.I. Skvortsov]. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., ONIKS Publ., 28th ed., 1376 p.

Siluyanova, I.V. (2008). *Izbrannye. O professii vracha* [Selected. About the profession of doctor]. Moscow: Forma T Publ., 256 p.

Skripkina, T.P. (2011). *Antinomiya doveriya k miru i doveriya k sebe v chelovecheskom bytii* [Antinomy of world and self trust in human being]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. No. 3, pp. 111–131.

Ushakov, D.N. (2014). *Tolkovyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Adelant Publ., 800 p.

Zimbuli, A.E. (2016). *Doverie: npravstvenno-tsennostnye aspekty* [Trust: moral and value aspects]. *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu* [New Science: From idea to result]. No. 8–2(96), pp. 125–140.

Received 16.09.2019

Об авторах

Камалиева Ирина Ринатовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
454080, Челябинск, пр. Ленина, 76;
e-mail: irina.kamalieva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4819-7311>

Невелева Вера Сергеевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философских наук

Челябинский государственный институт культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а;
e-mail: vsneveleva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6820-3707>

About the authors

Irina R. Kamalievna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

South Ural State University
(National Research University),
76, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia;
e-mail: irina.kamalieva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4819-7311>

Vera S. Neveleva

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State Institute of Culture,
36-a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: vsneveleva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6820-3707>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Камалиева И.Р., Невелева В.С. Доверие как основание отношения «врач – пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 504–514. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-504-514

For citation:

Kamalievna I.R., Neveleva V.S. [Trust as the basis of the «doctor – patient» relationship in modern medicine: philosophical and anthropological interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 504–514 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-504-514

УДК 165.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-515-524

ГИБРИДНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Коровин Александр Леонидович

Вологодский государственный университет

В статье проводится анализ социальных технологий, историческая реконструкция их развития; прослеживается само появление термина «технологии» в социальном контексте. При изучении вопроса развития СТ прослеживается зависимость последних от социальных моделей функционирования общества, от локализации определенных социальных практик, политического, экономического и технологического уклада, степени индустриального развития, уровня развития культуры общества в целом и субкультур («солидарностей»). Стремительное и повсеместное развитие прикладных технологий, в частности цифровых технологий, приводит к значительным изменениям в социальной сфере, при этом цифровые и информационные технологии становятся сами по себе активным инструментом исследования и построения СТ, триггером их развития. Происходит конвергенция подходов и методологий различных направлений прикладной науки при разработке современных СТ, начиная от современных цифровых технологий, области анализа данных, машинного обучения до биотехнологий и передовых исследований геномной инженерии. Автор полагает, что необходимо введение понятия «гибридные социальные технологии» как центрального элемента современных социальных технологий, и анализирует теоретико-методологические основания формирования гибридных социальных технологий, выводимые из принципов сложносистемности, нелинейности, междисциплинарности и конвергентности. В статье исследуются основные точки роста гибридных СТ и подчеркивается все увеличивающаяся сложность при разработке таких технологий, сложность и важность прогнозирования последствий их использования.

Ключевые слова: социальные технологии, гибридные социальные технологии, сложность, нелинейность, междисциплинарность, большие данные, наука о данных.

HYBRID SOCIAL TECHNOLOGIES

Alexander L. Korovin

Vologda State University

The article provides analysis of social technologies and historical reconstruction of their development; it traces the appearance of the term «technology» in the social context. When studying social technologies and their development one can trace their dependence on the social models characterizing the functioning of society, the localization of certain social practices, the political, economic and technological order, the degree of industrial development, the general culture in the society and subcultures («solidarities»). The rapid and ubiquitous development of applied technologies, in particular digital technologies, leads to significant changes in the social sphere, while digital and information technologies themselves become an active tool for research and construction of social technologies, a trigger for their development. In the course of their development, there takes place a convergence of approaches and methodologies of various areas of applied science, ranging from modern digital technologies, data analysis, machine learning, and ending with biotechnology and advanced genomic engineering research. The author deems it necessary to introduce the concept «hybrid social technologies» as a central element of contemporary social technologies and analyzes the theoretical and methodological bases for the formation of hybrid social technologies which are deduced from the principles of complexity, non-linearity, interdisciplinary and convergence.

The author outlines the main growth points for hybrid social technologies and highlights the increasing complexity in the development of such technologies, as well as the complexity and importance of predicting the consequences of using those.

Keywords: social technologies, hybrid social technologies, complexity, non-linearity, interdisciplinarity, big data, data science.

XXI в. характеризуется огромными объемами и потоками информации, стремительным ростом технологий, нестабильностью состояния разных областей деятельности человека. Вследствие всего этого происходит увеличение количества разносторонних социальных процессов, общество движется вперед. Для обеспечения наибольшей эффективности управления современным обществом необходимы методы, приемы и инструменты, направленные на решение социальных проблем и вопросов, конкретных социальных задач; их принято называть социальными технологиями. Сейчас социальные технологии активно конвергируют с междисциплинарными направлениями науки, что требует пересмотра понятия социальных технологий. Существует много несогласованностей и споров по поводу некорректного и неконтролируемого использования современных социальных технологий. В данной статье подчеркивается необходимость введения понятия гибридных социальных технологий. При этом гибридным социальным технологиям отводится центральное место в концепции современных социальных технологий, где они представлены как неизбежный этап развития последних. Актуальность данной темы обусловлена тем, что традиционные социологические исследования, имеющие ряд недостатков методологического характера, проводящиеся с помощью опросов и других контактных форм взаимодействия с индивидами, начинают очень успешно вытесняться современными методами сбора и обработки информации социальной направленности. Современные информационные технологии, к которым относятся социальные сети, дают возможность сбора огромного количества разнородных данных о поведении и предпочтениях людей, а также делают возможной автоматическую обработку полученной информации с помощью интеллектуальных алгоритмов. Поскольку социальные последствия использования таких гибридных технологий до конца не изучены, является актуальным их философско-методологическое осмысление.

Эволюция социальных технологий

Понятие социальных технологий появилось в начале XX в., но закрепилось в середине XX столетия в работах Карла Поппера вместе с понятием социальной инженерии. Поппер определял социальные технологии как различные виды практического применения положений общественных и социальных наук и теорий, которые должны приводить к вполне конкретным результатам. Социальные технологии у Поппера являлись неотъемлемым инструментом в концепции «социальной инженерии» — социально-направленной деятельности по преобразованию формации и функционирования общества, социума, основанной на рациональном подходе [Фадеева В.Н., 2008, с. 109]. По его мнению, невозможно было избежать нежелательных последствий использования социальной инженерии и технологий такого рода. Поппер говорил, что «утопическая попытка достигнуть идеального государства, используя проект общества в целом, требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведет к диктатуре» [Поппер К., 1992, с. 202]; его опасения были во многом связаны с иррациональными установками, идеалами, которые впоследствии могут привести к совсем другой модели [Поппер К., 1992, с. 211]. Поппер утверждал, что при недостаточном опыте «будет сделано много ошибок, которые можно устранить лишь путем долгого и трудного процесса мелких исправлений, другими словами, тем рациональным методом постепенной социальной инженерии, который мы здесь отстаиваем» [Поппер К., 1992, с. 210].

Американский философ, футуролог и социолог Э. Тоффлер, автор концепции постиндустриального общества, в своих работах говорил о смене парадигмы развития общества, об опасностях и сложностях, связанных с этими переменами, подчеркивал, что ключевую роль при этом будут играть современные социальные технологии. Тоффлер предлагал гуманизировать технологии, прямо и опосредованно

осуществлять контроль направления развития социальных технологий. «Чтобы руководить переменами, нам, следовательно, понадобится прояснение важных долгосрочных социальных целей и демократизация способа, которым мы достигаем их. А это означает не меньше чем следующую политическую революцию в технологических обществах — захватывающее дух утверждения народной демократии» [Тоффлер Э., 2002, с. 520].

Болгарский ученый-социолог Н. Стефанов внес значительный вклад в развитие понятия и в определение сути термина социальных технологий и по праву считается одним из основоположников теории социальных технологий. Он определял их как деятельность, по итогу «которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности» [Стефанов Н., 1976, с. 183]. Стефанов тесно связал социальные технологии с теорией управления, описав технологии управления как одну из разновидностей социальных технологий.

Традиционно понятие социальных технологий представляло собой рационализацию управления такими социальными системами, как различные предприятия, заводы, другие объекты промышленности. Помимо ученых, активно данной проблематикой занимались практикующие специалисты, которые решали задачи оптимизации менеджмента, организации и управления человеческими ресурсами, управленческие консультанты, корпоративные социологи, являющиеся, как правило, сотрудниками этих предприятий. Позже направление социальных технологий расширилось и распространилось на сферу управления и контроля обществом и общественными институтами. Понятие социальных технологий все больше начинает сопрягаться с политикой и политологией, с технологиями манипулирования общественным сознанием. Здесь возникает опасность перехода к тоталитаризму, причем технократизм и технократизм выступают катализаторами этого процесса. «Именно идея контроля и манипулирования лежит в основе любой технологии, а социальная технология — это совокупность приемов контроля и манипулирования социальными процессами... объект должен быть подобен механизму, то есть его состояние в любой момент должно определяться начальными состояниями, чтобы контролировать си-

стему полностью, необходимо вызвать ее стагнацию, не допускать ее развития» [Игнатенко А.С., 2012, с. 77].

До настоящего момента вокруг данного термина ведется огромное количество споров, касающихся объектно-субъектных отношений в социальных исследованиях, особенно части междисциплинарных пересечений. С точки зрения специалистов в области социологии, социальные технологии определяются как набор эффективных инструментальных средств для решения конкретных задач в целях оптимизации функционирования или контроля человеческой деятельности как объекта исследований в рамках каких-либо социальных систем или как исследование социальных отношений, социальных процессов.

Одной из точек зрения является тезис о том, что «СТ — это тип технологии и продукт проектно-технологической деятельности, понимаемый как стандартизированное средство организации и рационализации управленческой деятельности... Социальные технологии рассматриваются в качестве элемента системы решений, обеспечивающих типовые задачи управления» [Щербина В.В., 2014, с. 118]. Другой точкой зрения на социальные технологии является идея, которой придерживаются специалисты в области права, юриспруденции и философии, где в качестве объекта воздействия выступает конкретный человек или группа людей, а целью поведенческой регуляции или коррекции является поддержание определенной степени порядка в обществе и воспроизводство социальных и общественных отношений, социальных систем.

Философы достаточно долгое время не касались данной темы, считая социальные технологии набором специальных методик прикладного характера и социальной направленности. И. Касавин считает социальные технологии механизмами регуляции и управления социальной деятельности. Причем он говорит о том, что пока не принято разделять социальные технологии и социальные практики. Кроме того, он говорит о «разрыве между фундаментальными науками социально-гуманитарного цикла и социальной практикой», так как «в структуре социальных наук нет социотехнических наук», и в этом видит определенную проблему [Касавин И.Т., 2012, с. 53]. Если в конечном итоге теория социальных технологий и будет построена, то она

будет ограниченной, должна будет сводиться к набору узких теорий и не будет соответствовать классической научной рациональности.

Субъект-объектные отношения, которые являлись центральными в классическом научном мышлении, заменяются неклассическими субъект-субъектными отношениями, в связи с чем для науки становится характерна плюралистичность подходов к пониманию и осмыслению проблем. Маркова говорит о большом значении и больших возможностях общественных и социальных наук, но о недостаточном их использовании в изучении и разработке социальных технологий, объясняя это тем, что техника и философские науки действуют в одном направлении и сосредоточены «на обеспечении (в случае техники) и на истолковании (в случае философии) коммуникативных процессов между людьми» [Маркова Л.А., 2012, с. 67].

В эпоху классической науки человек развивал собственные интеллектуальные способности, а техника выполняла роль помощника, осуществляла вспомогательную функцию, расширяя физические возможности людей. На современном этапе развития человечества наукоемкие технологии уже призваны развивать интеллектуальные способности человека, дополнять определенные аспекты его деятельности и выполнять огромное количество вычислений. При этом множество вычислительных машин создаются похожими на людей, в них закладывают человекоподобные алгоритмы мышления и поведения, что в настоящее время принято называть искусственным интеллектом. Возникает проблема несоответствия человека как индивидуума, наделенного множеством уникальных свойств, особенностей, и индивидуума как элемента социальной системы, которая, в свою очередь, по своему назначению должна ограничивать этот набор свойств и качеств в целях стабильности, заданного функционирования и самосохранения системы. Сейчас ученые сходятся во мнении, что разные виды и типы социальных технологий, основой которых является социальная теория, рассматриваются как гарантированный инструмент решения ограниченного набора конкретных социально-ориентированных практических задач в целях повышения порядка в заданном направлении

Понятие гибридных социальных технологий

В настоящее время социальные технологии тесно переплетаются с междисциплинарными исследованиями, предмет споров относительно определения и последствий неконтролируемого использования современных социальных технологий, прикладных методик носит все более и более дискуссионный характер. Стремительное развитие больших данных, цифровых технологий, биоинформатики и других научных областей изменяет подходы к пониманию феномена социальных технологий, новым методикам и методологиям социальных технологий, осмыслению последствий использования современных технологий в социальной сфере. В связи с этим важно ввести понятие гибридных социальных технологий как следующую ступень развития концепции социальных технологий.

Современные социальные технологии — это средства сбора и анализа социальной информации, основанные на сервисах Web 2.0. Интеграция социальных технологий с информационными лежит в основе появления гибридных социальных технологий, таких как новые медиа, социальные сети, социальные вычисления, социальная аналитика, распределенные машинные вычисления при помощи человека, технологии коллективного интеллекта и другие средства, основанные на использовании сервисов Web 2.0. Они являются результатом конвергенции традиционных социальных и новых информационных технологий, основной задачей которых является превращение статистической социальной информации в значимое и практически полезное знание о социальных явлениях и процессах, а само общество при таком подходе предстает как массив данных, полученных множеством акторов, объединенных сетевым взаимодействием. Яркий пример — замена традиционного анкетирования автоматическим построением социальных графов — особых динамических интегрированных структур, обобщающих активность пользователя в социальной сети. Поскольку граф строится без участия самого пользователя, то собранная информация более достоверно отображает индивидуальные особенности и предпочтения человека. Гибридизация социальных и информационных технологий — одно из направлений трансформации социальных технологий, наряду с внедрением нейросетевых ин-

струментов, новых когнитивных и психологических подходов. Это позволило на новом уровне работать с различными социальными методиками и с совсем иными выборками, статистической погрешностью и точностью.

Результатом интеграции социальных технологий с новыми медиа является конкретный результат в виде гибридной технологии — социальные медиа. Социальные медиа — это компьютерные технологии, которые в значительной степени упрощают создание информации и обмен ею, представляют совершенно новый вид коммуникации, позволяют агрегировать идеи, поддерживают обмен различными формами выражения через современные телекоммуникационные сети любого зарегистрированного пользователя, что позволяет им активно влиять на содержание этих медиа. Сюда относятся интерактивные веб-приложения (Web 2.0), различный пользовательский контент (содержимое), простейшие текстовые сообщения (posts) или комментарии, цифровые фотографии или видео и другие разнородные данные, полученные с помощью всех сетевых взаимодействий, микроблоги и лонгриды. На сегодняшний день в современных социальных сетях зарегистрировано более 2 000 000 000 пользователей различных возрастов и социальных групп, в связи с чем социальные технологии вышли на совершенно иной уровень.

Как уже было сказано, отличительной особенностью гибридных социальных технологий является конвергенция различных технологий внутри: это переплетение цифровых технологий и современной техники, использование методов и положений Data Science (наука о данных), а именно таких ее направлений, как современные методики анализа данных, дифференцированные способы сбора данных, в том числе через открытые глобальные цифровые сети и специализированные интернет-ресурсы, Интернет вещей; здесь же — использование достижений современных биотехнологий и биоинформатики, а именно анализ и редактирование геномной информации, различные манипуляции с группами генов для конкретных конечных целей, использование междисциплинарных подходов к решению задач, сложносистемной методологии. Одним из примеров конвергенции является использование в анализе данных социальных сетей, методик, разработанных первоначально для иссле-

дования генетических мутаций и бактериальных патогенов в условиях эпидемий.

В социальных технологиях происходит переплетение общего и частного, смешение общего и индивидуального. Важным аспектом здесь является проектирование именно человеческой деятельности в человеко-машинных системах, что наглядно демонстрирует примеры эргономического и инженерно-психологического проектирования [Горохов В.Г., 2012, с. 85]. Социальные сети являются огромным хранилищем данных о людях: как личной и считающейся конфиденциальной информации, так и информации, включающей в себя какие-либо предпочтения человека, его политические взгляды. «Современного же политтехнолога мало волнуют глубокие слои личности — ему важен четко фиксируемый результат, скажем, голосование за кандидата А. Можно говорить о том, что его подход — чисто симптоматический. Его интересует не личность как таковая, а возможности манипулирования ее поведением» [Юдин Б.Г., 2012, с. 64].

Сфера бизнеса и маркетинга оказывает существенное влияние на социальные технологии. Ярким примером использования гибридных социальных технологий является американская развлекательная компания Netflix, разработчик в сфере потокового мультимедиа, кино. Результаты ее деятельности наглядно показывают, как можно использовать современные методы искусственного интеллекта, чтобы создать уникальный контент для пользователей: специальные алгоритмы анализа информации позволяют понять, что нравится пользователям, какие сюжетные повороты в кино вызывают больше положительных эмоций, какие ассоциации вызывают у потребителей приятные ощущения. Благодаря использованию нейронных сетей стало возможно целеполагание по точкам роста будущего успешного и перспективного продукта; таким способом, к примеру, создается оригинальное кино и другие продукты индустрии развлечений, большинству которых, можно сказать без преувеличения, изначально был обеспечен успех среди потребителей. Впоследствии в ходе использования интеллектуальных алгоритмов анализа данных и систем искусственного интеллекта вырабатывается успешная маркетинговая стратегия корпорации. Перечисленные методы могут применяться не

только в маркетинге, но и в политике, технологиях управления сознанием и массами, т.е. в современных социальных технологиях. Одним из примеров использования гибридных социальных технологий являются предвыборные кампании в странах Запада: штабами проводится аккумуляция и сложный анализ данных и метаданных из глобальной открытой сети, в т.ч. из социальных сетей, на основе которого и строится сама кампания, в качестве предвыборных обещаний выбираются наиболее популярные и востребованные среди электората направления внутренней и внешней политики, социальной политики. При этом все действия штаба тонко локализируются и конкретизируются в зависимости от электорального региона, грамотно выстраивается политика предвыборной агитации. Сформировалось такое понятие, как *Hi-hume* — высокие гуманитарные технологии, которые стали фундаментом так называемой индустрии сознания — важного направления, ориентированного на манипулирование сознанием потребителя информации с экономическими, политическими или другими целями, которое появилось еще в прошлом веке, в индустриальную эпоху, но широкое распространение и развитие получило в наши дни. Данные технологии «рассматривают человека как социотехническую систему, где сознание человека представляется технологическим объектом, которым можно управлять, задавая определенную программу действий, — в некотором смысле можно говорить о перепрограммировании сознания с помощью технологий манипуляции» [Жукова Е.А., 2007, с. 34–35].

Общество как массив данных

Человек при любой активности в сети, как непосредственной, так и опосредованной, через различные интеллектуальные цифровые устройства, количество которых велико, как и их охват, оставляет множество метаданных на удаленных серверах или отдельных устройствах. Информация аккумулируется очень быстрыми темпами. В связи с количеством данных и метаданных у информационно-технологических цифровых корпораций и курирующих ведомств появились проблемы с анализом этой информации, решение которых займет не так много времени, как может показаться на первый взгляд. Постоянно растущая мощность вычислительных машин и

непрерывное развитие искусственного интеллекта — возможности, которые дает машинное обучение, — позволяют решить данные проблемы. Глубокий анализ этой информации, который сейчас принято называть большими данными (*Big Data*), позволяет определять потребности общества на основе индивидуальных предпочтений, отношение людей к различным общественным или политическим событиям, проводить изучение потребительского рынка и различных характеристик экономики, получать обратную связь и использовать ее для коррекции направления развития социальных образований, оказывать воздействие на человека как потребителя различных услуг, к примеру, с помощью использования такого механизма, как таргетинг.

В гибридных социальных технологиях активно используется методология *Data Science*, или науки о данных. Наука о данных занимается изучением и анализом огромных объемов разнородной информации из различных источников, в т.ч. из глобальной открытой цифровой сети, в ней используются технологии интеллектуального анализа данных, находят применение различные прикладные направления искусственного интеллекта и изучаются особенности представления данных и знаний. Здесь идет речь об обработке разнородных данных и метаданных, различных технологических приемах, связанных с развитием информационных технологий, которые позволяют классифицировать данные, каталогизировать, типологизировать их по конкретным, важным в исследованиях, признакам и извлекать наиболее значимую и структурированную информацию из всего объема, что принято называть в настоящее время извлечением знаний. В концепции гибридных социальных технологий речь идет больше о персонально ориентированной информации и следах активности пользователей сети, что имеет основополагающее значение для данных технологий. Огромные объемы данных затрудняют анализ и интерпретацию результатов исследований, но это лишь вопрос совершенствования алгоритмов и быстродействия. Если составные элементы выборки данных имеют функциональные зависимости, то в таком случае целесообразно говорить о возможности перехода «от хранения информации в виде числовых массивов к хранению набора правил, описывающих эти зависимости, то есть к базе зна-

ний... но большинство сложных систем и процессов обладает объективной неопределенностью, что приводит к необходимости использования нечеткой логики при создании моделей таких объектов» [Лезин И.А., Маркелов Д.Е., 2014, с. 334]. Таким образом, происходит процесс встраивания техники и технологий в знание. Если проанализируем динамическую составляющую объемов данных, то «обнаружим рост вычислительных средств, приложений и пользователей от миллионов в эпоху мэйнфреймов до сотен миллионов в эпоху ПК и миллиардов пользователей мобильных устройств мобильного интернета, социальных сетей, облачных технологий и построения всевозможных решений умной экономики... За последние 3 года человечество произвело информации больше, чем за всю историю своего существования до 2008 г. И рост продолжается экспоненциально» [Магеррамов З.Т. и др., 2017, с. 42]. Второй важный момент относится к области исследований живой природы, здесь также необычайно актуален анализ больших данных. В направлении, которое называется биоинформатикой, анализ геномных данных позволяет совсем по-другому подходить к медицине, биотехнологиям, которые, в свою очередь, становятся также неотъемлемой частью гибридных социальных технологий. «Суммарный объем баз данных только по нуклеиновым кислотам по состоянию на 2014 год оценивается в 6×10^{11} пар оснований букв молекулярного текста ДНК и РНК... оценка общего числа пар оснований на земле глобального биоразнообразия составляет 5×10^{37} , верхний предел биоинформационных ресурсов данного типа эквивалентен на сегодняшний день сумме полных геномов порядка 10^{28} особей вида *Homo Sapiens*» [Щеголев С.Ю., 2016, с. 147]. Использование машинного обучения, методов искусственного интеллекта в биоинформатике, геномной инженерии открывает новые горизонты в био- и медицинских технологиях. В связи со стремительным развитием биотехнологий и геномной инженерии в будущем возникнет проблема трансформации институтов общества, социальных структур и самого человека, появится возможность направленного «редактирования» признаков и свойств организма (<https://riss.ru/analytics/2289/>). Остро встанут этические вопросы использования современных биоинформационных технологий. Благодаря стремительно-

му развитию науки о данных, прикладные направления биоинформатики смогут все быстрее и быстрее реализовываться, воплощаться в жизнь. «Некоторые виды передачи биологической информации на более высоком уровне — такие как программы генетического развития индивида на протяжении его жизни или программы активности человеческого ума — попадут в число процессов, которые мы можем описать количественно и анализировать на уровне молекул и их взаимодействий» [Леск А., 2009, с. 314]. Другими словами, возможность такого точечного редактирования говорит о том, что мы сможем менять психотипические, физиологические и анатомические свойства человека, что сложно недооценить с позиций социальных наук и технологий. Наглядным примером такого редактирования являются недавние успешные эксперименты китайских ученых, направленные на изменение гена CCR5 для формирования невосприимчивости к ВИЧ-инфекциям. Впоследствии при дальнейшем изучении генетических вариантов будет возможно влиять на отдельные стороны личности человека.

Таким образом, с позиций Data Science все общество выступает как огромный динамический и сложноструктурированный массив данных, который можно еще расширить путем добавления генетической информации индивидов (процесс создания и расширения таких баз данных уже идет, яркий пример — БД HuGE Navigator). Для гибридных социальных технологий такая база данных (база знаний) будет являться центральным ядром. Интеллектуальные методы сбора и анализа данных, Интернет вещей, современные цифровые технологии и техника, передовые биотехнологии и достижения биоинформатики призваны стать основными инструментами реализации гибридных социальных технологий. Такие гибридные социальные технологии являются максимально активным и эффективным средством управления обществом. Эти технологии — наукоемкий интеллектуальный ресурс, их использование даст возможность перейти на совершенно иной уровень управления, прогнозирования и исследования социальных процессов и всего общества в целом. Мониторинг и интеллектуальный анализ такого глобального массива данных общества дает возможность прогнозирования соци-

альных процессов и явлений и, что необычайно важно, предотвращения различных негативных последствий для общества в целом. Изменяется методологическая процедура проектирования социальных технологий. Ключевое значение в гибридных социальных технологиях имеют науки о сложном, к которым можно отнести нейронауку, нанотехнологии, системные исследования, высокие гуманитарные технологии. Отличительной особенностью этих наук является сложносистемная методология, в фокусе которой находятся такие особенности сложных систем, как нелинейность, междисциплинарность, эмерджентность, синергетический характер. «Жесткость социальной технологии утрачивается, поскольку в процесс ее конструирования закладывается идея динамического процесса проектирования социальных технологий, рассчитанных на применение “здесь и сейчас”» [Бурмыкина И.В., 2013]. Жесткий западный прагматизм теряет свою актуальность. Огромную роль играют социокультурные особенности социальных технологий, особенности ментальности. «Социальное и гуманитарное знание все чаще выступают в технологических формах, будучи направленными не столько на объяснение, сколько на изменение реальности» [Юдин Б.Г., 2012, с. 63]. Именно гибридный технологический подход к решению комплексных задач выходит за рамки собственно техники и меняет представление о социальных технологиях. Одновременно с этим увеличиваются риски использования таких комплексных технологий, возникает множество вопросов этического, культурного и философского характера, о чем говорит анализ концепции Ni-hume. «Мы увидим, что проблема времени находится в самом центре современной науки. Возникновение новых структурных элементов, необратимость принадлежат к числу вопросов, над решением которых билось не одно поколение философов. Ныне, когда история, в каком бы аспекте — экономическом, демографическом или политическом — мы ее ни рассматривали, развиваются с неслыханной быстротой, новые проблемы и новые интересы вынуждают нас вступать в новые диалоги, искать новые связи» [Пригожин И., Стенгерс И., 1986, с. 62].

Таким образом, в статье вводится понятие гибридных социальных технологий, подчеркивается тезис о том, что они являются ядром со-

временных социальных технологий и социальных наук, отмечается необходимость проведения гуманитарной экспертизы, определяется структура гибридных социальных технологий, отличительной особенностью которых является использование сложносистемной методологии и конвергенция технологий. Гибридные социальные технологии выступают эффективным инструментом решения социальных проблем и задач, будучи при этом связанными с серьезными рисками при использовании поверхностных подходов и методов. В связи с тем, что различные социальные последствия использования таких гибридных социальных технологий исследованы не в полной мере, имеет место необходимость их философского и методологического осмысления.

Список литературы

- Бурмыкина И.В.* Методологические основания теории социальных технологий современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 151–161.
- Горохов В.Г.* Техника, технология, проектирование — социотехника, социально-гуманитарные технологии, социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 80–90.
- Жукова Е.А.* Человек в плену Ni-Hume // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 11(74). С. 29–36.
- Игнатенко А.С.* Технологизм, технократизм, тоталитаризм. К критике механистической парадигмы СТ // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 73–80.
- Касавин И.Т.* Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 52–55.
- Леск А.* Введение в биоинформатику: пер. с англ. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 318 с.
- Лёзин И.А., Маркелов Д.Е.* Извлечение знаний из больших массивов данных // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 4–2. С. 334–339.
- Магеррамов З.Т., Абдуллаев В.Г., Магеррамова А.З.* Big Data: Проблемы, методы анализа, алгоритмы // Радиоэлектроника и информатика. 2017. № 3(78). С. 42–52.
- Маркова Л.А.* Технологии в социальных и технических системах: социально-гуманитарный анализ // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 64–72.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. М.: Феникс, 1992. 448 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология / пер. с болг. М.: Прогресс, 1976. 250 с.

Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Фадеева В.Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 107–110.

Щеголев С.Ю. Разработка и визуализация больших массивов данных в таксономических и эволюционных исследованиях живой природы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 145–167. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2016-16-3-145-167>

Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7(363). С. 113–124.

Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 55–64.

Получено 29.07.2019

References

Burmykina, I.V. (2013). *Metodologicheskie osnovaniya teorii sotsial'nykh tekhnologiy sovremennosti* [Methodological basis for the theory of social technologies of the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i Politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. No. 4, pp. 151–161.

Fadeeva, V.N. (2008). *Fenomen sotsial'noy inzhenerii v kontseptsii K. Poppera* [The phenomenon of social engineering in the concept of K. Popper]. *Izvestiya Tomskogo Politehnicheskogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 312, no. 6, pp. 107–110.

Gorokhov, V.G. (2012). *Tekhnika, tekhnologiya, proektirovanie — sotsiotekhnika, sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii, sotsial'noe proektirovanie* [Technique, technology, design — sociotechnics, socio-humanitarian technologies, social design]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 31, no. 1, pp. 80–90.

Ignatenko, A.S. (2012). *Tekhnologizm, tekhnokratizm, totalitarizm. K kritike mekhanisticheskoy paradigmy ST* [Technologism, technocracy, totalitarianism. A critique of the mechanistic paradigm of ST]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 31, no. 1, pp. 73–80.

Kasavin, I.T. (2012). *Sotsial'nye tekhnologii i sotsial'nye praktiki* [Social technologies and social practices]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 31, no. 1, pp. 52–55.

Lesk, A. (2009). *Vvedenie v bioinformatiku* [Introduction to bioinformatics]. Moscow: Binom. Laboratoriya Znaniy Publ., 318 p.

Lezin, I.A. and Markelov, D.E. (2014). *Izvlechenie znaniy iz bol'shikh massivov dannykh* [Knowledge extraction from large data sets]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestiya of Samara RAS Scientific Center]. Vol. 16, no. 4–2, pp. 334–339.

Magerramov, Z.T., Abdullaev, V.G. and Magerramova, A.Z. (2017). *Big Data: Problemy, metody analiza, algoritmy* [Big Data: Problems, analysis methods, algorithms]. *Radioelektronika i informatika* [RadioElectronics and Informatics Journal]. No. 3(78), pp. 42–52.

Markova, L.A. (2012). *Tekhnologii v sotsial'nykh i tekhnicheskikh sistemakh: sotsial'no-gumanitarnyy analiz* [Technologies in social and technical systems: social and humanitarian analysis]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 31, no. 1, pp. 64–72.

Popper, K. (1992). *Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona* [The open society and its enemies. Vol. 1. The age of Plato]. Moscow: Feniks Publ., 448 p.

Prigogine, I. and Stengers, I. (1986). *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos: Man's new dialogue with nature.]. Moscow: Progress Publ., 432 p.

Schegolev, S.Y. (2016). *Razrabotka i vizualizatsiya bol'shikh massivov dannykh v taksonomicheskikh i evolyutsionnykh issledovaniyakh zhivoy prirody* [Processing and visualization of large data arrays in taxonomic and evolutionary studies of living nature]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Fizika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Physics]. Vol. 16, iss. 3, pp. 145–167. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2016-16-3-145-167>

Scherbina, V.V. (2014). *Sotsial'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya soderzhaniya, sovremennoe sostoyanie* [Social tech-

nologies: the history of the emergence of the term, the transformation of the content, the current state]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7(363), pp. 113–124.

Stefanov, N. (1976). *Obschestvennye nauki i sotsial'naya tekhnologiya* [Social sciences and social technology]. Moscow: Progress Publ., 250 p.

Toffler, A. (2002). *Shok buduschego* [Future shock]. Moscow: AST Publ., 557 p.

Yudin, B.G. (2012). *Sotsial'nyye tekhnologii, ikh proizvodstvo i potreblenie* [Social technologies, their

production and consumption]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 31, no. 1, pp. 55–64.

Zhukova, E.A. (2007). *Chelovek v plenu Hi-Hume* [Man captive of Hi-Hume]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. Iss. 11(74), pp. 29–36.

Received 29.07.2019

Об авторе

Коровин Александр Леонидович

старший преподаватель кафедры информатики и информационных технологий

Вологодский государственный университет,
160000, Вологда, ул. Ленина, 15;
e-mail: korovinal@vogu35.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5897-6901>

About the author

Alexander L. Korovin

Senior Lecturer of the Department of Informatics and Information Technology

Vologda State University,
15, Lenin st., Vologda, 160000, Russia;
e-mail: korovinal@vogu35.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5897-6901>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коровин А.Л. Гибридные социальные технологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 515–524. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-515-524

For citation:

Korovin A.L. [Hybrid social technologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 515–524 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-515-524

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.32

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-525-538

**ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
«КОРОТКОГО ОПРОСНИКА ТЕМНОЙ ТРИАДЫ»***Корниенко Дмитрий Сергеевич, Дериш Федор Валерьевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

В последние годы интерес исследователей вызывает изучение негативных черт личности. Одним из примеров является комплекс трех личностных черт: Макиавеллизм, Нарциссизм и Психопатия, который обозначается как Темная триада. Исследование данного феномена связано и с созданием диагностических инструментов для измерения черт, составляющих Темную триаду. В статье представлены психометрические основания «Короткого опросника Темной триады» и два варианта опросника, адаптированные на российской выборке. Исследование состоит из последовательных процедур психометрической проверки, включающих анализ ретестовой надежности, структуры опросника, оценку отдельных пунктов с помощью IRT. Целью исследования является оценка психометрического качества опросника с помощью классических (линейных) и нелинейных методов. Выборку составили 459 чел. (69,5 % — женщины). Были созданы две версии опросника: полная (27 пунктов) и скорректированная (18 пунктов). Структура адаптированных вариантов в целом совпадает с оригинальным опросником. Обнаружены достаточные показатели надежности для черт Темной триады (Макиавеллизм — 0,72; Нарциссизм — 0,75 и Психопатия — 0,65), что согласуется с данными других исследований. Ретестовая надежность показала воспроизводимость результатов. Сопоставление Макиавеллизма, Нарциссизма и Психопатии с чертами личности по опроснику HEXACO-60 показывает отрицательные корреляции с Честностью – Склонностью к обману, Эмоциональностью и Доброжелательностью. Полученные результаты дают основания считать обе версии опросника приемлемыми для диагностики черт, составляющих Темную триаду.

Ключевые слова: психометрика, валидность, надежность, личностные черты, Темная триада, Макиавеллизм, Нарциссизм, Психопатия, IRT.

PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE SHORT DARK TRIAD MEASURE*Dmitriy S. Kornienko, Fedor V. Derish**Perm State University*

In recent years, negative personality traits have attracted research attention. One of the examples is Dark Triad, which is a constellation of three personality traits: Machiavellianism, narcissism, and psychopathy. Some Dark Triad measures have been created. The article is devoted to the adaptation and validation of the Short Dark Triad (SD3) measure. We examined the structure, reliability, and validity of the items and scales in samples of 459 participants (69,5 % of them were female). Two versions of the questionnaire were offered: the full one (27 items) and the revised one (18 items). The structures of both versions correspond to the original SD3. The alpha reliabilities were 0,72 for Machiavellianism, 0,75 for narcissism, and 0,65 for psychopathy. The test-retest reliabilities were good for Machiavellianism and narcissism, and appropriate for psychopathy. To evaluate the convergent validity of SD3, it was compared with Russian adaptation of HEXACO-60. The Dark Triad traits have negative relationships with Honesty – Humility,

Emotionality and Agreeableness. This study indicates that SD3 provides efficient, reliable, and valid measures of the personality traits included in the Dark Triad.

Keywords: psychometric properties, reliability, validity, personality traits, Dark Triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, IRT.

Введение

В свете усиливающегося интереса к изучению негативных личностных черт Темной триады остро встает вопрос о точности измерения.

При диагностике черт Темной триады возникают сложности, которые связаны с методологическими трудностями различения данных черт и базовых черт личности (например, модель «Большой пятерки»). Другой проблемой является контроль социальной желательности при ответе на пункты, которые должны измерять проявления социально неодобряемого поведения. Данные проблемы отчасти решены путем создания опросников, диагностирующих черты Темной триады личности. В 2014 г. появилась англоязычная версия короткого опросника Темной триады, которая составила конкуренцию «длинным» инструментам измерения трех черт. Наличие данных о валидности и надежности «Короткого опросника Темной триады» («The Short Dark Triad») позволяет рассматривать его как наиболее подходящий инструмент для изучения таких негативных черт личности, как Нарциссизм, Макиавеллизм и Психопатия [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014].

Однако при адаптации данных опросников на российской выборке проявляется недостаток информации о психометрических характеристиках отдельных пунктов.

Темная триада

Термин «Темная триада» вошел в число психологических терминов благодаря исследованию Д. Полхуса и К. Уильямса, проведенному в 2002 г. Д. Полхус и К. Уильямс полагают, что данные черты коррелируют совместно ввиду схожести поведенческих проявлений этих черт. При этом в отличие от других авторов [McHoskey J.W., 1995; McHoskey J.W. et al., 1998] они считают, что эти три черты вносят своеобразие в социальное поведение, а также в такие феномены, как Я-концепция, межличностные отношения и профессиональная эффективность [Paulhus D.L., Williams K., 2002].

Специфика черт Темной триады также обусловлена демонстрацией личностью при наличии этих черт различного поведения: самопрезентация достижений (например, постоянное хвастовство) в большей степени характерна для Нарциссизма, безрассудное антиобщественное поведение (например, акты вандализма) — для Психопатии, стратегическое манипулирование (например, усложненные схемы мошенничества) — для Макиавеллизма [Furnham A. et al., 2013]. В целом обзор последних зарубежных исследований показывает, что: 1) цели, связанные с саморазвитием, характеризуют Нарциссизм, достижение ситуативных целей — Макиавеллизм и Психопатию; 2) Макиавеллизм отличается от Психопатии выраженностью импульсивности; 3) объединяющим поведенческим паттерном Темной триады является эмоциональная холодность и безразличие к людям, порождающее манипулирование другими [Jones D.N., Paulhus D.L., 2011].

Процесс валидации конструкта, а также поиска ядра Темной триады заставил многих исследователей обратить внимание на другие «темные» черты личности: повседневный садизм [Paulhus D.L., Dutton D.G., 2016], поиск ощущений [Egan V. et al., 1999] и аморальность [Stankov L., Knezevic G., 2005]. Хотя все эти перемещения эмпирически перекрываются по крайней мере одной чертой Темной триады, они имеют разные концептуальные корни.

Разработка опросников для диагностики черт Темной триады

Начиная с первых исследований Темной триады, основными инструментами для оценки составляющих ее черт являлись «длинные» опросники (PPI, NPI, MACH-4 и др.), измеряющие каждую «темную» черту по отдельности [Christie R., Geis F., 1970; Raskin R., Hall C.S., 1979; McHoskey J.W. et al., 1998] либо же их укороченные и адаптированные варианты [Williams K.M. et al., 2007].

П. Джонасоном был предложен в качестве инструмента для оценки всего комплекса черт опросник «Чертова дюжина» («Dirty Dozen»),

который показал высокую степень надежности: по результатам ретеста и конфирматорного факторного анализа [Jonason P.K., Webster G.D., 2010]. Касательно конструктивной валидности — результаты оказались умеренными относительно корреляций с оригинальными шкалами опросников и с чертами «Большой пятерки». По мнению некоторых зарубежных исследователей [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014], причиной этого является слишком малое количество пунктов, заложенных в Чертовой дюжине на каждую черту Темной триады, так как уменьшение количества пунктов, как правило, требует отказа от некоторых существенных элементов содержания.

В 2014 г. авторами Темной триады [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014] была проведена психометрическая проверка нового на тот момент «Короткого опросника Темной триады», содержащего уже большее количество пунктов (по 9 пунктов на шкалу) с использованием пятибалльной шкалы Ликерта. Д. Джонсом и Д. Полхусом были проведены четыре исследования, которые показали, что черты Темной триады, измеренные с помощью их опросника, имеют высокую внутреннюю согласованность (α -Кронбаха составляют 0,71, 0,77 и 0,80 для Нарциссизма, Макиавеллизма и Психопатии), коррелируют друг с другом (корреляции от 0,22 до 0,47) и обнаруживают значимые связи с показателями «длинных» опросников (корреляции от 0,60 до 0,78). Корреляции экспертных оценок и самооценок Темной триады находятся в диапазоне 0,34–0,57. Основные преимущества «Короткого опросника Темной триады» перед «Чертовой дюжиной» заключаются в большей разрешающей способности при оценке отдельных черт Темной триады.

На российской выборке уже апробированы вышеуказанные инструменты для измерения Темной триады: «Темная дюжина» [Корнилова Т.В. и др., 2015], «Короткий опросник Темной триады» [Егорова М.С. и др., 2015].

При апробации опросника «Темной дюжины», как и в оригинальном исследовании [Jonason P.K., Webster G.D., 2010], использовался конфирматорный факторный анализ. В результате проведения этого анализа были получены высокие показатели соответствия оригинальной модели Темной триады, что говорит о высокой степени психометрической надежности опросника.

Конструктивная валидность «Чертовой дюжины» проверялась с помощью корреляционного анализа шкал проверяемого опросника и шкал других опросников, измеряющих Макиавеллизм, Психопатию и Нарциссизм по отдельности. Как оказалось, связи между Макиавеллизмом «Чертовой дюжины» и Психопатией по Левенсону более тесные, чем между Макиавеллизмом «Чертовой дюжины» и Макиавеллизмом МАСН-шкалы. Аналогичная картина была получена и при изучении Психопатии [Корнилова Т.В. и др., 2015]. В целом же опросник «Темная дюжина» в достаточной степени измеряет как конструкт Темной триады, так и его компоненты, обладая своими недостатками, которые следует учитывать при использовании этого инструмента.

Другого дизайна придерживались М.С. Егорова и коллеги при валидации «Короткого опросника Темной триады» [Егорова М.С. и др., 2015]. Используя процедуру эксплораторного факторного анализа, ученые получили сходную с оригинальным исследованием [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014] факторную структуру, где показатели α -Кронбаха для Макиавеллизма, Нарциссизма и Психопатии находятся в диапазоне 0,70–0,74, что говорит о достаточной внутренней согласованности шкал опросника. Корреляции с аналогичными шкалами «Экспресс-опросника Темной триады» оказались в диапазоне 0,52–0,66; корреляция между показателями Макиавеллизма была равна 0,52, между показателями Нарциссизма — 0,66, между показателями Психопатии — 0,59.

Теория ответов на пункты

В данной статье в качестве дополнительного способа проверки психометрического качества используется методология «Теория ответов на пункты» (Item Response Theory — IRT) [Фер Р.М., Бакарак В.Р., 2010]. IRT представляет собой семейство психометрических методов и моделей, акцентирующих внимание на анализе отдельных пунктов и шкалы в целом. Согласно IRT ответ респондента на задание теста зависит от уровня выраженности измеряемой характеристики (скрытая черта) и от особенностей самого пункта, прежде всего — его сложности.

В рамках IRT были разработаны разнообразные измерительные модели, которые отличаются друг от друга по крайней мере двумя

значимыми аспектами. Первое важное различие между измерительными моделями заключается в тех характеристиках или параметрах пункта, которые включаются в модель. Второе различие касается шкалы, на которой измеряется ответ респондента (результат). Выбор определенной модели задает математические отношения между результатом (например, баллом, который респондент получает за пункт) и параметрами, которые оказывают влияние на этот результат (например, характеристиками самого респондента и/или характеристиками пункта теста). Кроме того, IRT является нелинейным методом оценки психометрического качества инструмента измерения в отличие от классических методов (например, α -Кронбаха, факторный анализ и т.п.).

В данной статье для анализа пунктов была использована уровневая модель (Graded Response Model — GRM), которая включает в себя вычисление пороговых параметров (B1-3) и дискриминативности (A) каждого пункта по отдельности, а также информативности шкал в целом. Модель применяется для политомических шкал (например, шкала Ликерта). Параметр дискриминативности оценивает степень связи пункта с истинным уровнем выраженности признака. Пороговый параметр характеризует уровень скрытой черты, при котором следующая, более высокая категория ответа (например, ответ «Не согласен» и «Скорее не согласен» шкалы Ликерта), имеет 50 %-ную вероятность быть выбранной [Morizot J.M. et al., 2007]. Информативность шкалы говорит о том, насколько соответствуют пункты, измеряющие шкалу, уровню выраженности истинной черты [Фер Р.М., Бакарак В.Р., 2010].

Данные адаптации «Короткого опросника Темной триады» [Егорова М.С. и др., 2015] отражают достаточную степень психометрической надежности, но при этом возникает необходимость в рассмотрении дополнительных процедур. Вышесказанное послужило основой для проведения данного исследования, включающего использование полного перевода опросника без изменения вопросов, применение конфирматорного факторного анализа, проведение ретестовых испытаний и оценку психометрического качества с помощью методологии IRT.

Участники исследования

Общая выборка составила 459 чел. — студенты Пермских вузов (обучающиеся очно и заочно), которые участвовали в групповом тестировании при помощи бланковой версии опросника. При бланковом тестировании испытуемых просили указать фамилию, имя или использовать шифр/псевдоним для анонимности участия в исследовании. Участники опроса получали бланк методики и письменно, в соответствии с инструкцией, отвечали на вопросы в ходе групповых сессий. Респондентам предлагалось принять участие в исследовании в рамках изучения дисциплины «Психология» (или ее разделов). В качестве вознаграждения участники получали дополнительные баллы, которые добавлялись к общей оценке за дисциплину. Всем участникам были предоставлены индивидуальные результаты (лично или через электронную почту), что также являлось стимулом для участия в исследовании.

Возраст участников исследования — от 18 до 50 лет ($M = 21,6$; $SD = 6,18$), 69,5 % составляют женщины. Ретестовые испытания прошли на выборке в 103 чел. (83 % — женщины) в возрасте 17–24 года ($M = 19,1$; $SD = 1,5$). Повторный замер проводился через месяц после первого тестирования.

Методы

Для диагностики Макиавеллизма, Нарциссизма и Психопатии был использован «Короткий опросник Темной триады» — Short Dark Triad [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014]. Был осуществлен перевод методики, который анализировался тремя экспертами: двумя психологами и одним лингвистом. Окончательный вариант формулировки каждого пункта утверждался в процессе совместного обсуждения. Обратный перевод был осуществлен носителем английского языка, после чего в формулировки отдельных вопросов были внесены коррективы. В результате был получен опросник, который содержит 27 пунктов, соответствующих трем шкалам, по 9 вопросов на шкалу.

Опросник HEXACO-60 [Ashton M.C., Lee K., 2009] использовался для диагностики шести базовых черт личности: Честность – Склонность к обману ($\alpha = 0,61$), Эмоциональность ($\alpha = 0,76$), Экстраверсия ($\alpha = 0,80$), Доброжелательность

($\alpha = 0,68$), Сознательность ($\alpha = 0,59$) и Открытость опыту ($\alpha = 0,64$). Опросник содержит 60 утверждений, с которыми респондент соглашается или не соглашается, используя шкалу от 1 до 5. Использование данного опросника обусловлено тем, что он позволяет определить пять базовых свойств личности и содержит шкалу Честность – Склонность к обману, которая измеряет проявления искренности в отношениях с другими людьми, неприятие обмана и отсутствие жадности, являющиеся противоположными свойствами Темной триады. Сопоставление черт, составляющих Темную триаду, с чертами модели HEXACO является достаточно частым, и в этом случае отдельно рассматривается соотношение Макиавеллизма, Нарциссизма и Психопатии с Честностью – Склонностью к обману [Veselka L. et al., 2012].

Обработка данных производилась в программе IBM SPSS Statistics, версия 14, дополнительном пакете анализа структурных уравнений (AMOS). Также использовался статистиче-

ский пакет «ltm» свободной библиотеки CRAN на базе языка «The R».

Результаты и их обсуждение

Полученные в данном исследовании средние значения Макиавеллизма, Нарциссизма (табл. 1) находятся в таком же диапазоне, что и средние значения этих параметров в более ранних исследованиях (табл. 2), посвященных созданию [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014] и адаптации [Егорова М.С. и др., 2015] «Короткого опросника Темной триады». Наша выборка оказалась более психопатичной, причем это характерно и для мужчин, и для женщин.

При сравнении шкал между собой оказалось, что наиболее выраженной является шкала Макиавеллизма, а наименее — шкала Психопатии, причем и в мужской, и в женской подгруппах данное соотношение сохраняется. В других исследованиях наблюдается сходная картина.

Таблица 1. Средние и стандартные отклонения, полученные на общей выборке, на выборках мужчин и женщин

Шкалы Темной триады	Общая выборка		Мужчины		Женщины	
	Среднее	Ст. откл	Среднее	Ст. откл	Среднее	Ст. откл
Макиавеллизм	3,243	0,490	3,405	0,479	3,172	0,484
Нарциссизм	2,815	0,491	2,904	0,500	2,776	0,485
Психопатия	2,385	0,430	2,577	0,429	2,301	0,413

Таблица 2. Сравнение средних значений шкал «Короткого опросника Темной триады», полученных в данном исследовании и в двух других работах

Шкалы Темной триады	Общая выборка			Мужчины			Женщины		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Макиавеллизм	3,243	3,153	3,285	3,405	3,440	3,237	3,172	3,130	3,070
Нарциссизм	2,815	2,817	2,780	2,904	2,830	2,903	2,776	2,730	2,730
Психопатия	2,385	2,175	2,140	2,577	2,320	2,350	2,301	1,960	2,000

Примечание: 1 — данное исследование; 2 — исследование М.С. Егоровой [Егорова М.С. и др., 2015]; 3 — данные из работы Д. Джонса и Д. Полхуса [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014].

Анализ пунктов с помощью IRT

В данном исследовании использовалась уровневая модель анализа ответов (Graded Response Model — GRM) [Samejima F., 2016]. В результате были построены графики информативности для итоговых шкал и подсчитаны параметры для каждого пункта (табл. 3).

В соответствии с принятыми нормами в методологии IRT и GRM [Morizot J.M. et al., 2007] для пунктов 1, 6, 17, 21, измеряющих черты

Темной триады, характерна аномально высокая и/или низкая сложность и самая низкая дискриминативность по сравнению с остальными пунктами опросника (табл. 3). Полученные результаты связаны с формулировкой пунктов, описывающих культурные особенности респондентов и установку на социально-желательные ответы. Например, положительные ответы на пункт «У меня никогда не было проблем с законом» скорее диагностируют социальную желательность, чем Психопатию. В то же время остальные

пункты характеризуют доминирующие в культуре варианты поведения. Полученные резуль-

таты требуют пересмотра формулировок данных пунктов опросника.

Таблица 3. Пороговые параметры и дискриминативность пунктов «Короткого опросника Темной триады»

Шкала	№ п.	Пункты	A	B1	B2	B3
Макиавеллизм	1	Делиться своими секретами неразумно	0,195	-11,68	-1,185	8,348
	4	Мне нравится умело манипулировать людьми, чтобы добиться своего	1,629	-1,299	0,039	1,787
	7	Нужно непременно заручиться поддержкой влиятельных людей, чего бы это ни стоило	1,293	-1,708	0,486	2,167
	10	Следует избегать прямых конфликтов с другими людьми, потому что в будущем они могут быть полезны	0,474	-4,938	-1,308	3,145
	13	Необходимо собирать информацию, которую в будущем можно будет использовать против других	1,317	-0,63	1,125	2,811
	16	Чтобы отомстить, следует дожидаться удобного случая	1,102	-0,903	0,404	2,258
	19	Есть вещи, которые следует скрывать от других для сохранения собственной репутации	0,664	-4,763	-3,079	0,447
	22	Убедись, что твои планы пойдут, прежде всего, на пользу тебе, а не кому-то другому	0,734	-4,123	-1,028	1,515
	25	Большинством людей можно манипулировать	1,038	-2,886	-1,163	1,166
Нарциссизм	2	Люди считают меня прирожденным лидером	0,882	-1,338	1,541	3,946
	5	Я ненавижу быть в центре внимания	0,651	-3,111	-0,791	2,32
	8	Когда люди занимаются чем-то без меня, получается довольно скучно	1,285	-1,253	0,884	2,631
	11	Я знаю, что я особенный, так как все твердят мне об этом	1,121	-1,061	1,233	3,224
	14	Мне нравится знакомиться с влиятельными людьми	1,096	-2,297	-0,571	1,524
	17	Я смущаюсь, когда меня хвалят	0,439	-1,348	3,673	7,12
	20	Меня не раз сравнивали с известными людьми / со знаменитостями	0,819	-1,373	1,126	3,315
	23	Я обычный человек	0,571	-0,45	2,175	4,816
Психопатия	26	Я настаиваю, чтобы ко мне проявляли должное уважение	0,58	-4,855	-1,756	2,531
	3	Мне нравится бросать вызов правилам, установленным властями	0,8	-1,485	1,558	4,352
	6	Я избегаю опасных ситуаций	0,301	-4,445	2,356	7,92
	9	Расплата должна быть немедленной и жестокой	1,466	-0,31	1,416	2,645
	12	Люди часто говорят, что я теряю контроль над собой	0,598	-0,705	2,16	5,017
	15	Я действительно могу поступать дурно по отношению к другим людям	0,964	-1,395	0,377	2,892
	18	Люди, которые создают мне проблемы, всегда жалеют об этом	0,989	-1,107	1,455	3,524
	21	У меня никогда не было проблем с законом	0,326	2,419	6,167	9,468
	24	Я не против заняться сексом с человеком, которого едва знаю	0,621	0,674	2,755	5,161
27	Я скажу все что угодно, лишь бы получить желаемое	0,996	-0,911	1,927	3,514	

Примечание: B1-4 — пороговые параметры, A — параметр дискриминативности; все обратные пункты были перекодированы.

На рисунке представлены параметры информативности для черт Темной триады. Данные параметры показывают, насколько точно измеряемая характеристика соответствует уровню латентной (истинной) черты. Полученные кривые оказались асимметричными, причем Макиавеллизм — в сторону уменьшения уровня выраженности черты, тогда как Психопатия и Нарциссизм — в сторону увеличения. Шкала Макиавеллизма наиболее информативно

измеряет истинную черту в диапазоне от -2 до 0 стандартного отклонения. Другими словами, пункты, измеряющие Макиавеллизм, более чувствительны к низкому уровню выраженности данной черты.

Кривые информативности Нарциссизма и Психопатии наилучшим образом измеряют черту в диапазоне от 1 до 2 стандартного отклонения. Другими словами, они измеряют высокий уровень выраженности черты.

Рис. 1. Кривые информативности для Макиавеллизма, Нарциссизма и Психопатии

Таблица 4. Значения параметра информативности шкал «Короткого опросника Темной триады»

Шкалы Темной триады	Информативность		
	Полная	Частичная*	Процент
Макиавеллизм	23,72	18,88	79,6 %
Нарциссизм	25,65	20,63	80,4 %
Психопатия	19,56	13,89	71,0 %

Примечание: * — коэффициенты информативности для диапазона от -3 до 3 стандартного отклонения от средней выраженности истинного уровня измеряемой характеристики.

Стоит отметить, что из всех черт Темной триады наиболее информативным является Нарциссизм, а наименее — Макиавеллизм. Пункты, измеряющие Нарциссизм и Психопатию, чувствительны к высокому уровню выраженности соответствующих черт, тогда как Макиавеллизм чувствителен к низкому уровню.

Существует ряд ограничений использования IRT и GRM для личностных опросников. Например, при подсчете параметров происходит редукция от интервальной к порядковой шкале измерения, что снижает дисперсию измеряемого признака. Также при подсчете итоговых параметров подразумевается однофакторность скрытой черты, тогда как теоретиче-

ский конструкт подразумевает перекрытие черт Темной триады [Veselka L. et al., 2012].

Факторная структура опросника

При факторизации опросника были построены две трехфакторные конфирматорные модели, в которых каждый фактор включал в себя пункты, соответствующие теоретическому конструкту. Модель А (табл. 5) полностью соответствует оригинальному опроснику, а модель В была построена с учетом результатов анализа пунктов с помощью IRT, силы связи между наблюдаемыми и латентными переменными и индексами модификации модели.

Модель А (табл. 5) обладает близкими к оптимальному значению индексами пригодности.

Индекс Стейгера–Линда (RMSEA) попадает в доверительный интервал от 0,06 до 0,07, что является меньше 0,8 и соответствует удовлетворительному соответствию модели [Schumack

er R.E., 2002]. Показатель соответствия Бентлера (CFI) оказался менее 0,8, что говорит о недостаточном соответствии модели исходным данным.

Таблица 5. Конфирматорная модель А «Короткого опросника Темной триады» (n = 459).

Переменные		Стандартная оценка	Уровень значимости	
M_1	<---	F1	0,181	***
M_4	<---	F1	0,674	***
M_7	<---	F1	0,548	***
M_10	<---	F1	0,295	0,002
M_13	<---	F1	0,654	***
M_16	<---	F1	0,573	***
M_19	<---	F1	0,371	0,001
M_22	<---	F1	0,363	0,001
M_25	<---	F1	0,512	***
N_2	<---	F2	0,592	***
N_5	<---	F2	0,513	***
N_8	<---	F2	0,663	***
N_11	<---	F2	0,64	***
N_14	<---	F2	0,519	***
N_17	<---	F2	0,319	***
N_20	<---	F2	0,493	***
N_23	<---	F2	0,36	***
N_26	<---	F2	0,377	***
P_3	<---	F3	0,404	***
P_6	<---	F3	0,147	0,008
P_9	<---	F3	0,663	***
P_12	<---	F3	0,386	***
P_15	<---	F3	0,56	***
P_18	<---	F3	0,497	***
P_21	<---	F3	0,195	***
P_24	<---	F3	0,332	***
P_27	<---	F3	0,439	***
F1	<-->	F2	0,485	0,002
F3	<-->	F2	0,48	***
F3	<-->	F1	0,792	0,002

Примечание: *** — $p < 0,0001$; <--> — корреляционная связь; <--- — регрессионная связь; М — Макиавеллизм, Р — Психопатия, N — Нарциссизм; Индексы пригодности: CMIN = 920,209 ($p < 0,0001$), CMIN/df = 2,867, CFI = 0,744, RMSEA = 0,064.

Модель В (табл. 6) имеет более высокие значения индексов пригодности. Индекс Стейгера–Линда (RMSEA) равен 0,5 и попадает в интервал хорошего соответствия модели [Schumacker R.E., 2002]. Показатель Бентлера (CFI) оказался выше, чем в модели А, что говорит о лучшем соответствии. Также индексы Холтера (Hoelter 0,5 и 0,1) равны 259 и 280, что говорит об адекватности размера выборки для данной модели.

В модели В были включены 18 пунктов, затем из каждой шкалы были удалены по три пункта. Основаниями для такого исключения явились результаты GRM-анализа и индексы модификации конфирматорной модели. Так, были исключены пункты Макиавеллизма «Де-

литься своими секретами неразумно» (п. 1), «Необходимо собирать информацию, которую в будущем можно будет использовать против других» (п. 13), «Чтобы отомстить, следует дожидаться удобного случая» (п. 16); пункты Нарциссизма «Мне нравится знакомиться с влиятельными людьми» (п. 14), «Я смущаюсь, когда меня хвалят» (п. 17), «Я обычный человек» (обратный п. 23); пункты Психопатии «Я избегаю опасных ситуаций» (обратный п. 6), «У меня никогда не было проблем с законом» (обратный п. 21) и «Я скажу все что угодно, лишь бы получить желаемое» (п. 27). Таким образом, из содержания черт Темной триады исчезли пункты, диагностирующие некоторую мстительность (п. 13, 16) и лъстивость (п. 14, 27).

Таблица 6. Конфирматорная модель В «Короткого опросника Темной триады» (n = 459).

Переменные			Стандартная оценка	Уровень значимости
M_4	<---	F1	0,7	***
M_7	<---	F1	0,576	***
M_10	<---	F1	0,352	***
M_19	<---	F1	0,429	***
M_22	<---	F1	0,406	***
M_25	<---	F1	0,526	***
P_3	<---	F2	0,416	***
P_9	<---	F2	0,653	***
P_12	<---	F2	0,419	***
P_15	<---	F2	0,561	***
P_18	<---	F2	0,512	***
P_24	<---	F2	0,333	***
N_2	<---	F3	0,595	***
N_5	<---	F3	0,491	***
N_8	<---	F3	0,673	***
N_11	<---	F3	0,648	***
N_20	<---	F3	0,509	***
N_26	<---	F3	0,393	***
F1	<-->	F2	0,599	***
F3	<-->	F2	0,448	***
F3	<-->	F1	0,546	***

Примечание: *** — $p < 0,0001$; <--> — корреляционная связь; <--- — регрессионная связь; М — Макиавеллизм, Р — Психопатия, N — Нарциссизм; Индексы пригодности: CMIN = 282,828 ($p < 0,0001$), CMIN/df = 2,143 CFI = 0,88, RMSEA = 0,05.

При сравнении результатов КФА были обнаружены различия. Во-первых, модель В в большей степени соответствует исходным данным, во-вторых, связь между латентными переменными (чертами Темной триады) «Макиавеллизм» и «Психопатия» уменьшилась, и в модели В все черты умеренно коррелируют друг с другом. Наличие связей между чертами Темной триады в модели В при сокращении количества пунктов и, соответственно, содержания говорит о сохранении эмпирического конструкта. В ходе анализа были предприняты попытки создания моделей с другой структурой (однофакторная, двухфакторная, с включением фактора второго порядка), которые продемонстрировали крайне низкие показатели соответствия.

Согласованность шкал опросника

Для каждой шкалы были подсчитаны коэффициенты надежности α -Кронбаха для двух версий опросника в соответствии с моделью А и моделью В. Для шкал полной версии опросника значения α -Кронбаха были следующими: Макиавеллизм — 0,72, Нарциссизм — 0,75 и Психопатия — 0,65. Для скорректированной версии (18 пунктов) значения составили 0,67, 0,72 и 0,65 соответственно. В различных работах α -Кронбаха для Макиавеллизма варьируется от 0,65 до 0,79, для Нарциссизма — от 0,69 до 0,74 и Психопатии — от 0,64 до 0,76 (табл. 7).

Таблица 7. Значения коэффициента α -Кронбаха для шкал «Короткого опросника Темной триады», полученные в разных исследованиях

Исследование	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия
Visser B.A. et al., 2014	0,66	0,73	0,76
Aghababaei N., Blachnio A., 2015	0,65	0,67	0,69
Егорова М.С. и др., 2015	0,72	0,74	0,70
Stenason L., Vernon P.A., 2016	0,79	0,67	0,76
Roeser K. et al., 2016	0,76	0,68	0,69
Наше исследование (27 п.)	0,72	0,75	0,65
Наше исследование (18 п.)	0,67	0,72	0,65

При сравнении α -Кронбаха двух версий «Короткого опросника Темной триады» было обнаружено небольшое снижение согласованности шкал Макиавеллизма и Нарциссизма, но не Психопатии. В целом полученные коэффициенты следует рассматривать как приемлемые, совпадающие с полученными в аналогичных исследованиях данными.

Ретестовая надежность

Показатели надежности по шкалам Макиавеллизма ($\alpha_1 = 0,72$; $\alpha_2 = 0,71$) и Нарциссизма ($\alpha_1 = 0,75$; $\alpha_2 = 0,74$) имели приемлемые значения α -Кронбаха при первом и повторном тестировании. Для шкалы Психопатии коэффициент надежности оказался ниже ($\alpha_1 = 0,65$; $\alpha_2 = 0,60$), чем для общей выборки.

Ретестовые корреляции пунктов шкалы Макиавеллизма были положительными и значимыми ($r = 0,39 \div 0,61$, $p < 0,01$). Средняя величина коэффициентов ретестовых корреляций пунктов шкалы Макиавеллизма была равна 0,56, коэффициент ретестовой корреляции суммарного показателя шкалы был равен 0,73 ($p < 0,01$). Средняя величина коэффициентов ретестовых корреляций пунктов шкалы Нарциссизма была равна 0,59 ($r = 0,39 \div 0,80$, $p < 0,01$), коэффициент ретестовой корреляции суммарного показателя шкалы был равен 0,81 ($p < 0,01$). Ретестовые корреляции пунктов шкалы Психопатии были положительными и значимыми ($r = 0,33 \div 0,72$, $p < 0,01$). Средняя величина коэффициентов ретестовых корреляций пунктов шкалы Психопатии была равна 0,58, коэффициент ретестовой корреляции суммарного показателя шкалы был равен 0,70 ($p < 0,01$). Различия между средними (t -критерий для зависимых выборок) при сравне-

нии выборки при первом и повторном тестировании оказались незначимыми.

В целом можно утверждать, что уровень надежности получаемых результатов при повторном тестировании остается довольно высоким; исключение составляет шкала Психопатии, демонстрирующая низкие значения α -Кронбаха. Вместе с тем, опираясь на работы об оценке надежности шкал [напр.: Roeser K. et al., 2016], можно признать данные о надежности шкалы Психопатии удовлетворительными; кроме того, коэффициенты корреляций отдельных пунктов и суммарного показателя Психопатии являются значимыми, сопоставимыми с аналогичными значениями шкал Нарциссизма и Макиавеллизма, что также является свидетельством надежности шкалы Психопатии.

Связи черт Темной триады и модели HEXACO

Для анализа конвергентной валидности были подсчитаны корреляции шкал «Короткого опросника Темной триады» и опросника HEXACO-60 [Ashton M.C., Lee K., 2009] для двух версий опросника (табл. 8). Особый интерес представляют взаимосвязи показателя Честность – Склонность к обману и показателей Темной триады. Черты, входящие в Темную триаду, оказались отрицательно взаимосвязаны с Честностью – Склонностью к обману, причем Макиавеллизм и Психопатия продемонстрировали более тесные связи, чем Нарциссизм. Все черты Темной триады связаны с низкой Эмоциональностью и Доброжелательностью. Психопатия отрицательно связана с Сознательностью, Нарциссизм — положительно с Экстраверсией и Открытостью опыту. Связи оказались сходными и в полной, и в скорректированной версии опросника.

Таблица 8. Взаимосвязи шкал Темной триады и диспозициональных черт личности модели HEXACO

Показатели	Макиавеллизм		Нарциссизм		Психопатия	
	1	2	1	2	1	2
H — Честность – Склонность к обману	-0,507**	-0,473**	-0,413**	-0,373**	-0,465**	-0,432**
E — Эмоциональность	-0,145**	-0,09	-0,159**	-0,103*	-0,180**	-0,128*
X — Экстраверсия	0,01	0,108*	0,573**	0,547**	0,02	-0,03
A — Доброжелательность	-0,206**	-0,116*	-0,176**	-0,182**	-0,391**	-0,412**
C — Сознательность	-0,06	-0,09	0,137**	0,09	-0,126*	-0,157**
O — Открытость опыту	-0,119*	-0,10	0,152**	0,144**	-0,02	-0,02

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; 1 — полная версия опросника, включающая 27 пунктов; 2 — скорректированная версия опросника, включающая 18 пунктов.

Полученные взаимосвязи не являются уникальными и отмечаются во множестве исследований. Отрицательные связи Темной триады с Честностью – Склонностью к обману являются демонстрацией оппозиционности данных характеристик [Aghababaei N. et al., 2014; Ashton M.C., Lee K., 2009], а связи с Доброжелательностью и Эмоциональностью обсуждаются в контексте поиска общего фактора, объединяющего Макиавеллизм, Нарциссизм и Психопатию [Book A. et al., 2015; Furnham A. et al., 2013].

Выводы

Подводя итог, можно отметить следующее:

1. Исследование было организовано в 2013–2014 гг. и проходило независимо от других исследовательских коллективов. Отличием нашей версии опросника является использование полного перевода без изменения вопросов, применение конфирматорного факторного анализа, проведение ретестовых испытаний и оценки психометрического качества с помощью методологии IRT.

2. Представлены две версии «Короткого опросника Темной триады»: полная, включающая 27 пунктов, и скорректированная, включающая 18 пунктов. Обе версии демонстрируют хорошее психометрическое качество для измерения негативных черт Темной триады.

3. Структура адаптированных вариантов «Короткого опросника Темной триады» полностью соответствует теоретическому конструкту. Индексы пригодности полной версии находятся на удовлетворительном уровне соответствия, а скорректированной версии — на хорошем уровне.

4. Показатели надежности опросника являются достаточно высокими, согласуются с результатами других исследователей. Ретестовая надежность продемонстрировала воспроизводимость результатов диагностики черт.

5. Показатели валидности опросника, полученные при сопоставлении с другими личностными чертами, соответствуют данным, полученным в исследованиях Темной триады.

Можно констатировать, что скорректированная версия адаптированного опросника является наиболее надежным и валидным инструментом для диагностики черт, составляю-

щих Темную триаду. Обе версии опросника могут применяться в исследовательских целях с учетом выявленных особенностей опросника.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в обратном переводе доценту НИУ ВШЭ Пермь, PhD, Саре Буссе Спенсер, за помощь в переводе — старшему преподавателю кафедры английской филологии ПГГПУ Чулакову Дмитрию Константиновичу и за помощь в сборе данных — студенту НИУ ВШЭ Пермь Александру Андреевичу Щукину.

Список литературы

- Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 25.07.2019).
- Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт Темной триады: апробация опросника Темная Дюжина // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 99–112.
- Фер Р.М., Бакарак В.Р. Психометрика: Введение / пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. 445 с.
- Aghababaei N., Mohammadtabar S., Saffarinia M. Dirty Dozen vs. the H factor: Comparison of the Dark Triad and Honesty – Humility in prosociality, religiosity, and happiness // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 67. P. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.03.026>
- Ashton M.C., Lee K. The HEXACO-60: A short measure of the major dimensions of personality // Journal of Personality Assessment. 2009. Vol. 91, iss. 4. P. 340–345. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890902935878>
- Book A., Visser B., Volk A. Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 73. P. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.09.016>
- Christie R., Geis F. Studies in Machiavellianism. N.Y.: Academic Press, 1970. 467 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/c2013-0-10497-7>
- Egan V., Auty J., Miller R. et al. Sensational interests and general personality traits // Journal of Forensic Psychiatry. 1999. Vol. 10, iss. 3. P. 567–582. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585189908402160>
- Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The Dark Triad: A 10 year review // Social and Personali-

ty Psychology Compass. 2013. Vol. 7, iss. 3. P. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>

Jonason P.K., Webster G.D. The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22, iss. 2. P. 420–432. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019265>

Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits // *Assessment*. 2014. Vol. 21, iss. 1. P. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>

Jones D.N., Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 51, iss. 5. P. 679–682. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

McHoskey J.W., Worzel W., Szyarto C. Machiavellianism and psychopathy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, iss. 1. P. 192–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.192>

McHoskey J.W. Narcissism and Machiavellianism // *Psychological Reports*. 1995. Vol. 77, iss. 3. P. 755–759. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1995.77.3.755>

Morizot J.M., Ainsworth A.T., Reise S.P. Towards modern psychometrics: Application of item response theory models in personality research // *Handbook of research methods in personality psychology* / ed. by R.W. Robins, R.C. Fraley, R.F. Krueger. N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 407–423.

Paulhus D.L., Dutton D.G. Everyday sadism // *The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology* / ed. by V. Zeigler-Hill, D.K. Marcus. Washington, DC: American Psychological Association, 2016. P. 109–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/14854-006>

Paulhus D.L., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36, iss. 6. P. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/s0092-6566(02)00505-6)

Raskin R., Hall C.S. A Narcissistic Personality Inventory // *Psychological Reports*. 1979. Vol. 45, iss. 2. P. 590. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1979.45.2.590>

Roeser K., McGregor V.E., Stegmaier S. et al. The Dark Triad of personality and unethical behavior at different times of day // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 88. P. 73–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.09.002>

Samejima F. Graded response models // *Handbook of item response theory*. Volume 1: Models.

London: Chapman & Hall, 2016. P. 95–108. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315374512>

Schumacker R.E. Latent variable interaction modeling // *Structural Equation Modeling*. 2002. Vol. 9, iss. 1. P. 40–54. DOI: https://doi.org/10.1207/s15328007sem0901_3

Stankov L., Knezevic G. Amoral social attitudes and value orientations among Serbs and Australians // *Australian Journal of Psychology*. 2005. Vol. 57, iss. 2. P. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/00049530500048649>

Veselka L., Schermer J.A., Vernon P.A. The Dark Triad and an expanded framework of personality // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53, iss. 4. P. 417–425. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.002>

Williams K.M., Paulhus D.L., Hare R.D. Capturing the four-factor structure of psychopathy in college students via self-report // *Journal of Personality Assessment*. 2007. Vol. 88, iss. 2. P. 205–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890701268074>

Получено 17.10.2019

References

Aghababaei, N., Mohammadtabar, S. and Saffarina, M. (2014). Dirty Dozen vs. the H factor: comparison of the Dark Triad and honesty-humility in prosociality, religiosity, and happiness. *Personality and Individual Differences*. Vol. 67, pp. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.03.026>

Ashton, M.C. and Lee, K. (2009). The HEXACO-60: A short measure of the major dimensions of personality. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 91, iss. 4, pp. 340–345. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890902935878>

Book, A., Visser, B. and Volk, A. (2015). Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*. Vol. 73, pp. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.09.016>

Christie, R. and Geis, F. (1970). *Studies in Machiavellianism*. New York: Academic Press, 467 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/c2013-0-10497-7>

Egan, V., Auty, J., Miller, R. et al. (1999). Sensational interests and general personality traits. *Journal of Forensic Psychiatry*. No. 10, pp. 567–582. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585189908402160>

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. and Parshikova, O.V. (2015). *Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoi triady* [Adaptation of the Short Dark Triad].

Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 43. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (accessed 25.07.2019).

Furnham, A., Richards, S.C. and Paulhus, D.L. (2013). The Dark Triad: A 10-year review. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 7, iss. 3, pp. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>

Furr, R.M. and Bacharach, V.R. (2010). *Psikhometrika: Vvedenie* [Psychometrics: An introduction]. Chelyabinsk: SUSU Publ., 445 p.

Jonason, P.K. and Webster, G.D. (2010). The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad. *Psychological Assessment*. Vol. 22, iss. 2, pp. 420–432. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019265>

Jones, D.N. and Paulhus, D.L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A brief measure of Dark Personality traits. *Assessment*. Vol. 21, iss. 1, pp. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>

Jones, D.N. and Paulhus, D.L. (2011). The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 51, iss. 5, pp. 679–682. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011>

Kornilova, T.V., Kornilov, S.A., Chumakova, M.A. and Talmach, M. S. (2015). *Metodika diagnostiki lichnostnykh chert Temnoy triady: aprobatsiya oprosnika Temnaya Dyuzhina* [The Dark Triad personality traits measure: approbation of the Dirty Dozen questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 36, no. 2, pp. 99–112.

McHoskey, J.W., Worzel, W. and Szyarto, C. (1998). Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74, iss. 1, pp. 192–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.192>

McHoskey, J.W. (1995). Narcissism and Machiavellianism. *Psychological Reports*. Vol. 77, iss. 3, pp. 755–759. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1995.77.3.755>

Morizot, J.M., Ainsworth, A.T. and Reise, S.P. (2007). Towards modern psychometrics: Application of item response theory models in personality research. *Handbook of research methods in personality psychology*, ed. by R.W. Robins, R.C. Fraley, R.F. Krueger. New York: Guilford Press, pp. 407–423.

Paulhus, D.L. and Dutton, D.G. (2016). Everyday sadism. *The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology*, ed. by V. Zeigler-Hill, D.K. Marcus. Washington: American Psychological Association Publ., pp. 109–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/14854-006>

Paulhus, D. and Williams, K. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. Vol. 36, iss. 6, pp. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/s0092-6566(02)00505-6)

Raskin, R. and Hall, C.S. (1979). A Narcissistic Personality Inventory. *Psychological Reports*. Vol. 45, iss. 2, p. 590. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1979.45.2.590>

Roeser, K., McGregor, V.E., Stegmaier, S. et al. (2016). The Dark Triad of personality and unethical behavior at different times of day. *Personality and Individual Differences*. Vol. 88, pp. 73–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.09.002>

Samejima, F. (2016). Graded response models. *Handbook of item response theory: Volume 1*. London: Chapman and Hall Publ., pp. 123–136. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315374512>

Schumacker, R.E. (2002). Latent variable interaction modeling. *Structural Equation Modeling*. Vol. 9, iss. 1, pp. 40–54. DOI: https://doi.org/10.1207/s15328007sem0901_3

Stankov, L. and Knezevic, G. (2005). Amoral social attitudes and value orientations among Serbs and Australians. *Australian Journal of Psychology*. Vol. 57, iss. 2, pp. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/00049530500048649>

Veselka, L., Schermer, J.A. and Vernon, P.A. (2012). The Dark Triad and an expanded framework of personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 53, iss. 4, pp. 417–425. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.002>

Williams, K.M., Paulhus, D.L. and Hare, R.D. (2007). Capturing the four-factor structure of psychopathy in college students via self-report. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 88, iss. 2, pp. 205–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890701268074>

Received 17.10.2019

Об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Дериш Федор Валерьевич

ассистент кафедры общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>

About the authors

Dmitriy S. Kornienko

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dscorney@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Fedor V. Derish

Assistant of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корниенко Д.С., Дериш Ф.В. Психометрические характеристики «Короткого опросника Темной триады» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 525–538.
DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-525-538](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538)

For citation:

Kornienko D.S., Derish F.V. [Psychometric properties of the Short Dark Triad measure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 525–538 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-525-538](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538)

УДК 159.99

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-539-550

**СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ:
ПРОСТРАНСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ. ЧАСТЬ 1***

Сизова Лариса Александровна

*Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1
им. проф. С.В. Очаповского (Краснодар)*

Рютина Ольга Владимировна

*Колония-поселение № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний
по Московской области (Зеленоград)*

Вильчес-Ногерол Вероника Валерьевна

*Научно-исследовательский институт технической эстетики
Российского технологического университета (Москва)*

Актуальность тематики настоящей работы, раскрывающей понятие стилей делового общения, обусловлена значимыми на сегодняшний день потребностями в области профессиональной деятельности: подбор персонала происходит не с позиции специальности кандидата, а с точки зрения его способности решать конкретные задачи; при подборе ориентируются не на отдельного субъекта, а на совместную профессиональную деятельность с учетом средового фактора; оцениваются и реализуются не отдельные качества индивида, а комплекс ресурсов и др. Цель исследования — сравнительный анализ стилей делового общения сотрудников колонии-поселения, медсестер и менеджеров. Предмет — стили делового общения представителей социномических профессий. Гипотезы: 1) стили делового общения субъектов детерминированы условиями среды; 2) в каждой конкретной среде существуют стилевые ниши в рамках которых субъекты выбирают определенные образцы поведения. Методы исследования: опрос экспертов, психодиагностика (тесты-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т.Л. Крюковой, тест-опросник 16-PF Р.Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»); исследовательская методика — опросник «Стили делового общения» (СДО) В.А. Толочка. В настоящей работе рассматриваются только результаты, полученные с использованием исследовательской методики. По результатам факторного анализа в каждой из трех выборок выделяются шесть стилей, особенности которых детерминированы средовыми условиями. Это подтверждает рабочие гипотезы.

Ключевые слова: стили делового общения, взаимодействие, профессиональная реализация, сотрудники колонии-поселения, медицинские сестры, менеджеры.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00550 «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъектов».

STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION: SPACE OF ACTIVITY AND INDIVIDUAL PROFESSIONAL REALIZATION. PART 1

Larisa A. Sizova

*Scientific Research Institute – Regional Clinical Hospital No. 1
named after prof. S.V. Ochapovsky (Krasnodar)*

Olga V. Ryutina

*Penal Colony No. 2 of the Department of the Federal Penitentiary Service
of the Moscow region (Zelenograd)*

Veronika V. Vilches-Nogerol

*Research Institute of Technical Aesthetics
of MIREA – Russian Technological University (Moscow)*

The research deals with styles of business communication, which appears to be a topical issue nowadays. Its topicality correlates with the current needs and trends in the sphere of professional activity: in personnel selection the focus is on the ability to solve specific problems, not just on the profession; orientation is not towards an individual person but towards joint activity in a unique environment; there is an emphasis on complex assessment and employment of the resources, not of separate qualities of a person, etc. The purpose of the present study is a comparative analysis of business communication styles in the samples of penal colony employees, hospital nurses and managers. The subject of research is business communication styles of persons engaged in socio-economic professions. Hypotheses of the study are as follows: 1) Styles of business communication are determined by the conditions of the environment; 2) In each particular environment, there are assumed to be some style niches, within the boundaries of which a person chooses certain patterns of behavior. Research methods: expert survey, psychodiagnostics (test questionnaires «Coping behavior in stressful situations» and «Questionnaire for ways of coping» by T. Kryukova, test questionnaires 16-PF by R.B. Cattell, questionnaire «Level of subjective control»); research technique — questionnaire «Styles of business communication» by V.A. Tolochek. In this article, we consider only the results obtained with the help of the research technique. According to the results, in each of the three samples there are distinguished six styles whose features are determined by environmental conditions, which confirms the working hypotheses.

Keywords: styles of business communication; interaction; professional realization; penal colony employees; hospital nurses; managers.

Введение

В отечественной психологии стили в контексте деятельности стали изучаться в середине прошлого века, первоначально Ю.А. Самариним, Д.А. Ошаниным, позже — последовательно и широко как типологически обусловленные стили — Е.А. Климовым, В.С. Мерлиным, Б.А. Вяткиным, М.Р. Щукиным и др. [Вяткин Б.А., Волочков А.А., 1999; Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2013; Дорфман Л.Я., 1989; Жданова С.Ю., 2005а, 2005б; Ильин Е.П., 1988, 2008; Исмагилова А.Г., 2002; Климов Е.А., 1968; Мерлин В.С., 1986]. Первоначально типологически обусловленные стили изучались на модели деятельности рабочих, спортсменов, школьников, учителей. В первых исследованиях проблема стилей рассматривалась параллельно с проблемой становления

интегральной индивидуальности человека [Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2013; Жданова С.Ю., 2005а; Исмагилова А.Г., 2002; Калугин А.Ю., 2018; Мерлин В.С., 1986; др.]. Обусловленность стилия условиями социальной микро-, мезо- и макросреды остается наименее изученной. Вместе с тем в ряде независимых исследований отмечается важная роль таких условий в регуляции поведения, деятельности и стилей сотрудников разных организаций [Жданова С.Ю., 2005а, 2005б; Мартиросова Н.В., 2014; Сизова Л.А., 2015; Толочек В.А., Краюшенко Н.Г., 1998; Толочек В.А. и др., 2014; Толочек В.А., 2019; др.].

В ранее проведенных исследованиях показано, что специфика деятельности и корпоративная культура играют значимую роль в процессе формирования стилей, что предполагает необ-

ходимость расширения учитываемых возможных детерминант — рассмотрение стилей как комплексных систем, детерминированных множеством экстра- и интрафакторов, такими как социально-демографические особенности субъектов, условия социальной среды и др. Можно предполагать, что использование людьми эффективных стилей, адаптированных к социальной микро- и мезосреде, будет способствовать также минимизации профессиональных деформаций и деструкций личности, гармоничному саморазвитию и комплексной реализации личности в профессиональной сфере.

Организация исследования

Цель исследования — сравнительный анализ стилей делового общения сотрудников колонии-поселения (далее — сотрудники КП), медсестер и менеджеров. Предмет — стили делового общения представителей социэкономических профессий. Гипотезы: 1) стили делового общения субъектов детерминированы условиями среды; 2) в каждой конкретной среде предполагается наличие стилевых ниш, в рамках которых субъекты выбирают определенные образцы поведения. Методы исследования: опрос экспертов, психодиагностика (тесты-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т.Л. Крюковой, тест-опросник 16-PF Р.Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»); исследовательская методика — опросник «Стили делового общения» (СДО) В.А. Толочка. Так как в настоящей работе рассматриваются только результаты, полученные с использованием исследовательской методики, дадим некоторые пояснения. В.А. Толочек предлагает следующее понимание иерархии строения стиля: первый уровень образуют «субъективно-удобные условия деятельности» (СУУД) — предпочитаемые, неосознанно избираемые человеком более комфортные условия его физического и социального функционирования; второй уровень — операциональные системы (ОС), в которые входят когнитивные, эмоциональные и предметные действия во взаимоотношениях субъектов; третий уровень образуют идеальные регуляторы/тип организации деятельности (ИР/ТОД), к которым относятся функции общения и стратегии поведения [Толочек В.А., 2015]. Разные стили имеют принципиально сходную функциональную

структуру. В отношении одной из разновидностей стилей — стилей делового общения (СДО) — можно выделить следующее: анализ особенностей СДО базируется не на анализе отдельного субъекта и его психологических свойств, а на изучении взаимодействия субъектов в диадах, триадах; в качестве респондентов выбраны представители профессий, для которых нужна высокая квалификация; условия деятельности имеют вариативный, нестабильный характер; исследуются разные составляющие стиля. Наше исследование проводилось на трех выборках представителей социэкономических профессий: медицинских сестер, сотрудников колонии-поселения, менеджеров коммерческой компании. Таким образом, мы объединили сотрудников разных структур и разных профессиональных сфер (государственные учреждения и частные организации), соответственно, условия их деятельности отличаются друг от друга.

Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале выраженность разных компонентов СДО (от 0 до 4 баллов). Исследование проводилось на трех выборках: сотрудников ФКУ колонии-поселения № 2 г. Зеленограда — 32 чел., медицинских сестер ГБУЗ «Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1 им. проф. С.В. Очаповского» — 112 чел., менеджеров по продажам компании «Пронто Медиа Холдинг» — 85 чел. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный и факторный анализ, t-сравнение для независимых групп (пакет статистических программ SPSS 10.). В данной статье будут рассмотрены результаты факторного анализа.

Результаты исследования

Рассмотрим результаты факторного анализа. Выборки были сопоставимы по социально-демографическим характеристикам респондентов. Все анализируемые переменные имели нормальное распределение, асимметрия и эксцесс по большей части переменных не выходили за пределы [1,00]. При проведении факторного анализа (методом Varimax), как правило, выделяются шесть факторов с собственным значением больше 1,00. В трех выборках первые шесть факторов объясняли 62–66 % дисперсии, что считается удовлетворительным результатом.

В группе сотрудников ИУ были выделены шесть факторов, которые можно рассматривать как шесть типовых стилей (табл. 1):

1) *«рациональный, прагматический, открытый»* стиль, который не поддерживается социально-демографическими характеристиками, включает в себя коммуникативную, информационную функции, твердость, высокий темп взаимодействий, постановку четких целей и критериев ожидаемых результатов, доверительную беседу, постановку четких задач. В разной степени нашли отражение следующие стратегии общения: содействие, сотрудничество, компромисс, приспособление, соперничество. Для такого поведения характерны активность, открытость к коммуникации и контакту, ориентация на партнера, возможность адаптироваться к конкретным обстоятельствам, четкая позиция и определенная линия действий, системность в постановке целей и задач, способность оценки перспектив и прогнозирования;

2) *«системность, ориентация на взаимодействие»*. Данный тип поведения включает в себя следующие стилевые компоненты: аргументированность, организация времени, максимальное время взаимодействия, обращение к партнеру с просьбой, поощрение, предоставление времени партнеру на обдумывание вопроса и принятие решения. Для такого стиля характерны: склонность к четкой аргументации, заблаговременное планирование и распределение времени, требовательность к партнеру, дальнейшее поощрение; как и в предыдущем стиле, имеет место эмоциональная ограниченность;

3) *«несистемное взаимодействие, формализация деятельности»*, который включает в себя следующие характеристики: аргументированность, угрозы, организация времени, обозначение проблемы в целом, работа с документацией, обращение к партнеру с просьбой, привлечение других к решению вопроса, использование телефона. Поведение такого рода не обременено никакими стратегиями, позволяющими сделать взаимодействие с окружающими эффективным. Несмотря на наличие аргументированной позиции и системности в организации времени, такие сотрудники иногда импульсивны, их поведение в отношении партнера хаотично, обеднено эмоционально и технически;

4) *«жесткость, эмпатия, саморазвитие»*, для которого характерны такие черты, как де-

монстрация силы, предпочтение дальней психологической дистанции, выделение четких критериев при работе, привлечение других к решению вопроса. Основные функции коммуникации — обмен информацией, проявление эмоциональной взаимосвязи и сопричастности, саморазвитие. В данном случае демонстрируется силовая, дистантная модель; взаимодействию придается формальное значение, хотя общение носит и эмоциональный характер; помимо получения необходимой информации, коммуникация осуществляется для собственного развития и роста;

5) *«избегание взаимодействий, пассивность»*, включающей в себя следующие переменные: спокойная динамика развития процесса, стратегия уклонения, функция управления взаимодействиями. Очевидно, что такого набора стилевых компонентов недостаточно для формирования конструктивных отношений. Стиль характеризуется пассивностью, закрытостью, уходом от решения рабочих вопросов, желанием реализовывать управленческие функции, без учета интересов партнера, без принятия компромиссных решений, оказания помощи и содействия;

6) *«обедненный стиль»*, характеризующийся работой с письменными источниками информации и документацией, постановкой четких задач. Как и в предыдущем случае, данный стиль не способствует эффективному взаимодействию, стратегически обеднен, функции общения при использовании этого стиля редуцированы.

В выборке *медицинских сестер* были выделены также шесть факторов, рассматриваемых нами как стили (табл. 2):

1) в стилевой репертуар первого фактора входят: высокий темп взаимодействий, предоставление времени партнеру для обдумывания и принятия решения, постановка четких целей и критериев ожидаемых результатов, доверительная беседа, четкие задачи. Проявление всех стратегий общения происходит ситуативно. Взаимодействие в данном случае носит формальный характер, хотя и ориентировано на партнера; помимо этого, характерны активность, расположенность к общению, умение видеть и оценивать перспективы. Следовательно, обозначим такой стиль как *«рациональность, независимость, открытость»*;

2) «соперничество, аргументация, активность», которому свойственны: аргументированная позиция, стратегия соперничества, максимальное время взаимодействия, высокая активность. Подобная модель демонстрирует активный тип поведения, хотя такая активность, скорее всего, сфокусирована в первую очередь, на собственных интересах, взаимодействие не лимитировано временем, характерна включенность в процесс, наличие собственного плана действий, проявление разных стратегий происходит ситуативно;

3) «уклонение, демонстрация силы, импульсивность», который включает в себя следующие переменные: демонстрация силы, невербальные проявления, привлечение других к решению вопроса, использование телефона. В данном случае складывается агрессивно-импульсивный тип поведения, стилевой репертуар беден для формирования конструктивных взаимодействий; имеет место уклонение от решения проблемы и перекладывание обязанностей на других, хотя иногда не без поощрения партнера; избегание использования стратегий сотрудничества и содействия;

4) четвертый стиль представляет собой совокупность следующих компонентов: спокойная динамика развития процесса, обозначение проблемы в целом, работа с письменной документацией, стратегия сотрудничества. Демонстрируется достаточно пассивный тип, хотя в отличие от предыдущего стиля — без агрессивных проявлений; характерны отсутствие регламента деятельности, демократичность, готовность сотрудничать. Обозначим данный стиль как «пассивность, демократичность, сотрудничество»;

5) пятый стиль состоит из следующих переменных: дальняя психологическая дистанция, организация времени, выделение четких критериев решения задачи, стратегия приспособления. Данная тактика демонстрирует отстраненный тип поведения, способность адаптироваться к конкретной ситуации, следование формальным критериям, четкое распределение временных ресурсов. Желание сотрудничать сочетается с уклонением от решения проблемы и соблюдением дистанции с партнером, что характеризует такой стиль как индивидуалистический. Таким образом, можно обозначить его как «дистантность, формализация деятельности»;

6) шестой фактор состоит из следующих стилевых компонентов: работа с документами, твердость. Очевидно, что такой репертуар едва ли может способствовать выстраиванию конструктивного взаимодействия. В данном случае выражена тенденция к минимизации коммуникации с партнером и эмоциональных проявлений, иногда используются силовые методы. В целом такой стиль демонстрирует использование не самого удачного управленческого метода: без ориентации на партнера, ограниченного временем и дистанцией, хотя не без уверенности в собственных решениях. Назовем такой стиль «минимизация взаимодействий, твердость».

В выборке *менеджеров коммерческой компании* были выделены шесть факторов, интерпретируемых нами как соответствующие стили (табл. 3):

1) «формализация взаимодействий, минимизация сотрудничества, поощрение активности партнера» предполагает аргументированную позицию, невербальные проявления; ведущие функции общения — получение информации и саморазвитие. Часто взаимодействие осуществляется в высоком темпе. Активность партнера при этом поощряется, партнер располагает временем для решения вопроса. Характерны формулировка четких целей, а также использование телефона и постановка четких задач. Таким образом, имеет место выполнение неких формальных действий для выстраивания отношений, однако очевидно получение выгоды в первую очередь для себя, отсутствие стратегий для продуктивного сотрудничества; поощрение партнера происходит скорее по умолчанию;

2) «мягкость и уклончивость, дистанцирование от партнера» раскрывается с помощью следующих стилевых составляющих: предпочтение спокойной динамики развития процесса взаимодействия; информационная функция — одна из доминирующих в общении, выделение критериев ожидаемых результатов; работа с деловой документацией; обращение к партнеру с просьбой. Для данного стиля не характерны: демонстрация силы, дальняя психологическая дистанция, привлечение других к решению вопроса. Таким образом, показан достаточно пассивный, но не агрессивный тип поведения, скудный в отношении стратегий коммуникации, эмоциональной составляющей, ориентации на партнера;

3) «*твердость и дистанцирование, упорство, силовое противостояние*». Сотрудники, использующие такой стиль, демонстрируют твердость, отводят на коммуникацию максимальное время, в качестве ведущей стратегии выступает приспособительная, часто работают с телефоном. Имеет место использование разных стратегий взаимодействия (соперничество, содействие), а также включение силовых методов, привлечение других, но без дальнейшего поощрения. Данный стиль можно обозначить как сугубо индивидуалистический, взаимодействие формализовано и происходит эпизодически;

4) «*высокая активность и непоследовательность, негибкость, невидение перспективы взаимодействия*». В качестве основных стилевых составляющих выступают: коммуникативная функция, выделение четких критериев ожидаемых результатов, стратегия сотрудничества, высокая активность и высокий темп взаимодействия. Данный стиль представляет собой несистемный набор компонентов, которые не могут обеспечить полноценное продуктивное взаимодействие; это эмоционально и технически обедненный стиль;

5) «*либеральный стиль*» предполагает организацию времени, работу с документацией, постановку четких задач. Подобное поведение хаотично, без выраженных стратегий и функций, способствующих конструктивному взаимодействию;

6) «*жесткость, дистанцирование, ориентация на компромиссные решения*». Данный стиль представляет собой синтез компромиссной стратегии и жесткости в виде угроз. Эмоциональная составляющая в общении играет значимую роль. Также доминирует стремление к изменению поведения других людей.

Обсуждение результатов

Кратко охарактеризуем условия деятельности каждой из исследуемых групп. Условия деятельности *сотрудников КП* носят особый характер по ряду причин: общение со спецконтингентом, деятельность в условиях повышенного риска, работа в учреждении закрытого типа, что предполагает ограниченный круг взаимодействий и, как следствие, возможные трудности в коммуникации. Стабильность, о которой принято говорить в случае работы в государственном учреждении, имеет двойной характер. С одной

стороны, сотрудники получают социальные льготы, повышенные пенсионные выплаты и ранний выход на пенсию; процедура увольнения трудоемкая, хотя при определенных обстоятельствах ускоряется. С другой стороны, характер деятельности сотрудников КП нельзя назвать стабильным, т.к. часто происходят непредвиденные ситуации со стороны осужденных, ужесточаются требования к личностным и профессиональным качествам людей, деятельность регламентируется бюрократическими процедурами и регулярной обширной отчетностью, а также правовыми нормами, несоблюдение которых ведет к строгим санкциям. Среди вольнонаемных работников в исследовании приняли участие респонденты, занимающие разные должности, а именно: главный экономист, заведующий складом, бухгалтер, заведующий канцелярией, инженер по охране труда и технике безопасности, мастер, инспектор специального учета. Среди аттестованных сотрудников были представлены работники следующих должностей: старший инспектор, младший инспектор, начальник отряда, дежурный помощник начальника колонии, заместитель дежурного помощника начальника колонии, старший юрисконсульт, старший психолог.

Обратимся к более детальному рассмотрению деятельности *медицинских сестер*. Организация их труда, как правило, связана с непосредственным проведением лечебных мероприятий для больных: обеспечением должного ухода за пациентами (раздача питания, таблеток, забор анализов и т.д.), ведением больничной документации и историй болезни, соблюдением санитарного режима и контролем за чистотой в помещениях и др. Иногда медсестры могут выполнять административные функции. Очевидно, что от этих работников требуется высокий уровень коммуникативных навыков для эффективного взаимодействия с пациентами и коллегами.

Трудовая деятельность *менеджеров*, которые в основном размещают рекламу на сайтах и взаимодействуют с клиентами, осуществляется в ситуации постоянной конкуренции с коллегами, жестких требований по увеличению продаж со стороны начальства, что провоцирует текучесть кадров. Менеджеры работают в условиях ненормированного графика, часто негативных взаимодействий с коллегами и клиентами; работа происходит в условиях открытого офиса, ком-

муникация между сотрудниками сведена к минимуму и осуществляется на общих собраниях или с помощью электронной почты и программы Skype. В данном случае руководством и опытными сотрудниками транслируется дистантный тип поведения, нацеленный на соперничество и препятствующий конструктивному взаимодействию с партнером.

Сопоставляя результаты анализа СДО с условиями деятельности, выделим в каждой группе несколько стилей по критерию предполагаемой их эффективности. В выборке *сотрудников КП* к эффективным стилям можно отнести следующие три: «рациональный, прагматический, открытый», «системность, ориентация на взаимодействие», «жесткость, эмпатия, саморазвитие». Неэффективными стилями являются «несистемное взаимодействие, формализация деятельности», «избегание взаимодействий, пассивность», «обедненный стиль». Для рядовых *медицинских сестер* один СДО можно считать эффективным — «рациональность, независимость, открытость», еще один — условно эффективным — «соперничество, аргументация, активность», остальные стили — малоэффективными. Все вышеперечисленные стили *менеджеров* можно отнести к неэффективным: фактически все эти стили имеют недостаточно развитую структуру (в виде стратегий, функций, условий и действий), которая препятствует формированию конструктивного взаимодействия с партнером.

Описанные тенденции могут быть связаны с особенностями организационной культуры, которая поддерживается в конкретной среде, т.е. предполагается, что люди, приходя работать в то или иное учреждение, вынужденно адаптируют свои стили поведения к уже сложившимся в данной корпоративной культуре, к доминирующим в данной культуре. Обширный литературный материал дает основание считать, что разные стили, в том числе и СДО, формируются в зависимости от особенностей личностных и профессиональных качеств субъекта и под постоянным воздействием социальных факторов. Эта последняя группа детерминант и направляет разные индивидуальные стили общения в русла типовых, поддерживаемых в данной социальной среде. Очевидно, что не только структуры типовых стилей, но и сам стилиевой репертуар должен быть так или иначе «созвучен» организационной культуре компа-

нии. Например, в группе менеджеров среди стилей преобладают дистантность и лимитированное взаимодействия с партнером. Такие проявления поведения транслируются и активно поддерживаются руководством. В выборках сотрудников КП и медсестер респонденты в целом нацелены на сотрудничество и конструктивное взаимодействие, однако проявление неэффективных стилей также встречается и имеет свои весомые причины.

Сопоставляя особенности СДО представителей разных социомических профессий, еще раз обратим внимание на ряд существенных различий. Карьера в государственной структуре не предполагает постоянной смены места работы и отношения к ней как к промежуточному этапу на профессиональном пути. Обратная ситуация встречается в группе менеджеров, для которых их работа всегда является временной, не представляющей ценности с точки зрения стабильного профессионального роста и дальнейших карьерных перспектив. Подобные закономерности подтверждаются данными об увольнениях сотрудников: с момента проведения исследования и в течение следующих двух лет из частной компании уволилось более 50 % менеджеров, в случае сотрудников КП и медсестер показатель увольнений ниже и не превышает 8–10 % за три года наших наблюдений.

Для более целостного анализа особенностей выявленных стилей, условий их формирования и развития представляется необходимым, помимо результатов факторного анализа, обратиться к результатам t-сравнения и корреляционного анализа (что нами предполагается в последующих публикациях). Завершая обсуждение проблемы, заметим, что качество коммуникации людей играет важнейшую роль во всех профессиях, во всех сферах деятельности. При этом СДО выступают инструментами улучшения эффективности коммуникаций и взаимодействий людей. Несмотря на то что интерес к изучению стилей в последние годы несколько угас, связь данной проблемы с такими понятиями, как «пространство деятельности», «корпоративная культура», «психологические ниши», «реализация личности» и др., обеспечивает исследованиям стилей новизну и глубину, возможность посмотреть на проблему с позиции современных реалий.

Выводы

1. По результатам факторного анализа в выборке сотрудников КП выделились шесть стилей: «рациональный, прагматический, открытый», «системность, ориентация на взаимодействие», «несистемное взаимодействие, формализация деятельности», «жесткость, эмпатия, саморазвитие», «избегание взаимодействий, пассивность», «Обедненный стиль».

2. В группе медицинских сестер выделилось шесть факторов: «рациональность, независимость, открытость», «соперничество, аргументация, активность», «уклонение, демонстрация силы, импульсивность», «пассивность, демократичность, сотрудничество», «дистантность, формализация деятельности», «минимизация взаимодействий, твердость».

3. В выборке менеджеров выявлено шесть факторов и соответствующих им стилей: «формализация взаимодействий, минимизация со-

трудничества, поощрение активности партнера», «мягкость и уклончивость, дистанцирование от партнера», «твердость и дистанцирование, упорство, силовое противостояние», «высокая активность и непоследовательность, негибкость, невидение перспективы взаимодействий», «либеральный стиль», «жесткость, дистанцирование, ориентация на компромиссные решения».

4. Выявленные различия в стилях можно интерпретировать с точки зрения принадлежности респондентов к разным организациям. В исследуемых государственных структурах люди, как правило, идут работать по призванию, начиная и заканчивая трудовой путь в одной сфере; в коммерческой компании иная ситуация — активная текучесть кадров, доминирует отношение людей к работе как к временной, что согласуется с их нежеланием налаживать контакты и поддерживать «теплые» отношения с коллегами, проявлять и отстаивать свою индивидуальность, свое особое отношение к деятельности.

Таблица 1. Статистики факторного анализа СДО сотрудников КП

Стилевые компоненты	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Коммуникативная функция	0,568	0,265	0,289		-0,394	
Стратегия компромисса	0,674		0,371			
Умеренная динамика развития процесса		0,247			-0,768	
Демонстрация силы		-0,225		0,611		
Аргументация	0,225	0,580	0,558	0,390		
Использование невербальных средств в общении	-0,214			0,327	0,386	-0,561
Угрозы, санкции	0,300		0,553			
Информационная функция	0,486	0,282	0,240	0,545		
Стратегия уклонения		0,285		0,226	0,726	
Дальняя психологическая дистанция	-0,339	0,321		0,688		
Организация времени	0,249	0,567	0,462			0,377
Использование четких критериев	0,277	0,439	0,215	0,569		
Обозначение проблемы в целом	0,390	0,299	0,681			
Использование деловых писем						0,873
Функция эмоциональной взаимосвязи			-0,213	0,724		-0,370
Стратегия соперничества	0,782	0,231	-0,208		-0,203	
Максимальное время взаимодействия		0,830				
Использование документов	0,289	0,425	0,459			0,503
Демонстрация твердой позиции	0,910					
Фиксация времени	0,332		-0,456	0,394	0,245	
Стратегия содействия	0,508	0,254		-0,225	-0,320	
Функция управления взаимодействиями	0,428			0,217	0,649	
Стратегия сотрудничества	0,589	0,302	0,333			
Высокий темп взаимодействий	0,793		0,357			
Обращение с просьбой к партнеру	0,390	0,534	0,429			
Поощрение	0,467	0,618				
Предоставление времени партнеру	0,311	0,738	0,230			
Постановка конкретных целей	0,759		0,211			0,262
Функция саморазвития	0,229	0,272		0,638	0,409	
Стратегия приспособления	0,652	0,288				

Окончание табл. 1

Стилевые компоненты	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Высокая активность	0,641		0,266	0,220		0,318
Привлечение других к решению вопроса			0,474	0,669		
Доверительная беседа	0,592	0,409	0,316			
Переговоры по телефону			0,827			
Постановка четких задач	0,721					0,480

Таблица 2. Статистики факторного анализа СДО медсестер

Стилевые компоненты	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Коммуникативная функция	0,320	0,357		0,275	0,271	-0,310
Стратегия компромисса		0,296		0,437	0,313	
Умеренная динамика развития процесса				0,463	0,323	
Демонстрация силы			0,560			0,217
Аргументация		0,765				
Использование невербальных средств в общении	0,206	0,239	0,606			
Угрозы, санкции			0,398		0,260	0,374
Информационная функция		0,335		0,390		
Стратегия уклонения		-0,346	0,404		0,339	
Дальняя психологическая дистанция					0,602	
Организация времени					0,595	
Использование четких критериев				0,243	0,504	
Обозначение проблемы в целом				0,721		
Использование деловых писем				0,683		
Функция эмоциональной взаимосвязи	0,360	0,324				-0,394
Стратегия соперничества	0,250	0,585	0,230	0,252		
Максимальное время взаимодействия		0,736				
Использование документов						0,772
Демонстрация твердой позиции						0,776
Фиксация времени	0,267		0,442	0,259		0,215
Стратегия содействия	0,429	0,319	-0,258			
Функция управления взаимодействиями	0,318				0,206	0,231
Стратегия сотрудничества	0,433		-0,354	0,464		
Высокий темп взаимодействия	0,619	0,227				0,356
Обращение с просьбой к партнеру	0,435				0,319	0,238
Поощрение	0,309	0,348	0,455	-0,291		
Предоставление времени партнеру	0,737					
Постановка конкретных целей	0,623	0,348			0,227	
Функция саморазвития	0,453	0,309				
Стратегия приспособления	0,305				0,696	
Высокая активность		0,611				
Привлечение других к решению вопроса			0,577			
Доверительная беседа	0,596					-0,206
Переговоры по телефону	0,224	-0,203	0,612	0,262		-0,250
Постановка четких задач	0,708					

Таблица 3. Статистики факторного анализа СДО менеджеров

Стилевые компоненты	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Коммуникативная функция	-0,209		0,225	0,584		
Стратегия компромисса						0,696
Умеренная динамика развития процесса		0,620		-0,262		0,439
Демонстрация силы		-0,746	0,236	-0,244	-0,237	
Аргументация	0,737					
Использование невербальных средств в общении	0,574					0,369

Стилевые компоненты	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Угрозы, санкции	-0,394					0,668
Информационная функция	0,459	0,507		0,205		
Стратегия уклонения	-0,350			-0,639	-0,278	
Дальняя психологическая дистанция		-0,672				0,378
Организация времени	0,234			0,211	0,644	
Использование четких критериев		0,454		0,428	0,273	
Обозначение проблемы в целом			0,313	-0,436		
Использование деловых писем		0,764				
Функция эмоциональной взаимосвязи						0,488
Стратегия соперничества	0,269	0,247	0,378	0,402	-0,389	0,265
Максимальное время взаимодействия	0,266		0,736	-0,243		
Использование документов		0,289	0,338		0,724	
Демонстрация твердой позиции			0,551	0,386	0,372	
Фиксация времени						0,417
Стратегия содействия	0,354		0,329			
Функция управления взаимодействиями	0,228	-0,303			0,325	0,539
Стратегия сотрудничества	0,290			0,448		0,239
Высокий темп взаимодействий	0,445	-0,253		0,425	-0,452	
Обращение с просьбой к партнеру	0,426	0,473	-0,344			0,267
Поощрение	0,734		0,233			
Предоставление времени партнеру	0,726	0,221				
Постановка конкретных целей	0,760				0,343	
Функция саморазвития	0,606			0,337	0,393	
Стратегия приспособления	0,213		0,681			
Высокая активность	0,376		0,202	0,534		-0,249
Привлечение других к решению вопроса		-0,801	0,361			
Доверительная беседа	0,674	0,260	0,239			
Переговоры по телефону		-0,210	0,816	0,227		
Постановка четких задач	0,539				0,575	

Список литературы

Вяткин Б.А., Волочков А.А. Индивидуальный стиль учебной активности в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 10–21.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Психология стилей человека: учеб. пособие / Рос. академия образования; Перм. гос. гуманит.-пед. ун.-т. Пермь: Книжный мир, 2013. 128 с.

Дорфман Л.Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека. Пермь: Перм. гос. ун.-т, 2005. 190 с.

Жданова С.Ю. Стиль учебной деятельности студентов в зависимости от специфических условий и требований деятельности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 259–283.

Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2008. 701 с.

Ильин Е.П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–94.

Исмагилова А.Г. Стиль педагогического общения в исследовании индивидуальности: полисистемный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2002. 44 с.

Калугин А.Ю. История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>

Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 1968. 452 с.

Мартыросова Н.В. Психологическое обеспечение расстановки кадров в подразделениях охраны общественного порядка органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014. 25 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Сизова Л.А. Психологические детерминанты профессионально-личностной самореализации медицинской сестры многопрофильного лечебного учреждения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2015. 24 с.

Толочек В.А., Краюшенко Н.Г. Психологические факторы специализации и успешности в видах охранной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1998. № 3. С. 52–63.

Толочек В.А., Тимашкова Н.А., Денисова В.Г. Профессиональное становление субъектов педагогической деятельности: позитивные и негативные изменения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 1. С. 16–32.

Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 1. С. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 366 с.

Получено 30.09.2019

References

Dorfman, L.Ya. (1989). *Individual'nyy emotsional'nyy stil'* [Individual emotional style]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 88–95.

Il'in, E.P. (2008). *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 701 p.

Il'in, E.P. (1988). *Stil' deyatel'nosti: Novye podkhody i aspekty* [Styles of activity: new approaches and aspects]. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 85–90.

Ismagilova, A.G. (2002). *Stil' pedagogicheskogo obscheniya v issledovanii individual'nosti: polisistemnyy podkhod: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Styles of pedagogical communication in the research of individuality: polysystem approach: Abstract of PhD. dissertation]. Perm, 44 p.

Kalugin, A.Yu. (2018). *Istoriya i perspektivy issledovaniya integral'noy individual'nosti v ramkakh sistemnogo podkhoda* [History and prospects of studying integral individuality within the system approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2, pp. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>

Klimov, E.A. (1968). *Individual'nyy stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoy sistemy: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Individual style of activity depending on the typological properties of the nervous system: dissertation]. Kazan, 452 p.

Martirosova, N.V. (2014). *Psikhologicheskoe obespechenie rasstanovki kadrov v podrazdeleniyakh okhrany obschestvennogo poryadka organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological support of personnel placement in the departments of public order of the law enforcement bodies: Abstract of PhD. dissertation]. Saint-Petersburg, 25 p.

Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [The essay of the integral research of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Sizova, L.A. (2015). *Psikhologicheskie determinanty professional'no-lichnostnoy samorealizatsii meditsinskoy sestry mnogoprofil'nogo lechebnogo uchrezhdeniya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological determination of professional and personal self-realization of nurses in the multi-field medical organization: Abstract of PhD. dissertation]. Krasnodar, 24 p.

Tolochek, V.A. and Krayushenko, N.G. (1998). *Psikhologicheskie faktory spetsializatsii i uspeshnosti v vidakh okhrannoy deyatel'nosti* [Psychological factors of specialization and success in security activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 52–63.

Tolochek, V.A., Timashkova, N.A. and Denisova, V.G. (2014). *Professional'noe stanovlenie sub'ektov pedagogicheskoy deyatel'nosti: pozitivnye i negativnye izmeneniya* [Professional making of subjects of the pedagogical activity: The positive and negative changes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 16–32.

Tolochek, V.A. (2019). «*Psikhologicheskie niши*»: *topos i khronos v determinatsii professional'noy spetsializatsii sub'ekta* [Psychological niches: topos and chronos in the determination of the subject's professional specialization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Tolochek, V.A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursnyy podkhod* [Activity styles: resource approach]. Moscow: IP RAN Publ., 366 p.

Vyatkin, B.A. and Volochkov, A.A. (1999). *Individual'nyy stil' uchebnoy aktivnosti v mladshem shkol'nom vozraste* [Individual styles of studying activity in primary school age]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 10–21.

Vyatkin, B.A. and Schukin, M.R. (2013). *Psikhologiya stiley cheloveka* [Person's psychological styles]. Perm: Knizhnyy Mir Publ., 128 p.
 Zhdanova, S.Yu. (2005). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti cheloveka* [Cognition psychology of human individuality]. Perm: PSU Publ., 190 p.
 Zhdanova, S.Yu. (2005). *Stil' uchebnoy deyatel'nosti studentov v zavisimosti ot spetsificheskikh usloviy i trebovaniy deyatel'nosti* [Style of ed-

ucational activity of students depending on specific conditions and requirements of activity]. *Polisistemnoe issledovanie individual'nosti cheloveka*, pod red. B.A. Vyatkina [Polysystem study of human individuality, ed. by B.A. Vyatkin]. Moscow: PER SE Publ., pp. 259–283.

Received 30.09.2019

Об авторах

Сизова Лариса Александровна

кандидат психологических наук,
главная медицинская сестра

Научно-исследовательский институт –
Краевая клиническая больница № 1
им. проф. С.В. Очаповского,
350047, Краснодар, ул. 4 линия ПРК, 15;
e-mail: sizowala@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9918-7551>

Рютина Ольга Владимировна

старший психолог

Колония-поселение № 2 Управления
Федеральной службы исполнения наказаний
по Московской области,
124575, Московская обл., Зеленоград,
ул. Панфилова, 21;
e-mail: ryutina.o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3439-6501>

Вильчес-Ногерол Вероника Валерьевна

аспирант

Научно-исследовательский институт
технической эстетики
Российского технологического университета,
119454, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: belikveronika@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-2923>

About the authors

Larisa A. Sizova

Ph.D. in Psychology, Chief Nurse

Scientific Research Institute – Regional Clinical
Hospital No. 1 named after prof. S.V. Ochapovsky,
15, Line 4 of the PRK st., Krasnodar, 350047, Russia;
e-mail: sizowala@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9918-7551>

Olga V. Ryutina

Senior Psychologist

Penal Colony No. 2 of the Department
of the Federal Penitentiary Service
of the Moscow region,
21, Panfilov st., Zelenograd, Moscow region,
124575, Russia;
e-mail: ryutina.o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3439-6501>

Veronika V. Vilches-Nogerol

Ph.D. Student

Research Institute of Technical Aesthetics
of MIREA – Russian Technological University,
78, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russia;
e-mail: belikveronika@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-2923>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сизова Л.А., Рютина О.В., Вильчес-Ногерол В.В. Стили делового общения: пространство деятельности и профессиональная реализация личности. Часть 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 539–550. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-539-550

For citation:

Sizova L.A., Ryutina O.V., Vilches-Nogerol V.V. [Styles of business communication: space of activity and individual professional realization. Part 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 539–550 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-539-550

УДК 159.938.3:159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-551-560

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИСТСКОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

Васюра Светлана Александровна, Бегоян Мариам Самвеловна

Удмуртский государственный университет

В статье анализируется современное состояние проблемы перфекционизма и перфекционистской самопрезентации в психологической науке. Отмечается, что перфекционизм проявляется во многих видах и формах активности человека, в том числе коммуникативной активности. Обсуждаются результаты эмпирического исследования взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности. Выборку исследования составили студенты – будущие дизайнеры и дизайнеры-специалисты. Применялись методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» (ШПС) П. Хьюитта (в адаптации А.А. Золотаревой) и «Тест суждений» А.И. Крупнова, для обработки данных использовались методы описательной статистики, критерий U Манна–Уитни, коэффициент корреляции Спирмена. Результаты были обработаны с использованием пакета статистических программ SPSS 17.0 for Windows. Были выявлены общие и уникальные взаимосвязи показателей перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности в выборках студентов и дизайнеров. Общим механизмом демонстрации совершенства и поведенческого не проявления несовершенства является когнитивный компонент коммуникативной активности — осведомленность, а поведенческое не проявление несовершенства сопряжено с продуктивным компонентом коммуникативной активности — субъектностью, т.е. ориентацией в общении на свой внутренний мир и мир партнера. В отличие от дизайнеров у студентов наблюдаются не связанные с перфекционистской самопрезентацией эмоциональные и регулятивные компоненты коммуникативной активности. У студентов – будущих дизайнеров с коммуникативной активностью имеет многочисленные связи поведенческое не проявление несовершенства, а у дизайнеров — демонстрация совершенства. У студентов способы перфекционистской самопрезентации оказываются своеобразной защитой от свободного, непосредственного общения, у дизайнеров перфекционизм сопряжен со стилем коммуникативной активности, который характеризуется разнонаправленностью мотивационных тенденций, осуществляется посредством ориентации как на предметную сферу общения — проблемы, нерешенные профессиональные вопросы, так и на субъектную сферу — внутренний мир субъектов. Результаты исследования могут быть использованы специалистами психологических служб вузов при индивидуальном психологическом консультировании. Полученные данные могут быть интересны кураторам студенческих групп, преподавателям и могут быть востребованы специалистами артономической сферы (человек – художественный образ) при решении задач оптимизации межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: перфекционизм, перфекционистская самопрезентация, коммуникативная активность, общение, личность, студент, дизайнер.

THE CORRELATION BETWEEN PERFECTIONIST SELF-PRESENTATION AND COMMUNICATIVE ACTIVITY

Svetlana A. Vasyura, Mariam S. Begoyan

Udmurt State University

The article analyzes the issue of perfectionism and perfectionist self-presentation and its current state in psychological science. It is noted that perfectionism is manifested in many types and forms of human activity, including communicative activity. The paper discusses the results of empirical study of the rela-

tionship between perfectionist self-presentation and communicative activity. The research sample consisted of would-be designers (students) and designers. P. Hewitt's method «The scale of perfectionist self-presentation» (SPS) (adapted by A.A. Zolotareva) and A.I. Krupnov's «The Judgment Test» were applied in the research. Descriptive statistics, the Mann–Whitney U test, Spearman correlation coefficient were used to process the data. The statistical software package SPSS 17.0 for Windows was also used. The study has identified universal and unique interrelations of perfectionist self-presentation and communicative activity indicators in the samples of students and designers. The general mechanism for demonstrating perfection and behavioral non-manifestation of imperfection is the cognitive component of communicative activity — awareness, while behavioral non-manifestation of imperfection is associated with the productive component of communicative activity — subjectivity, i.e. orientation to your inner world and the world of the partner in communication. Unlike designers, students show emotional and regulative components of communication activity to remain unconnected with perfectionist self-presentation. The results of the study can be used in individual psychological counseling by specialists of psychological services at universities. The data obtained may be of interest to curators of student groups, teachers, and may also be in demand by specialists in the artonomic sphere (a person as an artistic image) in solving problems of optimizing interpersonal interaction.

Keywords: perfectionism, perfectionist self-presentation, communicative activity, communication, personality, student, designer.

Введение

Современный мир изменчив и многообразен, человек стремится соответствовать современным тенденциям и растущим требованиям к его деятельности (конкурентоспособности, мобильности), сохраняя при этом свою индивидуальность. В условиях высокой динамики и эмоциональной насыщенности жизни стремление к совершенству становится одним из ориентиров активности и развития человека. Стремление к безупречности и совершенству, к высшим достижениям в различных областях жизнедеятельности представляет собой перфекционизм.

В психологической науке перфекционизм (от лат. *perfectio* — безупречность, совершенство) рассматривается как многомерный феномен, он изучается как потенциальная сила достижений личности, как патологический феномен [Парамонова В.В., 2009], рассматривается в аспекте дезадаптации [Гаранян Н.Г. и др., 2009; Тарханова П.М., 2014]. Перфекционизм в научном понимании отражает стремление личности к совершенству, предъявление к себе, к окружающим и в целом к жизни чрезвычайно высоких требований и желание соответствовать нереалистично высоким стандартам. Таким образом, перфекционизм включает в себя не только личностный стиль, определяющий желаемые границы достижений личности, но и социально ориентированный стиль, отражающий значимость социокультурного аспекта перфекционизма [Ландрева К.С., 2012].

Подходы к изучению перфекционизма теоретически разобщены, модели разнообразны и созданы в рамках психоаналитического, бихевиорального, когнитивного направлений. Основы психологического анализа проблемы перфекционизма заложены в концепциях З. Фрейда, А. Адлера, детально проработаны К. Хорни в исследованиях «невротической личности нашего времени». К. Хорни дифференцировала стремление к идеализации себя и стремление к самореализации как невротическое и здоровое соответственно [Хорни К., 2008]. Исследователи, работающие в рамках бихевиорального направления, связывают перфекционизм с положительным и негативным подкреплением. Таким образом, позитивный перфекционизм является продуктом положительных подкреплений (достижение цели, успех, победа), а негативный — результатом избегания неудачи [Terry-Short L.A. et al., 1995].

В концепции П. Хьюитта и Г. Флетта перфекционизм трактуется в социальном аспекте, в нем выделяются следующие компоненты: «Я-адресованный перфекционизм», «перфекционизм, адресованный другим людям», «перфекционизм, адресованный миру в целом», «социально предписываемый перфекционизм». Модель перфекционистской самопрезентации этих авторов включает в себя демонстрацию совершенства, стремление скрыть свои недостатки посредством ухода от ситуаций, в которых проявляется несовершенство человека, и вербальное отрицание своего несовершенства.

В последние годы активно развиваются направления изучения перфекционизма в контексте индивидуальных различий [Золотарева А.А., 2012], удовлетворенности образом физического Я [Варлашкина Е.А., 2015], идеального Я [Филатова Е.А., 2015]. Перфекционизм начинает интенсивно изучаться у обучающихся («синдром отличника»), у профессионалов — педагогов, спортсменов, артистов, художников, рассматривается как черта одаренных людей и пр. [Золотарева А.А., 2016; Basak R., 2012] Проблема перфекционизма находится в центре внимания клинических психологов, анализирующих его как дисфункциональную личностную черту [Гараян Н.Г. и др., 2009]. Исследователи отмечают влияние перфекционизма на межличностные отношения, его сопряженность с конкурентностью, с доминированием над людьми, он приводит к ощущению дефицита поддержки, к затрудненному общению. Одной из тенденций последних лет является дифференцированный подход к изучению перфекционизма, к выделению его различных форм, проявлений: пассивный (высокие стандарты затормаживаются страхом негативной оценки), активный (стремление к достижениям), конструктивный, неконструктивный, физический (направленный на внешность) и др. [Тарханова П.М., 2014]. В психологических исследованиях установлена связь «нормального» перфекционизма с положительными интерперсональными качествами, а патологического — со склонностью к обвинению других и себя, с наличием интерперсональных проблем. Тем не менее остаются актуальными вопросы концептуальной разработки «нормального» и «патологического» типов перфекционизма, форм проявления и уровней активности перфекционистов.

Дуализм в подходе к перфекционизму в психологических исследованиях позволяет трактовать его как потенциальную силу, проявляющуюся в творческой, социальной, коммуникативной и других видах активности, или как силу, порождающую пассивность, сопровождающуюся ощущением нереализованности. Коммуникативная активность играет важную роль в развитии личности, в совместной деятельности людей. Коммуникативная активность человека представляет собой стремление к общению, инициативность в установлении социальных контактов, энергичное участие в общении. В социологии коммуникативная активность рас-

сматривается в ракурсе группового взаимодействия и трактуется как совокупный эффект взаимосвязи внутренних и внешних факторов групповой активности, ограничиваемый, во-первых, определенным контекстом, т.е. определенным стечением обстоятельств и социальным фоном коммуникации, во-вторых, задачей, которая решается группой, в-третьих, процессом, выражающим типичную для группы форму активности по созданию внутреннего информационного пространства [Васюра С.А., 2009, с. 35; 2016].

В области исследований перфекционизма разрабатывается понятие перфекционистской самопрезентации, которая тесно связана с навыком решения социальных проблем [Золотарева А.А., 2018]. Самопрезентация — процесс представления человеком собственного образа в социальном мире, характеризующийся направленностью на создание у окружающих определенного впечатления о себе. Самопрезентация является своеобразным мостом, посредником между внутренним миром человека и внешним миром других людей. Понятия «самопредъявление» и «самоподача» тождественны понятию «самопрезентация», являются внешним проявлением «Я» [Пикулева О.А., 2013].

Перфекционистская самопрезентация личности играет важную роль в социальном взаимодействии и коммуникации людей. Человек как существо социальное, безусловно, вовлечен в коммуникативный процесс; обладая навыками самопрезентации, самопредъявления, он может реализовать свои потребности посредством общения. Самопрезентация личности является общей характеристикой социального поведения. Научные подходы к изучению и пониманию самопрезентации позволяют говорить, что самопрезентация является сложным социально-психологическим феноменом, в котором интегрируются и выражаются различные особенности личности. Самопрезентация — это в разной степени осознаваемый и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления Я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации [Пикулева О.А., 2013].

Исследования в области изучения взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности личности могут расширить спектр возможностей для молодых специалистов разных профессий, в том числе

артономического типа (человек – художественный образ). Так, направленность на оригинальность, на творческие достижения и видимые атрибуты совершенства и их признание окружающими обуславливает влияние на деятельность дизайнеров социально предписанного перфекционизма. Для сферы дизайна характерны конкурентный индивидуализм, «принуждение к совершенству», поэтому важной научно-практической задачей является изучение содержания, характера и механизмов связи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности дизайнеров на разных этапах их профессионального становления.

Цель исследования — выявить взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности у студентов – будущих дизайнеров и у дизайнеров-специалистов.

Гипотеза — перфекционистская самопрезентация и коммуникативная активность взаимосвязаны, у студентов – будущих дизайнеров наблюдается поведенческое не проявление несовершенства, которое преимущественно связано с коммуникативной активностью, а у дизайнеров — демонстрация совершенства.

Выборка и методы

Наше эмпирическое исследование было направлено на выявление взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности. Для выявления взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности была сформирована выборка из 122 чел. — представителей творческих профессий, артономических профессий, а именно: 67 студентов – будущих дизайнеров (8 мужчин и 59 женщин, $M = 19,9$) и 55 специалистов сферы дизайна (3 мужчины и 52 женщины, $M = 28,03$). Репрезентативность выборки обеспечивалась целенаправленным отбором, учитывающим направление подготовки студентов вуза (выборка студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета), профессиональную деятельность и образование (выборка дизайнеров).

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция активности личности А.И. Крупнова, идеи С.А. Васюра о функциях и развитии коммуникативной активности человека, научные разработки в рамках исследования перфекционизма П. Хьюитта, А.А. Золотаревой.

Для исследования были использованы методики — «Шкала перфекционистской самопрезентации» (ШПС) П. Хьюитта (в адаптации А.А. Золотаревой) и «Тест суждений» А.И. Крупнова.

Русскоязычный вариант методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» и ее оригинальный вариант (Perfectionistic Self-Presentation Scale) представляют собой ряд утверждений. Структурно методика ШПС включает три шкалы:

– «демонстрация совершенства», которая выявляет стремление к созданию образа идеального человека;

– «поведенческое не проявление несовершенства», диагностирующее зависимость от мнения других, стремление индивида избежать ситуаций, в которых его поведение может попасть в центр внимания;

– «вербальное не проявление несовершенства», измеряющее склонность к избеганию ситуаций, в которых недостатки индивида могут стать предметом общественного обсуждения.

«Шкала перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта (в адаптации А.А. Золотаревой) состоит из 27 пунктов, респондентам предлагалось оценить степень своего согласия или несогласия с каждым из них по 7-балльной шкале: 1 — полное несогласие, 7 — полное согласие.

«Тест суждений» А.И. Крупнова включает два блока показателей — инструментально-стилевой и содержательно-смысловой — и выявляет следующие переменные активности в общении: динамические (эргичность, аэргичность), эмоциональные (стеничность, астеничность), регулятивные (интернальность, экстернальность), когнитивные (осмысленность, осведомленность), мотивационные (социоцентричность, эгоцентричность), продуктивные (предметность, субъектность), рефлексивно-оценочные (операциональные трудности, личностные трудности).

Диагностические процедуры проводились очно в индивидуальной и групповой форме. Методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» (ШПС) и «Тест суждений» А.И. Крупнова предъявлялись на бланках последовательно. Применялись следующие методы обработки данных: качественные методы (методы содержательной интерпретации психологических характеристик изучаемых феноменов), количе-

В выборке специалистов сферы дизайна были выявлены только положительные корреляционные связи, шкала «Демонстрация совершенства» коррелирует практически со всеми показателями коммуникативной активности, а именно: с эргичностью (0,369, $p = 0,006$), стеничностью (0,390, $p = 0,003$), астеничностью (0,486, $p = 0,001$), интернальностью (0,373, $p = 0,005$), экстернальностью (0,481, $p = 0,001$), эгоцентричностью (0,302, $p = 0,025$), осмысленностью (0,381, $p = 0,004$), осведомленностью (0,523, $p = 0,001$), предметностью (0,475, $p = 0,001$), субъектностью (0,462, $p = 0,001$), операциональными трудностями (0,354, $p = 0,008$), личностными трудностями реализации активности (0,448, $p = 0,001$). Таким образом, у дизайнеров стремление к созданию образа идеального человека — «саморекламирование» и «самовозвеличивание» — сопряжено с тенденцией к избеганию новых социальных связей, с выраженными стеническими и астеническими эмоциями в общении, с саморегуляцией и с эгоцентрической мотивацией активности в общении. Можно полагать, что перфекционизм включен в стиль коммуникативной активности, который характеризуется разнонаправленностью мотивационных тенденций, осуществляется посредством ориентации как на предметную (проблемы, нерешенные профессиональные вопросы), так и на субъектную сферу (внутренний мир субъектов соактивности). Кроме того, данный стиль активности дизайнеров может быть охарактеризован как двойственный в эмоциональном плане, т.к. демонстрация своего совершенства, с одной стороны, сопровождается положительными эмоциями — радостью, восторгом (стеничность), а с другой, — предполагает постоянное оценивание себя, что связано с переживанием вины, стыда, смущения (астеничность). Отметим тот факт, что перфекционистская самопрезентация у дизайнеров оказалась не связанной с социоцентричностью, т.е. желанием обрести друзей, стремлением оказать помощь и поддержку другим людям, выполнить совместную деятельность. Таким образом, продвижение себя как успешного идеального человека осуществляется независимо от мотивации коммуникативной активности, направленной на других людей. Этот результат свидетельствует о том, что дизайнеры способны дифференцировать собственные социально ориентированные мотивы общения и

ожидания других людей, способных оценить и признать их безукоризненность, идеальность.

У дизайнеров шкала «Поведенческое не проявление несовершенства» коррелирует со стеничностью (0,467, $p = 0,001$), астеничностью (0,306, $p = 0,023$), интернальностью (0,584, $p = 0,001$), осмысленностью (0,315, $p = 0,019$), осведомленностью (0,474, $p = 0,001$), субъектностью (0,594, $p = 0,001$). Таким образом, поведенческое не проявление несовершенства выражается в эмоциональной и когнитивной относительности, свойственной респондентам. Кроме того, поведенческое не проявление несовершенства сопряжено с интернальной регуляцией коммуникативной активности. Итак, внутренний локус контроля в общении, склонность приписывать себе ответственность за успех межличностного взаимодействия усиливает стремление дизайнеров к избеганию социальных ситуаций, в которых их поведение может оказаться в центре внимания. Установлено, что шкала «Вербальное не проявление несовершенства» связана со стеничностью (0,370, $p = 0,005$); по-видимому, страх несоответствия высоким нормам порождает паралич активности, а стратегия не проявления несовершенства способствует формированию самоидентичности.

Таким образом, перфекционистская самопрезентация и коммуникативная активность взаимосвязаны, что в нашем исследовании подтверждается наличием ряда корреляционных связей. Анализ выявленных связей позволяет констатировать, что все показатели перфекционистской самопрезентации связаны с компонентами коммуникативной активности у представителей артономических профессий, находящихся на разных этапах профессионального развития. Особенности взаимосвязей перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности в выборках выявлены в связи с зонами распределения корреляционных плеяд: поведенческое не проявление несовершенства — у студентов, демонстрация совершенства — у дизайнеров. Следует также отметить, что с показателями перфекционистской самопрезентации у студентов связаны преимущественно инструментально-стилевые компоненты коммуникативной активности, а у дизайнеров — как инструментально-стилевые, так и содержательно-смысловые. В целом перфекционистская самопрезентация сильнее укоренена в системе коммуникативной

активности дизайнеров, чем в таковой студентов, и поддерживается у первых не только природно-обусловленными динамическими характеристиками активности, но и характеристиками содержательными, преломляющими профессиональный и жизненный опыт. Итак, эмпирическим путем выявлено следующее:

1. У дизайнеров по сравнению со студентами – будущими дизайнерами более выражен такой показатель перфекционистской самопрезентации, как демонстрация совершенства, т.е. стремление создавать образ человека, обладающего выдающимися способностями, социальной компетентностью и пользующегося успехом в социуме.

2. Общими для студентов и дизайнеров являются несколько связей: демонстрация совершенства положительно связана с осведомленностью, а поведенческое не проявление несовершенства положительно коррелирует с осведомленностью и с субъектностью. Таким образом, демонстрация совершенства усиливается потребностью в совершенном владении своими эмоциями и чувствами в общении; поведенческое не проявление несовершенства сопряжено с поляризованным мышлением в сфере достижений и отношений.

3. Существуют количественные и качественные различия между связями перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности у студентов – будущих дизайнеров и дизайнеров-специалистов.

4. У студентов выявлено больше связей коммуникативной активности с поведенческим не проявлением несовершенства, а у дизайнеров — с демонстрацией совершенства.

5. Существуют уникальные связи в каждой из изучаемых выборок, а именно: у студентов с перфекционистской самопрезентацией остаются несвязанными эмоциональные и регулятивные компоненты коммуникативной активности, у специалистов сферы дизайна эмоциональные компоненты коммуникативной активности (стенничность, астеничность) положительно связаны как с демонстрацией совершенства, так и с поведенческим и вербальным не проявлением несовершенства, а регулятивные компоненты активности — с демонстрацией совершенства. Стиль коммуникативной активности дизайнеров может быть охарактеризован как двойственный в эмоциональном плане. У студентов – будущих дизайнеров оценочно-рефлексивные компонен-

ты коммуникативной активности (операциональные и личностные трудности) положительно связаны с поведенческим и вербальным не появлением несовершенства, а у дизайнеров — с демонстрацией совершенства. Выявлена специфика и в характере связей перфекционистской самопрезентации и мотивационных компонентов коммуникативной активности. В частности, у студентов обнаружены отрицательные связи социоцентричности и эгоцентричности с вербальным не проявлением несовершенства, а у дизайнеров — связь демонстрации совершенства с эгоцентричностью, что вполне закономерно. Таким образом, у дизайнеров при повышении уровня эгоцентрической направленности мотивации общения становится более выраженной демонстрация совершенства и наоборот.

6. Перфекционистская самопрезентация в большей степени интегрирована в систему коммуникативной активности дизайнеров, чем в систему студентов.

Заключение

Итак, высокие стандарты успешности, которые предъявляет современный мир, профессиональная творческая среда к представителям автономических профессий, требуют от них быть совершенными и высокоэффективными в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере общения. Перфекционизм проявляется во многих видах и формах активности человека, включая коммуникативную активность. Проблема уровня активности, реализуемой человеком с целью самосовершенствования, а также стремления создать совершенный образ «напоказ» поднимается в исследованиях психологов. О проявлении перфекционизма в интраперсональной сфере может свидетельствовать значимость для личности общения, его успешности.

Результаты исследования взаимосвязи перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности могут быть использованы специалистами психологических служб вузов при индивидуальном психологическом консультировании. Данные могут быть включены в учебные программы по психологии личности, психологическому консультированию. В частности, в консультативной практике они могут быть полезны для решения проблем, связанных с самопринятием и саморегуляцией. Полученные результаты могут быть интересны курато-

рам студенческих групп, преподавателям и могут быть использованы специалистами артотомической сферы (человек – художественный образ) при решении задач оптимизации межличностного взаимодействия.

Список литературы

Варлашкина Е.А. Личностные предикторы удовлетворенности образом физического Я у женщин в период зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Омск, 2015. 24 с.

Васюра С.А. Исследование коммуникативной активности: итоги и перспективы // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (06–08 октября 2016 г., Пермь) / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 90–93.

Васюра С.А. Психология коммуникативной активности. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. 296 с.

Гараян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 72–81.

Золотарева А.А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 139 с.

Золотарева А.А. Меланхолия, тревога и творчество в жизни перфекциониста // Теоретическая и экспериментальная психологии. 2016. Т. 9, № 2. С. 69–75.

Золотарева А.А. Перфекционистская самопрезентация и особенности ее диагностики // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7, № 1(25). С. 104–117. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070108>

Ландрева К.С. Перфекционистская самопрезентация образа «Я» в общении // Современная психология: материалы Междунар. науч. конф. (июнь 2012 г., Пермь). Пермь: Меркурий, 2012. С. 51–55.

Парамонова В.В. Высшие устремления личности: перфекционизм как патологический феномен // Развитие личности. 2009. № 1. С. 64–78.

Пикужева О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21–37.

Тарханова П.М. Физический перфекционизм как фактор эмоциональной дезадаптации у современной молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М, 2014. 25 с.

Филатова Е.А. Особенности идеального Я личности при перфекционизме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. С. 206–208.

Хорни К. Невроз и рост личности. Борьба за самореализацию. М.: Академ. проект, 2008. 400 с.

Basak R. Perfectionist attitudes of artistically talented students in the classroom // *Sosial and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 5010–5014. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.377>

Terry-Short L.A. Owens R.G., Slade P.D., Dewey M.E. Positive and negative perfectionism // *Personality and Individual Differences*. 1995. Vol. 18, iss. 5. P. 663–668. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)00192-u](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)00192-u)

Получено 15.08.2019

References

Basak, R. (2012). *Perfectionist attitudes of artistically talented students in the classroom*. *Sosial and Behavioral Sciences*. Vol. 46, pp. 5010–5014. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.377>

Filatova, E.A. (2015). *Osobennosti ideal'nogo YA lichnosti pri perfektsionizme* [Peculiarities of ideal-self of the personality with perfectionism]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences]. No. 11–2, pp. 206–208.

Garanyan, N.G., Andrusenko, D.A. and KhloMOV, I.D. (2009). *Perfektsionizm kak faktor studencheskoy dezadaptatsii* [Perfectionism as a factor of student disadaptation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 1, pp. 72–81.

Horney, K. (2008). *Nevroz i rost lichnosti. Bor'ba za samorealizatsiyu* [Neurosis and human growth: the struggle towards self-realization]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 400 p.

Landreva, K.S. (2012). *Perfektsionistskaya samoprezentatsiya obraza «Ya» v obschenii* [Perfectionist self-presentation of the «I» image in communication]. *Sovremennaya psikhologiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Modern psychology: proceed. of the International scientific conference]. Perm: Merkurij Publ., pp. 51–55.

Paramonova, V.V. (2009). *Vysshie ustremleniya lichnosti: perfektsionizm kak patologicheskij fenomen* [Problems of development and existence of personality]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. No. 1, pp. 64–78.

Pikuleva, O.A. (2013). *Psikhologicheskaya mnogoznachnost' ponyatiya «samoprezentatsiya lichnosti»* [The concept of self-presentation: multiple meanings and modern approaches]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. No. 2, pp. 21–37.

Tarkhanova, P.M. (2014). *Fizicheskiy perfektsionizm kak faktor emotsional'noy dezadaptatsii u sovremennoy molodezhi: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Physical perfectionism as a factor of emotional maladjustment in modern youth: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 25 p.

Terry-Short, L.A., Owens, R.G., Slade, P.D. and Dewey, M.E. (1995). Positive and negative perfectionism. *Personality and Individual Differences*. Vol. 18(5), pp. 663–668. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)00192-u](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)00192-u)

Varshalkina, E.A. (2015). *Lichnostnye prediktory udovletvorennosti obrazom fizicheskogo YA u zhenshin v period zrelosti: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Personal predictors of satisfaction with the image of the physical Self in women in adulthood: Abstract of Ph.D. dissertation]. Omsk, 24 p.

Vasyura, S.A. (2009). *Psikhologiya kommunikativnoy aktivnosti* [Psychology of communicative activity]. Izhevsk: UDSU Publ., 296 p.

Vasyura, S.A. (2016). *Issledovanie kommunikativnoy aktivnosti: itogi i perspektivy* [Research of communicative activity: results and prospects]. XXXI *Merlinskiye chteniya: Teoriya, metodologiya i praktika integral'nogo issledovaniya individual'nosti v*

sovremennom chelovekoznanii [31st Merlin readings: Theory, Methodology and Practice of Integral Study of Individuality in Modern Human Consciousness]. Perm: PSHPU Publ., pp. 90–93.

Zolotareva, A.A. (2012). *Diagnostika individual'nykh razlichiy perfektsionizma lichnosti: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Diagnosis of individual differences in personality perfectionism: dissertation]. Moscow, 139 p.

Zolotareva, A.A. (2016). *Melankholiya, trevoga i tvorchestvo v zhizni perfektsionista* [Melancholy, anxiety and art in the life of a perfectionist]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 9, no. 2, pp. 69–75.

Zolotareva, A.A. (2018). *Perfektsionistskaya samoprezentatsiya i osobennosti ee diagnostiki* [Perfectionistic self-presentation and its diagnostic features]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 7, no. 1(25), pp. 104–117. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070108>

Received 15.08.2019

Об авторах

Васюра Светлана Александровна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии

Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1;
e-mail: vasyura@inbox.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0439-3353>

Бегоян Мариам Самвеловна

магистрант Института педагогики, психологии
и социальных технологий

Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1;
e-mail: mariam-m17@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-7241>

About the authors

Svetlana A. Vasyura

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of General Psychology

Udmurt State University,
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia;
e-mail: vasyura@inbox.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0439-3353>

Mariam S. Begoyan

Postgraduate Student of Institute of Pedagogy,
Psychology and Social Technologies

Udmurt State University,
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia;
e-mail: mariam-m17@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-7241>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Васюра С.А., Бегоян М.С. Взаимосвязь перфекционистской самопрезентации и коммуникативной активности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 551–560.
DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-551-560](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-551-560)

For citation:

Vasyura S.A., Begoyan M.S. [The correlation between perfectionist self-presentation and communicative activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 551–560 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-551-560](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-551-560)

УДК 159.922.73

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-561-574

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАХОВ И ТРЕВОЖНОСТИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ*

Сергуничева Надежда Александровна

Центр социальной реабилитации и речевого развития «Иначе» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена изучению страхов и тревожности старших дошкольников в связи с возрастными и семейными факторами (структурными и содержательными характеристиками семьи). В исследовании приняли участие 80 диад мать–ребенок: 38 мальчиков и 42 девочки 5–6 лет из Санкт-Петербурга. Выявлено, что общее количество страхов у дошкольников соответствует возрастной норме, при этом наблюдается высокая тревожность. Наиболее выраженными страхами оказались страхи смерти, животных и сказочных персонажей, физического ущерба. У девочек в целом страхи выражены сильнее, чем у мальчиков. У детей, имеющих сиблингов, более выражены медицинские страхи. Различий в тревожности по факторам пола, возраста и структурных характеристик семьи не было обнаружено. На общей выборке было показано, что страхи менее выражены при расширении сферы родительских чувств, а тревожность более выражена при чрезмерности санкций, что закономерно, но менее выражена при вынесении конфликта между супругами в сферу воспитания. У мальчиков общее количество страхов меньше при потворствующей гиперпротекции, а тревожность выше при принятии матерями родительской роли, чрезмерности санкций, игнорировании потребностей ребенка и ниже при неразвитости родительских чувств. Общее количество страхов у девочек больше при проекции матерями на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств, а тревожность ниже при потворствующей гиперпротекции. В целом гипотеза исследования подтвердилась — зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. При этом предикторами для эмоционального благополучия дошкольников являются также те стилевые характеристики воспитания матерей, которые указывают на их эмоциональную включенность и мягкость, но не считаются зрелыми.

Ключевые слова: старшие дошкольники, страхи, тревожность, стили семейного воспитания, детско-родительское эмоциональное взаимодействие.

AGE, GENDER AND FAMILY FACTORS OF FEARS AND ANXIETY IN OLDER PRESCHOOLERS

Nadezhda A. Sergunicheva

Center of Social Rehabilitation and Speech Development «Inache» (Saint-Petersburg)

The article studies fears and anxiety of older preschoolers depending on the age, gender and family factors (content and structural characteristics of the family). The study involved 80 mother–child dyads: 38 boys and 42 girls aged 5–6 years from Saint Petersburg. The study revealed that the total number of preschoolers' fears corresponds to the age norm, however, high anxiety is observed. The most pronounced fears were fears of death, animals and fairy-tale characters, physical damage. In general, girls demonstrate more expressed fears. Children who have a sibling are characterized with more pronounced medical fears.

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 18-013-00990 «Семейные факторы эмоциональной компетентности дошкольников».

Differences in anxiety by gender, age and structural characteristics of the family were not found. In the general sample, it was found that fears become less pronounced with the expansion of the sphere of parental feelings, while anxiety is more pronounced with excessive sanctions, which is natural, but less pronounced when a parental conflict is brought into the sphere of education. In the sample of boys, the total number of fears is less pronounced with indulgent overprotection; anxiety is higher when mothers take the parental role, when sanctions are excessive, or the child's needs are ignored, and it is lower if the parental feelings are not developed. In the sample of girls, the total number of fears is greater when mothers project their own undesirable qualities on the children and less in the case of extension of the parental feelings sphere; anxiety is lower in the case of indulgent overprotection. In general, the research hypothesis was confirmed: the maturity of the style characteristics of upbringing and good emotional interaction of mothers with children are predictors for the absence of pronounced fears and moderate anxiety. At the same time, parental styles of mothers that indicate their emotional involvement and gentleness, though not being considered mature, also become predictors for the emotional well-being of preschoolers.

Keywords: older preschoolers, fears, anxiety, parental styles, child-parent emotional interaction.

Введение

Страхи и тревожность являются проблемными зонами развития эмоциональной сферы дошкольников. Так, дошкольное детство является сензитивным периодом для разнообразных страхов. К основным страхам дошкольников (одиночества, темноты, замкнутого пространства) после 5 лет добавляется выраженный страх смерти, который становится связующим звеном всех страхов [Битнер А.Д., 2017; Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018]. Развитие когнитивной сферы, усложнение и совершенствование игровой деятельности способствуют развитию воображения ребенка, одной из функций которого является снижение психоэмоционального напряжения. Вместе с тем активное развитие воображения способствует увеличению количества страхов в дошкольном периоде [Осорова М.В., 2011]. Таким образом, «расцвет» страхов связан не столько с развитием эмоциональной сферы ребенка, сколько с его когнитивным развитием: формированием абстрактного мышления, способности к обобщению и предвосхищению, пониманием категорий времени и пространства. Сходные данные о взаимосвязи страхов и воображения в период старшего дошкольного возраста были получены С.В. Чернобровкиной и В.В. Гусаровой. Ведущим страхом, по результатам исследования, является страх смерти (собственной, родителей). Кроме того, наблюдается выраженность медицинских и пространственных страхов, страхов темноты, кошмарных снов, стихий и сказочных персонажей [Чернобровкина С.В., Гусарова В.В., 2016].

По данным А.И. Захарова, страхи сильнее проявляются у девочек, чем у мальчиков, что отражает более выраженный у них инстинкт самосохранения [Захаров А.И., 2000]. Похожие данные представлены и в зарубежных исследованиях [Chaplin T.M., Aldao A., 2013; Olino T.M. et al., 2013], но большая выраженность страхов у девочек объясняется скорее влиянием социально-культурного контекста. Демонстрация страха и вообще эмоциональности девочками считается более социально приемлемой, чем демонстрация того же мальчиками [Root A.K., Denham S.A., 2010; Brody L.R., Hall J.A., 2008]. От мальчиков скорее требуется сдерживать и подавлять свои эмоциональные переживания. По данным Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой, значимых различий по полу в выраженности различных групп страхов не обнаружено. У мальчиков выражены медицинские, социальные страхи, страхи животных и сказочных персонажей и страх смерти. У девочек также наблюдается выраженность данных групп страхов, за исключением более выраженного страха физического ущерба [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016].

Другой проблемной зоной развития эмоциональной сферы является детская тревожность. По мнению А.И. Захарова, страх и тревога имеют общий компонент — беспокойство. Но если дифференцировать понятия страха и тревожности, то страх рассматривают как реакцию на конкретную ситуацию, возникающую здесь и сейчас и связанную с витальной угрозой, а тревожность — как переживание ожидания (переживания направлены в будущее) безобъектной опасности, связанной с социальной

угрозой, как правило, вообразяемого характера [Фаустова И.В., 2015; Прихожан А.М., 2000; Захаров А.И., 2000]. Дети с высокой выраженностью тревожности характеризуются возбудимостью, повышенной эмоциональностью, чувствительностью и чаще переживают чувство неуверенности в новых видах деятельности [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Исследования показывают, что детская тревожность характеризуется устойчивостью и находит свое проявление в общении, деятельности, самооценке.

В исследовании Н.В. Мазуровой, Ю.А. Трофимовой показано, что дети с высокой выраженностью тревожности демонстрируют негативные ожидания во всех ситуациях по тесту тревожности Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен. У всех детей выборки тревогу вызывают ситуация агрессивного нападения, ситуация, где ребенок является объектом агрессии, ситуации негативного отношения со стороны значимых людей (игнорирование, изоляция, одиночество). Дети с высокой выраженностью тревожности больше всего опасаются агрессии, одиночества, авторитарного отношения со стороны взрослого, изоляции от сверстников. Кроме того, только у детей данной группы обнаружены негативные ожидания в нейтральных ситуациях (ситуация умывания, одевания, игры с младшими детьми). Дети со средним уровнем выраженности тревожности также больше всего опасаются агрессии, выговора, изоляции и одиночества. Дети, демонстрирующие низкий уровень тревожности, опасаются агрессии и выговора, но ситуация изоляции от сверстников ими не воспринимается как потенциально опасная [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Для дошкольники характерен высокий уровень тревожности, но более тревожными считаются мальчики [Швец И.Г., 2001; Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Существуют и другие данные: так, в исследовании Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой мальчики характеризуются низким индексом тревожности, а девочки — средним [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016]. В исследовании Н.Н. Смирновой значимых различий по полу в выраженности тревожности не обнаружено [Смирнова Н.Н., 2019].

Таким образом, мы можем видеть, что данные по выраженности тревожности у дошколь-

ников обоих полов имеют противоречивый характер.

Психоэмоциональное благополучие ребенка, а также характер и особенности детско-родительских отношений взаимосвязаны, ведь именно семья является первой и основной средой, в которой ребенок не только растет, но и развивается, наблюдая за эмоциями взрослых, затем заимствует у них и реализовывает определенные модели эмоционального реагирования. Стиль воспитания оказывает влияние на ребенка посредством методов и приемов, использующихся в процессе его воспитания, а также через способы их реализации. Выбор и реализация того или иного стиля воспитания основываются на эмоционально-ценностном отношении родителя к ребенку и на индивидуальных особенностях родителя (пол, возраст, личностные особенности). Стиль воспитания является поведенческим компонентом в системе родитель–ребенок и определяет то, какие методы и способы будут использоваться для воспитательного воздействия. К характеристикам стиля воспитания можно отнести степень внимания к ребенку, уровень удовлетворения его потребностей, степень и особенности родительского контроля. Понятие «тип семейного воспитания» является более широким и включает в себя большое количество параметров системы родитель–ребенок (эмоциональное отношение, стиль общения и взаимодействия, степень внимания, уровень удовлетворенности потребностей, последовательность в реализации воспитательных воздействий) [Головей Л.А. и др., 2014].

В своем исследовании мы опирались на разработки Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса в области нарушений воспитания [Эйдемиллер Э.Г., 2004] и на концепцию детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И. Захаровой [Захарова Е.И., 2002]. При этом отдельные показатели по методике Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса мы рассматриваем как стилевые характеристики воспитания (уровень протекции, степень удовлетворения потребностей, количество требований к ребенку и пр.) и как психологические особенности матерей, влияющие на процесс воспитания (расширение сферы родительских чувств, воспитательная неуверенность, фобия утраты ребенка и пр.). Показатели по методике Е.И. Захаровой мы

рассматриваем как характеристики эмоционального взаимодействия матерей с детьми.

Ряд отечественных исследований посвящен взаимосвязи выраженности страхов и особенностей семейного воспитания. Так, в исследовании Ю.А. Кочетовой обнаружено, что для детей, чьи страхи находятся выше возрастной нормы, типично воспитания, которое характеризуется низким уровнем эмоциональной близости, недостаточной способностью родителей воспринимать состояние ребенка и понимать его причины, низкой степенью стремления к телесному контакту, низким уровнем принятия ребенка, повышенной тревожностью родителя, непоследовательностью в воспитании и высокой степенью конфронтации внутри семьи. Дети с большим количеством страхов воспринимают семейную ситуацию как эмоционально неблагоприятную, тревожную и конфликтную. По данным исследования, ведущую роль в формировании страхов для детей 5–6 лет занимает низкий уровень принятия ребенка родителями и высокая воспитательная конфронтация, а для детей 6–7 лет — высокий уровень требовательности родителей, строгость и непоследовательность в воспитании [Кочетова Ю.А., 2012]. Для детей 5–6 лет с высоким уровнем страхов характерно нарушение эмоционального отношения в виде низкого уровня эмпатии и телесного контакта, а для детей 6–7 лет характерен низкий уровень ориентации на состояние ребенка со стороны родителя.

По данным И.М. Рюминой и Н.В. Гончаренко, авторитарный тип воспитания связан почти со всеми видами страхов. Это свидетельствует о том, что такой тип воспитания оказывает самое неблагоприятное воздействие на эмоциональную сферу ребенка. Также показана положительная связь между медицинскими страхами, страхами физического ущерба, социально опосредованными страхами, страхом смерти, авторитарностью родителей и эмоциональным отвержением. Принятие ребенка снижает выраженность переживания страха физического ущерба и социально опосредованных страхов. Страх смерти может быть более выражен при высоком уровне принятия ребенка и тесном контакте родителя с ним. Недостаточно тесная связь с родителями может порождать переживание социально опосредованных страхов. В период

дошкольного детства контакт с родителями является одним из наиболее важных, и недостаточно сильное стремление родителей к контакту с ребенком может провоцировать развитие низкой самооценки и различных социальных страхов [Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018].

По данным А.И. Захарова, мальчики и девочки, которые считают главой семьи мать, имеют большее количество страхов, что связано с напряжением в общении матери с детьми, тревогой и беспокойством. Дети, оценивающие семейную ситуацию как конфликтную, имеют достоверно больше страхов, особенно девочки, чем дети, оценивающие семейную ситуацию как спокойную и дружную. Среди них наиболее часто встречаются страхи животных, стихий, болезней, смерти, кошмарных снов и родителей [Захаров А.И., 2000]. Также, по его данным, в неполных семьях наблюдается увеличение числа страхов, особенно у мальчиков. Достоверно меньше страхов наблюдается у мальчиков, отцы которых страдают от алкогольной зависимости, по сравнению с мальчиками, чьи отцы не злоупотребляют алкоголем. В этой психотравмирующей ситуации алкоголизация одного из родителей ожидаемо должна увеличивать количество страхов, а не уменьшать. В данном случае можно говорить об адаптации к психотравмирующей ситуации или «профилактике страхов», которая осуществляется за счет постоянного наблюдения расторможенного и, как правило, агрессивного поведения отца, реакция на которое с течением времени становится индифферентной и которое уже не воспринимается как опасное.

Влияние семейных факторов на тревожность дошкольников изучалось как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Так, показано, что особенности детско-родительских и внутрисемейных отношений могут создавать условия для психотравмирующей ситуации и вносить большой вклад в возникновение высокого уровня тревожности [Илларионова И.В., 2011]. Исследования, касающиеся связи стиля воспитания и тревожности детей, как правило, фокусируются на трех аспектах взаимодействия: принятия, контроля и моделирования тревожного поведения. Родители, которые принимают негативные переживания ребенка, а не критикуют и не снижают их выраженность, по-

могут им самостоятельно, методом проб и ошибок, адаптироваться к негативным переживаниям, тем самым понижая чувствительность ребенка к тревоге [Gottman J.M. et al., 1997]. Разные проявления родительского контроля, которые подразумевают поощрение зависимости ребенка от родителя, влияют на восприятие ребенком себя как неспособного справиться с влиянием окружающей среды. Таким образом, ребенок воспринимает события как неконтролируемые, что, в свою очередь, способствует увеличению тревожности [Wood J.J. et al., 2003]. Моделирование тревожного поведения транслирует определенный образ восприятия ситуаций. При моделировании тревожного поведения родителем проблемные ситуации воспринимаются ребенком как опасные, что подавляет его попытки решить проблемную ситуацию или совладать с ней. Эти дети приходят к убеждению: что бы они ни делали, способа справиться с проблемой нет [Wood J.J. et al., 2003]. По данным Н.В. Мазуровой и Ю.А. Трофимой, тревожным дошкольникам соответствуют такие стилевые характеристики родительского воспитания, как гиперопека и воспитательная конфронтация [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013].

Низкий контроль родителей, доверие в контакте родитель–ребенок, эмоциональная близость связаны с благоприятной семейной обстановкой и низкой тревожностью [Смирнова В.О., 2014]. Результаты исследования Е.В. Гольберт, А.О. Степных показали, что в семьях детей с высокой тревожностью преобладают такие стили воспитания, как «отвержение» и «инфантилизация» ребенка, неверие в его силы и возможности. У детей со средним уровнем тревожности обнаружены более благоприятные стили воспитания («признание», «кооперация»), более спокойное и позитивное отношение к неудачам ребенка [Гольберт Е.В., Степных А.О., 2015]. Более высокая тревожность связана с чрезмерностью санкций, гиперпротекцией и расширением сферы родительских чувств [Головей Л.А. и др., 2016]. В данном исследовании также обнаружено влияние структурных характеристик семьи на тревожность дошкольников. Так, у дошкольников из неполных семей уровень тревожности выше, а

также более выражены переживание незащищенности и депрессивность.

Актуальность представленного нами исследования заключается не только в уточнении данных, касающихся выраженности и особенностей страхов и тревожности старших дошкольников, но и в изучении влияния на них комплекса семейных факторов, включающего как содержательные, так и структурные характеристики семьи. Кроме того, в результате нашего пилотажного исследования были обнаружены закономерности, свидетельствующие о компенсаторных механизмах в развитии эмоциональной сферы, в том числе в развитии страхов и тревожности, которые требуют дальнейшего уточнения.

Организация и методы эмпирического исследования

Целью исследования являлось выявление возрастно-половых и семейных факторов выраженности страхов и тревожности у старших дошкольников. При этом в качестве семейных факторов выступали структурные и содержательные характеристики семьи. К первому блоку относятся полнота семьи, наличие сиблингов, ко второму — стилевые характеристики воспитания, психологические особенности матерей, влияющие на воспитание и особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми.

Гипотезы исследования:

1. Выраженность страхов и тревожности старших дошкольников опосредована возрастно-половыми факторами: у девочек более выражены страхи и тревожность как взаимосвязанные феномены, у детей 6 лет выраженность страхов и тревожности выше в связи с активным развитием когнитивной и эмоциональной сферы.

2. На выраженность страхов и тревожности большее влияние оказывают содержательные характеристики семьи, чем структурные. Так, предикторами отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности в старшем дошкольном возрасте могут являться зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми. Выраженность страхов и тревожности выше у детей из неполных семей.

Исследование проводилось в 2017–2018 гг. на базах ГБДОУ № 120 и ГАДОУ № 53 г. Санкт-Петербурга. В нем приняли участие 160 чел. — 80 диад мать–ребенок (38 мальчиков и 42 девочки), возраст детей — от 5 до 6 лет, средний возраст — 5 лет 4 мес., 67 детей (84 %) из полных семей, 13 детей (16 %) из неполных семей. 27 детей (34 %) — единственные и 53 ребенка (66 %) имеют сиблингов. 80 % матерей имеют высшее образование, 4 % матерей имеют незаконченное высшее образование, 15 % — среднее специальное образование, 1 % — среднее. По возрасту было выделено 2 группы: 44 ребенка 5 лет (20 мальчиков и 24 девочки) и 36 детей 6 лет (18 мальчиков и 18 девочек). Возраст матерей — от 24 до 58 лет, средний возраст — 35 лет.

Методы исследования: тест на выявление детских страхов А.И. Захарова, М. Панфиловой [Захаров А.И., 2000], тест тревожности (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен) [Практикум по возрастной психологии..., 2002], опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса [Эйдемиллер Э.Г., 2004] и опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой [Захарова Е.И. 2002].

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: применялась описательная статистика, проводился дисперсионный анализ по факторам возраста, пола, структуры семьи (полная/неполная и наличие сиблингов) и множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило, что у дошкольников нашей выборки выражены все виды страхов (табл. 1). Наиболее выражены страх смерти (страх собственной смерти, смерти родителей), страхи животных и сказочных персонажей, страхи физического ущерба (войны, стихий, пожара, неожиданных звуков, транспорта). Обнаружены статистически достоверные различия в страхах по фактору пола. Так, у девочек более выражены страхи животных и сказочных персонажей ($p \leq 0,01$), а также страхи физического ущерба и социальные страхи ($p < 0,05$). Закономерно, что у девочек общее количество страхов больше ($p < 0,05$).

Таблица 1. Показатели страхов и тревожности на общей выборке и с учетом пола

	Вся выборка (n = 80)		Мальчики (n = 38)		Девочки (n = 42)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	F-кр.	Знач.
Тест на выявление детских страхов А.И. Захарова, М. Панфиловой								
Общее кол-во страхов (max = 29)	9,6	5,7	8,2	4,7	11,0	6,2	4,74	0,03
Медицинские страхи (max = 5)	1,4	1,4	1,2	1,2	1,7	1,5	–	–
Страхи физического ущерба (max = 6)	2,3	1,8	1,9	1,6	2,7	1,9	4,25	0,04
Страхи животных и сказочных персонажей (max = 2)	0,9	0,8	0,7	0,7	1,1	0,7	6,90	0,01
Социально опосредованные страхи (max = 6)	1,6	1,3	1,3	1,2	1,9	1,3	4,03	0,04
Страх смерти (max = 2)	1,5	0,8	1,4	0,8	1,6	0,7	–	–
Пространственные страхи (max = 5)	0,9	1,0	0,9	0,9	1,0	1,1	–	–
Страхи кошмарных снов(max = 3)	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	–	–
Тест тревожности Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен								
Индекс тревожности (max = 100 %)	55,1	21,1	51,9	22,9	58,0	19,3	–	–

Различий по факторам возраста и структуры семьи (полная/неполная) не выявлено, но обнаружены статистически достоверные различия в страхах по фактору наличия сиблингов. Так, у детей, имеющих сиблингов, более выражены медицинские страхи, чем у единственных в семье детей ($F = 4,35$, $p < 0,05$).

У дошкольников нашей выборки выявлен высокий уровень тревожности (рис. 1). Так, вы-

сокий уровень тревожности обнаружен у 53 % детей, средний уровень тревожности — у 43 % детей, низкий уровень тревожности — у 4 % детей. Достоверных различий в выраженности тревожности в связи с факторами пола, возраста и структурными характеристиками семьи не было обнаружено.

Рис. 1. Выраженность тревожности у дошкольников (*низкий уровень — от 0 до 20 %, средний уровень — от 20 до 50 %, высокий уровень — выше 50 %)

Перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа. Регрессионный анализ проводился на всей выборке, а также на выборке девочек и мальчиков с целью выявления стилевых характеристик воспитания и особен-

ностей эмоционального взаимодействия матерей как предикторов страхов и тревожности.

Рассмотрим результаты регрессионного анализа на общей выборке для показателя общего количества страхов у детей (табл. 2).

Таблица 2. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на всей выборке

Модель для страхов ($R = 0,372$, R квадрат = $0,138$)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	12,867	1,094	–	11,753	0,000
1. Расширение сферы родительских чувств	-1,313	0,379	-0,372	-3,470	0,001

Значение R квадрата равно 0,138, что показывает, что 14 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влиянием данного предиктора. На всей выборке общее количество страхов больше у тех детей, матери

которых в меньшей степени склонны к расширению сферы родительских чувств ($p < 0,001$).

Рассмотрим результаты регрессионного анализа на общей выборке для показателя тревожности дошкольников (табл. 3).

Таблица 3. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на всей выборке

Модель для тревожности ($R = 0,350$, R квадрат = $0,123$)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
2 (Константа)	54,584	3,254	–	16,773	0,000
1. Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	-7,876	3,139	-0,276	-2,509	0,014
2. Чрезмерность санкций	5,826	2,739	0,234	2,127	0,037

Значение R квадрата равно 0,123, что показывает, что 12 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данных предикторов. На всей выборке тревожность выше у тех детей, матери которых более склонны к

строгим наказаниям, и ниже у детей, в семье которых наблюдаются конфликты ($p < 0,05$). Возможно, последняя взаимосвязь объясняется адаптацией ребенка к конфликтной ситуации в

семье, что делает его менее чувствительным к восприятию проблемных ситуаций.

Перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа на выборке мальчиков (табл. 4, 5).

Таблица 4. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на выборке мальчиков

Модель для страхов ($R = 0,471$, R квадрат = 0,222)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	12,552	1,580	–	7,946	0,000
1. Гиперпротекция	-0,912	0,297	-0,471	-3,066	0,004

Значение R квадрата равно 0,222, что показывает, что 22 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влияни-

ем данного предиктора. У мальчиков общее количество страхов меньше при гиперпротекции ($p < 0,01$).

Таблица 5. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на выборке мальчиков

Модель для тревожности ($R = 0,720$, R квадрат = 0,518)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
4 (Константа)	-53,884	24,206		-2,226	0,034
1. Принятие родительской роли	23,774	5,445	0,786	4,366	0,000
2. Чрезмерность санкций	14,557	3,899	0,513	3,734	0,001
3. Игнорирование потребностей ребенка	15,079	5,600	0,497	2,693	0,012
4. Незрелость родительских чувств	-5,759	2,767	-0,289	-2,081	0,046

Значение R квадрата равно 0,518, что показывает, что 52 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данных предикторов. У мальчиков тревожность выше при принятии матерями родительской роли ($p < 0,001$), чрезмерности санкций ($p < 0,001$), игнорировании ими потребностей ребенка ($p < 0,05$) и меньше при незрелости родительских чувств к ним ($p < 0,05$). Взаимосвязь принятия матерями родительской роли и высо-

кой тревожности мальчиков, возможно, обусловлена высокой ответственностью матерей по отношению к воспитанию детей, которая отражается и на их собственной тревожности. Последнее может быть связано с некоторой педагогической запущенностью ребенка, что может сочетаться с его невысокой тревожностью.

Теперь перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа на выборке девочек (табл. 6, 7).

Таблица 6. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на выборке девочек

Модель для страхов ($R = 0,525$, R квадрат = 0,276)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
2 (Константа)	13,049	1,521	–	8,578	0,000
1. Расширение сферы родительских чувств	-1,856	0,577	-0,444	-3,218	0,003
2. Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	2,069	0,795	0,360	2,605	0,013

Значение R квадрата равно 0,276, что показывает, что 28 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влиянием данных предикторов. У девочек общее количество страхов меньше при расширении сферы родительских чувств ($p < 0,01$) и больше при проекции матерями на ребенка собственных

нежелательных качеств ($p < 0,05$). Возможно, первая взаимосвязь обусловлена погруженностью матери в жизнь ребенка в определенной мере (средние значения показателя «Расширение сферы родительских чувств» — низкие), что скорее выступает конструктивным фактором в плане снижения страхов у девочек.

Таблица 7. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на выборке девочек

Модель для тревожности ($R = 0,324$, R квадрат = $0,105$)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	70,493	6,444	–	10,939	0,000
1. Гиперпротекция	-2,936	1,354	-0,324	-2,168	0,036

Значение R квадрата равно 0,105, что показывает, что 10 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данного предиктора. У девочек тревожность ниже при гиперпротекции ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Исследование показало, что у старших дошкольников нашей выборки выражены все виды страхов, при этом у девочек выраженность страхов больше. Эти данные согласуются с данными других исследований [Захаров А.И., 2000; Chaplin T.M., Aldao A., 2013; Olino T.M. et al., 2013]. Кроме того, обнаружено, что у детей, имеющих сиблингов, в большей степени выражены медицинские страхи чем у тех, кто является единственным ребенком в семье. Возможно, имея брата или сестру, ребенок чаще сталкивается с ситуациями, способствующему возникновению этих страхов.

Дошкольники характеризуются высоким уровнем тревожности, при этом различий в выраженности тревожности по фактору пола, как и по другим изучаемым факторам, не обнаружено. В исследовании И.Г. Швеца, Н.В. Мазуровой, Ю.А. Трофимовой у старших дошкольников также выявлен высокий уровень тревожности, но наиболее тревожными оказались мальчики [Швец И.Г., 2001; Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Данные, полученные в исследовании Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой, свидетельствуют о том, что мальчики характеризуются низким уровнем тревожности, а девочки — средним, что противоречит получен-

ными нами данным [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016]. По данным Н.Н. Смирновой, старшие дошкольники характеризуются средней степенью выраженности тревожности, что не согласуется с полученными нами данными, но результаты исследования Н.Н. Смирновой соответствуют нашим в том, что значимых различий в выраженности тревожности у мальчиков и девочек нет [Смирнова Н.Н., 2019].

Результаты регрессионного анализа, проведенного на всей выборке, показали небольшое количество предикторов для параметров страхов и тревожности из числа стилевых характеристик воспитания и личностных особенностей матерей. Выявлен один предиктор для страхов и два предиктора тревожности. Так, можно говорить о позитивном влиянии расширения сферы родительских чувств для снижения выраженности страхов у старших дошкольников. Это можно объяснить тем, что матери включены в жизнь ребенка в определенной мере (средние показатели не достигают критических значений), что выступает конструктивным фактором в отношении снижения страхов у детей. Строгость матерей, их склонность к наказаниям детей увеличивает тревожность дошкольников. В то же время при конфликтных отношениях родителей в семье и вынесении конфликтов в сферу воспитания дети вынуждены адаптироваться к ситуации психического напряжения, и в результате тревожность у них оказывается менее выраженной.

Регрессионный анализ на выборке мальчиков показал, что у них наименьшая выраженность

страхов наблюдается при гиперпротекции. На первый взгляд полученные данные вступают в противоречие с данными И.М. Рюминой, Н.В. Гончаренко о том, что авторитарный стиль воспитания оказывает самое неблагоприятное воздействие на возникновение страхов у ребенка и на его эмоциональную сферу в целом [Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018]. Но следует отметить, что в нашем исследовании для матерей характерна скорее потворствующая гиперпротекция. При таком стиле воспитания матери демонстрируют мягкость, неуверенность, чрезмерную опеку. В результате потворствующая гиперпротекция в определенной мере играет скорее не негативную роль в возникновении страхов у старших дошкольников, особенно у мальчиков, а роль некоторого оберегающего буфера. Тем не менее следует помнить, что родителям важно перестраивать свое поведение по мере взросления ребенка и давать ему больше самостоятельности. Что касается тревожности, то у мальчиков при чрезмерности санкций и игнорировании матерью их потребностей, тревожность выше, и это является закономерным. Эти данные согласуются с данными И.В. Илларионовой, которые показывают, что при авторитарном стиле воспитания у детей отмечается высокая тревожность [Илларионова И.В., 2011]. Кроме того, у мальчиков тревожность выше при более высоких показателях принятия матерями родительской роли и ниже при неразвитости родительских чувств. Первая взаимосвязь может быть объяснена ответственным отношением матерей к воспитанию, что повышает уровень их собственной тревожности. Последняя взаимосвязь может объясняться некоторой педагогической запущенностью ребенка, которая сказывается на его когнитивной и эмоциональной сфере и, возможно, искажает восприятие проблемных ситуаций, что обуславливает низкую тревожность.

Регрессионный анализ на выборке девочек показал, что выраженность страхов у девочек больше при проекции матерью на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств. Последняя взаимосвязь повторяет закономерность для общей выборки. Тревожность у девочек ниже при гиперпротекции, что также свидетельствует о ее конструктивной роли в качестве

буфера, который может способствовать снижению тревожности.

Таким образом, выдвинутые в исследовании гипотезы частично подтвердились. У девочек в большей степени по сравнению с мальчиками выражены страхи, но не тревожность, различий по факторам возраста и структуры семьи (полная/неполная) не обнаружено. Что касается последнего факта, то, возможно, это связано с небольшим количеством неполных семей в нашем исследовании. Действительно, влияние содержательных характеристик семьи на страхи и тревожность более значимо, чем влияние структурных. Так, зрелые стилевые характеристики воспитания выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. При этом обнаружено, что те стилевые характеристики воспитания, которые указывают на эмоциональную включенность и мягкость, но не считаются зрелыми, также являются предикторами для эмоционального благополучия дошкольников. Предикторов эмоционального взаимодействия матерей с детьми, оказывающих влияние на эмоциональное благополучие дошкольников, не обнаружено. Этот неожиданный на первый взгляд факт можно объяснить тем, что более чувствительные и внимательные к детям матери могут сами обладать высоким уровнем тревожности, которая может передаваться детям и нивелировать положительный эффект.

Выводы

Проведенное исследование частично подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы:

1. Общее количество страхов у старших дошкольников соответствует возрастной норме, при этом у них выявлен высокий уровень тревожности. И в большей степени у них выражены страхи смерти, животных и сказочных персонажей, страхи, связанные с причинением физического ущерба. Девочки характеризуются более высоким уровнем выраженности страхов. У детей, имеющих сиблингов, по сравнению с теми, у кого нет братьев и сестер, более выражены медицинские страхи. С точки зрения факторов возраста и структуры семьи (полная/неполная) различий не выявлено.

2. Регрессионный анализ на всей выборке выявил небольшое количество предикторов для

параметров эмоционального развития старших дошкольников из числа стилевых характеристик воспитания. Расширение сферы родительских чувств снижает страхи, а тревожность увеличивается при чрезмерности санкций, но становится менее выраженной при вынесении конфликта в сферу воспитания.

3. Регрессионный анализ на выборке мальчиков выявил, что общее количество страхов меньше при гиперпротекции. Тревожность выше при более выраженном принятии матерями родительской роли, чрезмерности санкций, игнорировании потребностей ребенка и ниже при неразвитости родительских чувств.

4. Регрессионный анализ на выборке девочек выявил, что общее количество страхов у девочек больше при проекции матерью на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств. Тревожность у девочек ниже при гиперпротекции.

Таким образом, наибольшее влияние на страхи и тревожность старших дошкольников оказывают содержательные характеристики семьи: стилевые характеристики воспитания и психологические особенности матерей, связанные с воспитанием. Влияние возрастнополовых факторов и структурных характеристик семьи менее значимо. При этом стилевые характеристики воспитания и психологические особенности матерей, выявленные посредством методики «Анализ семейных взаимоотношений», играют неоднозначную роль в формировании страхов и тревожности у старших дошкольников. Зрелые стилевые характеристики воспитания выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. В то же время выявлено снижение страхов и тревожности у детей при ряде факторов, которые не являются показателями зрелости стилевых характеристик воспитания, таких как гиперпротекция, расширение сферы родительских чувств и неразвитость родительских чувств.

Ограничением нашего исследования является то, что результаты, полученные по показателю тревожности, не могут быть распространены на генеральную совокупность детей старшего дошкольного возраста, поскольку распределение по данному показателю нельзя считать нормальным. Еще одним ограничением исследова-

ния является малочисленность группы детей из неполных семей.

Список литературы

Битнер А.Д. Страхи дошкольников // Научные достижения и открытия современной молодежи: сб. статей победителей Междунар. науч.-практ. конференции: в 2 ч. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 1033–1037.

Головей Л.А., Василенко В.Е., Савеньшева С.С. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>

Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «Родитель–ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.

Гольберт Е.В., Степных А.О. Влияние стиля семейного воспитания на тревожность детей старшего дошкольного возраста // Дошкольное образование в современном изменяющемся мире: теория и практика: III Междунар. науч.-практ. конференция: сб. ст. / под ред. А.И. Улзытуевой; Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2015. С. 298–301.

Захарова Е.И. Эмоциональная сторона детско-родительского взаимодействия // Психолог в детском саду. 2002. № 1. С. 3–29.

Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2000. 448 с.

Илларионова И.В. Исследование проявлений тревожности у детей дошкольного возраста в аспекте детско-родительских отношений // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3(71), ч. 2. С. 100–107.

Кочетова Ю.А. Страхи современных дошкольников и их связь с особенностями детско-родительских отношений // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 77–87.

Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А. Взаимосвязь тревожности детей дошкольного возраста и стиля семейного воспитания // Вопросы современной педиатрии. 2013. Т. 12, № 3. С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v12i3.686>

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых СПб.: Питер, 2011. 440 с.

Практикум по возрастной психологии / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.

Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 304 с.

Рюмина И.М., Гончаренко Н.В. Влияние типа детско-родительских отношений на содержание страхов у детей старшего дошкольного возраста // Научные исследования современности: от разработки к внедрению: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конференции (31 мая 2018 г., Смоленск). Смоленск, 2018. С. 85–89.

Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У. Изучение особенностей страхов и тревоги у детей дошкольного возраста // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6–3. С. 582–586.

Смирнова В.О. Особенности проявления тревожности и агрессивности у детей старшего дошкольного возраста в связи с детско-родительскими отношениями // Вестник Пермского Государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 176–183.

Смирнова Н.Н. Влияние детско-родительского эмоционального взаимодействия на тревожность детей старшего дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–3. С. 305–308.

Фаустова И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявление эмоционального неблагополучия в дошкольном возрасте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (дата обращения: 11.04.2019).

Чернобровкина С.В., Гусарова В.В. Воображение как фактор проявления тревожности и страхов дошкольников // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2016. № 2. С. 42–52.

Швец И.Г. Родительно-детские отношения как фактор формирования тревожности у старших дошкольников: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 181 с.

Эйдемиллер Э.Г. Детская психиатрия: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2004. 1120 с.

Brody L.R., Hall J.A. Gender and emotion in context // Handbook of emotions /ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. 3rd ed. N.Y.: Guilford, 2008. P. 395–408.

Chaplin T.M., Aldao A. Gender differences in emotion expression in children: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2013. Vol. 139, iss. 4. P. 735–765. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0030737>

Gottman J.M., Katz L.F., Hooven C. Meta-emotion: how families communicate. London, N.Y.: Routledge, 1997. 384 p.

Olino T.M., Durbin C.E., Klein D.N. et al. Gender differences in young children's temperament traits: Comparisons across observational and parent-report methods // Journal of Personality. 2013. Vol. 81, iss. 2. P. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12000>

Root A.K., Denham S.A. The role of gender in the socialization of emotion: Key concepts and critical issues // New Directions for Child and Adolescent Development. 2010. Vol. 2010, iss. 128. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/cd.265>

Wood J.J., McLeod B.D., Sigman M. et al. Parenting and childhood anxiety: theory, empirical findings, and future directions // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2003. Vol. 44, iss. 1. P. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00106>

Получено 12.09.2019

References

Bitner, A.D. (2017). *Strakhi doshkol'nikov* [Fears preschoolers]. *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoy molodezhi* [Scientific achievements and discoveries of modern youth]. Penza: Nauka i Prosvetshenie Publ., pp. 1033–1037.

Brody, L.R. and Hall, J.A. (2008). Gender, emotion, and context. *Handbook of emotions*, ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. New York: Guilford Publ., pp. 395–408.

Chaplin, T.M. and Aldao, A. (2013). Gender differences in emotion expression in children: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. No. 139, iss. 4, pp. 735–765. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0030737>

Chernobrovkina, S.V. and Gusarova, V.V. (2016). *Voobrazhenie kak faktor proyavleniya trevozhnosti i strakhov doshkol'nikov* [Imagination as the risk factor of anxiety and fears at preschoolers]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series «Psychology»]. No. 2, pp. 42–52.

Eydemiller, E.G. (2004). *Detskaya psikhatriya* [Child psychiatry]. Saint Petersburg: Piter Publ., 1120 p.

Faustova, I.V. (2015). *Vliyanie narushennykh detsko-roditel'skikh otnosheniy na proyavlenie emotsional'nogo neblagopoluchiya v doshkol'nom vozraste* [The impact of disrupted parent-child relationship on the manifestation of emotional problems at preschool age]. *Sovremennye problemy nauki i*

obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]. No. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (accessed 11.04.2019).

Golovey, L.A., Vasilenko, V.E. and Savenysheva, S.S. (2016). *Struktura sem'i i semeynoe vospitanie kak faktory razvitiya lichnosti doshkol'nika* [Family structure and family education as factors for personal development of preschooler]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 7, no. 2, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>

Golovey, L.A., Savenysheva, S.S., Vasilenko, V.E. and Engel'gardt, E.E. (2014). *K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatiy v sisteme otnosheniy «Roditel' – rebenok»: teoreticheskiy i empiricheskiy aspekty* [On basic concept differentiation in the «parent – child» system of relations: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education]. No. 2, pp. 84–95.

Gol'bert, E.V. and Stepnykh, A.O. (2015). *Vliyanie semeynogo vospitaniya na trevozhnost' detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [Influence of style of family education on uneasiness of children of the advanced preschool age]. *Doshkol'noe obrazovanie v sovremennom izmenyayushchemsya mire: teoriya i praktika: III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Preschool education in today's changing world: theory and practice: 3rd International scientific and practical conference]. Chita: TSU Publ., pp. 298–301.

Gottman, J.M., Katz, L.F. and Hooven, C. (1997). *Meta-emotion: how families communicate*. London, New York: Routledge Publ., p. 384.

Illarionova, I.V. (2011). *Issledovanie proyavleniy trevozhnosti u detey doshkol'nogo vozrasta v aspekte detsko-roditel'skikh otnosheniy* [The research study of manifestation of anxiety of pre-school children in the aspect of child-parent relationship]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. No. 3(71), pt. 2, pp. 100–107.

Kochetova, Yu.A. (2012). *Strakhi sovremennykh doshkol'nikov i ikh svyaz' s osobennostyami detsko-roditel'skikh otnosheniy* [Fears of modern preschoolers and their connection with peculiarities of child-parent relations]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 3, pp. 77–87.

Mazurova, N.V. and Trofimova, Yu.A. (2013). *Vzaimosvyaz' trevozhnosti detey doshkol'nogo vozrasta i stilya semeynogo vospitaniya* [Correlation between preschool children anxiety and style of family upbringing]. *Voprosy sovremennoy pediatrii* [Current Pediatrics]. Vol. 12, no. 3, pp. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v12i3.686>

Olino, T.M., Durbin, C.E., Klein, D.N. et al. (2013). Gender differences in young children's temperament traits: Comparisons across observational and parent-report methods. *Journal of Personality*. Vol. 81, iss. 2, pp. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12000>

Osorina, M.V. (2013). *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [Secret world of children in the space the adult world]. Saint Petersburg: Piter Publ., 440 p.

Golovey, E.F. and Rybalko, L.A. (eds.) (2002). *Praktikum po vozrastnoy psikhologii* [Age-related psychology workshop]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 694 p.

Prikhozhan, A.M. (2000). *Trevozhnost' u detey i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety of children and adolescents: the psychological nature and age dynamics]. Moscow: MPSI, Voronezh: MODEK Publ., 304 p.

Root, A.K. and Denham, S.A. (2010). The role of gender in the socialization of emotion: Key concepts and critical issues. *New Directions for Child and Adolescent Development*. Vol. 2010, iss. 128, pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/cd.265>

Ryumina, I.M. and Goncharenko, N.V. (2018). *Vliyanie tipa detsko-roditel'skikh otnosheniy na sodержание strakhov u detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [The influence of the type of parent-child relationships on the content of children fears in pre-school age]. *Nauchnye issledovaniya sovremennosti: ot razrabotki k vnedreniyu* [Scientific research of the present: from development to implementation]. Smolensk, pp. 85–89.

Sabirova, R.Sh. and Satenova, G.U. (2016). *Izucheniye osobennostey strakhov i trevogi u detey doshkol'nogo vozrasta* [Study of features of fears and anxiety in preschool age]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. No 6–3, pp. 582–586.

Shvets, I.G. (2001). *Roditel'sko-detskie otnosheniya kak faktor formirovaniya trevozhnosti u starshikh doshkol'nikov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Parent-child relationships as a factor in the formation of anxiety in older preschoolers: dissertation]. Yaroslavl, 181 p.

Smirnova, N.N. (2019). *Vliyaniye detsko-roditel'skogo emotsional'nogo vzaimodeystviya na trevozhnost' detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [Influence of parent-child emotional interaction on anxiety of preschool children]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. No. 62–3, pp. 305–308.

Smirnova, V.O. (2014). *Osobennosti proyavleniya trevozhnosti i agressivnosti u detey starshego doshkol'nogo vozrasta v svyazi s detsko-roditel'skimi otnosheniyami* [Peculiarities of manifestations of anxiety and aggression in children of preschool age in connection with child-parent relationships]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya No. 1. Psikhologicheskie pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 1.

Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 176–183.

Wood, J.J., McLeod, B.D., Sigman, M., et al. (2013). *Parenting and childhood anxiety: theory, empirical findings, and future directions*. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 44, iss. 1, pp. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00106>

Zakharov, A.I. (2000). *Dnevnye i nochnye strakhi u detey* [Day and night fears of children]. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 448 p.

Zakharova, E.I. (2002). *Emotsional'naya storona detsko-roditel'skogo vzaimodeystviya* [The emotional side of parent-child interaction]. *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in Kindergarten]. No. 1, pp. 3–29.

Received 12.09.2019

Об авторе

Сергуничева Надежда Александровна
психолог

Центр социальной реабилитации
и речевого развития «Иначе»,
199155, Санкт-Петербург, ул. Железноводская, 9А;
e-mail: sergunicheva.n@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-8068>

About the author

Nadezhda A. Sergunicheva
psychologist

Center of Social Rehabilitation
and Speech Development «Inache»,
9A, Zheleznovodskaya st., Saint-Petersburg,
199155, Russia;
e-mail: ergunicheva.n@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-8068>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сергуничева Н.А. Возрастно-половые и семейные факторы страхов и тревожности у старших дошкольников // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. Вып. 4. С. 561–574.
DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-561-574](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-561-574)

For citation:

Sergunicheva N.A. [Age, gender and family factors of fears and anxiety in older preschoolers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 561–574 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-561-574](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-561-574)

УДК 159.923.2:159.942

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-575-585

РАСПОЗНАВАНИЕ ДЕТЬМИ 3–5 ЛЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Лебедева Евгения Игоревна

Институт психологии Российской академии наук

Была изучена роль возраста модели в успешности распознавания дошкольниками эмоциональной экспрессии сверстников, подростков, взрослых и пожилых людей. Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи успешности распознавания эмоций людей разного возраста и уровня развития модели психического как способности понимать ментальные состояния других людей, в том числе и по внешним проявлениям в поведении. Для оценки успешности распознавания эмоций людей разного возраста авторами была создана база фотоснимков людей четырех возрастных групп; на снимках модели демонстрировали радость, печаль, страх, гнев. В каждой серии детям предъявлялись фотографии одного человека и ставилась задача ответить, является ли человек на изображении радостным, грустным, испуганным или сердитым. Развитие модели психического оценивалось с помощью задач на понимание визуальной перспективы 1-го и 2-го уровней, источника знаний и неверных мнений. В исследовании приняли участие 60 детей 3-х и 5-ти лет, посещающих детские сады г. Москвы. С целью обработки полученных данных применялся U-критерий, Z-критерий, коэффициент корреляции Спирмена. Результаты исследования продемонстрировали возрастную динамику в распознавании базовых эмоций детьми дошкольного возраста и взаимосвязь распознавания эмоций и модели психического. Не было обнаружено достоверных предпочтений в распознавании эмоций собственной возрастной группы, однако пятилетние дети лучше распознавали эмоции по лицевой экспрессии детских лиц (сверстников и подростков), чем взрослых и пожилых людей. Интерпретация результатов позволяет сделать предположение о возможном влиянии на распознавание опыта взаимодействия со сверстниками.

Ключевые слова: распознавание эмоций, лицевая экспрессия, социальное познание, модель психического, понимание неверных мнений, дошкольный возраст.

RECOGNITION BY CHILDREN OF 3–5 YEARS OF EMOTIONAL FACE EXPRESSION OF PEOPLE OF DIFFERENT AGE

Evgeniya I. Lebedeva

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

There was studied the role of the model's age in the successful recognition of emotional expression in peers, adolescents, adults and the elderly by preschoolers. The study aimed to identify the relationship between the successful recognition of emotions in people of different ages and the development of the theory of mind as the ability to understand mental states of other people, including by the external manifestations in their behavior. To assess the performance of recognition, there was created a database of photographs of people from four age groups in which the models showed happiness, sadness, fear and anger. In each series, children were given photographs of one person, and their task was to answer whether the person in the picture was joyful, sad, scared, or angry. The development of the theory of mind ability was evaluated with the help of tests showing understanding of the first and second level visual perspectives, a source of knowledge and false beliefs. The study involved 60 three- and five-year-old children attending kindergartens in Moscow. In order to process the obtained data, the U-criterion, the Z-criterion and Spearman's correlation coefficient were used. The results of the study demonstrated age-related dynamics in the recognition of basic emotions

by children of preschool age and the relationship between the emotion recognition and the theory of mind. No significant preferences were found in recognizing the emotions of their own age group; however, five-year-old children were better at recognizing emotions by the facial expression on children's faces (peers and adolescents) than those of adults and older people. Interpretation of the results assumes possible impact of interaction experience with peers.

Keywords: emotion recognition, facial expression, social cognition, theory of mind, understanding of false beliefs, preschool age.

Способность распознавать эмоции по выражению лица является важным компонентом социального познания. Результаты исследований показывают, что, хотя распознавание базовых эмоций (радость, печаль, страх, гнев) начинает формироваться в младенчестве [Meltzoff A.N., Moore M.K., 1983], точность распознавания эмоций других лиц возрастает вплоть до позднего подросткового возраста [Harris P.L. et al., 1989; De Sonnevile L.M.J. et al., 2002; Herba C., Phillips M., 2004; Gao X., Maurer D., 2010; Chronaki G. et al., 2015]. Рассматривая развитие этой способности в онтогенезе, мы хотим обратиться к одному из перспективных подходов психологии развития, объясняющему развитие социального познания в онтогенезе — к «модели психического» [Сергиенко Е.А. и др., 2009]. Модель психического — это способность строить умозаключения о поведении людей, приписывая им ментальные состояния для объяснения и прогнозирования поведения, включающая в себя способность понимать как эмоции по внешним проявлениям в поведении, так и другие ментальные состояния (желания, намерения, мнения) [Dennett D., 1987]. Результаты исследований в русле этого подхода обнаруживают наличие направленной связи понимания ментальных состояний и распознавания эмоций в дошкольном возрасте: понимание эмоций предсказывает понимание более сложных ментальных состояний [Grazzani I., et al., 2018; Kuhnert R.L. et al., 2017]. В наших предыдущих исследованиях было описано развитие распознавания эмоций по фото, ситуациям и действиям других людей, а также понимания ситуативных и ментальных причин эмоций детьми дошкольного возраста с типичным развитием, с расстройствами аутистического спектра и детьми, воспитывающимися в учреждениях интернатного типа [Сергиенко Е.А. и др., 2009; Прусакова О.А., Сергиенко Е.А., 2006; Хачатурова А.В., Сергиенко Е.А., 2009].

Актуальным является вопрос о факторах, влияющих на успешность распознавания эмо-

ций. Результаты исследований показывают, что распознавание как базовых эмоций, так и более сложных связано с индивидуальными особенностями распознаваемого лица. В качестве факторов, влияющих на успешность распознавания лиц, кроме культурного контекста (лучше распознаются эмоции людей одной и той же расы/культурной группы) [Meissner C.A., Brigham J.C., 2001] и опыта взаимодействия (лучше распознаются эмоции знакомых людей, чем незнакомых) [Sternglanz R.W., DePaulo B.M., 2004], выделяется соответствие возраста распознаваемого лица на фотографии распознающему субъекту [Van der Meulen A. et al, 2017].

Существуют несколько возможных объяснений преимущества распознавания лиц собственной группы, выделенных в исследовании процесса переработки информации о лице, которые также могут быть применены к распознаванию эмоций. Во-первых, повышенное внимание, демонстрируемое к членам своей группы, позволяет лучше распознавать их лица: независимо от опыта общения (группа студентов или группа, созданная в процессе исследования) лучше распознаются лица своей группы, чем другие [Bernstein M.J. et al., 2007]. Во-вторых, в метаанализе исследований памяти на лица было установлено, что больший опыт общения с людьми в собственной группе приводит к накоплению перцептивных схем восприятия определенных черт лица [Meissner C.A., Brigham J.C., 2001]. А поскольку существуют различия в выражении тех или иных эмоций из-за возрастных изменений лица [Houstis O., Kiliaridis S., 2009], вполне возможно, что отсутствие опыта или небольшой опыт взаимодействия с лицами определенного возраста может снизить успешность распознавания эмоций членов этой возрастной группы.

Действительно, в некоторых исследованиях восприятия и идентификации лиц был выявлен так называемый эффект предпочтения распознавания лиц своего возраста («own-age effect») [Anastasi J.S., Rhodes M.G., 2005; Hills P.J., Lew-

is M.B., 2011]. Так, например, в исследовании Хиллса и Льюиса было показано, что дети 7–9 лет и взрослые лучше распознавали лица своего возраста (в случае детей возраст не должен отличаться от возраста модели на фото более чем на 2 года) [Hills P.J., Lewis M.B., 2011]. При апробации теста на распознавание ментальных состояний детьми сравнивались результаты выполнения двух вариантов теста на понимание эмоций и ментальных состояний по выражениям глаз взрослых и детей [Van der Meulen A. et al, 2017]. Результаты исследования показали, что дети 6–10 лет легче распознавали эмоции и ментальные состояния по выражению лиц своих сверстников, чем взрослых. В отличие от них Гриффитс с коллегами не выявил предпочтения для лиц своего возраста в распознавании радости, грусти, страха, гнева, удивления и отвращения в задаче с множественным выбором у детей в возрасте 5–13 лет и объясняли этот результат преимущественным опытом взаимодействия со взрослыми (учителями и родителями) [Griffiths S. et al., 2015]. Эти результаты согласуются с результатами исследования влияния возраста и пола модели на фотографии на успешность распознавания эмоций: дети дошкольного возраста легче распознавали эмоции на лицах взрослых, чем сверстников [Коваль Ю.Б., Лабунская В.А., 2014]. Но точнее всего дошкольники определяли собственные эмоции. Этот факт можно рассматривать как доказательство развития способности распознавать лицевую экспрессию в общем русле развития социальной компетентности, поскольку только при распознавании собственных эмоций дошкольники могли ориентироваться на намерения изобразить ту или иную эмоцию, что и могло облегчать им распознавание.

Косвенным доказательством взаимосвязи развития социального познания и эмоциональной компетентности детей могут служить результаты исследований индивидуальных различий в развитии модели психического. В исследовании влияния разговоров отцов и матерей с детьми было показано, что более качественное взаимодействие детей с родителями в раннем и дошкольном возрасте, заключающееся в объяснении детям связей между ментальными состояниями и причинами, их вызвавшими (например, при чтении книг), влияет на понимание эмоций детьми (по результатам тестов) [LaBounty J. et al., 2008]. Также была обнаружена связь меж-

ду объяснением матерью причин и мотивов поступков других людей с использованием терминов ментальных состояний (желаний, убеждений, мыслей) и развитием модели психического у детей [Doan S.N., Wang Q., 2010; Peterson S., Slaughter V., 2003; Ruffman T. et al., 2002].

Таким образом, до сих пор работ по исследованию успешности распознавания детьми эмоций у лиц разных возрастов сравнительно немного, их результаты противоречивы и не дают ответа на вопрос «лица какого возраста дети распознают успешнее и как это связано с развитием других аспектов социального познания?». В дошкольном возрасте способность распознавать эмоции только развивается, и происходит накопление знаний об общепринятых в данной культуре способах выражения эмоций как взрослыми, так и сверстниками. И действительно, интересно изучить особенности распознавания эмоций взрослых и детей в этом возрасте, связь развития этой способности с развитием других компонентов социального познания.

Цель исследования — изучить роль возраста модели в успешности распознавания эмоций лиц разных возрастов детьми 3–5 лет, а также выявить взаимосвязь успешности распознавания базовых эмоций с развитием понимания отдельных аспектов модели психического как основы социального познания.

Участники исследования

Всего в исследовании приняли участие 60 детей, посещающих детские сады г. Москвы: 30 детей 3 лет (Me = 3 г. 5 мес., 14 девочек и 16 мальчиков) и 30 детей 5 лет (Me = 5 лет 5 мес., 20 девочек и 10 мальчиков).

Методы и процедура исследования

Для оценки успешности распознавания базовых эмоций детьми дошкольного возраста использовались 32 фотографии лиц 4 возрастов (дошкольный, подростковый, средний и пожилой) обоего пола, выражающие базовые эмоции: радость, печаль, гнев и страх. Данные фотографии были выполнены сотрудниками лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ФГБУН ИП РАН, которые просили участников фотосессии изобразить одну из базовых эмоций. При отборе фотографий для использования в исследовании мы опирались на ключевые признаки выражения эмоций, выделенные Экманом [Экман П., 2010],

что предполагает снижение возможных различий в степени выраженности эмоций у разных возрастов. Ребенку предлагалась следующая инструкция: «Перед тобой четыре фотографии человека: мальчик/девочка/юноша/женщина/мужчина/бабушка/дедушка. Это один и тот же человек, только он сфотографирован в разное время. Покажи, на какой фотографии он/она радостный, грустный, испуганный, сердитый». Предъявление фотографий людей разных возрастов выполнялось в случайном порядке и чередовалось с другими тестовыми задачами. Вычислялись интегральные показатели распознавания эмоций для каждого из возрастов моделей на фотографии и количество правильно распознанных каждой эмоцией у людей разного возраста.

Для оценки взаимосвязи между успешностью распознавания и развитием модели психического были разработаны задачи на понимание неверных мнений (как ключевого аспекта развития модели психического), а также на понимание различий между визуальной перспективой 1-го и 2-го уровней, понимание источника знаний. Для обработки результатов использовался интегральный показатель, представлявший собой сумму правильных ответов (показатель согласованности задач (Альфа Кронбаха) был равен 0,717).

Понимание детьми визуальной перспективы предполагает 2 уровня развития: понимание того, видит ли другой человек объект, и понимание того, как именно он его видит. Для оценки 1-го уровня развития этой способности детям предъявлялся лист бумаги с двусторонним изображением. Лист располагался так, что одну его сторону видел только ребенок, а другую — только экспериментатор. Ребенку необходимо было ответить на вопрос о том, может ли экспериментатор видеть изображение, которое видит ребенок. Дети в возрасте около двух лет уже понимают, что человек сможет увидеть объект только в том случае, если его глаза направлены к этому объекту и если между человеком и объектом нет никаких загромождающих обзор препятствий [Flavell J.H., 2000]. Тогда же они начинают понимать, чего другой человек может видеть что-то, что не видят они.

Для изучения 2-го уровня развития понимания визуальной перспективы детям предъявлялась картинка с изображением клоуна и смотрящих на него персонажей. Ребенку необходи-

мо было последовательно выбрать изображения клоуна для персонажей, которые смотрят на него спереди, сбоку и сзади. Вычислялась сумма баллов по 3 ответам.

Для исследования *понимания источника знаний* детьми использовалась методика, направленная на оценку понимания принципа «видение приводит к знанию». Детям рассказывалась история, иллюстрируемая картинками: «Это Аня, а это Маша. Они играют в песочнице и строят куличики вместе. Маша ушла покачаться на качелях, а в это время Аня положила красный сопочек в ведерко. Маша вернулась, чтобы продолжить играть в песочнице. Она хочет взять свой красный сопочек». Необходимо было ответить на следующий вопрос: «Кто знает, где лежит красный сопочек Аня или Маша? Почему она знает?». Ребенку не только надо было указать на правильного персонажа, но и объяснить, что его знание о местоположении предмета объясняется тем, что он его видел.

Задача на понимание неверных мнений оценивала способность детей предсказать поведение персонажа истории, когда знания этого персонажа о ситуации отличались от знаний ребенка. Экспериментатор рассказывал историю и предъявлял картинки последовательно, по мере развития истории: «Сеня и Катя на кухне. Сеня сделал себе салат, а Катя налила сок и поставила его на стол. Затем Катя пошла в комнату поиграть со своей куклой. В это время Сеня выпил Катин сок, поставил пустой стакан в раковину и тоже ушел. Катя вернулась на кухню, чтобы взять свой сок». Далее экспериментатор просил ответить на следующие вопросы: «Где она будет искать свой сок? Катя видела, что Сеня выпил ее сок?». Данная задача по процедуре проведения повторяет классические задачи на оценку понимания неверных мнений («Салли Энн тест») [Baron-Cohen S. et al., 1985].

Статистическая обработка данных: значимость возрастных различий определялась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни. Для определения достоверности различий между показателями распознавания эмоций у лиц разных возрастов использовался парный критерий Вилкоксона (SPSS.19). Коэффициент корреляции Спирмена использовался для определения взаимосвязи между показателями успешности распознавания эмоций и развития модели психического.

Результаты исследования

Распознавание эмоций

Межгрупповой анализ успешности распознавания эмоций на фотографиях людей разных возрастов показал достоверные возрастные различия: дети 5 лет лучше, чем трехлетние, распознавали базовые эмоции как на фотографиях лиц своей возрастной группы ($U = 226$; $p = 0,001$), так и на фотографиях подростков ($U = 135$, $p = 0,000$), взрослых ($U = 210,5$; $p = 0,000$) и пожилых людей ($U = 307$; $p = 0,03$). Если сравнить интегральные показатели успешности распознавания каждой эмоции, лучше всего как трехлетние, так и пятилетние дети распознавали радость, по сравнению с печалью ($Z = 4,412$; $p = 0,000$ — для 3 лет; $Z = 4,084$; $p = 0,000$ — для 5 лет), страхом ($Z = 4,563$; $p = 0,000$ — для 3 лет; $Z = 3,862$; $p = 0,000$ — для 5 лет) и гневом ($Z = 4,231$; $p = 0,000$ — для 3 лет; $Z = 3,891$; $p = 0,000$ — для 5 лет) (рис. 1 и 2). Эти данные согласуются с результатами предыдущих исследований: в дошкольном возрасте способность распознавать базовые эмоции развивается по пути постепенной дифференциации. Сначала дети достаточно легко определяют по лицевой экспрессии радость, и лишь позднее происходит выделение отдельных «отрицательных» эмоций [Прусакова О.А., Сергиенко Е.А., 2006; Листик Е.М., 2008].

Возрастные различия в успешности распознавания каждой эмоции, определяемые сравнением интегральных показателей по всем возрастам, были обнаружены для каждой базовой эмоции. Действительно, пятилетние дети лучше, чем трехлетние, распознавали радость ($U = 288$; $p = 0,003$), печаль ($U = 245,5$; $p = 0,002$), гнев ($U = 173$; $p = 0,000$) и страх ($U = 140$; $p = 0,000$).

Сравнение успешности распознавания эмоций на фотографиях лиц разного возраста выявило достоверные различия только в группе детей 5 лет (табл. 1). Дети успешнее распознавали эмоции сверстников, чем пожилых людей, и эмоции подростков по сравнению с эмоциями взрослых и пожилых. Несмотря на то что не было выявлено явного эффекта предпочтения распознавания эмоций своей возрастной когорты, интересным оказывается тот факт, что все-таки

эмоции на фотографиях детских лиц (детей дошкольного и подросткового возраста) пятилетние дети распознают лучше, чем эмоции на фотографиях взрослых и пожилых. Возможно, это обусловлено опытом общения с другими детьми, который накапливается к 5 годам у детей, регулярно находящихся в детском коллективе. Однако, как мы уже обсуждали выше, нет достоверных доказательств преимущества распознавания эмоций у сверстников именно для детей дошкольного возраста [Griffiths S. et al., 2015; Коваль Ю.Б., Лабунская В.А., 2014]. Влияние опыта общения на успешность распознавания эмоций той или иной возрастной когорты подтверждается в основном результатами исследований восприятия лица и памяти на лица как для взрослых, так и для детей [Hills P.J., Lewis M.B., 2011; Picci G., Scherf K.S., 2016].

Результаты недавнего исследования по распознаванию лиц детьми, подростками и взрослыми показали сдвиг в развитии успешности распознавания лиц в подростковом возрасте: дети до раннего подросткового возраста (6–8 лет) лучше распознают лица взрослых людей, в то время как с 10–11 лет они начинают успешнее распознавать лица сверстников. Дети раннего подросткового возраста лучше распознавали на фотографиях именно лица людей раннего подросткового возраста, в то время как старшие подростки — лица старших подростков. Этот эффект авторы объясняют влиянием полового созревания на появление предпочтений в распознавании лиц своего возраста: социальные задачи подросткового периода (автономия от родителей) и биологические задачи изменяют поведение, связанное с переработкой информации о лицах, что приводит к более успешному распознаванию лиц сверстников [Picci G., Scherf K.S., 2016].

Также достоверные различия в преимущественном распознавании эмоций на лицах сверстников и подростков по сравнению с пожилыми лицами могут объясняться возрастными изменениями лиц пожилых людей, что может затруднить распознавание эмоций. Это предположение подтверждается результатами исследований распознавания эмоций взрослыми людьми: эмоции пожилых людей распознаются хуже, чем эмоции лиц молодого возраста [Fölster M., 2014; Campbell A. et al., 2015].

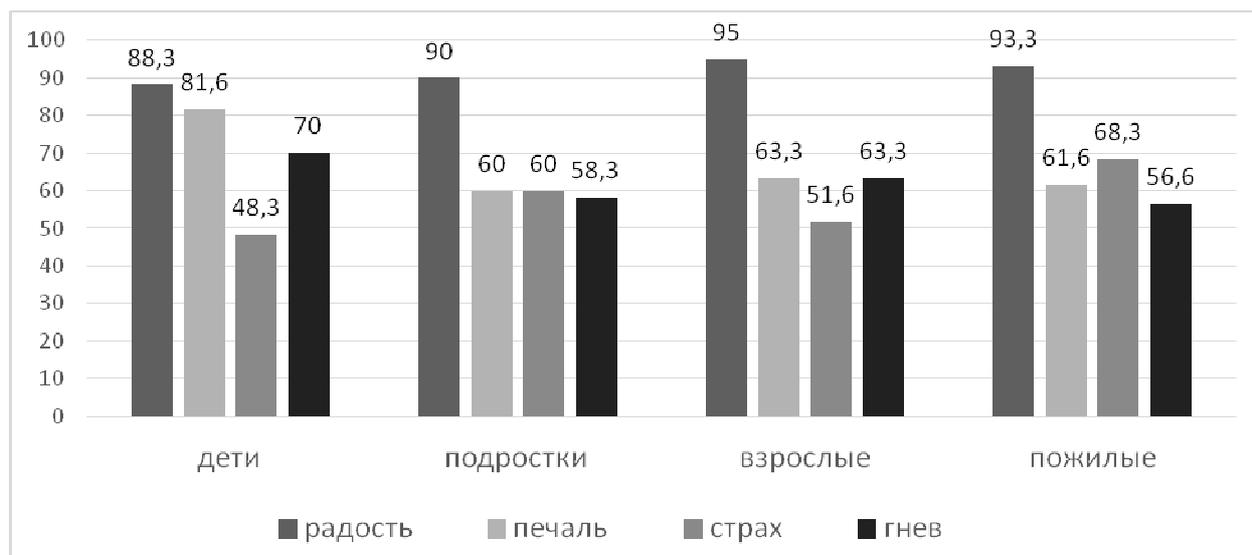

Рис. 1. Успешность распознавания эмоций детьми 3 лет (в процентах)

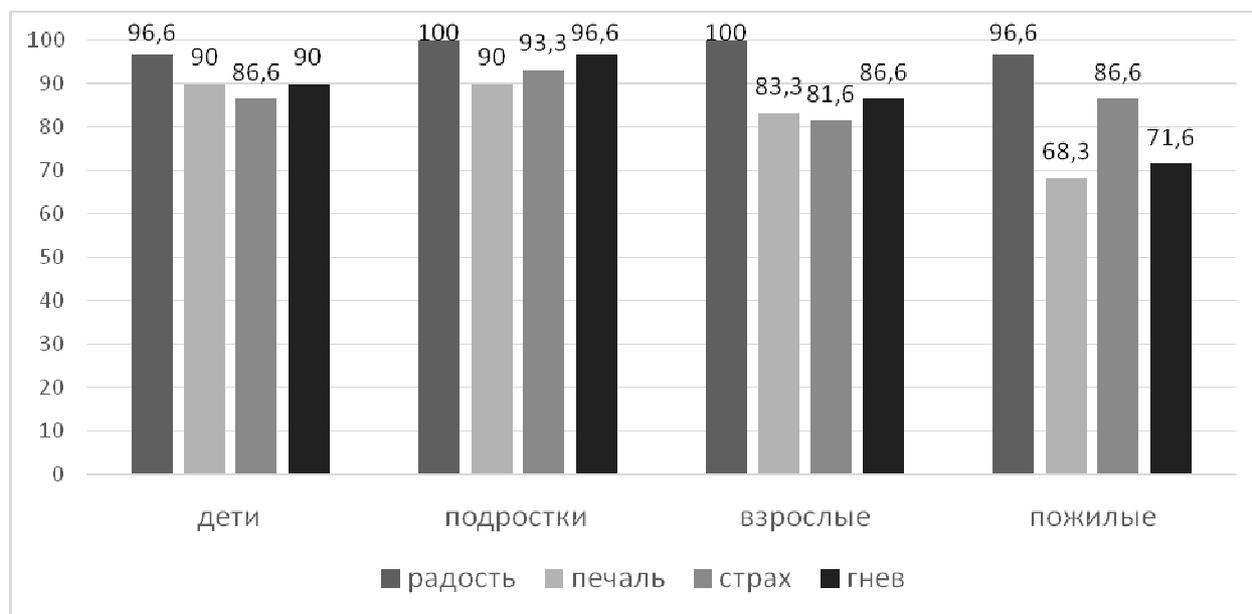

Рис. 2. Успешность распознавания эмоций детьми 5 лет (в процентах)

Таблица 1. Сравнение успешности распознавания эмоций (УРЭ) по лицевой экспрессии людей разных возрастов детьми 3–5 лет (критерий Вилкоксона)

Группа сравнения	3-летние дети		5-летние дети	
	Z	Значимость (2-сторонняя)	Z	Значимость (2-сторонняя)
УРЭ детей – УРЭ подростков	,902	,367	1,520	,128
УРЭ детей – УРЭ взрослых	,953	,341	1,504	,292
УРЭ детей – УРЭ пожилых	,308	,758	2,211	,027
УРЭ подростков – УРЭ взрослых	-,048	,962	2,437	,015
УРЭ подростков – УРЭ пожилых	-,622	,534	3,081	,002
УРЭ взрослых – УРЭ пожилых	-,593	,553	1,607	0,108

Взаимосвязь модели психического и распознавания эмоций в дошкольном возрасте

Проверка предположения о взаимосвязи модели психического и успешности распознавания эмоций на фотографиях лицевой экспрессии лиц разных возрастов проводилась на всей выборке участников исследования (табл. 2).

Результаты показали наличие тесных связей между успешностью решения отдельных задач на модель психического и распознаванием эмоций. Интересно, что именно способность прогнозировать поведение других людей в ситуации, когда их мнение не соответствует реальности и отличается от нашего (задача на понимание неверных мнений), связана со всеми показателями успешности распознавания эмоций по

лицевой экспрессии людей разных возрастов. Понимание отличия собственных мнений от мнений других людей является ключевой составляющей модели психического, поскольку именно она знаменует становление модели психического и понимание детьми отличия собственного ментального мира от мира других людей. Эта способность является основой для развития социальной компетентности детей: понимания мотивов и последствий собственного поведения и поведения других, понимания обмана и способности обманывать самим, а значит, влиять на ментальные состояния других людей, понимания коммуникативных намерений и способность успешно коммуницировать самим и многих других аспектов.

Таблица 2. Взаимосвязь успешности распознавания эмоций (УРЭ) по лицевой экспрессии людей разных возрастов детьми и развития отдельных аспектов социального познания (r-Спирмана)

	<i>Понимание визуальной перспективы 1-го уровня</i>	<i>Понимание визуальной перспективы 2-го уровня</i>	<i>Понимание источника знаний</i>	<i>Понимание неверных мнений</i>	<i>Общий показатель модели психического</i>
УРЭ детей	r = ,193 p = ,140	r = ,330* p = ,01	r = ,341* p = ,008	r = ,327* p = ,011	r = ,442* p = ,000
УРЭ подростков	r = ,274* p = ,034	r = ,422* p = ,001	r = ,241 p = ,063	r = ,396* p = ,002	r = ,508* p = ,000
УРЭ взрослых	r = ,262* p = ,043	r = ,238 p = ,067	r = ,253 p = ,051	r = ,254* p = ,05	r = ,446* p = ,000
УРЭ пожилых	r = ,220 p = ,091	r = ,357* p = ,005	r = ,168 p = ,198	r = ,266* p = ,04	r = ,376* p = ,003
УРЭ всех возрастов	r = ,277* p = ,032	r = ,475* p = ,000	r = ,323* p = ,012	r = ,411* p = ,001	r = ,599* p = ,000

Взаимосвязь успешности распознавания эмоций по лицевой экспрессии людей разных возрастов и модели психического (способность приписывать ментальные состояния другим людям и на их основе объяснять и прогнозировать их поведение) предполагает, что развитие этих способностей, по крайней мере в дошкольном возрасте, происходит совместно. Наши результаты согласуются с результатами других исследований взаимосвязи понимания эмоций и моделью психического [Grazzani I. et al., 2018; Kuhnert R.L. et al., 2017; Weimer A.A. et al., 2012]. В недавнем исследовании Гразани с коллегами было показано, что способность детей распознавать эмоции по лицевой экспрессии и понимать их причины предполагает в дальнейшем понимание отличия собственных ментальных состояний от мен-

тальных состояний других людей у детей 3–8 лет [Grazzani I. et al., 2018].

Заключение

Настоящая работа была посвящена вопросу распознавания дошкольниками эмоций по лицевой экспрессии лиц разного возраста и определению взаимосвязи способности распознавать эмоции и отдельных компонентов модели психического. Анализ показателей успешности распознавания по возрастам модели на фотографиях показал возрастную динамику распознавания всех изучаемых базовых эмоций детьми дошкольного возраста. Возраст модели на фотографии играет значимую роль при распознавании эмоций для пятилетних детей. В этом возрасте дети лучше распознавали эмоции по лицевой экспрессии детских лиц (сверстни-

ков и подростков), чем взрослых и пожилых. Возможное объяснение этому — влияние на распознавание накопленного опыта взаимодействия с ровесниками в детском коллективе (все дети посещали детский сад).

Распознавание эмоций развивается в соответствии с общей логикой модели психического: корреляционный анализ показал взаимообусловленность способности распознавать базовые эмоции по мимическим признакам лиц разных возрастов и понимания ментальных состояний других людей. Распознавание эмоций по мимике является, вероятно, не просто актом сопоставления известных перцептивных схем с видимым изображением, а составляющей способности «чтения» скрытых ментальных состояний (мыслей, намерений, желаний) и прогнозирования на их основе поведения людей.

Ограничения исследования

Результаты данного исследования рассматриваются как предварительные ввиду относительно небольшого количества участников, что не позволяет оценить направленность выявленной связи между развитием способности распознавать эмоции по лицевой экспрессии и модели психического в дошкольном возрасте. Перспективами исследования станет увеличение выборки участников, стандартизация методики оценки распознавания эмоций у лиц разного возраста и оценка влияния социального опыта на успешность распознавания эмоций.

Список литературы

Коваль Ю.Б., Лабунская В.А. Влияние гендерно-возрастных характеристик моделей лицевой экспрессии на успешность их распознавания дошкольниками // Северо-Кавказский психологический вестник. 2014. Т. 12, № 1. С. 27–33.

Листик Е.М. Исследование развития способности к распознаванию эмоций по выражению лица у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2008. № 2(23). С. 68–81.

Прусакова О.А., Сергиенко Е.А. Понимание эмоций детьми дошкольного возраста // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 24–36.

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН. 2009. 415 с.

Хачатурова А.В., Сергиенко Е.А. Становление модели психического в условиях семейной де-

привации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 2 С. 161–172.

Экман П. Психология эмоций [Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life] / пер. с англ. В. Кузин. СПб.: Питер, 2010. 336 с.

Anastasi J.S., Rhodes M.G. An own-age bias in face recognition for children and older adults // Psychonomic bulletin & review. 2005. Vol. 12, iss. 6. P. 1043–1047. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03206441>

Baron-Cohen S., Leslie A.M., Frith U. Does the autistic child have a «theory of mind»? // Cognition. 1985. Vol. 21, iss. 1. P. 37–46. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(85\)90022-8](https://doi.org/10.1016/0010-0277(85)90022-8)

Bernstein M.J., Young S.G., Hugenberg K. The cross-category effect: Mere social categorization is sufficient to elicit an own-group bias in face recognition // Psychological Science. 2007. Vol. 18, iss. 8. P. 706–712. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01964.x>

Campbell A., Murray J.E., Atkinson L., Ruffman T. Face age and eye gaze influence older adults' emotion recognition // Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2015. Vol. 72, iss. 4. P. 633–636. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv114>

Chronaki G., Hadwin J.A., Garner M. et al. The development of emotion recognition from facial expressions and non-linguistic vocalizations during childhood // British Journal of Developmental Psychology. 2015. Vol. 33, iss. 2. P. 218–236. DOI: <https://doi.org/10.1111/bjdp.12075>

Dennett D. The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 400 p.

De Sonneville L.M.J., Verschoor C.A., Njokiktjen C. et al. Facial identity and facial emotions: speed, accuracy, and processing strategies in children and adults // Journal of Clinical and experimental neuropsychology. 2002. Vol. 24, no. 2. P. 200–213. DOI: <https://doi.org/10.1076/jcen.24.2.200.989>

Doan S.N., Wang Q. Maternal discussions of mental states and behaviors: Relations to emotion situation knowledge in European American and immigrant Chinese children // Child Development. 2010. Vol. 81, iss. 5. P. 1490–1503. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01487.x>

Flavell J.H. Development of children's knowledge about the mental world // International journal of behavioral development. 2000. Vol. 24, iss. 1. P. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/016502500383421>

Fölster M., Hess U., Werheid K. Facial age affects emotional expression decoding // Frontiers in psychol-

ogy. 2014. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00030/full> (accessed: 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00030>

Gao X., Maurer D. A happy story: Developmental changes in children's sensitivity to facial expressions of varying intensities // *Journal of experimental child psychology*. 2010. Vol. 107, iss. 2. P. 67–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2010.05.003>

Grazzani I., Ornaghi V., Conte E. et al. The relation between emotion understanding and theory of mind in children aged 3 to 8: The key role of language // *Frontiers in psychology*. 2018. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00724/full> (accessed: 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00724>

Griffiths S., Penton-Voak I.S., Jarrold C., Munafo M.R. No Own-Age Advantage in Children's Recognition of Emotion on Prototypical Faces of Different Ages // *PLOS ONE*. 2015. Vol. 10, iss. 6. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0125256>. (accessed: 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0125256>

Harris P.L., Johnson C.N., Hutton D. et al. Young children's theory of mind and emotion // *Cognition and Emotion*. 1989. Vol. 3, iss. 4. P. 379–400. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699938908412713>

Herba C., Phillips M. Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: Behavioural and neurological perspectives // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2004. Vol. 45, iss. 7. P. 1185–1198. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2004.00316.x>

Hills P.J., Lewis M.B. Rapid communication: the own-age face recognition bias in children and adults // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2011. Vol. 64, iss. 1. P. 17–23. <https://doi.org/10.1080/17470218.2010.537926>

Houstis O., Kiliaridis S. Gender and age differences in facial expressions // *European Journal of Orthodontics*. 2009. Vol. 31, iss. 5. P. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejo/cjp019>

Kuhnert R.L., Begeer S., Fink E., de Rosnay M. Gender-differentiated effects of theory of mind, emotion understanding, and social preference on prosocial behavior development: A longitudinal study // *Journal of experimental child psychology*. 2017. Vol. 154. P. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2016.10.001>

LaBounty J., Wellman H.M., Olson S. et al. Mothers' and fathers' use of internal state talk with their young children // *Social Development*. 2008. Vol. 17, iss. 4. P. 757–775. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2007.00450.x>

Meissner C.A., Brigham J.C. Thirty years of investigating the own-race bias in memory for faces: A meta-analytic review // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2001. Vol. 7, iss. 1. P. 3–35. DOI: <https://doi.org/10.1037/1076-8971.7.1.3>

Meltzoff A.N., Moore M.K. Newborn infants imitate adult facial gestures // *Child development*. 1983. Vol. 54, no. 3. P. 702–709. DOI: <https://doi.org/10.2307/1130058>

Peterson C., Slaughter V. Opening windows into the mind: Mothers' preferences for mental state explanations and children's theory of mind // *Cognitive Development*. 2003. Vol. 18, iss. 3. P. 399–429. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0885-2014\(03\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0885-2014(03)00041-8)

Picci G., Scherf K.S. From caregivers to peers: puberty shapes human face perception // *Psychological Science*. 2016. Vol. 27, iss. 11. P. 1461–1473. DOI: <https://doi.org/10.1177/09567976166663142>

Ruffman T., Slade L., Crowe E. The relation between children's and mothers' mental state language and theory-of-mind understanding // *Child development*. 2002. Vol. 73, iss. 3. P. 734–751. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00435>

Sternglanz R.W., DePaulo B.M. Reading nonverbal cues to emotions: The advantages and liabilities of relationship closeness // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2004. Vol. 28, iss. 4. P. 245–266. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10919-004-4158-7>

Van der Meulen A., Roerig S., de Ruyter D. et al. A comparison of children's ability to read children's and adults' mental states in an adaptation of the reading the mind in the eyes task // *Frontiers in psychology*. 2017. Vol. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00594/full> (accessed: 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00594>

Weimer A.A., Sallquist J., Bolnick R.R. Young children's emotion comprehension and theory of mind understanding // *Early Education & Development*. 2012. Vol. 23, iss. 3. P. 280–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/10409289.2010.517694>

Получено 31.10.2019

References

Anastasi, J.S. and Rhodes, M.G. (2005). An own-age bias in face recognition for children and older adults. *Psychologic Bulletin and Review*. . Vol. 12, iss. 6, pp. 1043–1047. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03206441>

Baron-Cohen, S., Leslie, A.M. and Frith, U. (1985). Does the autistic child have a «theory of mind»? *Cognition*. Vol. 21, iss. 1, pp. 37–46. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(85\)90022-8](https://doi.org/10.1016/0010-0277(85)90022-8)

- Bernstein, M.J., Young, S.G. and Hugenberg, K. (2007). The cross-category effect: Mere social categorization is sufficient to elicit an own-group bias in face recognition. *Psychological Science*. Vol. 18, iss. 8, pp. 706–712. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01964.x>
- Campbell, A., Murray, J.E., Atkinson, L. and Ruffman, T. (2015). Face age and eye gaze influence older adults' emotion recognition. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 72, iss. 4, pp. 633–636. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv114>
- Chronaki, G., Hadwin, J.A., Garner, M. et al. (2015). The development of emotion recognition from facial expressions and non-linguistic vocalizations during childhood. *British Journal of Developmental Psychology*. Vol. 33, iss. 2, pp. 218–236. DOI: <https://doi.org/10.1111/bjdp.12075>
- Dennett, D. (1987). *The Intentional Stance*. Cambridge, MA: MIT Press, 400 p.
- De Sonneville, L.M.J., Verschoor, C.A., Njokiktjien, C., et al. (2002). Facial identity and facial emotions: speed, accuracy, and processing strategies in children and adults. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. Vol. 24, no. 2, pp. 200–213. DOI: <https://doi.org/10.1076/jcen.24.2.200.989>
- Doan, S.N. and Wang, Q. (2010). Maternal discussions of mental states and behaviors: Relations to emotion situation knowledge in European American and immigrant Chinese children. *Child Development*. Vol. 81, iss. 5, pp. 1490–1503. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01487.x>
- Ekman, P. (2010). *Psikhologiya emotsiy, per. s angl.* [Emotions revealed: recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life, trans. from Eng.]. Saint Petersburg: Peter Publ., 336 p.
- Flavell, J.H. (2000). Development of children's knowledge about the mental world. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 24, iss. 1, pp. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/016502500383421>
- Fölster, M., Hess, U. and Werheid, K. (2014). Facial age affects emotional expression decoding. *Frontiers in Psychology*. Vol. 5. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00030/full> (accessed 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00030>
- Gao, X. and Maurer, D. (2010). A happy story: Developmental changes in children's sensitivity to facial expressions of varying intensities. *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 107, iss. 2, pp. 67–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2010.05.003>
- Grazzani, I., Ornaghi, V., Conte, E. et al. (2018). The relation between emotion understanding and theory of mind in children aged 3 to 8: The key role of language. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00724/full> (accessed 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00724>
- Griffiths, S., Penton-Voak, I.S., Jarrold, C. and Munafò, M.R. (2015). No own-age advantage in children's recognition of emotion on prototypical faces of different ages. *PLOS ONE*. Vol. 10, iss. 6. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0125256>. (accessed 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0125256>
- Hachaturova, A.V. and Sergienko, E.A. (2009). *Stanovlenie modeli psikhicheskogo v usloviyakh semeynoy deprivatsii* [Formation of theory of mind in conditions of family deprivation]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 6, no. 2, pp. 161–172.
- Harris, P.L., Johnson, C.N., Hutton, D. et al. (1989). Young children's theory of mind and emotion. *Cognition and Emotion*. Vol. 3, iss. 4, pp. 379–400. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699938908412713>
- Herba, C. and Phillips, M. (2004). Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: Behavioral and neurological perspectives. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 45, iss. 7, pp. 1185–1198. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2004.00316.x>
- Hills, P.J. and Lewis, M.B. (2011). Rapid communication: the own-age faces recognition bias in children and adults. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 64, iss. 1, pp. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/17470218.2010.537926>
- Houstis, O. and Kiliaridis, S. (2009). Gender and age differences in facial expressions. *European Journal of Orthodontics*. Vol. 31, iss. 5, pp. 459–466 DOI: <https://doi.org/10.1093/ejo/cjp019>
- Koval, Yu.B. and Labunskaya, V.A. (2014). *Vliyanie genderno-voznrastnykh kharakteristik modeley litsevoy ekspressii na uspešnost' ikh raspoznaniya doshkol'nikami* [The influence of gender-age characteristics of facial expression models on the success of their recognition by preschoolers]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik* [North Caucasian Psychological Bulletin]. Vol. 12, no. 1, pp. 27–33.
- Kuhnert, R.L., Begeer, S., Fink, E. and de Rosnay, M. (2017). Gender-differentiated effects of theory of mind, emotion understanding, and social preference on prosocial behavior development: A longitudinal study. *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 154, pp. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2016.10.001>
- LaBounty, J., Wellman, H.M., Olson, S. et al. (2008). Mothers and fathers use of internal state talk

with their young children. *Social Development*. Vol. 17, iss. 4, pp. 757–775. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2007.00450.x>

Listik E.M. (2008). *Issledovanie razvitiya sposobnosti k raspoznavaniyu emociy po vyrazheniyu litsa u detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [A study of the development of the ability to recognize emotions by facial expression in children of preschool age]. *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»* [Vestnik of Moscow City University. Series «Pedagogy and Psychology»]. No. 2, pp. 68–81.

Meissner, C.A. and Brigham, J.C. (2001). Thirty years of investigating the own-race bias in memory for faces: A meta-analytic review. *Psychology, Public Policy, and Law*. Vol. 7, iss. 1, pp. 3–35. DOI: <https://doi.org/10.1037//1076-8971.7.1.3>

Meltzoff, A.N. and Moore, M.K. (1983). Newborn infants imitate adult facial gestures. *Child Development*. Vol. 54, no. 3, pp. 702–709. DOI: <https://doi.org/10.2307/1130058>

Peterson, C. and Slaughter, V. (2003). Opening windows into the mind: Mothers' preferences for mental state explanations and children's theory of mind. *Cognitive Development*. Vol. 18, iss. 3, pp. 399–429. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0885-2014\(03\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0885-2014(03)00041-8)

Picci, G. and Scherf, K.S. (2016). From caregivers to peers: puberty shapes human face perception. *Psychological Science*. Vol. 27, iss. 11, pp. 1461–1473. DOI: <https://doi.org/10.1177/09567976166663142>

Prusakova, O.A. and Sergienko, E.A. (2006). *Ponimanie emotsiy det'mi doshkol'nogo vozrasta*

[Emotion sensing by preschool children]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 24–36.

Ruffman, T., Slade, L. and Crowe, E. (2002). The relation between children's and mothers' mental state language and theory-of-mind understanding. *Child Development*. Vol. 73, iss. 3, pp. 734–751. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00435>

Sergienko, E.A., Lebedeva, E.I. and Prusakova, O.A. (2009). *Model' psikhicheskogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of mind in human ontogenesis]. Moscow: IP RAS Publ., 415 p.

Sternglanz, R.W. and DePaulo, B.M. (2004). Reading nonverbal cues to emotions: The advantages and liabilities of relationship closeness. *Journal of Nonverbal Behavior*. Vol. 28, iss. 4, pp. 245–266. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10919-004-4158-7>

Van der Meulen, A., Roerig, S., de Ruyter, D. et al. (2017). A comparison of children's ability to read children's and adults' mental states in an adaptation of the reading the mind in the eyes task. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00594/full> (accessed 15.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00594>

Weimer, A.A., Sallquist, J. and Bolnick, R.R. (2012). Young children's emotion comprehension and theory of mind understanding. *Early Education and Development*. Vol. 23, iss. 3, pp. 280–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/10409289.2010.517694>

Received 31.10.2019

Об авторе

Лебедева Евгения Игоревна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
психологии развития субъекта в нормальных
и посттравматических условиях

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-8273>

About the author

Evgeniya I. Lebedeva

Ph.D. in Psychology, Senior Researcher
of the Laboratory of Developmental Psychology
of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaia st., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-8273>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лебедева Е.И. Распознавание детьми 3–5 лет эмоциональной лицевой экспрессии людей разного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 575–585. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-575-585](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-575-585)

For citation:

Lebedeva E.I. [Recognition by children of 3–5 years of emotional face expression of people of different age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 575–585 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-575-585](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-575-585)

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-586-593

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА*

Королева Наталья Александровна, Уланова Анна Юрьевна

Институт психологии Российской академии наук

Статья посвящена проблеме соотношения понимания психического мира (подход «модели психического») и символических функций в дошкольном возрасте. И символические функции и модель психического основаны на способности к ментальной репрезентации, что позволяет различать реальность и внутренние представления, а также управлять ими и планировать свое поведение. Представлены результаты исследования роли возрастной специфики в развитии отдельных аспектов символических функций и их соотношение с моделью психического на разных этапах развития. Символические функции рассматриваются в трех основных видах деятельности дошкольников: символическая игра, рисование и коммуникация. Для каждого их видов деятельности были разработаны и апробированы методики, позволяющие дать комплексную оценку этих способностей у детей от 3 до 6 лет. Анализ результатов, полученных на выборке 110 респондентов, показывает наличие различий между показателями развития символических функций в разных видах деятельности у групп с различным уровнем модели психического. Показано увеличение количества связей между моделью психического и символическими функциями в шестилетнем возрасте. Наибольшее количество связей обнаружено при оценке понимания неверного мнения — ключевого маркера, свидетельствующего о становлении модели психического. Также была обнаружена тенденция более позднего включения модели психического в понимание символических средств, чем в их использование. Полученные данные позволяют объединить ранее разрозненные представления о проявлении символической функции в разных видах деятельности и представить специфику их изменений при переходе от низкого к высокому уровню модели психического.

Ключевые слова: модель психического, понимание неверных мнений, символические функции, игра, рисование, коммуникация, дошкольный возраст.

THEORY OF MIND AND SYMBOLIC FUNCTIONS IN DIFFERENT ACTIVITIES OF PRESCHOOLERS: AGE SPECIFICITY

Natalya A. Koroleva, Anna Yu. Ulanova

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

The article deals with the problem of correlation between the mental world understanding (the approach of the «theory of mind») and symbolic functions in preschool age. Both symbolic functions and the theory of mind are based on the capacity for mental representation, necessary to separate reality from internal representations, as well as to manage them and to plan one's own behavior. This paper presents the results of research on age specificity in the development of individual aspects of symbolic functions and their relationship with the theory of mind at different stages of development. Symbolic functions are studied in three main types of preschoolers' activities: pretend play, drawing and communication. We developed and tested methods for each of the activities, which allowed us to give a comprehensive assessment

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00068.

of the corresponding abilities in children aged from 3 to 6 years old. The analysis was conducted on a sample of 110 respondents. The results showed differences between indicators of the symbolic functions development in different types of activities in groups characterized by different levels of the theory of mind. The number of connections between the theory of mind and indicators of the symbolic functions development increases at the age of six. The greatest number of connections was found when assessing the understanding of false belief, which is a key marker of the theory of mind. We also found a tendency to later incorporation of the theory of mind into the understanding of symbolic means than into the use. In general, the data allows us to combine previously scattered ideas about the manifestation of symbolic functions in different types of activities and present the specificity of their changes during the development from a low to a high level of the theory of mind.

Keywords: theory of mind, false belief, symbolic functions, game, drawing, communication, preschool age.

Одной из острых проблем психологии в настоящий момент является роль символических функций в психическом развитии. В современных исследованиях этот вопрос рассматривается исходя из двух основных теорий: культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и теории Ж. Пиаже. Если согласно первой из них символические функции понимаются как необходимая основа психического развития, то согласно второй — как ожидаемое когнитивное достижение [Выготский Л.С., 1984; Пиаже Ж., 1969].

Современные исследования не позволяют подтвердить либо опровергнуть ни одну из этих теорий. Одним из перспективных направлений исследований этой проблемы является рассмотрение развития символических функций в контексте модели психического (Theory of Mind). Под моделью психического понимается система ментальных репрезентаций различных аспектов психического (знания, намеренья, желания и др.), что выступает в качестве основного механизма социализации [Сергиенко Е.А. и др., 2009].

Актуальность исследования символических функций именно в этом направлении обусловлена наличием ряда сходств в развитии этих способностей. И символические функции и модель психического основаны на способности к ментальной репрезентации, позволяют различать реальность и внутренние представления, управлять ими и на их основе планировать свое поведение [Lillard A.S. et al., 2013]. Обе способности интенсивно развиваются в дошкольном возрасте.

Развитие символических функций происходит в трех основных направлениях: в процессе игры, рисования и использования речи. Большая часть исследований о взаимосвязи в развитии

модели психического и символических функций сосредоточена вокруг детской символической игры (pretend play). Именно в этом виде детской активности наблюдается применение навыков репрезентации, имеющих важное значение и для модели психического: общей способности ментально моделировать реальность, использования двойственности представлений (воображаемое и реальное) и обозначения одного предмета посредством другого. При этом игра является одним из наиболее ранних проявлений символических функций и позволяет детям использовать ряд когнитивных навыков, которые оказываются им недоступны вне игровой ситуации, что может способствовать и облегчению понимания ментальных состояний [Lillard A.S., 1998; Lillard A.S. et al., 2013].

Результаты этих исследований обнаруживают отдельные корреляции между различными аспектами модели психического (понимание неверных мнений, визуальной перспективы, различие видимого и реального) и показателями уровня развития игры (частота участия в игре, уровень замещения, приписывание ролей). Однако они не позволяют ответить на вопрос о направленности выявленных связей и исключить возможное влияние опосредующих факторов [Astington J.W., Jenkins J.M., 1995; Keskin B., 2005; Nielsen M., Dissanayake C., 2000].

Развитие символических функций также осуществляется в процессе рисования. Как и в случае с игрой и речью, данные современных исследований обнаруживают связь этого вида деятельности с уровнем развития модели психического. При этом большинство работ сосредоточено на коммуникативном аспекте рисования — идентификации изображений. В этих работах показана важная роль учета ментальных состояний художника для распознавания изоб-

ражения [Freeman N.H., Sanger D., 1995; Bloom P., Markson L., 1998; Browne C.A., Woolley J.D., 2001]. Связь модели психического с экспрессивным аспектом практически не исследована. В работах, посвященных игре дошкольников, напротив, отдельно не рассматривается понимание детьми игры своих сверстников.

Освоение языка в раннем детстве также подразумевает развитие символической функции, так как по самой своей основе он предполагает использование символических знаков, необходимых для обмена информацией и установления понимания. При этом язык является одним из основных способов передачи информации о мыслях, намерениях, желаниях и других ментальных состояниях и, в свою очередь, опирается на способность к репрезентации этих состояний. В исследованиях показана взаимосвязь развития модели психического и языковой модели [Why language matters..., 2005], а также социальной и коммуникативной компетенции [Theory of mind..., 2016.]. Ранее нами также были получены данные о связи коммуникативной успешности и модели психического в дошкольном возрасте [Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А., 2015].

Анализ литературных данных свидетельствует о том, что по сравнению с моделью психического развитие символических функций рассматривается отдельно в разных типах деятельности. При этом для оценки уровня развития модели психического используются задачи, направленные на различные аспекты понимания психического, что делает данные несопоставимыми и может объяснять противоречивость результатов отдельных исследований.

В своем исследовании мы постарались устранить эти методические недостатки, охватив основные проявления символических функций в дошкольном возрасте (игра, рисование и коммуникация), уделив внимание двум основным аспектам (понимание и использование символических средств в каждом из видов деятельности) и сопоставив их с успешностью решения определенного типа задач на модель психического и общим уровнем ее развития.

Участники и методы исследования

Исследование проводилось на двух независимых выборках:

1) 60 детей в возрасте 3–6 лет были исследованы на предмет развития использования и понимания символических средств в игре и рисовании (выборка включала численно равные подгруппы детей 3–4 и 5–6 лет);

2) 50 детей 3–6 лет были исследованы на предмет использования и понимания символических средств при коммуникации со сверстниками (выборка также включала численно равные подгруппы детей 3–4 и 5–6 лет).

Для оценки общего уровня развития модели психического использовался комплекс методик, включающий задачи, охватывающие ключевые компоненты этой способности (понимание эмоций, намерений, знаний и др.). В качестве отдельного показателя модели психического был использован наиболее известный и часто используемый тест на понимание неверных мнений [Wimmer H., Perner J., 1983].

Оценка уровня развития символических функций в рисовании проводилась на основе предметных рисунков и рисунков по рассказу, выполненных респондентами. Аспект «использование символических средств» оценивался исходя из стадии развития рисунка [Luquet G.H., 1927] и уровня схемы. Задание на понимание символических средств предполагало идентификацию детьми неоднозначных рисунков своих сверстников. Оценка определялась исходя из степени близости данного названия замыслу автора [Королева Н.А., Сергиенко Е.А., 2017].

Развитие символических функций в игре оценивалось в рамках игровой ситуации, состоящей из трех действий с предметом-заместителем, которые задавались сюжетом короткого мультфильма. Детей просили поиграть как в предъявленном мультфильме, используя один из представленных наборов предметов. Наборы включали 3 предмета, соответствующие необходимым действиям, и отличались степенью сходства с реальным предметом и функциональными характеристиками. Использование символических средств оценивалось по следующим параметрам: выбор набора и его смена в процессе игры, количество успешных действий, вербализация, имитация сюжета и звуков, точность выполнения действий, символизация действий. Для оценки понимания участников просили распознать 3 действия на видео, которые совершались со сходными по уровню сим-

волической представленности материалами, но в рамках другого сюжета [Королева Н.А., Сергиенко Е.А., 2017].

Проявление символических функций в коммуникации было исследовано в процессе взаимодействия двух детей, где один из участников выступал рассказчиком историй о ментальной и физической причинности событий, а другой — слушателем. Использование символических средств (т.е. детальность и комплексность описания) оценивалось с помощью критериев информативности текста, а понимание символических средств (понимание основного смысла описываемых реципиентом событий) — с помощью уточняющих вопросов [Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А., 2015].

Результаты исследования:

Первый этап анализа данных предполагал поиск различий между контрастными группами по двум выделенным параметрам: понимание и использование символических средств. С этой целью сравнению подлежали показатели группы детей с низким уровнем (первый квартиль) и высоким уровнем модели психического (последний квартиль). Анализ проводился по каждому из изучаемых видов деятельности посредством сравнения общего показателя модели психического. Средние значения при оценке различных видов деятельности у групп с низким и высоким уровнем модели психического представлены на рис. 1 и 2.

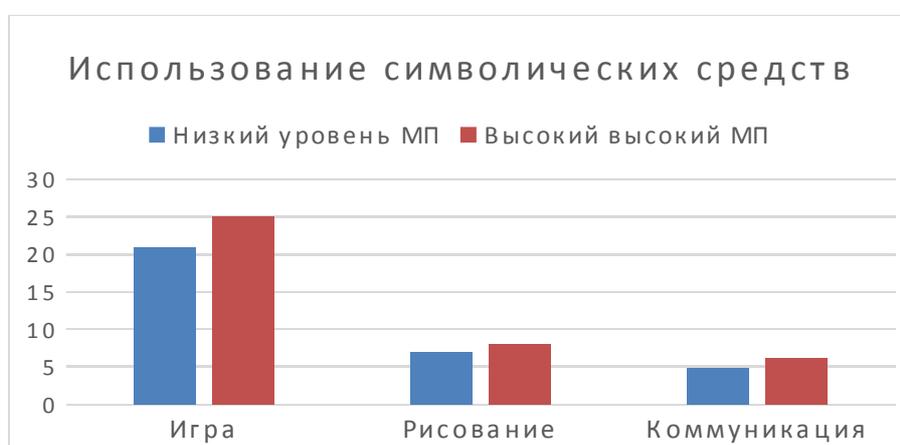

Рис. 1. Средние показатели при оценке использования символических средств в разных видах деятельности у групп детей с низким и высоким уровнем модели психического (МП)

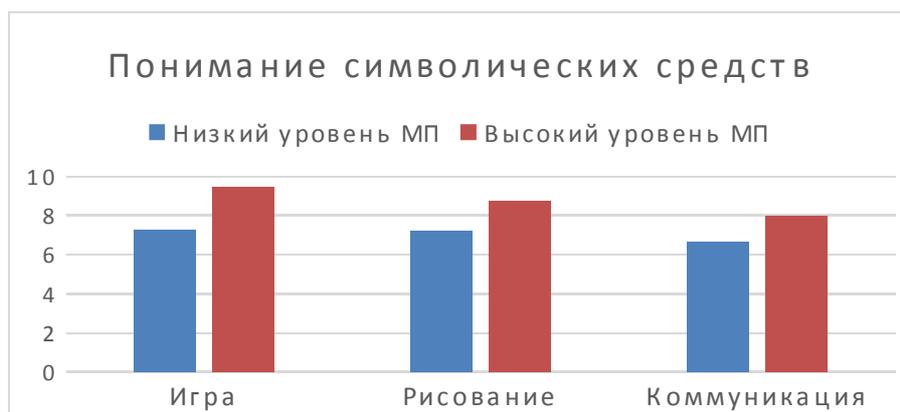

Рис. 2. Средние показатели при оценке понимания символических средств в разных видах деятельности у групп детей с низким и высоким уровнем модели психического (МП)

Диаграммы демонстрируют увеличение средних значений при переходе от низкого уровня модели психического к высокому по всем выделенным параметрам. Статистический анализ с использованием критерия Манна–Уитни показал достоверные различия во всех случаях сравнения, кроме использования символических средств в рисовании. Это позволяет нам говорить о существовании динамики увеличения уровня успешности решения задач в разных видах деятельности при переходе от низкого уровня модели психического к высокому [Королева Н.А., Уланова А.Ю., 2018].

Второй этап анализа данных предполагал оценку возрастной специфики в игре, рисовании и коммуникации в контексте развития понимания психических состояний. Для этого соотношение показателей модели психического и символических функций рассматривалось изолированно в двух возрастных группах: 4 года и 6 лет. В качестве показателей развития модели психического были использованы общий показатель и отдельно взятая задача на понимание неверных мнений. Результаты представлены в таблице.

Взаимосвязь между пониманием неверных мнений, общим показателем модели психического и развитием символических функций у детей 4 и 6 лет

		Использование символических средств			Понимание символических средств		
		Игра	Рисование	Коммуникация	Игра	Рисование	Коммуникация
4 года	Модель психического (общий показатель)	0,083 (p = 0,661)	0,439* (p < 0,01)	0,484* (p = 0,014)	0,09 (p = 0,634)	0,147 (p = 0,43)	0,109 (p = 0,64)
	Понимание неверных мнений	-0,066 (p = 0,731)	0,283 (p = 0,129)	-0,06 (p = 0,977)	0,152 (p = 0,421)	0,30 (p = 0,873)	0,067 (p = 0,772)
6 лет	Модель психического (общий показатель)	0,083 (p = 0,661)	0,436* (p < 0,01)	-0,306 (0,137)	0,294 (p = 0,115)	0,314* (p < 0,01)	0,327 (0,159)
	Понимание неверных мнений	0,36 (p = 0,849)	0,518* (p = 0,003)	-0,176 (p = 0,400)	0,394* (p = 0,031)	0,331* (p = 0,074)	0,581* (p = 0,007)

Результаты корреляционного анализа показывают наличие фрагментарных связей между моделью психического и показателями развития символических функций при рисовании и коммуникации в 4 года и увеличение их количества в шестилетнем возрасте.

Наибольшее количество связей обнаружено при изучении символических функций на материале рисования. В отличие от игры и коммуникации, где использование автором символических средств и их понимание реципиентом происходит в настоящем времени при непосредственном взаимодействии, в ситуации рисования агент и реципиент взаимодействуют только с изображением. В литературе отмечается, что детский рисунок уже на ранних этапах своего развития включает коммуникативный аспект — дети используют рисование как средство передачи сообщения, стремясь сделать его понятным [Luquet G.H., 1927]. Выделяют две стратегии исследования распознавания изображений: реалистичную (интерпретация изображения по внешним признакам) и интенциональную (интерпре-

тация с опорой на представления о намерениях автора). При этом в случае интерпретации неоднозначных изображений, какими являются детские рисунки, наиболее успешной представляется именно интенциональная. Таким образом, и при использовании и при понимании символических средств в рисовании ввиду отсутствия прямого взаимодействия агент–реципиент возникает необходимость в анализе ментальных состояний, тогда как в игре и коммуникации могут использоваться дополнительные пояснения значений, что объясняет большее количество связей модели психического с рисованием.

Общий анализ корреляционных связей исследуемых способностей показывает более позднее включение модели психического в понимание символических средств, чем в использование. Согласно данным исследований, модель психического развивается нелинейно. В период с 4 до 6 лет происходят качественные изменения в организации ее отдельных компонентов. Если у 4-летних отдельные аспекты понимания ментального мира развиты фрагментарно

и слабо связаны друг с другом, то в 6 лет наблюдается их высокая согласованность и модель психического становится ситуативно независимой [Сергиенко Е.А. и др., 2009]. Тест на понимание неверных мнений является одним из ключевых маркеров, свидетельствующих о становлении модели психического. Именно с успешностью решения этой задачи связаны корреляции показателей понимания символических средств во всех видах деятельности. Вероятно, понимание символических средств в условиях их неоднозначности является более сложной задачей и требует более высокого уровня компетенции в понимании феноменов психического. Это согласуется с данными других исследований, отмечающих наличие трудностей у детей дошкольного возраста в понимании связей между ментальными состояниями и продуктами символической деятельности, когда нет четкого указания на намерение автора [Bloom P., Markson L., 1998; Ganea P.A. et al., 2004; Lillard A.S., 2001].

Наиболее ярко это наблюдается в рисовании и подкрепляется наличием корреляции не только с тестом «Неверные мнения», но и с общим показателем уровня развития модели психического. При отсутствии прямого субъект-субъектного взаимодействия для правильного распознавания неоднозначного изображения ребенку требуется не только учесть намерения художника нарисовать что-то определенное, но и приписать сначала изображение гипотетическому автору, являющемуся носителем этих ментальных состояний, который непосредственно не включен в ситуацию. Такая задача требует интерпретации ментальных состояний вне ситуативного контекста, что соответствует уровню наивного субъекта, и становится доступна детям только в старшем дошкольном возрасте [Сергиенко Е.А. и др., 2009].

Выявленные корреляции также указывают на то, что и использование символических средств в рисовании способствует актуализации способности модели психического на протяжении всего дошкольного возраста. При этом с возрастом связь укрепляется, тогда как использование символических средств в коммуникации связано только с общим показателем модели психического у детей 3–4 лет. Связей игры и коммуникации для аспекта «использование» с моделью психического у детей 5–6 лет не обнаружено.

В целом результаты исследования подтверждают имеющиеся в литературе данные о взаимообусловленности развития модели психического и символической функции. Кроме того, полученные данные позволяют объединить ранее разрозненные представления о проявлении символической функции в разных видах деятельности и представить специфику их изменений при переходе от низкого к высокому уровню модели психического.

Список литературы

- Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
- Королева Н.А., Сергиенко Е.А.* Генезис соотношения модели психического и символических функций в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1408-koroleva52.html> (дата обращения: 23.07.2019).
- Королева Н.А., Уланова А.Ю.* Модель психического и символические функции в разных видах деятельности у детей 3–6 лет // Психология состояния человека: актуальные и прикладные проблемы: материалы Третьей Междунар. науч. конференции (Казань, 8–10 ноября 2018 г.). Казань, 2018. С. 258–261.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
- Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 415 с.
- Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 60–72.
- Astington J.W., Jenkins J.M.* Theory of mind development and social understanding // *Cognition & Emotion*. 1995. Vol. 9, iss. 2–3. P. 151–165. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699939508409006>
- Bloom P., Markson L.* Intention and analogy in children's naming of pictorial representations // *Psychological Science*. 1998. Vol. 9, iss. 3. P. 200–204. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00038>
- Browne C.A., Woolley J.D.* Theory of mind in children's naming of drawings // *Journal of Cognition and Development*. 2001. Vol. 2, iss. 4. P. 389–412. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327647jcd0204_3
- Freeman N.H., Sanger D.* Commonsense aesthetics of rural children // *Visual Arts Research*. 1995. Vol. 21(2). P. 1–10.
- Ganea P.A., Lillard A.S., Turkheimer E.* Preschooler's understanding of the role of mental states

and action in pretense // *Journal of Cognition and Development*. 2004. Vol. 5, iss. 2. P. 213–238. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327647jcd0502_3

Keskin B. The Relationship Between Theory of Mind, Symbolic Transformations in Pretend Play, and Children's Social Competence: Thesis for PhD. Florida State University database, 2005. URL: <https://fsu.digital.flvc.org/islandora/object/fsu:181494/datastream/PDF/view> (accessed: 23.07.2019).

Lillard A.S., Lemer M., Hopkins E. et al. The impact of pretend play on children's development: A review of the evidence // *Psychological bulletin*. 2013. Vol. 139, no. 1. P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0029321>

Lillard A.S. Pretend play as twin earth: A social-cognitive analysis // *Developmental Review*. 2001. Vol. 21, iss. 4. P. 495–531. DOI: <https://doi.org/10.1006/drev.2001.0532>

Lillard A.S. Playing with a theory of mind // Multiple perspectives on play in early childhood education / ed. by O.N. Saracho, B. Spodek. Albany: SUNY Press, 1998. P. 11–33.

Luquet G.H. Le dessin enfantin. Paris: Alcan, 1927. 260 p.

Nielsen M., Dissanayake C. An investigation of pretend play, mental state terms and false belief understanding: In search of a metarepresentational link // *British Journal of Developmental Psychology*. 2000. Vol. 18, iss. 4. P. 609–624. DOI: <https://doi.org/10.1348/026151000165887>

Theory of mind development in context / ed. by V. Slaughter, M. De Rosnay. London: Routledge, 2016. 182 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315749181>

Wimmer H., Perner J. Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. Vol. 13, iss. 1. P. 103–128. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90004-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90004-5)

Why language matters for theory of mind / ed. by J.W. Astington, J.A. Baird. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195159912.001.0001>

Получено 01.11.2019

References

Astington, J.W. and Jenkins, J.M. (1995). Theory of mind development and social understanding. *Cognition & Emotion*. Vol. 9, iss. 2–3, pp. 151–165. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699939508409006>

Astington, J.W. and Baird, J.A. (eds.) (2005). *Why language matters for theory of mind*. New York:

Oxford University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195159912.001.0001>

Bloom, P. and Markson, L. (1998). Intention and analogy in children's naming of pictorial representations. *Psychological Science*. Vol. 9, iss. 3, pp. 200–204. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00038>

Browne, C.A. and Woolley, J.D. (2001). Theory of mind in children's naming of drawings. *Journal of Cognition and Development*. Vol. 2, iss. 4, pp. 389–412. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327647jcd0204_3

Freeman, N.H. and Sanger, D. (1995). Commonsense aesthetics of rural children. *Visual Arts Research*. Vol. 21(2), pp. 1–10.

Ganea, P.A., Lillard, A.S. and Turkheimer, E. (2004). Preschooler's understanding of the role of mental states and action in pretense. *Journal of Cognition and Development*. Vol. 5, iss. 2, pp. 213–238. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327647jcd0502_3

Keskin, B. (2005). The relationship between theory of mind, symbolic transformations in pretend play, and children's social competence: Abstract of Ph.D. dissertation]. Florida State University database. Available at: <https://fsu.digital.flvc.org/islandora/object/fsu:181494/datastream/PDF/view> (accessed 23.07.2019).

Koroleva, N.A. and Sergienko, E.A. (2017). *Genesis sootnosheniya modeli psikhicheskogo i simvolicheskikh funktsiy v doshkol'nom vozraste* [Genesis of the relation between the theory of mind and symbolic functions of preschoolers]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol.10, no. 52, Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1408-koroleva52.html> (accessed 23.07.2019).

Koroleva, N.A. and Ulanova, A.Yu. (2018). *Model' psikhicheskogo i simvolicheskikh funktsiy v raznykh vidakh deyatel'nosti u detey 3–6 let* [Theory of mind and symbolic functions in different kinds of activity in children 3–6 years]. *Tret'ya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Psikhologiya sostoyaniy cheloveka: aktual'nye i prikladnye problemy»* [3rd International Scientific Conference «Psychology of Human Conditions: Actual Theoretical and Applied Problems»]. Kazan, pp. 258–261.

Lillard, A.S., Lemer, M., Hopkins, E. et al. (2013). The impact of pretend play on children's development: A review of the evidence. *Psychological bulletin*. Vol. 139, no. 1, pp. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0029321>

Lillard, A.S. (1998). Playing with a theory of mind. *Multiple perspectives on play in early childhood education*, ed. by O.N. Saracho, B. Spodek. Albany: SUNY Press, pp. 11–33.

Lillard, A.S. (2001). Pretend play as twin earth: A social-cognitive analysis. *Developmental Review*. Vol. 21, iss. 4, pp. 495–531. DOI: <https://doi.org/10.1006/drev.2001.0532>

Luquet, G.H. (1927). *Le dessin enfantin* [Children's drawings]. Paris: Alcan Publ., 260 p.

Nielsen, M. and Dissanayake, C. (2000). An investigation of pretend play, mental state terms and false belief understanding: In search of a metarepresentational link. *British Journal of Developmental Psychology*. Vol. 18, iss. 4, pp. 609–624. DOI: <https://doi.org/10.1348/026151000165887>

Piaget, J. (1969). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Prosveschenie Publ., 659 p.

Sergienko, E.A., Lebedeva, E.I. and Prusakova, O.A. (2009). *Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i drugogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of mind as the basis of an understanding of self and other in the ontogenesis of man]. Moscow: IP RAS Publ., 415 p.

Slaughter, V. and De Rosnay, M. (eds.) (2016). *Theory of mind development in context*. London: Routledge Publ., 182 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315749181>

Ulanova, A.Yu. and Sergienko, E.A. (2015). *Informatsionnaya uspeshnost' kommunikatsii na raznykh etapakh razvitiya modeli psikhicheskogo* [Informational success of communication at different stages of theory of mind development]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 8, no. 1, pp. 60–72.

Vygotsky, L.S. (1984). *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 6. 400 p.

Wimmer, H. and Perner, J. (1983). Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception. *Cognition*. Vol. 13, iss. 1, pp. 103–128. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90004-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90004-5)

Received 01.11.2019

Об авторах

Королева Наталья Александровна

аспирант, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях

Институт психологии Российской академии наук, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: koroleava.n@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0765-6160>

Уланова Анна Юрьевна

кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях

Институт психологии Российской академии наук, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: rachugina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>

About the authors

Natalya A. Koroleva

Ph.D. Student, Researcher of the Laboratory of Developmental Psychology of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
13, Yaroslavskaia st., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: koroleava.n@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0765-6160>

Anna Yu. Ulanova

Ph.D. in Psychology, Researcher of the Laboratory of Developmental Psychology of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
13, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: rachugina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Королева Н.А., Уланова А.Ю. Модель психического и символические функции в разных видах деятельности: возрастная специфика // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 586–593. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-586-593](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-586-593)

For citation:

Koroleva N.A., Ulanova A.Yu. [Theory of mind and symbolic functions in different activities of preschoolers: age specificity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 586–593 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-586-593](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-586-593)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.44(470.342)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-594-609

**ЖИЛИЩНОЕ НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРЕХ
ГОРОДОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)****Старикова Мария Михайловна, Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна**Вятский государственный университет*

Недвижимое имущество в современную эпоху ценностей потребления можно рассматривать как адекватный маркер позиции индивида в социальной иерархии. В то же время жилье как благо имеет ряд характеристик, которые могут трактоваться с позиции престижа и субъективных оценок комфорта и качества. Поэтому актуально определить и охарактеризовать жилищные кластеры населения по их типичным практикам распоряжения недвижимостью, выявить соотношение социально-экономического и жилищного статуса горожан. Эмпирической базой исследования послужили результаты полужформализованного опроса горожан, проведенные в 2018 г. в трех городах Кировской области: Кирове, Вятских Полянах и Кирово-Чепецке. Представлены авторская классификация, социологические «портреты» основных жилищных страт горожан, оценки их наполненности в городах разного масштаба. Факторами формирования жилищного статуса выступают дефицитные ресурсы как самого жилья (полезная площадь, новизна, показатели комфорта), так и жильцов (возможности инвестиций в жилье, уровень образования и мобильности). Наиболее ресурсным можно считать население регионального центра области, поскольку почти половина горожан имеет жилищный статус выше базового и сбалансированное соотношение экономических, жилищных и социокультурных ресурсов. Размер города влияет на престижность микрорайонов, наличие показателей комфорта жилья и наполненность жилищных кластеров. В городах районного масштаба близость к центру практически не влияет на качество и престиж жилья. Для представителей наиболее успешных жилищных кластеров характерна социальная закрытость. Образовательный, экономический и жилищный статусы во всех кластерах чаще всего напрямую коррелируют друг с другом.

Ключевые слова: жилищная стратификация, жилищный кластер, социальный класс, типы жилья, жилищное неравенство, качество жилья.

**HOUSING INEQUALITY OF THE POPULATION
AS A REFLECTION OF SOCIAL STRATIFICATION
(A CASE STUDY OF THREE CITIES IN THE KIROV REGION)***Maria M. Starikova, Elvira V. Bushkova-Shiklina**Vyatka State University*

Today, in the heyday of consumption and materialistic values, real estate can be seen as an adequate marker of an individual's position in the social hierarchy. At the same time, housing as the good has a number of

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00627 «Особенности жилищного неравенства в современных российских городах».

characteristics that can be interpreted in terms of prestige and subjective assessments of comfort and quality. Therefore, it was important for us to identify and characterize housing clusters of the population according to the typical practices of administering and using real estate and to determine the correlation between the socio-economic and housing status of citizens. The empirical base of the study was the results of a semi-formalized survey of citizens conducted in 2018 in three cities/towns of the Kirov region: Kirov, Vyatskiye Polyany and Kirovo-Chepetsk. The paper presents the author's classification, sociological «portraits» of the main housing strata of the townspeople and estimates of their fullness in towns of different size. Factors in the formation of the housing status include scarce resources both of housing itself (living space, novelty, comfort indicators) and of residents (housing investment opportunities, education and mobility levels). The regional center can be considered the most successful in terms of the housing subjectivity of the population, since almost half of the citizens have a housing status above the basic and demonstrate a balanced ratio of economic, housing and socio-cultural resources. The size of the city affects the prestige of districts, the availability of housing comfort indicators and the fullness of housing clusters. In smaller towns, proximity to the center does not practically affect the quality and prestige of housing. Representatives of the most successful housing clusters are characterized by social reservedness. Normally, the educational, economic and housing status in all clusters directly correlate with each other.

Keywords: housing stratification, housing cluster, social class, types of housing, housing inequality, housing quality.

Введение

Жилищный фонд большинства городов постоянно развивается: происходит обновление и поддержание состояния имеющегося жилья, порой его деградация и разрушение, возведение нового. В городах районы массовой застройки жилья экономического класса и точечная застройка элитных домов свидетельствуют об усилении и кристаллизации жилищного неравенства. Неравенство формирует диспропорции доступности и качества жилищных удобств для разных слоев населения и закрепляет привычные стратегии и практики обустройства. Новые объекты жилого строительства вбирают в себя достижения современных технологий и могут «баловать» жильцов дополнительными удобствами. Однако «новостройки» массово располагаются по окраинам городов и точечно — в центре. Центр городов уже плотно застроен «возрастными» домами, которым требуется капитальный ремонт. Поддержание технического состояния дома зависит от усилий властей, обслуживающих организаций, но во многом определяется активностью и статусом самих жильцов. Поэтому структура и особенности жилищных страт горожан играют немаловажную роль в развитии жилищного фонда.

Жилье входит в число базовых ценностей и потребностей человека и в большинстве обществ отражает социальный статус личности. Следуя понятиям социальной стратификации, в жилищной иерархии городского населения

можно условно выделить три класса: высший, средний и низший. Как отмечает Г. Маршалл, профессор Оксфордского университета, «в настоящее время классовый анализ, вероятно, более жизнеспособен, чем когда-либо в его долгой социологической истории. Макроструктурные классовые разделения конкретизируются в социальных ресурсах и жизненных шансах, вытекающих из исторически складывающихся специфических гражданских, рыночных и трудовых ситуаций, в которые включаются индивиды» [Шкаратан О.И., Ястребов Г.А., 2007, с. 5; Marshall G., 1997]. Такое деление может быть весьма условным, однако с эпистемологической и прикладной точек зрения позволяет выявить наполненность жилищных классов и специфику «взаимоотношений с собственностью» различных слоев населения. Это дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие жилищного фонда, проблемные и престижные участки городов, спрос на те или иные параметры жилья, выявить ресурсность, стратегии обустройства, жилищный менталитет населения. Однако органы статистики сегодня аккумулируют лишь отдельные показатели качества жилого фонда в городах, не отражая неравномерности его состояния внутри территорий и связи с социально-экономическими характеристиками жителей. Таким образом, проблематика исследования жилищной стратификации связана с недостаточностью представлений о территориальном развитии жилищного

фонда городов и связях жилищных и социально-экономических статусов горожан.

Относительно недавно, во времена СССР, «профессиональный и жилищный статусы соотносились друг с другом. Переезды носили скорее вынужденный характер, что соответствовало правилам функционирования системы (расселения и подселения, перевод на новое рабочее место» [Полухина Е.В., 2017, с. 590]. Период существования советской власти многие исследователи связывают со снижением социального неравенства, однако следует отметить, что в указанный период действовали показатели, абсолютно противоположные факторам, функционирующим в рыночной экономике: отмена механизма рыночных цен на недвижимость, централизованное строительство и распределение жилья. Модель «социального жилищного строительства» снижала жилищную сегрегацию. Прекращение социального жилищного строительства по времени совпадает с тем периодом, когда происходит значительное увеличение числа семей с низкими уровнем дохода [Емельянова О.Г., 2015, с. 74]. Накануне реформ 1990-х гг. Россия относилась к государствам с меньшей дифференциацией доходов, чем большинство европейских стран: коэффициент дифференциации (коэффициент фондов) составлял 4,5 раза. Однако уже к 1999 г. неравенство населения России достигло уровня, превосходящего уровень многих стран Запада: коэффициент дифференциации составил 14,1 раз [Россия 2000..., 2001]. Исследования показывают, что такой уровень расслоения достигается главным образом быстрым отрывом самых богатых (10-й дециль) от всех остальных доходных групп. Для стратификационной модели современного российского общества характерна резкая поляризация между высшей и низшей стратой. По данным Росстата, децильный коэффициент неравенства в доходах населения в 2018 г. составлял 15,5 [Бюллетень о текущих тенденциях..., 2018]. Такой разрыв в экономическом положении закономерно сказался на жилищных условиях населения, поскольку с переходом к рыночной экономике социальные гарантии обеспечения жильем остались в прошлом, а доступ к жилищным благам стал зависеть от платежеспособности потребителей.

Среди современных зарубежных исследований стоит отметить работу Д. Зависка, в кото-

рой американская исследовательница представляет свое видение ситуации с жильем в России. Автор пишет, что концепция жилищного порядка постсоветской России состоит в том, что жилье, построенное после 1991 г., доступно только обеспеченным слоям населения (5–10 %), а что касается приватизированного жилья, то вокруг него развернулись родственные обмены, определяемые специфическими полурынковыми отношениями [Zavisca J.R., 2012, p. 79]. По данным опросов Института социологии РАН, «проблема жилищных условий является второй по значимости даже для представителей “среднего” класса (первое место занимает неравенство в доходах, а третье — неравенство в доступе к медицинским услугам)» [Российский средний класс..., 2016]. Нужно учитывать, что для подавляющего большинства покупка даже самого дешевого жилья недоступна без заемных средств. Поэтому многим приходится довольствоваться малым (общежития, съемное жилье), продолжать совместную жизнь с родственниками. Причем длится это чаще всего годами.

Сегодня на формирование жилищных кластеров горожан влияют социальные механизмы отфильтровывания «неподходящих» индивидов и семей и поддержания более гомогенного социального состава жильцов отдельных домов: «высокая стоимость жилья, улучшенная инфраструктура (охрана и видеонаблюдение, найм консьержей и т.п.); высокие коммунальные платежи; статус дома клубного типа; жилищные программы для определенных категорий, например, малоимущих, многодетных семей и др.» [Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л., 2017, с. 60]. Таким образом, жилищные условия можно рассматривать как маркер стратификации населения в городах.

Эмпирическая база исследования

Для формирования представлений о жилищном неравенстве в регионах в 2018 г. нами (авторами статьи) было проведено эмпирическое социологическое исследование в трех городах Кировской области: Кирове, Кирово-Чепецке и Вятских Полянах.

Выбор географии исследования обусловлен логикой сравнения крупных и малых городов и ситуации в трех различных по уровню развития городах: относительном лидере по социально-

экономическим показателям региональном центре г. Кирове и двух самых крупных по численности населения районных городах Кировской области, которые имеют статус моногородов, поэтому жизнь в них во многом зависит от деятельности градообразующего предприятия. При этом в г. Кирово-Чепецке градообразующее предприятие активно функциони-

рует и развивается, а в Вятских Полянах испытывает различного рода трудности (финансовые, технологические и т.п.), что не раз приводило его к банкротству. Экономическая ситуация отражается на жилищном фонде города, что заметно даже по объемам строительства нового жилья за последние десятилетия (табл. 1)

Таблица 1. Объем строительства многоквартирных домов в городах Кировской области по годам [Жилой фонд...]

Год постройки	Число домов			В % от всех домов		
	Киров	Кирово-Чепецк	Вятские Поляны	Киров	Кирово-Чепецк	Вятские Поляны
2010–2018	340	3	2	9,7	0,6	0,8
2000–2009	279	14	5	8,0	2,7	2,1
1990–1999	334	66	28	9,6	12,9	12,0
1980–1989	469	155	50	13,4	30,4	21,4
1970–1979	608	101	48	17,4	19,8	20,5
1960–1969	650	123	58	18,7	24,2	24,8

Основными методами исследования послужили поквартирный полуформализованный опрос жителей и структурированное наблюдение за состоянием жилых домов городов (результаты наблюдения отражены в статье М.М. Стариковой «Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт» [Старикова М.М., 2018а].

В Кирове методом поквартирного формализованного интервью опрошен 541 чел., в Кирово-Чепецке — 198 чел., в Вятских Полянах — 194 чел. Типы застройки изучаемых городов несколько различаются. Спецификой Вятских Полян является тип застройки города — почти половина всех домов представляют собой однодвухэтажные частные дома. В Кирове и Кирово-Чепецке также имеются частные дома в городской черте, однако их доля сопоставительно с количеством с многоквартирных домов незначительна; кроме того, одноэтажные частные дома практически не встречаются в центре и близких к центру микрорайонах, поэтому эти дома почти не попали в выборку.

Выборочная совокупность в каждом городе формировалась по принципу маршрутизированного случайного отбора и репрезентативна для города в целом с 7 %-ной ошибкой выборки для квот по полу, возрасту и району проживания респондентов (рассчитаны в соответствии со статистическими данными по Кировской области)

[Территориальный орган...]. В ходе опроса контролировалось попадание в выборку разных типов жилья (кирпичных, панельных, деревянных домов в соответствии с типом застройки в городе, домов различных периодов застройки). Первоначально города были разделены на микрорайоны для выявления внутренних территориальных контрастов. Официальных границ микрорайонов в изучаемых городах нет, однако они закреплены в сознании жителей и представлены на Google-картах. В Кирове выделено 25 микрорайонов (некоторые для снижения дробления при визуализации укрупнены и слиты в один микрорайон при условии схожести характеристик), в Кирово-Чепецке — 9 микрорайонов, в Вятских Полянах — 8. В каждом микрорайоне после предварительного изучения статистики и техпаспортов домов (сайт Дом. Минжкх) были выделены типичные по году постройки и материалу стен дома, из них случайно отобранные были включены в маршруты интервьюеров [Жилой фонд...]. В каждом многоквартирном доме опрашивались жители 5–6 квартир, в каждой квартире на вопросы отвечал только один респондент, преимущественно владелец или ответственный квартиросъемщик, в случае его отсутствия — любой взрослый член домохозяйства.

Целью данной статьи является оценка наполненности и специфики жилищных страт населения в изучаемых городах Кировской области.

Объектом нашего исследования выступает жилищное неравенство как часть социальной стратификации населения, *предметом* — специфика и наполненность жилищных страт населения в изучаемых городах. При анализе эмпирических данных основное внимание было уделено решению двух задач:

1. Определению типологии горожан регионального и районных центров по принадлежности к жилищным стратам.

2. Описанию социологических «портретов» и наполненности жилищных страт населения изучаемых городов.

Ключевые понятия

Под жилищной стратификацией вслед за Н.Р. Корневым мы понимаем типы жилищ, образующие иерархию на основе их характеристик [Корнев Н.Р., 2005]. Однако понятие жилищной стратификации как многомерное мы рассматриваем в двух основных аспектах: 1. Объектном — через параметры качества самого жилья и окружающей его инфраструктуры; 2. Субъектном — по сопряженности жилищного статуса и самоидентификации респондентов с базовыми шкалами социальной стратификации: уровня доходов, наличия властных полномочий, уровня образования. Жилищный статус определяется через призму позиций горожан в жилищной иерархии: по наличию и размеру жилищной собственности, количеству квадратных метров на каждого проживающего, количеству объектов недвижимости в собственности, инвестициям в жилье и практикам распоряжения им, готовности к жилищной мобильности и планам на дальнейшее развитие [Старикова М.М., 2018b, с. 84].

«Сложности в определении жилищного статуса и оснований для формирования жилищных групп влекут проблему шкал измерения. Существующие шкалы типов жилья и жилищных условий достаточно неконсистентны (выделяют типы жилья по разным признакам — годам постройки, народным названиям (“сталинки”, “хрущевки”), развитости инфраструктуры)» [Мальцева А.В. и др., 2016, с. 34]. В данном исследовании границей условно «старого» и «современного» жилья был выбран 1990 г., после которого во многом поменялись жилищные стандарты. Страна перешла на новый этап развития, активно заработал механизм установле-

ния рыночных цен на недвижимость, практически прекратилось централизованное строительство и распределение жилья, что дало толчок к жилищной сегрегации, в том числе и в качестве строительства новых домов (появились новые статусы домов: экономкласса, бизнес-класса, клубного типа, таунхаусы, элитная застройка). Существующие примеры возведения домов в 1990-е гг. носят бессистемный характер, поскольку плановое жилищное строительство отсутствовало и для решения жилищных проблем использовался вторичный рынок жилья (перепродажа). Возрождение планомерной жилищной политики связано с систематизацией законодательства, принятием ЖК РФ и составлением генеральных планов территориального развития [Жилищный кодекс..., 2017]. Кроме того, дома, построенные до 1990 г., во многом «не дотягивают» до современных стандартов комфорта и качества: у многих, согласно техническим паспортам строительства, к настоящему времени срок эксплуатации закончился или приближается к его окончанию (для панельных пятиэтажек, построенных в СССР, такой срок составлял не более 50 лет), поэтому по объективным показателям дома советской застройки можно считать возрастными. Как отмечают исследователи, отношения между жилищным и социальным классами соотносятся с временем постройки дома. В зависимости от того, когда было получено жилье (в советский период или позже), исследователи П.П. Кротов, Т.С. Лыткина и М. Буравой разделили домовладельцев на «владельцев старого режима» и «владельцев нового режима». Иными словами, тип здания уже предопределяет, какой интерьер ожидать внутри квартир [Кротов П.П. и др., 2003, с. 79].

Обсуждение результатов исследования

Для определения жилищных страт горожан из анкеты, содержащей 73 переменные, было отобрано 18–37 шкал (в зависимости от наличия корреляционных различий между кластерами в городах) и с использованием кластерного анализа методом *k*-средних в каждом городе были выделены 3 группы респондентов, схожие друг с другом по многим признакам (рис. 1).

По результатам анализа характеристик респондентов, входящих в сформированные группы кластеры в каждом городе получили условные названия от наиболее до наименее

успешных в жилищной стратификации. Отметим, что названия и характеристики кластеров определены с учетом наиболее ярких черт представителей и состояния их жилья, однако в каждой группе есть респонденты, не попадающие под эти характеристики, что объединенные в кластер по ряду статистически значимых общих признаков. В ходе опроса не было выявлено отдельной группы высшего жилищного

класса, поскольку наиболее состоятельные граждане оказались труднодоступными, что является общей проблемой социологии. Однако из данных статистики известно, что высший класс составляет незначительную часть любого общества. Жители трущоб и аварийного жилья также слабо представлены в выборке ввиду их малой распространенности и небезопасности общения с ними.

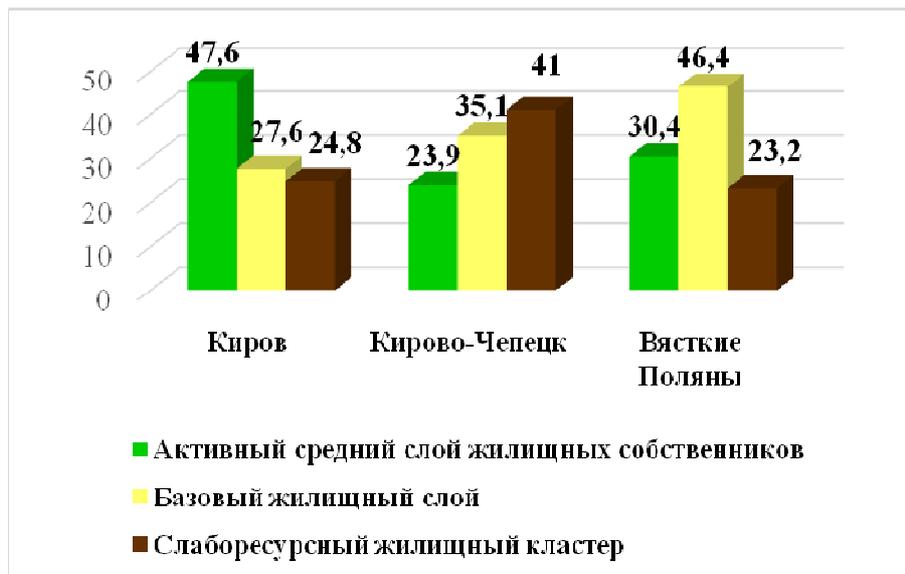

Рис. 1. Распределение жителей городов по жилищным кластерам с позиции ресурсности и обеспеченности комфортным жильем
($N = 923$, кластеризация методом k -средних отдельно по каждому городу, % от опрошенных)

Как видно из рис. 1, в целом по наполненности и соотношению высоко- и низкоресурсных кластеров более резко жилищное неравенство проявляется в районных городах, где доминируют базовый и низший жилищные классы. Региональный центр представлен более мобильными и ресурсными горожанами, что отражается в их жилищной обеспеченности. К сожалению, резкое снижение темпов жилищного строительства в районных городах, высокая миграция наиболее социально активного населения в крупные города, невысокий уровень доходов, удаленность от крупных научных и образовательных центров предопределяют невысокие социальные и жилищные статусы подавляющей массы населения.

Для большей информативности полученных результатов был проведен анализ показателей, раскрывающих характеристики и ресурсы горожан в выделенных кластерах. Чтобы устано-

вить, существует ли статистически значимая связь между анализируемыми параметрами и принадлежностью к кластеру, был использован критерий хи-квадрат Пирсона.

При описании жилищных кластеров горожан мы придерживаемся позиции, высказанной О.И. Шкаратаном, согласно которой индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы, и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социально-экономических отношений, либо как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса») [Шкаратан О.И., 2018, с. 14]. Поэтому мы проверили сопряженность жилищного «достатка» представителей кластеров с их статусной позицией в различных сферах.

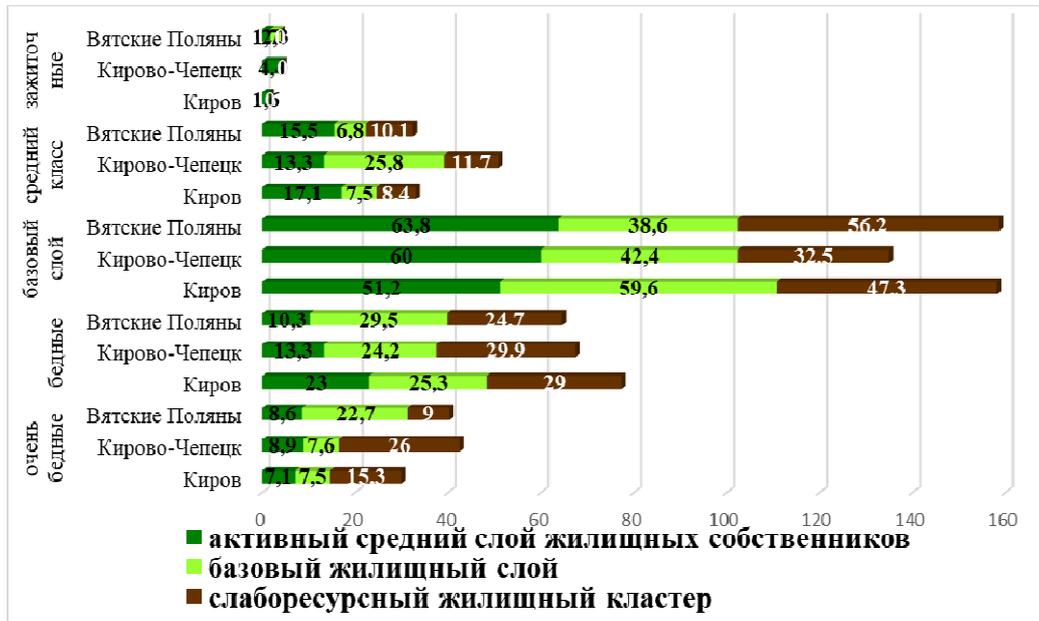

Рис. 2. Размер доходов представителей кластеров (% от представителей кластера)

Обращает на себя внимание корреляция доходов с принадлежностью к кластеру. У ресурсных в жилье горожан выше и доходы, они чаще остальных выбирали ответы «денег хватает на крупные покупки, но приобретение хорошей машины требует накоплений в течение 2–3 лет или долгосрочного кредита» (средний класс) и «можем позволить купить себе хорошую машину или квартиру» (зажиточные, таких ответов практически не было среди представителей базового и слаборесурсного кластера). Среди базового и слаборесурсного кластера намного больше бедных и очень бедных («денег с трудом хватает даже на самое простое: еду, одежду, гигиену»).

Дисперсионный анализ обнаруживает зависимость между доходами и средним размером жилья. Наиболее обеспеченные имеют наибольшую площадь в пересчете на каждого проживающего, далее — базовый слой, средний размер жилой площади которых, в свою очередь, значительно превышает среднюю жилую площадь малоимущих, что подтверждает тенденцию к доминированию экономического фактора в обеспеченности жильем, не столь выраженную в советский период.

Явная зависимость принадлежности к жилищному кластеру от степени износа дома вид-

на на рис. 3, что опять же подчеркивает доминантную роль экономической составляющей в определении качества жилищных условий.

Во всех городах образовательный ресурс респондентов оказался сопряженным с уровнем жилищного благополучия (хи-квадрата Пирсона $\leq 0,05$) (рис. 4).

Горожане с более высоким уровнем образования, как правило, достигают более высокого уровня жилищных благ. Хотя сложно однозначно судить, что является предиктором в данной связи, возможно, стоит учитывать латентное влияние других важных параметров, например, доходов, социального капитала, статуса родителей и др., однако налицо прямая связь между жилищной иерархией и базовыми шкалами социальной стратификации.

Результаты опроса горожан показали, что по базовым шкалам социальной стратификации (доходам и образованию) около трети жителей изучаемых городов относятся к низшему классу, а большинство — к «базовому» слою населения (в терминах Т.И. Заславской — промежуточный между низшим и средним классами) [Заславская Т.И., 1997, с. 8].

Рис. 3. Оценки представителями кластеров степени износа дома, в котором они проживают (% от представителей кластера)

Рис. 4. Уровень образования представителей кластеров (% от представителей кластера)

«Социологические портреты» кластеров

Далее охарактеризуем кластеры и сопоставим жителей городов.

Киров. Значимые различия кластеров были выявлены по 33 параметрам (хи-квадрат Пирсона $\leq 0,05$). Наиболее яркие отличия отражены в табл. 2.

1. Активный средний слой жилищных собственников (47,6 % респондентов). Преимущественно проживают в микрорайонах современной жилой застройки либо в престижном центре города.

В этот кластер входит много супружеских пар или неполных семей (35 %), в него не включены домохозяйства, где более 4–5 чел., и при этом встречается больше, чем в других слоях людей, живущих в зарегистрированном браке (стабильность).

Это самый высокообразованный и обеспеченный кластер: половина имеет высшее образование (против 33–38 % в других двух кластерах). Это достаточно обеспеченные люди: вариант ответа «денег хватает только на питание и еду» выбрала только треть, что меньше, чем в других кластерах.

Таблица 2. Характеристики представителей жилищных кластеров горожан Кирова (N = 529, в скобках указан % представителей каждого кластера от общего числа респондентов; кластер 1 — активный средний слой жилищных собственников, кластер 2 — базовый жилищный слой, кластер 3 — слаборесурсный жилищный кластер)

Показатели		Номер кластера наблюдения		
		1 (47,6%)	2 (27,6%)	3 (24,8%)
Укажите, пожалуйста, Ваше семейное положение:	холост (не замужем)	17,1	16,4	18,3
	женат (замужем)	65,3	59,6	54,2
	незарегистрированный брак	6	4,8	10,7
	разведен (а)	4	9,6	3,1
	вдовец (вдова)	7,6	8,9	13,7
	другое (что именно)	0	0,7	0
Вы знакомы со своими соседями по подъезду?	да, с большинством	25,1	40,4	35,9
	да, с некоторыми	53	48,6	48,9
	нет	21,9	11	15,3
Какую сумму максимальную могли бы откладывать, чтобы, например, выплачивать ипотеку за приобретенное жилье или целенаправленно копить на первоначальный взнос/ремонт и т.п.?	до 3 тыс. руб.	0,4	35,6	7,6
	до 5 тыс. руб.	3,2	30,1	6,1
	до 10 тыс. руб.	12,7	23,3	8,4
	до 15 тыс. руб.	11,5	10,3	7,6
	до 20 тыс. руб.	7,9	0	1,5
	больше 20 тыс. руб.	5,2	0	3,8
	Затрудняюсь ответить	15,1	0,7	10,7
Сколько раз за последние 10 лет Вы меняли место жительства (жилье)?	нисколько	44	0	54,2
	0	34,5	51,4	50,4
	1	34,1	28,1	22,9
	2	15,9	11	9,2
	3 - 5 раз	11,5	8,2	13,7
	в пределах 10-ти	3,2	0,7	2,3
Насколько Вы привязаны к своему дому?	больше 10-ти	0,8	0,7	1,5
	Я бы ни за что не сменил свое место жительства	42,1	24,7	19,1
	Я не хочу переезжать, но если жизненные обстоятельства потребуют, перееду	31,3	40,4	25,2
	Я не привязан к своему дому, могу с легкостью переехать	24,6	33,6	46,6
Какова площадь Вашей кухни?	Затрудняюсь ответить	2	1,4	9,2
	менее 5 кв. м.	2,8	18,5	18,3
	от 6 до 8 кв. м.	22,6	39,7	40,5
	от 9 до 11 кв. м.	37,3	27,4	26,7
	от 12 до 15 кв.м.	17,5	7,5	5,3
	более 16 кв. м.	6,7	1,4	0
Ваша квартира в данный момент отремонтирована (имеет хороший ремонт) на ... процентов?	отдельной кухни нет	13,1	5,5	9,2
	0 - 10 %	0,4	4,8	9,9
	15 - 25 %	2	5,5	10,7
	30 - 50 %	17,1	31,5	36,6
	60 - 70 %	23	26	22,9
	80 - 90 %	27	26,7	12,2
	на 100 %	29,4	5,5	6,9
затрудняюсь ответить	1,2	0	0,8	
Оцените состояние Вашего жилья «снаружи» (состояние дома в целом и придомовой территории)	Очень плохое	0	2,7	17,6
	Плохое	2,8	14,4	26
	Среднее	13,5	33,6	48,1
	Хорошее	42,5	38,4	8,4
	Отличное	41,3	11	0

Чуть менее половины жителей (44 %) ответили, что не могут откладывать средства на инвестиции в жилье (это может быть связано с высокой обремененностью кредитами). Зато четверть — что могут откладывать сумму от 15 тыс. руб. и выше. По сравнению с другими кластерами представители первого гораздо более «продвинутые пользователи» ипотеки: треть ею воспользовались.

Большинство добились жилья сами (ипотека, покупка), 10 % получили жилье от родственников, 12 % — от работы либо государства.

Меньше других они дружат с соседями (54 % поддерживают минимальные контакты в виде «сухого» приветствия в подъезде), четверть вообще не знакомы с соседями (позиция самодостаточности).

Они сильно привязаны к своему микрорайону (55 % ни за что бы его не сменили) и дому (42 %), и их жилье действительно является достойным по большинству показателей. У четверти — роскошные кухни более 12 кв.м, у большинства — комфортные кухни 9–11 кв.м. Однако значительно больше, чем в других кла-

стерах, тех, у кого отдельной кухни нет вовсе (студии, евродушки и т.п.). При этом большее число респондентов, чем в других кластерах (четверть), живет в панельных домах, но, судя по микрорайонам, это новые панельные дома, построенные с использованием современных технологий.

У большинства и квартира, и дом находятся в отличном состоянии, обустроены и отремонтированы. Негативных оценок практически нет. Часто это обусловлено новизной дома: у 57 % он построен менее 10 лет назад. Все показатели качества дома (изучались 23 показателя) значительно выше, чем в оценках представителей остальных кластеров.

Они значительно активнее представителей других кластеров вкладывались в жилье за последние 5 лет: половина сделала ремонт, 15 % поменяли жилье на лучшее, 36 % купили новую мебель и технику.

В целом характеристики кластера позволяют отнести большинство его представителей к среднему жилищному и социальному классу. Это уверенные в своих силах люди, добившиеся стабильного и защищенного положения в жизни, накопившие личный и социальный капитал и не думающие останавливаться на достигнутом, предприимчивые и идущие в ногу со временем в своих предпочтениях в жилье. Однако они избирательны в контактах и демонстрируют рациональную социальную закрытость.

2. Базовый жилищный слой (27,6 % респондентов). Чаще всего проживают в районах с застройкой жилья разного класса, которые в целом относятся к умеренно благополучным. Многие из этих районов значительно удалены от центра города, доминирует в них относительно старая застройка.

Половина представителей базового слоя имеют среднее профессиональное образование, лишь 39 % — высшее. 60 % — базовый экономический слой (денег вполне хватает на продукты питания и одежду, однако крупные покупки требуют накоплений или кредита), треть — бедняки.

Активнее других дружат с соседями: 90 % знакомы с соседями не только по лестничной клетке, но и по подъезду. Социальный капитал есть, но явно недостаточно экономического для инвестиций в жилищные условия: 65 % могут откладывать в месяц на жилищное развитие от 1 до 5 тыс. руб., лишь 10 % от 10 до 15 тыс. руб.

Однако понемногу они все же инвестируют, не стоят на месте. Никто не выбрал вариант «нисколько», хотя в двух других кластерах этот ответ был очень популярен.

Они скептически относятся к ипотеке, поскольку чаще, чем другим, жилье базовому слою доставалось от государства, от предприятий и учреждений (20 %), 15 % получили жилье от родственников или по наследству (т.е. 35 % использовали нерыночные способы).

Только треть кластера привязана к своему микрорайону, 40 % готовы рассмотреть переезд, если так сложатся обстоятельства.

Какое жилье они имеют? У 60 % маленькие кухни, меньше 8 кв.м. У 60 % жилье в отремонтированном состоянии, однако не полностью, примерно на 30–70 %. Жилье снаружи треть оценивает как «хорошее», треть — как «среднее» — более скептически, чем изнутри. Большинство (56 %) считает, что износ их дома средний, а четверть — что дом очень старый (износ более 70 %). Подавляющая масса живет в домах, которым больше 30 лет. Почти все показатели жилья — парковки, асфальтовое покрытие, состояние подъезда, стен дома, водопровод и канализация, освещение, чистота на придомовой территории, места сбора мусора, слышимость в квартире — в среднем состоянии.

За последние 5 лет они активнее представителей других кластеров вкладывались в обустройство уже имеющегося жилья: 70 % сделали частичный ремонт, 37 % приобрели новую мебель и технику, чаще других разъезжались с детьми и прочими родственниками.

В целом базовый жилищный слой имеет вполне комфортные жилищные условия, но все показатели качества жилья средние, что проявляется либо в старости жилья и ремонта, либо в его невысоком качестве и престиже. Эти люди понемногу инвестируют в жилье, ценят то, что имеют, и реализуют стратегию обеспечения микрокомфорта. Однако достаточных ресурсов для жилищных преобразований они не имеют. В отличие от первого кластера кировчане из базового слоя проявляют высокую социальную открытость и контактность, стремление к кооперации в решении проблем.

3. Слаборесурсный жилищный кластер (24,8 % респондентов). Эти горожане живут во всех типах микрорайонов: как в престижном центре, так и в районах неблагополучных окраин. Отличительный признак — это в основном

жильцы старых домов. Они характеризуются депривацией многих ресурсов и благ.

Среди представителей кластера много расширенных домохозяйств: больше, чем в других кластерах, живущих в незарегистрированном браке, что говорит о нестабильных отношениях; у трети кластера отсутствует брачный партнер. В кластере крайне мало людей с высшим образованием — всего треть, пятая часть закончила только школу или ПТУ, что снижает возможности трудоустройства на престижные и высокооплачиваемые вакантные должности. Это и самый бедный кластер: 15 % денег не хватает даже на еду, трети с трудом удается покупать одежду, доходы выше базового слоя имеют лишь 8 %. Соответственно, у них нет возможности откладывать и тратить средства на жилищное обустройство: 54 % выбрали ответ «нисколько».

Несмотря на финансовые трудности, это достаточно открытые люди: почти две трети кластера стараются поддерживать хорошие отношения с соседями и участвуют в совместных делах.

В этой группе почти треть не имеет собственного жилья: живут в общежитии, снимают или живут в жилье родственников.

У большинства нет привычки вкладывать деньги в жилье: лишь треть опрошенных сказали, что купили свое жилье сами. Только 17 % пользуются ипотекой (большинство ее «не потянут»). При этом 18 % активно переезжали (более 3-х раз) за последние 10 лет. Однако, судя по совокупным данным, это были переезды не в поисках лучшего жилья, а ввиду принципа «помотало» по жизни. Закономерно, что они не привязаны к своему жилью: половина готова с легкостью переехать в пределах города, причем четверть — даже в другой город.

Подавляющее большинство (70 %) отметило, что их дому более 30 лет (это хрущевки и сталинки). Жилищные условия многих оставляют желать лучшего. В плохом и ужасном состоянии находятся многие показатели домов. В хорошем и «среднем» состоянии — лишь крыши домов (которыми в первую очередь занимаются при капитальном ремонте) и освещение вокруг дома. В микрорайонах представителей этого кластера хуже и с криминальной обстановкой: половина из них оценили ее как напряженную и очень напряженную.

Относительно приличный ремонт в жилье имеет лишь треть кластера. При этом есть асим-

метрия в объективных показателях состояния жилья и удовлетворенности этим состоянием жильцов: 52 % оценили состояние своего жилья изнутри как хорошее и отличное. Почти половина респондентов из кластера считают, что износ их дома превысил 70 %, соответственно, в недалеком будущем эти дома перейдут в состояние аварийных. И, судя по всему, особых надежд на улучшение жилищных условий у низкоресурсного слоя нет. Из реальных действий по улучшению своих жилищных условий за последние 5 лет респонденты данного кластера часто называли небольшой «косметический ремонт» (40 %), треть смогла поменять окна и двери (дома старые) и купить некоторую мебель. Пятая часть ответила, что абсолютно ничего не улучшилось. Такое жилищное поведение кластера соответствует стратегии выживания и доживания.

В целом жилищные кластеры кировчан отражают профиль жилищной и социально-экономической стратификации регионального центра, где есть возможности развиваться в разных направлениях. Однако многие представители даже наиболее успешного жилищного кластера с трудом могут быть отнесены к среднему классу (имеющим гарантированный доступ к благам).

Жилищные кластеры районных городов

В целом характеристики жилищных кластеров жителей районных городов во многом совпадают с характеристиками тех же кластеров кировчан, поэтому в статье мы ограничимся лишь данными табл. 3 и 4. На характеристику кластеров жителей Кирово-Чепецка и Вятских Полян оказывает влияние специфика районных городов: чем меньше площадь города и меньше этажность домов, тем более размеренной и менее технологичной является их жизнь, тем чаще горожане имеют приусадебные хозяйства, теснее их контакты с соседями и тем меньше среди них жителей с высшим и послевузовским образованием. В районных городах несколько ниже поляризация децильных доходных групп, чем в Кирове, ниже средний уровень доходов населения, что сказывается на структуре потребления. В Вятских Полянах спецификой города является тип застройки: почти половину жилого фонда составляет частное одно-двухэтажное домовладение, где несколько другие представления о престиже и качестве жилья, часто больше общая

и жилая площадь по сравнению с квартирами. Особенностью Кирово-Чепецка является меньший средний возраст жилья и, соответственно, меньшая степень износа, поскольку массовое жилищное строительство в городе началось лишь в 1960-е гг., что примерно на треть века позже, чем в Кирове и Вятских Полянах. По

усредненному качеству жилищных условий районные города уступают региональному центру, однако жители домов высказывают ничуть не меньшую удовлетворенность своими жилищными условиями, чем кировчане (эффект ориентации на ближайшее окружение).

Таблица 3. Характеристики представителей жилищных кластеров горожан Кирово-Чепецка (N = 188, в скобках указан % представителей каждого кластера от общего числа респондентов, кластер 1 — активный средний слой жилищных собственников, кластер 2 — базовый жилищный слой, кластер 3 — слаборесурсный жилищный кластер)

Показатели		Номер кластера наблюдения		
		1 (24%)	2 (35,1%)	3 (41%)
Какие варианты улучшений жилищных условий для Вас наиболее вероятны в ближайшие 5 лет?	получить наследство	9,8	4,8	1,4
	улучшить имеющееся жилье перепланировкой/ ремонтом	36,6	25,4	29,6
	удачно выйти замуж	4,9	7,9	2,8
	ипотека	17,1	4,8	2,8
	родить второго ребенка и использовать материнский капитал	9,8	7,9	1,4
	накопить и обменять свое жилье с доплатой	34,1	28,6	14,1
	другое (напишите)	2,4	3,2	16,9
	затрудняюсь ответить	14,6	25,4	31
	Есть ли у Вас сейчас кредиты?	да, несколько	6,7	10,6
да, один		48,9	33,3	11,7
нет		42,2	56,1	80,5
затрудняюсь ответить		2,2	0	1,3
Ваше образование	среднее полное общее (11 классов), ПТУ	6,7	6,2	18,2
	среднее профессиональное	37,8	52,3	59,7
	незаконченное высшее	4,4	12,3	1,3
	высшее или ученая степень	51,1	29,2	20,8
Вы знакомы с соседями по подъезду?	да, с большинством	30,2	23,8	50,7
	да, с некоторыми	55,8	54	44
	нет	14	22,2	5,3
Какую максимальную сумму Вы могли бы откладывать, чтобы, например, выплачивать ипотеку или копить на первоначальный взнос на жилье или на ремонт?	до 3 тыс. руб.	18,2	6,3	0
	до 5 тыс. руб.	34,1	11,1	0
	до 10 тыс. руб.	36,4	19	0
	до 15 тыс. руб.	6,8	19	0
	до 20 тыс. руб.	4,5	4,8	0
	больше 20 тыс. руб.	0	0	1,3
	Затрудняюсь ответить	0	14,3	22,7
У Вас есть опыт использования ипотечного кредита?	да, мы купили жилье и уже выплатили ипотеку	11,4	10,8	2,6
	да, мы сейчас выплачиваем ипотеку	29,5	21,5	1,3
	нет, но собираемся взять ипотеку для покупки жилья	6,8	4,6	7,9
	нет, и не хочу брать ипотеку в принципе	47,7	58,5	84,2
	затрудняюсь ответить	4,5	4,6	3,9
Сколько раз за последние 10 лет Вы переезжали?	0	48,9	50,8	70,1
	1	31,1	26,2	18,2
	2	11,1	6,2	1,3
	3 - 5 раз	6,7	16,9	6,5
	в пределах 10-ти	2,2	0	0
	больше 10-ти	0	0	3,9
Когда в последний раз Вы делали полноценный ремонт в квартире или ее части?	в этом году	14,3	18,5	5,2
	в прошлом году	14,3	15,4	9,1
	более 2 лет назад	7,1	16,9	3,9
	от 3 до 5 лет назад	33,3	16,9	26
	более 6 лет назад	14,3	16,9	28,6
	давно, не помню когда	11,9	9,2	23,4
Когда в последний раз Вы делали полноценный ремонт в квартире или ее части?	живем в ситуации постоянного ремонта	4,8	6,2	3,9

Таблица 4. Характеристики представителей жилищных кластеров горожан Вятских Полян (N = 194, в скобках указан % представителей каждого кластера от общего числа респондентов, кластер 1 — активный средний слой жилищных собственников, кластер 2 — базовый жилищный слой, кластер 3 — слабоборисурский жилищный кластер)

Показатели		Номер кластера наблюдения		
		1 (30,4%)	2 (46,4%)	3 (23,2%)
В каком доме Вы живете?	многоквартирный дом (построенный до 1990-х)	8,8	57,8	64,8
	многоквартирный дом (построенный после 1991 г.)	29,8	22,2	25
	малоквартирный дом инд. застройки, таунхаус	1,8	2,2	0
	частный жилой дом	59,6	17,8	6,8
Вы знакомы со своими соседями по подъезду?	да, с большинством	12	44,4	44,7
	да, с некоторыми	56	50	45,9
	нет	32	5,6	9,4
Какую сумму максимальную могли бы откладывать, чтобы, выплачивать ипотеку или сделать ремонт?	до 3 тыс. руб.	3,8	15,9	13,3
	до 5 тыс. руб.	9,4	13,6	12,2
	до 10 тыс. руб.	30,2	11,4	22,2
	до 15 тыс. руб.	9,4	9,1	5,6
	до 20 тыс. руб.	9,4	0	0
	больше 20 тыс. руб.	5,7	2,3	0
	затрудняюсь ответить	9,4	9,1	15,6
Насколько Вы привязаны к своему дому?	Я бы ни за что не сменил свое место жительства	58,6	24,4	31,1
	Я не хочу переезжать, но если обстоятельства потребуют, перееду	31	31,1	41,1
	Я не привязан к своему дому, могу с легкостью переехать	10,3	42,2	24,4
	Затрудняюсь ответить	0	2,2	3,3
Какова площадь Вашей кухни?	менее 5 кв. м.	1,8	6,7	6,8
	от 6 до 8 кв. м.	12,3	28,9	56,8
	от 9 до 11 кв. м.	36,8	20	26,1
	от 12 до 15 кв.м.	29,8	17,8	6,8
	более 16 кв. м.	15,8	26,7	2,3
	отдельной кухни нет	3,5	0	1,1
Ваша квартира в данный момент отремонтирована (имеет хороший ремонт) на ... процентов?	0 – 10 %	1,8	4,4	1,1
	15 -25 %	1,8	11,1	3,4
	30 – 50 %	15,8	44,4	33,7
	60 – 70 %	28,1	15,6	23,6
	80 – 90 %	36,8	17,8	34,8
	на 100 %	14	4,4	2,2
Сколько лет Вашему дому (год постройки)?	затрудняюсь ответить	1,8	2,2	1,1
	меньше года	1,7	0	1,1
	от 1 года до 5лет	15,3	0	0
	от 5 лет до 10 лет	13,6	4,4	1,1
	от 11 до 20 лет	11,9	8,9	3,3
	от 21 до 30 лет	22	22,2	20
	более 31 года	28,8	60	64,4
Оцените состояние Вашего жилья «снаружи» (состояние дома и придомовой территории)	затрудняюсь ответить	6,8	4,4	10
	Очень плохое	0	17,8	2,2
	Плохое	1,7	6,7	7,8
	Среднее	15,3	28,9	35,6
	Хорошее	42,4	33,3	46,7
	Отличное	40,7	13,3	7,8

Заключение

В результате проведенного исследования в соответствии с поставленным задачам проделано следующее:

1. Представлена типология горожан регионального и районных городов Кировской области, отражающая наполненность жилищных страт. В районных городах большая часть насе-

ления относится к базовому и низшему жилищным классам, в региональном центре г. Кирове горожане характеризуются депривацией жилищных благ (обустроенности инфраструктуры дома, состояния ремонта и коммуникаций), имеют более высокие статусы по базовым шкалам социальной стратификации, более позитивно и высоко оценивают свои жилищные статусы. Стоит отметить, что при выраженном жи-

лицом неравенстве в городах нет открытой пространственной сегрегации жилищных кластеров населения, хотя в ряде микрорайонов (преимущественно с низкими показателями качества жилья) были выявлены высокая однородность проживания представителей кластеров и «микрорайонный патриотизм», завышение субъективных оценок состояния жилищных условий и удовлетворенности ими на фоне их объективно невысокого качества.

2. Даны социологические «портреты» жилищных страт населения изучаемых городов. В данном исследовании мы убедились, что, несмотря на доминирование ценностей материальной культуры, жилищные условия и статусы тесно сопряжены с большинством структурных компонентов совокупного капитала индивида: образованием, степенью социальной открытости, семейным и должностным статусом.

Для достижения долгосрочных целей развития общества жилищное неравенство должно быть «продуктивным» с точки зрения принципа социальной справедливости. Как отмечает О.И. Шкаратан, «практика показывает: общества, отличающиеся наиболее значительной степенью равенства, чаще добиваются более высоких темпов экономического роста... В этих странах лучше обстоит дело и с такими социальными индикаторами, как продолжительность жизни, общие показатели здоровья и благосостояния. Такая констатация не означает призыва к уравниловке, и речь идет о естественном, социально приемлемом и “продуктивном” неравенстве» [Шкаратан О.И., 2018, с. 9].

Список литературы

Емельянова О.Г. Черты городской сегрегации на примере г. Омска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1(58). С. 73–77.

Динамика доходов населения: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики / Аналит. центр при Правительстве РФ. 2018. Вып. 34, февраль. 18 с. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16278.pdf> (дата обращения: 27.06.2019).

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 27.06.2019).

Жилой фонд в Кировской области / Дом. Минжкх: обществ. проект. URL:

<http://dom.mingkh.ru/kirovskaya-oblast> (дата обращения: 09.08.2019).

Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.

Корнев Н.Р. Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6(254). С. 77–84.

Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели / Коми науч. центр УрО РАН. Сыктывкар, 2003. 99 с.

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. 2016. № 10(390). С. 33–42.

Полухина Е.В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 589–602. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602>

Россия – 2000. Социально-демографическая ситуация / под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001. 156 с.

Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов: Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга / Ин-т социологии РАН. М., 2016. 34 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/rezume_ross_sred_klass_v_usloviyakh_stabiln_i_krizisov.pdf (дата обращения: 17.05.2019).

Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ (на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска) // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: матер. IX социол. чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004) (Санкт-Петербург, 3–5 апреля 2017 г.). СПб.: Норма, 2017. С. 52–64.

Старикова М.М. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт // Урбанистика. 2018. № 3. С. 71–98. DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>

Старикова М.М. Жилищное неравенство в регионе (на примере трех городов Кировской области) // Социодинамика. 2018. № 12. С. 78–105. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.12.28369>

Территориальный орган ФСГС по Кировской области. URL: <http://kirovstat.gks.ru> (дата обращения: 25.06.2019).

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-2-6-35>

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 92 с.

Marshall G. *Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies*. London: SAGE Publications, 1997. 256 p.

Zavisca J.R. *Housing the New Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2012. 264 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801450372.001.0001>

Получено 31.07.2019

References

Dinamika dokhodov naseleniya: Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh rossiyskoy ekonomiki (2018) [Dynamics of population incomes: Bulletin of current trends in the Russian economy]. Analytical Center for the Government of the RF. Iss. 34, Feb, 18 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16278.pdf> (accessed 27.06.2019).

Emel'yanova, O.G. (2015). *Cherty gorodskoy segregatsii na primere g. Omska* [Traits of urban segregation by the example of the city of Omsk]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 8–1(58), pp. 73–77.

Kornev, N.R. (2005). *Zhilishchnaya stratifikatsiya v tsentre Sankt-Peterburga* [Housing stratification in the center of St. Petersburg]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6(254), pp. 77–85.

Krotov, P.P., Buravoi, M. and Lytkina, T.S. (2003). *Zhilishchnaya stratifikatsiya goroda: rynochnaya evolyutsiya sovetskoy modeli* [Housing stratification of the city: the market evolution of the Soviet model]. Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS Publ., 99 p.

Mal'tseva, A.V., Shilkina, N.E. and Makhnytkina, O.V. (2016). *Ob empiricheskikh indikatorakh sotsial'noy struktury i sotsial'noy stratifikatsii* [Social structure and social stratification of society: empirical indicators]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10(390), pp. 33–42.

Marshall, G. (1997). *Repositioning class. Social inequality in industrial societies*. London: SAGE Publ., 256 p.

Polukhina, E.V. (2017). *Zhilishchnaya mobil'nost': napravleniya sotsiologicheskogo analiza* [Housing mobility: approaches for sociological analysis]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15, no. 4, pp. 589–602. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602>

Rossiya – 2000. Sotsial'no-demograficheskaya situatsiya (2001), pod red. N.M. Rimashevskoy [Russia – 2000. Socio-demographic situation, ed. by N.M. Rimashevskaya]. Moscow: ISEPN Publ., 156 p.

Rossiyskiy sredniy klass v usloviyakh stabil'nosti i krizisov. Informatsionno-analiticheskoe rezume po rezul'tatam mnogoletnego monitoringa (2016) [Russian middle class in conditions of stability and crises. Information and analytical summary on the results of long-term monitoring]. Moscow: ISRAS Publ., 34 p. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/rezume_ross_sred_klass_v_usloviyakh_stabiln_i_krizisov.pdf (accessed 17.05.2019).

Shkaratan, O.I. (2018). *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novykh form sotsial'nogo rassloyeniya v Rossii* [Socio-economic inequality in the modern world and the forming of new kinds of social stratification in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 2, pp. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-2-6-35>

Shkaratan, O.I. and Yastrebov, G.A. (2007). *Sotsial'no-professional'naya struktura i ee vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii. Predvaritel'nyye itogi predstavitel'nogo oprosa ekonomicheski aktivnogo naseleniya Rossii 2006 g* [Socio-professional structure and its reproduction in modern Russia. Preliminary results of representative survey of economically active population of Russia in 2006]. Moscow: SU HSE Publ., 92 p.

Sidorova, O.S. and Mosienko, N.L. (2017). *Rol' sotsial'no-prostranstvennoy segregatsii v formirovaniy gorodskikh soobshchestv (na primere rynka zhiloy nedvizhimosti Novosibirsk)* [The role of socio-spatial segregation in the formation of urban communities (by the example of the residential real estate market in Novosibirsk)]. *Sotsial'nyye i prostranstvennyye izmereniya sovremennogo megapolisa: Materialy IX sotsiologicheskikh chteniy pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta (1941–2004)* [Social and spatial dimensions of the modern metropolis: Materials 9th sociological readings in memory of Valery Borisovich Golofast (1941–2004)]. Saint-Petersburg: Norma Publ., pp. 52–64.

Starikova, M.M. (2018). *Zhilishnoe neravenstvo v gorodakh kak forma sotsial'nogo rassloeniya: kriterii vydeleniya zhilishnykh klassov i strat* [Housing inequality in cities as a form of social stratification: criteria for the allocation of housing classes and strata]. *Urbanistika* [Urban Studies]. No. 3, pp. 71–98. DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>

Starikova, M.M. (2018). *Zhilishnoe neravenstvo v regione (na primere trekh gorodov Kirovskoy oblasti)* [Housing inequality in the region (on the example of the three cities of the Kirov region)]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 12, pp. 78–105. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.12.28369>

Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Kirovskoy oblasti [Federal state statistics service for the Kirov region]. Available at: <http://kirovstat.gks.ru> (accessed 25.06.2019).

Zaslavskaya, T.I. (1997). *Sotsial'naya struktura sovremennogo rossiyskogo obschestva* [The social

structure of the modern Russian society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2, pp. 5–23.

Zavisca, J.R. (2012). *Housing the new Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 264 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801450372.001.0001>

Zhilishnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2004 No. 188-FZ (red. ot 29.07.2017) [The Housing code of the Russian Federation dated Dec. 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on July 29, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed 27.06.2019).

Zhiloy fond v Kirovskoy oblasti [Housing stock in the Kirov region]. Dom. Minzhkhk. Available at: <http://dom.mingkh.ru/kirovskaya-oblast> (accessed 09.08.2019).

Received 31.07.2019

Об авторах

Старикова Мария Михайловна

кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии

Вятский государственный университет,
610000, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: maria_kuzmina82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-8731>

Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии

Вятский государственный университет,
610000, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: elvira_bsh@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3929-5240>

About the authors

Maria M. Starikova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy

Vyatka State University,
36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russia;
e-mail: maria_kuzmina82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-8731>

Elvira V. Bushkova-Shiklina

Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy

Vyatka State University,
36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russia;
e-mail: elvira_bsh@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3929-5240>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Старикова М.М., Бушкова-Шиклина Э.В. Жилищное неравенство населения как отражение социальной стратификации (на примере трех городов Кировской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 594–609. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-594-609](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-594-609)

For citation:

Starikova M.M., Bushkova-Shiklina E.V. [Housing inequality of the population as a reflection of social stratification (a case study of three cities in the Kirov region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 594–609 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2019-4-594-609](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-594-609)

УДК 316.773

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-610-619

БРЕНД ТЕРРИТОРИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА*

Балезина Екатерина Андреевна, Форостян Вероника Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В современной практике управления городским пространством, ресурсами и имиджем территории бренд малых городов и сельских поселений сопряжен с большим количеством проблем (трудно найти разницу между близкорасположенными малыми городами и сельскими поселениями, бренд ассоциируется с административным центром, ресурсы территории быстро истощаются, долгосрочная градостроительная политика и ее эффективная координация отсутствуют). Между тем, развитие бренда малых городов и сельских поселений возможно с помощью ведения эффективной политики или за счет финансирования государственными органами и коммерческими организациями. Социокультурные проекты, трансформирующиеся в бренд территории, — один из инструментов городского планирования (помощь в создании рабочих мест, решении экологических проблем, привлечении потенциальных партнеров). Цель данной публикации — охарактеризовать реализованные в малых населенных пунктах социокультурные проекты ООО «Лукойл-Пермь» с точки зрения их становления в качестве брендов территорий. Эмпирическая база исследования — материалы опроса жителей г. Перми, г. Добрянки, г. Чердыни, Ильинского и Пермского районов об их отношении к реализующимся социокультурным проектам. Авторами оцениваются три составные части трансформации социокультурного проекта в бренд: 1) уровень узнаваемости; 2) степень лояльности среди жителей г. Перми и населенных пунктов, в которых реализуются проекты; 3) значение проектов для развития территории. В практическом плане исследование способно прояснить представления об успешности реализации социокультурных проектов в малых городах и сельских поселениях. При должном продолжении маркетинговых кампаний эти объекты и бренды могут стать примером успешных брендов малых территорий.

Ключевые слова: бренд территории, социокультурный проект, ООО «Лукойл-Пермь», узнаваемость, малый город, сельское поселение.

TERRITORY BRAND AS A RESULT OF A SOCIOCULTURAL PROJECT IMPLEMENTATION

Ekaterina A. Balezina, Veronika V. Forostyan

Perm State University

Branding of small towns and rural settlements is associated with problems in the field of management, resource support and the image of the territory. Meanwhile, the development of small town and rural settlement brands is possible through effective policies or funding from state bodies and commercial organizations. Sociocultural projects are transformed into a brand of the territory and can become one of the urban planning tools (they help in creating jobs, solving environmental problems, and attracting potential partners). The purpose of this article is to characterize the sociocultural projects of LLC Lukoil-Perm implemented in small towns and rural settlements in terms of their becoming territory brands. The empirical base of the study is materials of a survey conducted among residents of the city of Perm, towns of Dobryanka and

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: грант № 19-011-00369 А «Модернизационная роль промышленных предприятий в преодолении социокультурных рисков территорий (на примере муниципальных образований Пермского края)».

Cherdyn, Ilyinsky and Perm districts about their attitude toward sociocultural projects being implemented. The authors evaluate three components of a sociocultural project transformation into a brand: 1) the recognizability (awareness) level; 2) the degree of loyalty among citizens; 3) the importance of projects for the development of the territory. This study clarifies the idea of a successful sociocultural project in small towns and rural settlements. Provided marketing campaigns are continued in an effective way, the considered objects can become examples of successful small territory brands.

Keywords: territory brand, sociocultural project, Lukoil-Perm, recognizability, awareness, small town, rural settlement.

Введение

Для достижения высокого уровня городского развития, редевелопмента и повышения качества городской жизни в современной практике управления используют инструмент брендинга территории, который представляет собой последовательное внедрение стратегии управления городским пространством, ресурсами и имиджем территории любого масштаба [Динни К., 2013, с. 16]. В сущности, это создание впечатления о месте, его уникальных особенностях и положительных чертах. Основные задачи брендинга территории (или места) — привлечение потенциальных стейкхолдеров (инвесторов, девелоперов, резидентов, туристов), уменьшение миграции местного населения и увеличение объемов государственной финансовой поддержки [Бакина Е.О., 2018].

Бренд территории — образ, характеризующийся определенной узнаваемостью. В своей основе он имеет комплекс географических черт, включает в себя набор уникальных символических и ассоциативных элементов и передает идентичность территории.

Территориальный брендинг включает в себя различные по масштабу типы мест: сельские районы, города, регионы, государства. Наиболее часто сегодня изучаются бренды регионов, крупных городов, мегаполисов (модель бренда крупного региона, состоящая из активов, имени и символов бренда [Василенко И.А. и др., 2012; Динни К., 2013], изучение самостоятельных брендов на уровне регионов, городов [Важенина И.С., 2010], концепция географических образов [Замятин Д.Н., 2013], модель шестиугольника бренда территории [Анхольт С., Хильдрет Дж., 2010], изучение компонентов, лежащих в основе бренда [Огилви Д., 2013], маркетинг, имидж, бренд города [Дайан А. и др., 1993; Даулинг Г.Р., 2006]), но редко исследуются бренды малых городов и сельских поселений (сложности маркетинга малых городов [Визгалов Д.В.,

2008], историко-культурное наследие в формировании территориальной идентичности малого города [Бровко Д.В., Богданова Е.А., 2011]). Необходимость формирования и изучения бренда малых городских и сельских территории (с населением до 50 тыс. чел. [Пивоваров Ю.Л., 1999]) заключается в потребности всестороннего развития территорий (создание новых рабочих мест, улучшение инфраструктуры, сохранение культурного и исторического наследия).

Как и любой другой вид, брендинг малых поселений имеет ряд особенностей и проблем. В российских реалиях бренд места чаще всего является прикрытием в вопросах решения проблем района для чиновников, но в большинстве случаев бренд села просто ассоциируется с его административным центром [Бакина Е.О., 2018]. Кроме этого, приходится учитывать близость расположения других сельских поселений и малых городов, вследствие чего возникает трудность поиска разницы между этими местами [Беляева М.А., Самкова В.А., 2017, с. 185], а также маятниковую миграцию, быстрое истощение ресурсов территории, отсутствие долгосрочной градостроительной политики и эффективной ее координации [Федотовских А.В., 2012, с. 210]. Еще одной проблемой брендинга малых территорий является слабая активность общественных организаций и гражданского общества при поддержке проектов и экстенсивность брендинговых проектов, что приводит к существованию лишь небольшого числа действительно успешных брендов [Цепелев А.Ю., 2013, с. 145].

Сильный бренд территории генерируется как результат эффективной социально-экономической, экологической и социально-культурной политики либо создается притоком зарубежных инвестиций, регулярным проведением знаковых культурных, спортивных и политических мероприятий, участием в решении глобальных проблем, полным контактом с международными, региональными организациями, гражданским

обществом и бизнес-сообществом, развитием инноваций и образования [Анхольт С., Хильд-рет Дж., 2010].

Одним из инструментов социально-культурной политики является реализация социокультурных проектов, направленных, как и бренд, на всестороннее развитие территории. В Пермском крае с 2002 г. группой компаний ООО «Лукойл-Пермь» проводится конкурс социальных и культурных проектов территорий, в котором за все время приняли участие более 10 000 граждан из 30 районов Пермского края. Мероприятия в рамках конкурсных проектов способствовали созданию более 2 000 рабочих мест и появлению спортивных комплексов, скверов, музеев, семейных клубов, творческих сообществ [Конкурс социальных и культурных проектов..., 2018].

В конкурсе принимают участие органы местного самоуправления, некоммерческие организации (общественные, государственные, муниципальные) [Участие в конкурсе..., 2018]. Заявки рассматриваются по трем основным номинациям: «Экология», «Духовность и культура», «Спорт»; ежегодно утверждается дополнительная номинация. Это соответствует российской практике территориального брендинга, в которой преобладает акцентирование внимания на проблемах сохранения отечественного культурного и природного наследия.

Социокультурный проект в процессе реализации может трансформироваться в бренд территории (места), но это неизбежно связано с рядом сложностей. Во-первых, место — это совокупность нескольких секторов, сложный объект с многочисленными характеристиками материальных и нематериальных элементов, каждый из которых должен стать частью бренда. Во-вторых, необходимо создавать четкий набор атрибутов бренда территории и эффективно информировать население об этом наборе. В-третьих, брендинг связан с необходимостью учитывать потребности разных целевых аудиторий (жители города, туристы, инвесторы) [Динни К., 2013, с. 17].

Основными критериями для определения того, является ли изучаемый объект брендом, являются узнаваемость и вовлеченность потребителей. Исходя из указанных показателей выделяют 5 стадий становления бренда: 1) от незнания к узнаваемости; 2) от знания к увлечению объектом; 3) от заинтересованности объектом к

желанию посетить интересующее место; 4) от планирования к становлению клиентом; 5) от клиента к «адвокату», т.е. тому, кто будет защищать и привлекать, советовать другим посетить эту территорию-бренд [Каталфамо Дж., 2014]. Бренд на «5-й стадии» должен вызывать включенность жителей Перми и края в развитие и «продвижение» конкретного места.

Цель данной работы — охарактеризовать уже реализованные в малых городах и сельских поселениях социокультурные проекты ООО «Лукойл-Пермь» с точки зрения их становления в качестве брендов территорий.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования стал опрос, проведенный в апреле 2019 г. Методом сбора данных было онлайн-анкетирование, благодаря которому в короткие сроки удалось опросить 526 чел., в том числе из отдаленных районов.

Объектом исследования стали как местные жители малых городов и сельских поселений, так и потенциальные туристы (жители краевой столицы). Выборка строилась методом квотного отбора, критериями которого выступили место жительства (Пермь или населенный пункт, в котором реализуется проект) и возраст (половина опрошенных моложе 40 лет, вторая половина имеет возраст 40 лет и старше). Выбор этих двух возрастных когорт обоснован тем, что люди до 40 лет более активны и мобильны, чаще посещают различные мероприятия, а те, кто старше 40 лет, считаются основными трудовыми ресурсами общества, они часто осведомлены о событиях и мероприятиях, проходящих в их населенном пункте и в крае, включены в общественную жизнь через различные организации и предприятия.

Для анализа были отобраны 2 проекта в малых городах (фестиваль «Зов Пармы», ежегодно проводящийся в г. Чердыни и бренд «Добрянка — столица доброты») и 2 проекта в сельских поселениях Пермского края (краеведческий музей «Усадьба Строгановых» в Ильинском районе и святой источник Трифона Вятского в Пермском районе).

Святой источник Трифона Вятского находится недалеко от с. Нижние Муллы Пермского района (численность населения Култаевского сельского поселения в Пермском районе на 1 января 2019 г. — 13 тыс. чел. [Оценка численности населения..., 2019]). С 2012 г. началось ак-

тивное преобразование этого места при участии ООО «Лукойл-Пермь» [Мазейна А., 2015] и волонтеров: была построена часовня, отремонтированы лестница для подъема в гору, поклонный крест, территория замощена камнем, построен дом для гостей и паломников. Источник привлекает паломников, используется в оздоровительных целях (родниковой водой обливаются и ее пьют), для проведения досуга с семьей (экскурсии, прогулки), из интереса к истории, а также с целью поиска умиротворения. Жители хотели бы дополнить инфраструктуру зоной отдыха (беседка, качели, скамейки и стол), стендами с описанием истории источника, крестом, мемориалом памяти и музеем. К наиболее проблемным сторонам организации источника население г. Перми и Пермского района относит отсутствие общественного транспорта в направлении источника, плохое состояние дороги и тяжелый спуск и подъем в гору.

Краеведческий музей «Усадьба Строгановых», основанный в 1921 г. в Ильинском районе (с численностью населения на 1 января 2019 г. — 18,5 тыс. чел. [Муниципальные образования Пермского края..., 2019, с. 12]), является базой для проведения краевых фестивалей, экскурсий по поселку и району, исторических спектаклей, новогодних представлений, уличных народных гуляний, мастер-классов, международных акций. Мероприятия каждый год посещает более 10 тыс. чел., у которых остаются положительные впечатления о музее (около 70 % населения г. Перми и Ильинского района говорят о том, что им нравится бренд «Усадьба Строгановых»). Многим посетителям нравится территория усадьбы (24 %) и экспозиция (20 %).

На базе музея успешно реализовано уже 18 проектов-победителей муниципальных, корпоративных конкурсов, государственных контрактов Министерства культуры и массовых коммуникаций Пермского края [Муниципальное бюджетное учреждения культуры...]. Со стороны клуба «Строгановский», куда входит и ООО «Лукойл-Пермь», в отношении Усадьбы Строгановых была оказана поддержка в выпуске серии тематических исторических календарей и ремонтно-реставрационных работ выставочного зала [Анисимов Н.В., 2019].

«Зов Пармы» — это ежегодный этноландшафтный фестиваль, проводящийся Центром культурных проектов «Сердце Пармы» и администрацией Чердынского района (числен-

ность населения на 1 января 2019 г. — 20 тыс. чел. [Оценка численности населения..., 2019]) совместно с ООО «Лукойл-Пермь». На фестиваль приезжают для познания традиций родного края, единения с его историей и культурой.

Создание и проведение фестиваля способствовало росту интереса туристов к Чердынскому району, на что указывает ежегодное увеличение числа посетителей Чердынского краеведческого музея, открытие в г. Чердынь информационно-туристического центра. Также вследствие проведения фестиваля в городе появилось первое представительство вуза, стали выделяться средства на реставрацию памятников [Абашев В.В., Фирсова А.В., 2013, с. 185].

Недостатки фестиваля — это непродуманность программы (нет мероприятий для детей, несовременность площадок), низкий уровень организации (невозможность добраться до места проведения фестиваля без личного транспорта, малый масштаб мероприятия) и отсутствие инфраструктуры (парковок, урн, тихих мест отдыха). Но несмотря на это, почти $\frac{3}{4}$ населения считает необходимым проведение фестиваля.

«Добрянка — столица доброты» — это официальный товарный знак, разрабатываемый с 2012 г. и полученный Добрянским поселением в 2016 г. (численность населения на 1 января 2019 г. — 32 тыс. чел. [Оценка численности населения..., 2019]). Развитие бренда началось с открытия «Аллеи доброты», которая позже участвовала в конкурсе при поддержке ООО «Лукойл-Пермь». У 90 % населения г. Перми и г. Добрянки на сегодня уже появляются ассоциации бренда с цветами на логотипе (желтым, зеленым и голубым).

Сильными сторонами бренда г. Добрянки являются факторы природного характера: от 58 до 61 % опрошенного населения г. Перми и г. Добрянки считают плюсом благоприятное расположение города, от 45 до 53 % выделяют хорошую экологическую обстановку, 29–30 % считают, что в г. Добрянке есть существенные природные ресурсы. Для 21–31 % опрошенных важным достоинством является безопасность города. Среди проблем отмечают все, что связано с социальной инфраструктурой (низкий уровень здравоохранения отметили 68–70 % опрошенных, низкий уровень жизни и безопасности — 50–52 %, низкий уровень образования — 39–44 %) и физической инфраструктурой изучаемого города (проблемы с организа-

цией досуга замечают 62–67 % опрошенных, качество дорог — 42–50 %).

Результаты

Целью опроса была оценка уровня узнаваемости бренда (проекта), и в связи с этим — выявление степени лояльности к проектам жителей г. Пермь и тех населенных пунктов, где реализуются эти проекты (г. Чердынь, г. Добрянка, Пермский район, Ильинский район). Также задавались вопросы о важности проектов для развития территории.

Узнаваемость бренда оценивалась по нескольким показателям: 1) спонтанная узнаваемость: top-of-mind представлял собой открытый вопрос об ассоциациях с территорией, в рамках которого предполагалось, что респонденты назовут мероприятия и проекты, иллюстрирующие изучаемую территорию; 2) подсказанная узнаваемость, которая оценивалась закрытым вопросом с предложенным списком проектов анализируемой территории; 3) индекс потребительской лояльности, рассчитывающийся для оценки уровня приверженности к бренду территории.

Среди респондентов наиболее посещаемыми оказались проекты «Зов Пармы» и «Усадьба Строгановых» (их посетили 48 % и 46 % опрошенных соответственно). А вот святой источник Трифона Вятского и г. Добрянку посетило наименьшее число опрошенных (14 % и 18 % соответственно). Стоит отметить, что жители Пермского района, в котором располагается указанный святой источник, чаще жителей г. Перми посещают его (RR = 1,205; с 95 % CI—1,024–1,419). Что касается проекта «Добрянка — столица доброты», здесь указано число опрошенных пермяков, побывавших в г. Добрянке.

В целом почти треть опрошенных пермяков посещали мероприятия или объекты изучаемых проектов. При этом среди всех опрошенных посетителей указанных мероприятий пермяки составили 55 %, а местные жители — 45 %.

Подробнее остановимся на анализе узнаваемости и оценке лояльности к территориальным брендам.

«Святой источник Трифона Вятского» отличается от других исследуемых проектов низким уровнем узнаваемости: ни один из респондентов не указал этот источник в качестве основного места, связанного с территорией его расположения. После уточнения 20 % опро-

шенных все-таки вспомнили об интересующем нас социокультурном проекте. Большая часть тех, кто знает или слышал об этом месте, относят себя к верующим.

На прямой вопрос о том, является ли изучаемый бренд символом Пермского района, 37 % опрошенных ответили утвердительно, а 51 % выразили сомнение. Это подтверждает гипотезу о низком уровне информированности жителей об этом проекте и его недостаточной узнаваемости.

Низкая информированность связана с отсутствием рекламы: половина (48 %) респондентов отмечают, что нигде не встречали рекламу святого источника. Одинаковое число респондентов указывают на такие источники информации, как билборды и Интернет (14–17 %). Также некоторыми было отмечено, что они узнали об источнике «в церкви в д. Кондратово». В целом, можно констатировать большую распространенность информации о данном проекте среди верующих.

Низкий уровень узнаваемости святого источника свидетельствует о его фактической несформированности как бренда. Несмотря на это, треть респондентов считают, что реализация этого проекта приобщает к истории и способствует сохранению исторической памяти (табл. 2).

«Зов Пармы». Уровень узнаваемости этого бренда выше, чем предыдущего: top-of-mind составил 16 % среди респондентов, а после предложения выбрать из нескольких объектов один, символизирующий г. Чердынь, узнаваемость достигла 44 %. Это свидетельствует о среднем уровне узнаваемости.

В отличие от проекта «Святой источник Трифона Вятского», «Зов Пармы» рекламируется иначе, и источниками информации в этом случае в основном выступают друзья и знакомые (треть опрошенных указали на этот канал информации), хотя пятая часть респондентов назвали в качестве таких источников средства массовой информации и родственников. Это говорит о преимущественном распространении информации «из уст в уста», т.к. при суммировании всех ответов «друзья», «коллеги», «родственники» получается, что 63 % всех знающих об указанном бренде получили эту информацию не из СМИ, что косвенно подтверждает тезис о низкой эффективности рекламы. Среди СМИ в качестве каналов информации о бренде

«Зов Пармы» были названы и радио, и телевидение, и пресса, но Интернет отмечается чаще.

В целом посетившие мероприятие «Зов Пармы» остались очень довольны его организацией и были готовы посоветовать своим друзьям побывать там, т.о., несмотря на средний уровень узнаваемости бренда, лояльность к нему после посещения мероприятия достигает высоких показателей.

«Усадьба Строгановых» имеет более высокий уровень спонтанной узнаваемости (30 % респондентов сразу указали на этот бренд, ассоциирующийся у них с территорией Ильинского района). При этом отмечается низкий уровень лояльности: посетители музея остаются недовольны посещением: только пятая часть респондентов указали, что «Усадьба Строгановых» вызвала у них положительные эмоции, поэтому немногие посоветовали бы своим друзьям посетить этот музей (около 40 % посетивших музей). Среди недостатков назывались невозможность сделать фото и отсутствие интерактивных элементов («нельзя потрогать»), что для молодых людей в эпоху цифровизации становится важной характеристикой любого места, в т.ч. и музея, который они посещали. В целом молодые респонденты в возрасте 18–39 лет наиболее критично высказывались относительно недостатков «Усадьбы Строгановых».

Высокий уровень узнаваемости достигается посредством таких информационных каналов, как друзья-родственники (51 %) и Интернет (40 %); другие СМИ занимают незначительное место в информировании респондентов о бренде. Это, однако, может свидетельствовать не только об их низкой эффективности, но и о некоторых ограничениях выбранного метода онлайн-анкетирования, который с большей вероятностью в качестве респондентов отбирает тех, кто включен в интернет-пространство и в меньшей степени ориентирован на получение информации из других источников.

«Добрянка — столица доброты». Около 30 % в качестве первых ассоциаций с городом назвали если не сам бренд «столица доброты», то что-то, тесно связанное с этим названием: «доброта», «добро» и пр. Осведомленность о существовании такого проекта достаточно высока как среди жителей г. Добрянки, так и среди пермяков, что изначально не предполагалось. Основными источниками информации были названы различные средства массовой информации, что отличает этот бренд от выше-названных проектов, т.к. в данном случае доля тех, кто назвал в качестве основных каналов информации друзей, коллег и жителей г. Добрянки, меньше.

Также значительная доля респондентов (66 %), желающих посоветовать Добрянку для посещения своим друзьям и знакомым, свидетельствует о высоком уровне потребительской лояльности, а значит, достаточно эффективном осуществлении маркетинговой стратегии по развитию данного бренда.

«Добрянка — столица доброты» является наиболее эффективным и узнаваемым брендом среди изучаемых в данном пилотном исследовании. «Святой источник Трифона Вятского» более известен верующим, проживающим в Пермском районе, а пермяки об этом проекте почти ничего не слышали.

Коэффициент перехода от узнаваемости к покупке означает число людей, готовых посетить мероприятие изучаемого проекта из числа уже знающих об этом проекте-бренде (табл. 1). В Пермском районе половина из тех, кто знают об святом источнике Трифона Вятского, выбирают это место для посещения. Схожие результаты были получены относительно бренда «Зов Пармы» в г. Чердыни. Наибольшее число изъявивших желание посетить изучаемый проект наблюдается в отношении «Усадьбы Строгановых».

О пользе реализуемых проектов для развития территории у респондентов сложились различные мнения (табл. 2).

Таблица 1. Коэффициент перехода от узнаваемости к покупке

	<i>Источник Святого Трифона</i>	<i>Зов Пармы</i>	<i>Усадьба Строгановых</i>	<i>Столица Доброты</i>
Коэффициент перехода от узнаваемости к покупке	51,8	48,5	65,7	7*

* Вопрос о посещении г. Добрянки задавался только жителям г. Перми, соответственно, коэффициент рассчитан только для пермяков.

Таблица 2. «Какую пользу приносит бренд для развития территории?»

	<i>Источник Святого Трифона</i>	<i>Зов Пармы</i>	<i>Усадьба Строгановых</i>	<i>Столица Доброты</i>	<i>Среднее значение</i>
Привлечение туристов	12 %	31 %	29 %	19 %	23 %
Приобщение к истории (исторической памяти)	32 %	17 %	30 %	15 %	23 %
Развитие чувства любви к району	10 %	10 %	17 %	19 %	14 %
Преобразование культурного облика территории	18 %	14 %	18 %	0 %	13 %
Преобразование мест досуга	4 %	5 %	7 %	26 %	10 %
Приток инвестиций	2 %	10 %	0 %	11 %	6 %
Развитие волонтерской деятельности	1 %	6 %	0 %	8 %	4 %
Создание рабочих мест	0 %	7 %	0 %	2 %	2 %

Самыми популярными ответами стали «Привлечение туристов» и «Приобщение к истории». Однако при оценке Добрянки как города-бренда чаще высказывалась мысль о таком положительном последствии его реализации, как «преобразование мест досуга». В целом стоит подчеркнуть, что респонденты указывали чаще социокультурные последствия, а экономические факторы для них оказались наименее важными: приток инвестиций и создание рабочих мест — это то, на что не направлены данные проекты, по мнению опрошенных жителей г. Перми и территорий реализации данных проектов.

Выводы

Таким образом, три из четырех рассматриваемых проектов имеют низкий уровень узнаваемости, хотя у них есть определенный потенциал для формирования полноценного бренда. Каждый из них выполняет важные функции для территории — приобщение к культуре и истории края. Низкий уровень посещаемости и узнаваемости обусловлен неинформированностью населения о проекте или объекте. На это указывает тот факт, что опрашиваемые нередко вообще не знают о соответствующем объекте (святой источник Трифона Вятского) или вспоминают о нем только после дополнительных вопросов (фестиваль «Зов Пармы» и музей «Усадьба Строгановых»). Поэтому целенаправленную маркетинговую кампанию этих проектов необходимо не только продолжать, но и усиливать для привлечения большего внимания. Необходимо использовать весь диапазон каналов коммуникации и информирования населения о проектах. Бренд территории должен однозначно ассоциироваться с каким-либо населенным пунктом, но в настоящий момент

сложно судить насколько социокультурные проекты формируются именно в качестве территориальных брендов, насколько в сознании жителей они ассоциируются с территорией расположения.

Например, один из рассматриваемых объектов — святой источник Трифона Вятского — тесно связан с религиозными практиками, поэтому наиболее информированы о нем верующие. Соответственно, следует продолжать размещать рекламу об источнике в ближайших религиозных организациях. Также можно включать посещение родника в программу экскурсий по Пермскому району. Что касается его территориальной принадлежности, то сложно сказать, с каким населенным пунктом должен ассоциироваться этот объект: это бренд с. Нижние Муллы, в котором непосредственно располагается источник, бренд Култаевского сельского поселения или Пермского района в целом.

С учетом того, что брендинг в малых городах и сельских поселениях — это процесс, связанный с объективными проблемами (низкий уровень финансирования со стороны государственных образований, низкий статус населенных пунктов, сложности комбинирования усилий власти, предпринимателей и гражданского общества, отсутствие акцентирования внимания на достоинствах территории брендинга, необходимость учитывать интересы внешних и внутренних инвесторов), изучение брендов места представляет определенную сложность. С одной стороны, возникает ситуация слабой информированности населения о самом объекте брендинга, а с другой — появляются вопросы о привязке к территории расположения бренда, ассоциациях объекта с конкретным ме-

стом. Четыре рассмотренных социокультурных проекта как бренды территории в настоящее время поддерживаются группой компаний ООО «Лукойл-Пермь», но участия только одной организации недостаточно для того, чтобы объект стал успешным брендом. Необходима дополнительная финансовая и общественная поддержка других компаний, властных структур и населения. Во всяком случае, опыт свидетельствует, что бренды малых городов и сельских поселений — это один из эффективных инструментов решения экономических, социальных и культурных проблем территории.

Список литературы

- Абашиев В.В., Фирсова А.В.* Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3(23). С. 182–190.
- Анисимов Н.* В Ильинский приезжал Строгановский клуб // Знамя. 2019. 21 июня. URL: <http://zir59.ru/articles/media/2019/6/21/v-ilinskij-priezzhal-stroganovskij-klub/> (дата обращения: 12.08.2019).
- Анхольт С., Хильдрет Дж.* Бренд Америка. Мать всех брендов / пер. с англ. А. Дадыкина. М.: Добрая книга, 2010. 232 с.
- Бакина Е.О.* Формирование регионального имиджа и территориальный брендинг // XLVII Огаревские чтения: материалы науч. конференции: в 3 ч. (6–13 декабря 2018 г., Саранск). Саранск, 2019. С. 463–466.
- Беляева М.А., Самкова В.А.* Азы имиджологии: имидж личности, организации, территории: учеб. пособие для вузов. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 228 с.
- Бровко Д.В., Богданова Е.А.* Перспективы использования историко-культурного наследия в формировании территориальной идентичности города Далматово // Малые и средние города России как проблемное поле геобрендинга: материалы Всерос. очно-заочн. науч.-практ. конференции (25–26 марта 2011 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2011. С. 17–21.
- Важенина И.С.* Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // Управление. 2010. № 5–6. С. 4–9.
- Василенко И.А., Василенко Е.В., Ляпоров В.Н., Люлько А.Н.* Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И.А. Василенко. М.: Экономика, 2012. 222 с.
- Визгалов Д.В.* Маркетинг города: практ. пособие. М.: Ин-т экономики города, 2008. 114 с.
- Дайан А., Букерель Ф., Ланкар Р. и др.* Академия рынка: маркетинг / пер. с фр.; науч. ред. А.Г. Худокормов. М.: Экономика, 1993. 572 с.
- Даулинг Г.Р.* Наука и искусство маркетинга: профессиональный взгляд на маркетинг / пер. с англ. Т. Виноградовой, В. Кузина, Л. Царук; под науч. ред. С.Г. Божук. СПб.: Вектор, 2006. 392 с.
- Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. К. Динни; пер. с англ. В. Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
- Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
- Каталфамо Дж.* Произошло смещение фокуса с бренда на сообщество пользователей // Пресс-служба. 2014. № 12. С. 38–40.
- Конкурс* социальных и культурных проектов / ООО «Лукойл-Пермь». URL: <http://perm.lukoil.ru/ru/Responsibility/SocialProject> (дата обращения: 06.08.2019).
- Мазеина А.* Волонтерский десант // Пермская нефть. 2015. 18 авг. URL: <http://permneft-portal.ru/newspaper/articles/volonterskiy-desant/> (дата обращения: 12.08.2019).
- Муниципальное бюджетное учреждения культуры «Ильинский районный краеведческий музей» / Ильинский муниципальный район.* URL: <http://old.ilinsk.ru/sotsialnaya-sfera/kultura/muzej/> (дата обращения: 12.08.2019).
- Муниципальные образования Пермского края.* 2019: стат. сб. / Территориальный орган ФСГС по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2019. 155 с.
- Огилви Д.* Огилви о рекламе / пер. с англ. А. Гостева, Т. Новиковой. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 240 с.
- Оценка численности населения Пермского края по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года и в среднем за 2018 год / Территориальный орган ФСГС по Пермскому краю (Пермьстат)].* URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 03.09.2019).
- Пивоваров Ю.Л.* Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Владос, 1999. 232 с.
- Участие в конкурсе / ООО «Лукойл-Пермь».* URL: http://perm.lukoil.ru/ru/Responsibility/SocialProject/Participation?wid=wid_Hvyk5HvpEK61nN6oH5wvg (дата обращения: 06.08.2019).

Федотовских А.В. Брендинг малых и средних городов в рамках формирования имиджа российских агломераций // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. очно-заоч. конференции / отв. ред. А.М. Бритвина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 210–214.

Цепелев А.Ю. Социально-территориальная идентификация и брендинг региона // Власть. 2013. № 6. С. 143–146.

Получено 04.10.2019

References

Abashev, V.V. and Firsova, A.V. (2013). *Tvorchestvo Alekseya Ivanova kak faktor razvitiya vnutrennego turizma v Permskom krae* [Alexei Ivanov's creativity as a factor of development of domestic tourism in the Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. No. 3(23), pp. 182–190.

Anholt, S. and Hildreth, J. (2010). *Brend Amerika. Mat' vsekh brendov*, per. s angl. A. Dadykina [Brand America: the mother of all brands, trans. from Eng. by A. Dadykin]. Moscow: Dobraya Kniga Publ., 232 p.

Anisimov, N. (2019). *V Il'inskiy priezhal Stroganovskiy klub* [In Ilyinsky came Stroganovski club]. *Znamya*. Jun. 21. Available at: <http://zir59.ru/articles/media/2019/6/21/v-ilinskij-priezzhal-stroganovskij-klub/> (accessed 12.08.2019).

Bakina, E.O. (2008). *Formirovanie regional'nogo imidzha i territorial'nyy brending* [The formation of a regional image and territorial branding]. *XLVII Ogarevskie chteniya* [47th Ogarevsky Readings]. Saransk, pp. 463–466.

Belyaeva, M.A. and Samkova, V.A. (2017). *Azy imidzhologii: imidzh lichnosti, organizatsii, territorii* [The basics of imageology: image of a person, organization, territory]. Yekaterinburg: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 228 p.

Brovko, D.V. and Bogdanova, E.A. (2011). *Perspektivy ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya v formirovanii territorial'noy identichnosti goroda Dalmatovo* [Prospects for the use of historical and cultural heritage in the formation of the territorial identity of the city of Dalmatovo]. *Malye i srednie goroda Rossii kak problemnoe pole geobrendinga: Materialy Vserossiyskoy ochno-zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Small and medium-sized cities of Russia as a problem field for geobranding: Proc. of the International scientific and practical conference]. Yekaterinburg, p. 17–21.

Catalfamo, J. (2019). *Proizoshlo smeschenie fokusa s brenda na soobschestvo pol'zovateley* [The focus has shifted from the brand to the user community]. *Press-sluzhba* [Press Service]. No. 12, pp. 38–40.

Dajan A., Bukerel F., Lankar P. et al. (1993). *Akademiya rynka: marketing, per. s fr.* [Academy market. Marketing, trans. from French]. Moscow: Ekonomika Publ., 572 p.

Dinnie, K. (2013). *Brending territoriy. Luchshie mirovye praktiki*, per. s angl. [Branding territories. World best practices, trans. from Eng.]. Moscow: MIF Publ, 336 p.

Dowling, G.R. (2006). *Nauka i iskusstvo marketinga: professional'nyy vzglyad na marketing, per. s angl* [Science and the art of marketing. A professional look at marketing, trans. from Eng.]. Saint Petersburg: Vektor Publ., 392 p.

Fedotovskikh, A.V. (2012). *Brending malykh i srednikh gorodov v ramkakh formirovaniya imidzha rossiyskikh aglomeratsiy* [Branding of small and medium-sized cities in the framework of forming the image of Russian agglomerations]. *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoy konferentsii*, pod red. A.M. Britvina [Branding of small and medium-sized cities of Russia. Experience, problems, prospects: proceedings of the International scientific and practical conference, ed. by A.M. Britvina]. Ekaterinburg: URFU Publ., pp. 210–214.

Konkurs sotsial'nykh i kul'turnykh projektov [Competition of social and cultural projects]. LLC «Lukoil-Perm». Available at: <http://perm.lukoil.ru/Responsibility/SocialProject> (accessed 06.08.2019).

Mazeina, A. (2015). *Volonterskiy desant* [Volunteer landing]. *Permskaya neft'* [Perm Oil]. Aug. 18. Available at: <http://permneft-portal.ru/newspaper/articles/volonterskiy-desant/> (accessed 12.08.2019).

Munitsipal'noe byudzhethnoe uchrezhdeniye kul'tury «Il'inskiy rayonnyy kraevedcheskiy muzey» [Municipal budgetary institution of culture «Ilyinsky regional museum of local lore»]. Ilyinsky municipal district. Available at: <http://old.ilinsk.ru/sotsialnaya-sfera/kultura/muzey/> (accessed 12.08.2019).

Munitsipal'nye obrazovaniya Permskogo kraya. 2019: Statisticheskii sbornik [Municipalities of the Perm region. 2019: statistical compendium]. Perm: Territorial authority of the FSSS for the Perm Region Publ., 155 p.

Otsenka chislennosti naseleniya Permskogo kraya po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2019 goda i v srednem za 2018 god [Estimation of

the population of the Perm Territory by municipalities as of January 1, 2019 and on average for 2018]. Territorial authority of the FSSS for the Perm Region. Available at: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/statistics/population/ (accessed 03.09.2019).

Ogilvi, D. (2013). *Ogilvi o reklame*, per. s angl. [Ogilvy about advertising, trans. from Eng.]. Moscow: MIF Publ., 2nd ed., 240 p.

Pivovarov, Yu.L. (1999). *Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsiya i gorodskie sistemy* [Fundamentals of geo-urbanism: Urbanization and urban systems]. Moscow: Vlados, 232 p.

Tsepelev, A.Yu. (2013). *Sotsial'nno-territorial'naya identifikatsiya i brending regiona* [Socio-territorial identification and branding of the region]. *Vlast'* [The Authority]. No. 6, pp. 143–146.

Uchastie v konkurse [Participation in the competition]. LLC «Lukoil-Perm». Available at: http://perm.lukoil.ru/ru/Responsibility/SocialProject/Participation?wid=wid_Hvyk5HvpEK61nN6oH5wvg (accessed 06.08.2019).

Об авторах

Балезина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры социологии,
директор Центра социологических исследований

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

Форостян Вероника Викторовна

магистрант направления «Социология»
философско-социологического факультета,
техник Центра социологических исследований

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: v.forostyan13@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1351-4671>

Vasilenko, I.A., Vasilenko, E.V., Lyaporov, V.N. and Lyul'ko, A.N. (2012). *Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga* [Image of Russia: the concept of national and territorial branding]. Moscow: Ekonomika Publ., 222 p.

Vazhenina, I.S. (2010). *Imidzh, brend i reputatsiya kak konkurentnye preimushchestva regiona* [Image, brand and reputation as competitive advantages of the region]. *Upravlenets* [The Manager]. No. 5–6, pp. 4–9.

Vizgalov, D.V. (1993). *Marketing goroda* [City marketing]. Moscow: IUE Publ., 114 p.

Zamyatin, D.N. (2013). *Geokul'turnyy brending territoriy: kontseptual'nye osnovy* [Geo-cultural branding of territories: the conceptual grounds]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences]. No. 5, pp. 11–23.

Received 04.10.2019

About the authors

Ekaterina A. Balezina

Senior Lecturer of the Department of Sociology,
Director of the Center for Sociological Research

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

Veronika V. Forostyan

Post-graduate Student of the « Sociology » Program,
Faculty of Philosophy and Sociology,
Technician of the Center for Sociological Research

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: v.forostyan13@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1351-4671>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балезина Е.А., Форостян В.В. Бренд территории как результат реализации социокультурного проекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 610–619.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-610-619

For citation:

Balezina E.A., Forostyan V.V. [Territory brand as a result of a sociocultural project implementation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 610–619 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-610-619

УДК 314.7:316:444

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631

РЕЛИГИОЗНОСТЬ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ КРУПНОГО ГОРОДА*

Могильчак Елена Львовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Целью исследования являлось определение степени распространенности религиозных практик среди разных категорий мигрантов, выявление религиозных групп, имеющих разные аккультурационные стратегии. В 2017 г. нами был опрошен методом стандартизированного интервью 231 иноэтничный мигрант из стран Центральной Азии, проживающий в Екатеринбурге. С увеличением времени пребывания в Екатеринбурге как у мусульман, так и у христиан увеличивается число используемых религиозных практик. Таким образом, с увеличением продолжительности пребывания в городе у мусульман усиливается ориентация на сохранение национально-культурной идентичности, у определивших свою конфессиональную принадлежность как христианство — на включение в новую, немусульманскую культуру. На религиозную активность мигрантов влияют социально-демографические факторы. С повышением уровня образования религиозность ослабевает, а при переходе от женской к мужской гендерной группе она усиливается. На основе показателей степени идентификации с родной и русской культурой при помощи метода факторного анализа было проведено сравнение трех религиозных групп мигрантов. Среди них были выделены: 1) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам и реализующие максимальное число религиозных практик; 2) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам, но не вовлеченные ни в одну религиозную практику; 3) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности христианство. В первой группе сильно развита установка как на включение в русскую культуру, так и на сохранение собственной национально-культурной идентичности. Во второй группе слабо развиты обе установки. В третьей группе установка на сохранение национально-культурной идентичности не развита, а установка на включение в русскую культуру развита лишь частично. Опираясь на теорию аккультурации Дж. Берри, можно говорить о предрасположенности первой группы мигрантов к интеграционной стратегии аккультурации, второй группы — к маргинальной стратегии. Стратегия третьей группы определена нами как неполная ассимиляция. Наиболее оптимальной и бесконфликтной мы считаем стратегию интеграции, которая свойственна первой группе — активно практикующим мусульманам.

Ключевые слова: мигранты, религиозные практики, аккультурация, ассимиляция, интеграция, маргинализация, культурная самоидентификация, факторный анализ.

RELIGIOUSNESS OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN A LARGE CITY

Elena L. Mogilchak

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The aim of the study was to determine the occurrence of different religious practices in different categories of migrants and to identify religious groups with different acculturation strategies. In 2017, we interviewed 231 nonethnic migrants from Central Asian countries living in Ekaterinburg with the help of the

* Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований и поддержана грантом № 19-011-00467.

standardized interview method. With an increase in the time spent in Ekaterinburg, both Muslims and Christians show increased number of religious practices used. Thus, with an increase in the duration of stay in the city, Muslims become more oriented toward the preservation of national and cultural identities, while those who have specified their religious affiliation as Christianity show orientation toward inclusion in the new non-Muslim culture. The religious activity of migrants is influenced by socio-demographic factors. With an increase in the level of education, religiosity weakens; with the transition from the female to the male gender group, it intensifies. Based on the indicators showing the degree of identification with the native and Russian culture and using the factor analysis, there was performed a comparative analysis of three religious groups of migrants: 1) those who have identified Islam as their religious affiliation and do the maximum number of religious practices; 2) those who have identified Islam as their religious affiliation but are not involved in any religious practice; 3) those who have specified Christianity as their religious affiliation. In the first group, both the orientation toward inclusion in Russian culture and the preservation of national-cultural identity are highly developed. In the second group, both tendencies are poorly manifested. In the third group, the tendency toward the preservation of national-cultural identity is undeveloped, while the tendency toward inclusion in Russian culture is developed only in some indicators. Relying on the theory of acculturation by J. Berry, we can talk about the predisposition of the first group of migrants to the integration strategy of acculturation, while the second group is predisposed to the marginal strategy. We defined the strategy of the third group as incomplete assimilation. We consider the integration strategy which is peculiar to group 1 (actively practicing Muslims) to be the most optimal and conflict-free strategy.

Keywords: migrants, religious practices, acculturation, assimilation, integration, marginalization, cultural self-identification, factor analysis.

Введение

Ежегодно в Свердловскую область прибывает около двух тысяч мигрантов из Центральной Азии: Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении. Проблема адаптации приезжих к новым условиям жизни имеет не только социально-экономический, но и социокультурный аспект: выходцы из Центральной Азии представляют собой одновременно этническое и религиозное меньшинство. По данным репрезентативного исследования жителей Екатеринбурга, проведенного нами в 2017 г., доля определивших свою конфессиональную принадлежность как ислам составила всего 3%. При этом основную часть мусульман составляют коренные жители Урала — татары и башкиры, что указывает на возможность появления проблем взаимодействия с мигрантами в однородной конфессиональной, но «чуждой» этнической среде.

Религиозность измерялась нами через показатели конфессиональной принадлежности и религиозных практик. В задачи исследования входило определение степени распространенности религиозных практик среди разных категорий мигрантов, выявление религиозных групп, имеющих разные аккультурационные стратегии.

Результаты эмпирических исследований религиозного поведения мигрантов в России

В исследованиях ряда авторов изучаются условия, способствующие воспроизводству и развитию религиозности после переезда мигрантов, влияние религии на их адаптацию к новым условиям жизни, степень распространенности религиозных практик [Massey D.S., Higgins M.E., 2011]. Исследование этой проблематики актуально и для России. В некоторых литературных источниках на основе эмпирических исследований показывается, что обращение к религиозным практикам является реакцией на неблагоприятные условия, сложившиеся для мигрантов в России. Так, указывается на наличие двух противоположных тенденций: роста числа агностиков, атеистов и новообращенных в другие религии, с одной стороны, и увеличение доли мусульман и религиозных активистов, строго практикующих ислам, — с другой [Olimova S., Olimov M., 2018]. Отчуждение мигрантов от окружающего общества и их неприятие местным населением может способствовать развитию у них консервативной религиозности, которая выражается в подчеркнутом следовании религиозной ритуальности [Павлова О.С., 2015]. Изоляция мешает мигрантам взаимодействовать с теми, кого они считают

отличными от них. Социальные сети, основанные общности религии, этнической принадлежности и родства, воспринимаются как безопасное пространство для жизни в российском обществе [Tugaeva R., 2019]. Выраженная мусульманская религиозная идентичность не способствует социокультурной адаптации мигрантов из Средней Азии [Галяпина В.Н., Хожи-ев Ж. Ж., 2017, с. 18].

Некоторые авторы останавливаются на общих характеристиках религиозного поведения выходцев из Центральной Азии и других стран бывшего СССР, которые имеют нейтральный характер и касаются описания реальных религиозных практик.

Отмечено, что в большинстве стран бывшего СССР доля мусульман, которые соблюдают основные религиозные предписания (например, постятся в течение месяца Рамадан), меньше, чем в других странах мира [Куперман А. и др., 2017]. Пребывание в России также накладывает на религиозную культуру мигрантов свои особенности [Батенева Е.В., 2012]. По данным А.Н. Старостина, лишь четверть опрошенных мигрантов являлись практикующими мусульманами у себя на родине, еженедельно посещали религиозные службы. Еще четверть посещала мечети только во время крупных праздников, а 20 % делали это еще реже. Доля тех, кто посещает мечеть, становится заметно меньше по сравнению со страной выбытия: лишь 9 % продолжают посещать мечеть каждую неделю, 21 % посещает мечеть только во время крупных праздников [Старостин А.Н., 2016, с. 53]. Но в то же время интервью с мигрантами, особенно из Таджикистана и Узбекистана, подтверждают, что многие молодые люди стали практикующими мусульманами именно во время пребывания в России [Рош С., 2014].

Таким образом, мы видим некоторую противоречивость данных у разных авторов. Это может быть связано не только с особенностями изучаемых совокупностей в разных исследованиях, но и с неоднородностью самого сообщества мигрантов. Оно неоднородно как по социально-демографическим и культурным параметрам, так и цели приезда, желанию остаться навсегда в России, а также конфессиональной принадлежности и религиозной активности. Нашей задачей является изучение не только распространенности религиозных практик сре-

ди мигрантов, но и их зависимости от социально-демографических и конфессиональных факторов, а также влияния религиозности на параметры аккультурации мигрантов в России.

Теоретические предпосылки исследования

Религия и в доисторическом, и в цивилизованном обществе рассматривается как организованное коллективное усилие для поддержания контакта людей со сверхъестественными силами, для влияния на них и для ответа им [Малиновский Б., 2005, с. 33].

Обобщив существующие в литературе представления и теории, объясняющие воспроизводство религиозности у мигрантов, можно объединить их в следующие группы:

– *«теория мировоззрения»*. Главным фактором является уровень образования: чем более образованны люди, тем менее религиозными они становятся;

– *теория социального капитала*. Религия предоставляет мигрантам ресурсы, уважение и убежище (психологическую помощь) для плавной адаптации в новом обществе;

– *теория дискриминации*. Осознание дискриминации может побудить мусульман использовать свою веру в преодолении стресса, вызванного дискриминационным опытом;

– *теория ненадежности* основана на гипотезе о том, что чем неувереннее чувствуют себя люди, тем более религиозными они будут. Потребность в религиозных убеждениях возрастает, когда человек не может предвидеть свое будущее, что вызывает у него чувство тревоги.

Религиозные верования предоставляют людям предсказуемые правила, чтобы помочь им справиться с опасностями [Eraliev S., 2018, p. 139].

К теориям вхождения в новую культуру относится теория аккультурации Дж. Берри. Согласно данной теории процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными вопросами, на которые отвечает мигрант: поддерживать ли собственную культуру в новой среде (насколько сохранять культурную идентичность) и участвовать ли в межкультурных контактах (насколько включаться в новую культуру)? [Ефремова М.В., Лепшокова З.Х., 2014, с. 36].

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре

основных стратегии аккультурации мигрантов: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором мигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. При сепарации представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Интеграция характеризуется идентификацией как с родной, так и с чужой культурой. Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом аккультурации становится этнокультурная маргинализация.

Мы использовали теорию Дж. Берри для выявления предрасположенности к использованию определенных стратегий аккультурации мигрантов, различающихся по конфессиональной принадлежности и религиозной активности. Таким образом, стратегии аккультурации рассматривались как характеристики статистических совокупностей, а не личностей. Поэтому для анализа привлекались интегральные общегрупповые показатели (например, проценты и средние), характер сочетания которых в группе рассматривался как критерий определения преобладающей стратегии аккультурации.

Методы исследования

В 2017 г. в ходе исследования под руководством И.Б. Бритвиной методом стандартизированного интервью были опрошены иноэтничные мигранты из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), не имеющие российского гражданства и проживающие в Екатеринбурге (N = 231).

Тип выборки: целевая. В выборочную совокупность были отобраны выходцы из пяти указанных выше стран в равных пропорциях. Нами исследовались три основные религиозные практики: посещение мечети, молитвы, участие в религиозных праздниках. Мы согласны с авторами, которые считают, что участие в различных религиозных практиках с разной долей вероятности свидетельствует о религиозной вере. Исполнение обрядов, имеющих религиозное происхождение, может быть следствием не ре-

лигиозной веры, а закрепленной в обществе культурной традиции [Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г., 2010, с. 379].

Для сравнения групп с разным числом религиозных практик и разной конфессиональной принадлежностью были применены индикаторы аккультурационных установок. Среди них выделяется готовность кардинально изменить свою культуру, согласие выполнять требования к поведению мигрантов, оценка личностных качеств жителей Екатеринбурга, оценка значимости русской культуры в жизни общества, получение информации о жизни в России у местных жителей и представителей собственной нации, наличие друзей и коллег среди русских. На основе перечисленных параметров был осуществлен факторный анализ. Выделение факторов производилось методом главных компонент, ротация — методом Varimax; процент объясненной дисперсии составил 52 %. При помощи факторного анализа были выделены три латентные переменные, значения которых использовались для межгруппового сравнения и определения аккультурационных стратегий религиозных групп.

Результаты исследования

Религиозные практики мы рассматриваем в качестве поведенческого проявления религиозности. Религиозность является компонентом культуры личности, культурным капиталом, который может выступать в инкорпорированном состоянии, т.е. «в форме длительных диспозиций ума и тела» [Бурдые П., 2002, с. 60]. Результаты исследования показали, что регулярно молятся всего около 39 % мигрантов-мусульман, 30,3% регулярно бывают в мечети, 60 % отмечают главные религиозные праздники. Нужно особо отметить, что около 30 % респондентов вообще не участвуют в религиозных практиках. Распространенность религиозных среди практик мусульман-мигрантов несущественно отличается от значений данных показателей среди местных жителей-православных. Эти факты объясняются низким уровнем религиозности населения Советского Союза, выходцами из которого являются жители России и государств Центральной Азии.

С увеличением продолжительности пребывания в Екатеринбурге растет число используемых мигрантами религиозных практик. Это

касается не только тех, кто указал в качестве конфессиональной принадлежности ислам, но и тех, кто отнес себя к христианам. Прежде всего, нужно отметить возрастание институциональной религиозности у мигрантов, проживших в городе более трех лет. В этой категории опрошенных, помимо самой высокой религиозной активности, значительно выше доля привыкших к жизни в городе и желающих навсегда переехать в Екатеринбург. Полученные данные свидетельствуют о том, что процесс адаптации к условиям жизни в городе связан с религиозными практиками. С увеличением времени пребывания в Екатеринбурге у мусульман происходит усиление ориентации на сохранение национально-культурной идентичности с помощью участия в религиозных исламских практиках. У указавших свою конфессиональную принадлежность как христианство усиливается ориентация на включение в новую, немусульманскую культуру.

Социально-демографические факторы религиозности мигрантов

Активно практикующие верующие-мусульмане отличаются от не включенных в религиозные

практики по социально-демографическому составу. Среди первых ниже уровень образования, меньше молодежи. Наиболее часто встречающаяся демографическая группа — мужчины со средним общим образованием. В исламе дается предписание не запрещать женщинам посещать мечети, но учитывать, что молиться лучше дома [Мирзамагомедова И., 2013]. Данные нашего исследования показывают, что среди женщин реже, чем среди мужчин, встречаются регулярно молящиеся, участвующие в религиозных праздниках, регулярно посещающие мечеть. Здесь почти в два раза выше доля тех, кто не использует ни одной из перечисленных форм религиозной активности (см. табл. 1).

Имеющие высшее и неоконченное высшее образование мусульмане реже молятся и отмечают религиозные праздники, в данной группе выше процент вообще не участвующих в религиозных практиках. Это подтверждает теорию мировоззрения, объясняющую воспроизводство религиозности у мигрантов: чем более образованны люди, тем менее религиозными они становятся.

Таблица 1. Распределение мужчин и женщин-мусульман по характеру религиозных практик (% от числа опрошенных)

	<i>В целом по выборочной совокупности</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Регулярно молится	38,8	43,9	26,0
Регулярно бывает в мечети	30,3	35,1	18,0
Отмечает главные религиозные праздники	60,0	63,2	52,0
Не вовлечен в религиозные практики	29,7	24,6	42,0

На основе конфессиональной принадлежности и включенности в религиозные практики нами были проанализированы три группы мигрантов из Центральной Азии:

– определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам и участвующие в максимальном числе религиозных практик: регулярно молятся, регулярно бывают в мечети, отмечают главные религиозные праздники (активно практикующие мусульмане);

– определившие свою конфессиональную принадлежность как ислам, но не вовлеченные ни в одну религиозную практику;

– определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности христианство.

Средствами межгруппового сравнительного анализа выступали показатели идентификации мигрантов с русской культурой и культурой своего народа.

Принятие христианства рассматривалось нами как показатель отрицания национальной культуры, а активно практикующие мусульмане выступали как носители высокой степени идентификации с родной культурой.

Охарактеризуем каждую из трех указанных выше групп по параметрам идентификации с родной и с русской культурой.

1. Активно практикующие мусульмане

Идентификация практикующих мусульман с родной культурой проявляется в том, что верующие с максимальным числом религиозных практик не только проявляют высокую религиозную активность, но и чаще интересуются литературой на национальном языке и историей собственного народа, а также рецептами национальных блюд. Это свидетельствует об их идентификации с родной культурой. Однако данный факт не говорит о большем проявлении национализма среди данной группы мигрантов. Так, верующие с максимальным числом религиозных практик менее склонны к национальным предубеждениям: среди них выше число указывающих, что нет таких национальностей, которые вызывали бы у них неприязнь.

Прибегающие к религиозным практикам чаще, чем исключенные из них, имеют родственников, соседей, а также коллег среди местного населения (см. табл. 2). Это говорит об *идентификации с новой, русской культурой*. Особо нужно отметить, что представители данной религиозной группы чаще имеют в своем сознании положительный образ русского человека, считают, что русская культура должна занимать ведущее место в России.

Респонденты, входящие в описываемую категорию, соглашались с более высоким числом требований к мигрантам. Прежде всего, это требование не отличаться от жителей Екатеринбурга внешне по стилю одежды, соблюдать культурные нормы, принятые в России: нормы общения, поведения, отношения к женщинам. Представители данной группы также считают, что нужно стараться селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими. Они в большей степени ориентированы на *адаптацию к российским условиям*, что отчасти подтверждается более высоким сроком проживания в Екатеринбурге.

Анализируемая группа получает информацию о России и Екатеринбурге как от представителей своей национальности, так и от русских. Нужно отметить, что в данной группе чаще встречаются респонденты, получающих сведения *одновременно от представителей своей национальности и от русских* (см. табл. 2). Это указывает на то, что ресурсы, связанные с отношениями знакомства, и социальный капитал

формируются на основе религиозной деятельности при условии одновременного выполнения ею двух функций: воспроизводства национальной культуры и формирования лояльного доброжелательного отношения к представителям другой культуры. Данный факт свидетельствует о том, что в анализируемой группе формируется *ориентация на идентификацию с обеими культурами одновременно: с собственной национальной и русской культурой*.

В целом коммуникация у практикующих верующих более развита: здесь выше число групп общения и используемых источников информации о России. Это свидетельствует о predisposedности религиозных людей к налаживанию социальных контактов, обладанию более развитым социальным капиталом, что подтверждается исследованиями европейских ученых. Так, в странах Европы принадлежность к религиозным группам наиболее тесно коррелирует с гражданской активностью. Религиозные люди стремятся к «просоциальному» поведению и способствуют консолидации группы [Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г., 2010, с. 379].

2. Мигранты-мусульмане, не включенные в религиозные практики

Нужно обратить внимание на более низкий уровень идентификации с родной культурой входящих в указанную группу респондентов: они проявляют меньший интерес к истории своего народа, среди них менее распространено посещение уличных праздников и умение готовить национальные блюда. Самый существенный показатель низкого уровня идентификации — полное отсутствие религиозных мусульманских практик.

В данной группе уровень идентификации с русской культурой также является низким. Это касается прежде всего неготовности кардинально изменить свою культуру для обеспечения комфортного и безопасного сосуществования с екатеринбуржцами, нежелания селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими, менее распространенного способа получения информации о России — у русских (см. табл. 2). Таким образом, данная группа отличается низким уровнем идентификации как с собственной, так и с русской культурой.

Таблица 2. Влияние включенности в религиозные практики на адаптационные и национально-культурные установки мигрантов

	Не включенные в религиозные практики	Включенные в максимальное число религиозных практик
<i>Установки на идентификацию с русской культурой</i>		
Готов(а) кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами	4,1	28,5
Считает, что русская культура должна занимать ведущее место в обществе	25,6	41,7
Считает, что нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России (нормы общения, поведения, отношение к женщинам и т.д.)	66,7	82,9
Считает, что нужно стараться селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими	25	40
Считает, что нужно стараться не отличаться от жителей Екатеринбурга внешне по стилю одежды	31,3	51,4
Общается с жителями Екатеринбурга как с друзьями	39,6	57,1
Общается с жителями Екатеринбурга по работе	70,8	85,7
Общается с жителями Екатеринбурга как с соседями	39,6	74,3
Узнает новости про русских, про Россию, через русских при встречах с ними или в социальных сетях	36,7	68,6
Считает, что многие жители Екатеринбурга ведут себя вполне культурно	20,4	42,8
<i>Установки на идентификацию с родной культурой</i>		
Умеет готовить национальные блюда	55,1	82,9
Посещает уличные праздники	6,1	28,6
Интересуется историей своего народа	22,4	60,0
Узнает новости про русских, про Россию, про Екатеринбург через приезжих своей национальности при встречах с ними либо в социальных сетях	30,6	62,9
Регулярно бывает в мечети	0	100,0
Регулярно молится	0	100,0
Отмечет главные религиозные праздники	0	100,0
<i>Комплексные установки</i>		
Узнает новости про русских, про Россию и у русских, и у своих	20,4	45,7
Не узнает новости про русских, про Россию ни у русских, ни у своих	53,1	14,3

3. Мигранты, отметившие свою конфессиональную принадлежность как христианство (православие, протестантизм, католичество)

Еще раз отметим, что принятие христианства иноэтничными мигрантами из Центральной Азии рассматривалось нами как показатель отрицания их национальной культуры.

Мигранты, обозначившие свою конфессиональную принадлежность как христианство, чаще отмечают, что полностью привыкли к жизни в Екатеринбурге, хотя остаются в России навсегда, хорошо знают российское законодательство и русский язык. Представители данной группы в 60 % случаев имеют друзей среди русского населения, информация о России чаще поступает к ним только от русских, а

не от представителей собственной национальности (см. табл. 3)

Основой указанных особенностей во многом является цель приезда в Россию данных людей. Среди них реже, чем среди мусульман, встречаются трудовые мигранты и чаще — приехавшие учиться, получать образование (чаще всего высшее). Именно поэтому здесь больше имеющих высшее и неоконченное высшее образование, хорошо знающих русский язык.

Нужно особо отметить, что идентификация с русской культурой в данной группе проявляется не в религиозных практиках, относящихся к христианству, а в освоении умений, которые могут пригодиться в светской жизни. Так, здесь реже, чем в группе мусульман, регулярно молятся и отмечают религиозные праздники. Обращается к христианским молитвам лишь каж-

дый шестнадцатый опрошенный (см. табл. 3).
Говорить об идентификации с русской культу-

рой данной категории опрошенных можно, однако она не является полной.

Таблица 3. Социально-культурные характеристики мигрантов из Центральной Азии, принадлежащих к христианским конфессиям, в сравнении с придерживающимися Ислама (% от числа опрошенных)

	Конфессиональная принадлежность — ислам	Конфессиональная принадлежность — христианство
<i>Установки на идентификацию с национальной культурой</i>		
Регулярно молится в соответствии с обычаями ислама	38,8	0,0
Регулярно посещает мечеть	30,3	0,0
Отмечает главные мусульманские праздники	60,0	0,0
<i>Установки на идентификацию с русской культурой</i>		
Регулярно молится в соответствии с обычаями христианства	0,0	6,3
Отмечает главные христианские праздники	0,0	35,9
Хочет остаться в России навсегда	42,7	59,4
Полностью привык к жизни в Екатеринбурге	30,0	50,0
Получает информацию о России только у русских	19,4	39,1
Хорошо знает и российское законодательство, и русский язык	26,7	46,9
Может не только общаться, но и читать, писать на русском языке	37,6	67,2
Есть друзья среди русских	34,1	59,4
<i>Социально-экономические характеристики</i>		
Цель приезда — учеба	19,8	43,8
Цель приезда — работа	70,4	45,3
Есть высшее или неоконченное высшее образование	18,9	51,6

Стратегии аккультурации в религиозных группах

В целях более обоснованного определения аккультурационной специфики выделенных культурно-религиозных категорий с помощью факторного анализа мы выявили три латентные многомерные переменные. Их числовые значения были использованы для сравнения указанных групп.

Результаты факторного анализа, представленные в табл. 4, указывают, что фактор № 1 соответствует латентной установке на включение в русскую культуру на ценностном уровне, фактор № 2 — установке на включение в русскую культуру на уровне знаний и умений, № 3 — установке на сохранение национально-культурной идентичности. Жирным шрифтом в таблице выделены самые высокие факторные нагрузки, которые соответствуют параметрам, в совокупности представляющим «лицо» фактора как латентной многомерной переменной.

Напомним, что интеграция как стратегия аккультурации характеризуется идентификацией и с родной, и с чужой культурой. Если большая часть мигрантов не идентифицирует себя ни с

культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом аккультурации становится этнокультурная маргинализация.

Как видно из табл. 5, у активно практикующих мусульман (группа 1) сильно развита как установка на включение в русскую культуру (фактор 1), так и на сохранение национально-культурной идентичности (фактор 3). У мусульман с отсутствием религиозных практик (группа 2) слабо развита как первая, так и вторая установка. Можно говорить о предрасположенности первой группы мигрантов к *интеграционной стратегии* аккультурации, второй группы — к *маргинальной стратегии*.

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором мигрант отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. Напомним, что отрицание ислама принявшими христианство указывает на отрицание национальной культуры и поэтому является одним из показателей стратегии ассимиляции.

Таблица 4. Матрица факторных нагрузок

	<i>Фактор 1</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на ценностном уровне</i>	<i>Фактор 2</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на уровне знаний и умений</i>	<i>Фактор 3</i> <i>Установка на сохранение</i> <i>национально-культурной</i> <i>идентичности</i>
Число требований к мигрантам, с которыми согласен	0,610	0,003	0,231
Готовность изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами	0,588	0,127	0,006
Оценка значимости российской культуры	0,598	0,0004	0,001
Оценка уровня знания российских законов	0,127	0,711	0,006
Степень выраженности позитивной оценки качеств жителей Екатеринбурга	0,595	0,147	0,155
Оценка уровня владения русским языком	0,109	0,730	0,005
Наличие друзей среди местного населения	0,230	0,716	0,004
Частота получения информации от представителей своей национальности	0,161	0,003	0,797
Число используемых национально-культурных практик	0,274	0,003	0,744

Таблица 5. Факторные значения установок мигрантов на национально-культурную идентификацию

<i>№</i> <i>гр.</i>	<i>Религиозная группа</i>	<i>Фактор 1</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на ценностном уровне</i>	<i>Фактор 2</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на уровне знаний и умений</i>	<i>Фактор 3</i> <i>Установка на сохранение</i> <i>национально-культурной</i> <i>идентичности</i>
1	Активно практикующие мусульмане	2,80	2,69	3,14
2	Мусульмане с отсутствием религиозных практик	2,22	2,60	2,09
3	Христиане	2,37	2,87	2,23

Стратегия определивших свою конфессиональную принадлежность как христианство является неоднозначной, ее можно определить как неполная ассимиляция. Включенность в русскую культуру наиболее сильно проявляется в знании русского языка и российских законов, а не в осознании ценности русской культуры. Принятие христианства на поведенческом уровне является крайне слабым (см. табл. 3)

Подведем итоги. Мы получили три категории мигрантов: 1) активно практикующие мусульмане, характеризующиеся стратегией интеграции; 2) мусульмане с отсутствием религиозных практик (маргинальная стратегия аккуль-

турации); 3) мигранты, определившие свою конфессиональную принадлежность как христианство (неполная ассимиляция). Указанные группы имеют примерно равную численность.

Наиболее оптимальной и неконфликтной мы считаем аккультурационную стратегию интеграции, которая свойственна активно практикующим мусульманам. Она позволяет мигрантам интегрироваться в принимающее сообщество, сохранив черты национальной культуры при лояльном отношении к представителям русской культуры.

Заключение

Нами был зафиксирован достаточно низкий уровень распространенности религиозных практик среди мигрантов. Обнаружено несоответствие заявляемой конфессиональной принадлежности и реальной достаточно слабой религиозной активности. Среди трех выделенных нами религиозных групп исключение составляют мигранты-мусульмане с максимальным числом религиозных практик. Их высокая религиозность сочетается с более низким уровнем образования и с более развитой коммуникативной активностью как в отношении приезжих собственной национальности, так и местного населения, а также большей длительностью проживания в городе.

В целом, исходя из выборочной совокупности, можно сделать вывод, что с увеличением продолжительности пребывания в Екатеринбурге растет число используемых религиозных практик. Среди опрошенных, проживших в городе более трех лет, чаще встречаются люди с высокой религиозной активностью, а также мигранты, привыкшие к жизни в городе и желающие навсегда переехать в Екатеринбург. Полученные данные свидетельствуют о том, что адаптация к условиям жизни в городе и религиозные практики положительно связаны друг с другом. Можно прогнозировать увеличение религиозной активности при возрастании числа мигрантов, проживающих в городе на постоянной основе. В этом случае интеграция как аккультурационная стратегия станет более распространенной, чем маргинализация и ассимиляция.

Список литературы

Батенева Е.В. Проблемы культурной адаптации экономических мигрантов из стран Центральной Азии в столичном регионе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6(50). С. 97–100.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 05.06.2019).

Галятина В.Н., Хожиев Ж.Ж. Роль идентичности, этнических стереотипов и стратегий аккультурации в адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130402>

Ефремова М.В., Ленишкова З.Х. Религиозность и стратегии аккультурации мигрантов и принимающего населения // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 4(33). С. 35–46.

Куперман А. и др. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе / Pew Research Center. 2017. 51 с. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. 184 с.

Мирзамагомедова И. Мусульманка посещает Дом Аллаха // Islam.ru: исламский информационный портал. 2013. 17 июн. URL: <http://islam.ru/content/obshchestvo/41399> (дата обращения: 26.06.2019).

Павлова О.С. Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11, № 4. С. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222>

Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории: науч. альманах. Т. IV: Человек в поисках идентичности. М.: Изд-во Независимого ин-та гражд. общ-ва, 2010. С. 373–395.

Рош С. Роль ислама в жизни центрально-азиатских мигрантов в Москве. CERIA: Аналитический обзор № 2, октябрь 2014 / Central Asia Program. 2014. Oct. 20. URL: <https://centralasiaprogram.org/archives/7867> (дата обращения: 05.06.2019).

Старостин А.Н. Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии в уральском мегаполисе // Этнопанорама. 2016. № 1–2. С. 46–55.

Eraliev S. Growing Religiosity Among Central Asian Migrants in Russia // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2018. Vol. 10. P. 137–150. URL: http://japan.tsukuba.ac.jp/research/JIAJS10_ONLINE01_Eraliev.pdf (дата обращения: 05.06.2019).

Massey D.S., Higgins M.E. The Effect of Immigration on Religious Belief and Practice: A Theologizing or Alienating Experience? // Social Science Research. 2011. Vol. 40, iss. 5. P. 1371–1389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.04.012>

Olimova S., Olimov M. Religious institutions and Tajik migrant integration in Russia // DOC Research Institute. 2018. Feb 21. URL: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia> (дата обращения: 10.06.2019).

Turaeva R. Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2019. Vol. 20, iss. 2. P. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>

Получено 28.08.2019

References

Bateneva, E.V. (2012). *Problemy kul'turnoy adaptatsii ekonomicheskikh migrantov iz stran Tsentral'noy Azii v stolichnom regione* [Problems of cultural adaptation of economic migrants from Central Asia in the capital region]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No. 6(50), pp. 97–100.

Bourdieu, P. (2002). *Formy kapitala* [The form of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 3, no. 5, pp. 60–75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 05.06.2019).

Cooperman, A., Saygal, N. and Shiller, A. (2017). *Religiya i natsional'naya prinadlezhnost' v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* [Religion and nationality in Central and Eastern Europe]. Pew Research Center, 51 p. Available at: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed 05.06.2019).

Efremova, M.V. and Lepshokova, Z. Kh. (2014). *Religioznost' i strategii akkul'turatsii migrantov i primayushchego naseleniya* [Religiousness and acculturation strategies of migrants and the accepting population]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual Problems of Psychological Knowledge]. No. 4(33), pp. 35–46.

Eraliev, S. (2018). Growing religiosity among Central Asian migrants in Russia. *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. Vol. 10, pp. 137–150. Available at: http://japan.tsukuba.ac.jp/research/JIAJS10_ONLINE01_Eraliev.pdf (accessed 05.06.2019).

Galyapina, V.N. and Kholiev, Zh.Zh. (2017). *Rol' identichnosti, etnicheskikh stereotipov i strategiy akkul'turatsii v adaptatsii migrantov iz Sredney Azii v Moskovskom regione* [The role of identity, ethnic stereotypes and acculturation strategies in the adaptation of migrants from Central Asia in the Moscow region]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 13, no. 4, pp. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130402>

Malinowski, B. (2005). *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A scientific theory of culture]. Moscow: OGI Publ., 184 p.

Massey, D.S. and Higgins, M.E. (2011). The effect of immigration on religious belief and practice: a theologizing or alienating experience? *Social Science Research*. Vol. 40, iss. 5, pp. 1371–1389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.04.012>

Mirzamagomedova, I. (2013). *Musul'manka poseschaet Dom Allaha* [Muslim visits the House of Allah]. *Islam.ru: Islamskiy informatsionnyy portal* [Islam.ru: Islamic Information Portal]. Jun. 17. Available at: <http://islam.ru/content/obshestvo/41399> (accessed 26.06.2019).

Olimova, S. and Olimov, M. (2018). Religious institutions and Tajik migrant integration in Russia. The Dialogue of Civilizations Research Institute. *DOC Research Institute*. Feb 21. Available at: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia> (accessed 10.06.2019).

Pavlova, O.S. (2015). *Psikhologiya religii v islamskoy paradigme: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Psychology of religion in the islamic paradigm: the current state and prospects]. *Islam v sovremennoy mire* [Islam in the Modern World]. Vol. 11, no. 4, pp. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222>

Perepelkin, L.S. and Stelmakh, V.G. (2010). *Chelovek veruyuschiy: religiya i identichnost'* [Man is a believer: religion and identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii. T. IV: Chelovek v poiskakh identichnosti* [Issues of Social Theory. Vol. IV: Man in Search of Identity]. Moscow: Independent Institute of Civil Society Publ., pp. 373–395.

Roche, S. (2014). *Rol' islama v zhizni tsentral'no-aziatskikh migrantov v Moskve*. *CERIA. Analiticheskii obzor No. 2* [The role of Islam in the lives of Central Asian migrants in Moscow. CERIA: Analytical Review No. 2]. Central Asia Program Series, Oct. 20. Available at: <https://centralasiaprogram.org/archives/7867> (accessed 05.06.2019).

Starostin, A.N. (2016). *Religioznye praktiki migrantov iz Tsentral'noy Azii v ural'skom megapolise* [Religious practices of migrants from Central Asia in the Ural megalopolis]. *Etnopanorama* [Etnopanorama]. No. 1–2, pp. 46–55.

Turaeva, R. (2018). Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow. *Asian Ethnicity*. Vol. 20, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>

Received 28.08.2019

Об авторе

Могильчак Елена Львовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры прикладной социологии
департамент политологии и социологии
Уральского гуманитарного института

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6457-233x>

About the author

Elena L. Mogilchak

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Applied Sociology,
Department of Political Science and Sociology
of Ural Humanitarian Institute

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russia;
e-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6457-233x>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Могильчак Е.Л. Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 620–631.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631

For citation:

Mogilchak E.L. [Religiousness of migrants from Central Asia in a large city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 620–631 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631

СОБЫТИЯ

УДК 159.9(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-632-635

К ЮБИЛЕЮ БРОНИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЯТКИНА

*Попова Татьяна Ананьевна, Жданова Светлана Юрьевна,
Внутских Александр Юрьевич*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Представлены сведения о научно-исследовательской, учебной и организаторской деятельности доктора психологических наук, члена-корреспондента Российской Академии Образования, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Б.А. Вяткина.

Ключевые слова: Б.А. Вяткин, творческая биография.

TO JUBILEE OF BRONISLAV ALEKSANDROVICH VYATKIN

Tatiana A. Popova, Svetlana Yu. Zhdanova, Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University

The review of teaching, scientific, and organizing activity of Doctor of Psychology, of Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honoured Worker of Science of Russian Federation, Professor B.A. Vyatkin is presented.

Keywords: B.A. Vyatkin, creative biography.

13 января 2020 г. исполняется 85 лет Брониславу Александровичу Вяткину, доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту

Российской Академии Образования, заслуженному деятелю науки РФ, отличнику народного просвещения, вся жизнь которого неразрывно связана с психологией. Его судьба и путь в науку складывались удивительным образом.

В 1954 г. в Пермь (в те годы Молотов) из Казани переезжает Вольф Соломонович Мерлин и возглавляет кафедру общей психологии в педагогическом институте. На кафедре тогда работает молодой преподаватель психологии, Иосиф Маркович Палей, выпускник психологического отделения философского факультета ЛГУ. Именно у И.М. Палея, ставшего позже доктором психологических наук, профессором ЛГУ, известным специалистом в области психофизиологии, дифференциальной психологии и психологии личности, а в те годы одного из первых аспирантов В.С. Мерлина, студент Вяткин слушал лекции по психологии.

После окончания факультета физического воспитания и спорта в 1958 г. Бронислав Александрович служит в армии, работает в школе учителем физкультуры. Через три года, в 1961 году он получает приглашение в аспирантуру по специальности «Психология». И настоял на этом именно Иосиф Маркович, хорошо запомнив способного студента и рекомендовав его профессору В.С. Мерлину.

Бронислав Александрович не случайно называет И.М. Палея человеком, определившим его научную судьбу. Уже в 1965 г. в Ленинградском государственном университете (председателем Диссертационного совета был академик Б.Г. Ананьев, основатель Ленинградской психологической школы) Бронислав Александрович защищает кандидатскую диссертацию на тему «Типологические различия во влиянии подвижных игр на некоторые качественные особенности двигательной деятельности старших школьников», выполненную под научным руководством В.С. Мерлина, и продолжает работу в ПГПИ в должности старшего преподавателя, затем — доцента. В 1981 г. в НИИ ОПП СССР Бронислав Александрович защищает уже докторскую диссертацию на тему «Влияние психического напряжения на деятельность в спорте и управление им в зависимости от особенностей личности». Интересно, что название работы, представленной в Диссертационный Совет для защиты, было поначалу другим. Диссертация называлась «Влияние стресса на деятельность в спорте и управление им в зависимости от особенностей индивидуальности человека». Но кому-то в НИИ ОПП это название не понравилось, смутило слово «индивидуальность». Стоял вопрос о не допуске работы к защите, если название не будет изменено. Докторант утверждал, что «высшие уровни свойств индивидуальности (социальный статус, мотивы и отношения личности) оказывают наиболее значительное влияние на происхождение и динамику стресса, а зависимость влияния стресса от условий более низких иерархических уровней (нейро- и психодинамики) определяется условиями более высокого уровня. Следовательно, система воздействий на спортсмена с целью управления психическим стрессом должна основываться на системе его индивидуальных свойств» [Вяткин Б.А., 2005,

с. 175]. И термин «индивидуальность» был изменен на «личность», хотя предметом исследований дифференциальной психологии является именно индивидуальность человека.

В настоящее время Бронислав Александрович Вяткин считается одним из основателей отечественной дифференциальной спортивной психологии. Его теоретико-экспериментальные исследования психического стресса в спорте получили всеобщее признание. Он принимал участие в подготовке сборных команд СССР по гребле на байдарках и каноэ к XX Олимпийским играм (Мюнхен, 1972 г.), XXI олимпийских играх (Монреаль, 1976 г.), XXII Олимпийских играх (Москва, 1980 г.). В ноябре 1989 г. был членом делегации спортивных психологов СССР, которая посетила США. В сентябре 1991 г. на Европейском конгрессе спортивных психологов Б.А. Вяткин выступает с докладом «Стиль моторной активности в структуре интегральной индивидуальности человека». Отметим, что термин «интегральная индивидуальность» признан европейским психологическим сообществом.

В 1984 г. он получает ученое звание профессора по кафедре «психология», а в 1993 г. избирается членом-корреспондентом Российской академии образования (отделение психологии и возрастной физиологии).

В 1995 г. Бронислав Александрович возглавил кафедру психологии Пермского педагогического института (позже — университета) и организовал научно-исследовательскую работу коллектива кафедры по системному изучению индивидуальности человека. Все эти годы он продолжает развивать идеи своего учителя В.С. Мерлина, его теорию интегральной индивидуальности человека. Теория, развиваясь от системного к полисистемному исследованию индивидуальности, была продолжена в исследованиях индивидуального стиля деятельности и стилей активности (волевой, моторной, коммуникативной, эмоциональной, учебной и др.), в исследованиях метаиндивидуальных характеристик человека, способностей в структуре интегральной индивидуальности. Так сформировалась пермская психологическая школа, школа Мерлина–Вяткина, которую Бронислав Александрович возглавляет на протяжении последних десятилетий. Под руководством Бронисла-

ва Александровича защищено 67 кандидатских и 8 докторских диссертаций по специальности 19.00.01. «Общая психология, психология личности, история психологии».

В 1989 г., благодаря наличию научной школы и неутомимой энергии Бронислава Александровича, в Перми — одном из немногих региональных центров страны — в педагогическом институте был открыт факультет по подготовке психологов для системы образования. Позже открылись филиалы по подготовке практических психологов образования в Чусовом, Осе, пос. Ильинский.

Уровень развития психологической службы образования в Перми и Пермском крае был признан одним из лучших в России. Именно в Перми в сентябре 1995 г. прошел 2-й Всероссийский съезд психологов образования, на котором были проанализированы и определены запросы к психологической службе, определена основная цель ее деятельности — максимальное содействие психическому и личностному развитию ребенка.

С 1989 по 2012 г. Б.А. Вяткин является Председателем Пермского регионального отделения Российского психологического общества. С 1991 по 2000 г. руководит Диссертационным советом по защите кандидатских диссертаций, а с 2001 по 2010 г. — Советом по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Каждый год, начиная с 1986 г., в Пермском педагогическом университете проводятся Всероссийские (с международным участием) Мерлинские чтения, неизменным организатором и председателем которых является Бронислав Александрович.

В 2003 г. он организовал и возглавил Институт психологии ПГГПУ, который является не только центром подготовки психологических кадров, но и центром научных психологических исследований, продолжающих традиции пермской психологической школы и развивающих новые ее направления. Благодаря умению чувствовать «пульс» современной науки, профессиональному опыту, глубоким научным знаниям, верности идеям В.С. Мерлина, Бронислав Александрович успешно выстраивает стратегию научных исследований коллектива ученых Института.

За вклад в развитие психологического образования и развитие Пермской научной психологической школы в 2003 г. Б.А. Вяткин награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», он является отличником народного Просвещения РСФСР.

Способность к генерации идей, широта мышления, талант исследователя, восприимчивость к новому, большие организаторские способности, и в то же время — умение сохранять и творчески развивать научное наследие своего Учителя, продолжая традиции научной школы — качества, которые характеризуют Бронислава Александровича как ученого и педагога.

Коллектив кафедры психологии развития ПГНИУ, Редколлегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», все его многочисленные ученики, последователи и коллеги от всей души поздравляют доктора психологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Бронислава Александровича Вяткина с этой достойной уважения датой и желают крепкого здоровья, научного долголетия и новых успехов на благо отечественной науки!

Список литературы

Вяткин Б.А. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. Пермь: Книжный мир, 2005. 392 с.

Получено 01.11.2019

References

Vjatkin, B.A. (2005). *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya individual'nosti: teoriya, eksperiment, praktika* [Selected psychological research of personality: theory, experiment, practice]. Perm: Knizhniy mir Publ., 392 p.

Received 01.11.2019

Об авторах

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: permtan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6204-3220>

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

About the authors

Tatiana A. Popova

PhD in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: permtan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6204-3220>

Svetlana Yu. Zhdanova

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Попова Т.А., Жданова С.Ю., Внутских А.Ю. К юбилею Бронислава Александровича Вяткина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 632–635.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-632-635

For citation:

Popova T.A., Zhdanova S.Yu., Vnutskikh A.Yu. [To Jubilee of Bronislav Aleksandrovich Vyatkin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 632–635 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-632-635

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

*Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2019 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2019 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Барг Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Замараева Зинаида Петровна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работ и конфликтологии ПГНИУ.

Калугин Алексей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Климова Светлана Мушаиловна — доктор философских наук, профессор Школы философии, заведующая научно-учебной лабораторией трансцендентальной философии НИУ-ВШЭ (Москва).

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Коромыслов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Ламберов Лев Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Лебедева-Несебря Наталья Александровна — доктор социологических наук, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь.

Левченко Елена Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Малкова Елена Вячеславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Нассонов Михаил Сергеевич — кандидат философских наук, и.о. заведующего кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии.

Панов Вячеслав Федорович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики ПГНИУ.

Патырбаева Ксения Вадимовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Полянина Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Поросенков Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и гуманитарных дисциплин Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, ведущий консультант Департамента внутренней политики Администрации Губернатора Пермского края.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Стерледев Роман Константинович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и биоэтики Пермского государственного медицинского университета им. акад. Е.А. Вагнера.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Яковлева Ольга Константиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и I (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...”...”».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка и названия таблицы должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу **не допускаются**. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20 источников**.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «<», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2020 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2020 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	26 марта
в № 2 — до 01 мая	26 июня
в № 3 — до 01 августа	25 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2020.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 26
No 2 May 1	June 26
No 3 August 1	September 25
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2019

Выпуск 4

Редактор *В.А. Филимонова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 23.12.2019
Дата выхода в свет 26.12.2019
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 23
Тираж 500 экз. Заказ 1772

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке